

ЖИЗНЬ БУДДЫ



*Составлено в соответствии с
Палийским каноном,
Подготовка и перевод текстов
Бхиккху Ньянамоли*

ЖИЗНЬ БУДДЫ

Составлено в соответствии с Палийским каноном,

Подготовка и перевод текстов

Бхиккху Ньянамоли

BPS PARIYATTI EDITIONS

Перевод с английского языка с частичной сверкой
с палийским оригиналом Евгения Евмененко.

Дизайн и вёрстка Павел Цветков.

КАЗАНЬ-САНКТ ПЕТЕРБУРГ

2025

Namo tassa bhagavato
arahato sammā sambuddhassa

*Почтение Благословенному, Достойному,
в совершенстве Постигшему*

Sabba-papassa akaranam, kusalassa upasampada,
Sacitta-pariyodapanam; etam buddhana sasanam.

*Воздержание от зла,
Совершение благих деяний,
Очищение своего ума –
Вот учение Будды.*

(Дхмп 183)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список используемых сокращений	5
ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА.....	6
ПРИМЕЧАНИЯ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ.....	6
ВСТУПЛЕНИЕ	8
КАРТА ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ИНДИИ	14
ГОЛОСА.....	15
1. РОЖДЕНИЕ И РАННИЕ ГОДЫ	15
2. БОРЬБА ЗА ПРОБУЖДЕНИЕ	24
3. ПОСЛЕ ДОСТИЖЕНИЯ ПРОБУЖДЕНИЯ.....	43
4. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ДХАММЫ	61
5. ДВА ГЛАВНЫХ УЧЕНИКА.....	83
6. АНАТХАПИНДИКА.....	99
7. ПОЯВЛЕНИЕ САНГХИ МОНАХИНЬ.....	112
8. ССОРА В КОСАМБИ	118
9. КОНЕЦ ПЕРВЫХ ДВАДЦАТИ ЛЕТ	128
10. СРЕДНИЙ ПЕРИОД.....	158
11. ЛИЧНОСТЬ	188
12. УЧЕНИЕ	210
13. ДЭВАДАТТА.....	266
14. ПРЕКЛОННЫЕ ГОДЫ.....	279
15. ПОСЛЕДНИЙ ГОД	292

16. ПЕРВЫЙ СОБОР.....	337
ОБ АВТОРЕ.....	350

Список используемых сокращений

Вин. ВИНАЯ-ПИТАКА

Св. Сутта-вибханга

Прджк. Параджика

Сангх. Сангхадисеса

Пач. Пачиттия

Мх. Махавагга

Чв. Чулавагга

СУТТА-ПИТАКА

ДН. Дигха Никая

МН. Маджхима Никая

СН. Саньютта Никая

АН. Ангуттара Никая

Кхуддака Никая

Кхп. Кхуддака-патха

Уд. Удана

Ити. Итивуттака

СнП. Сутта Нипата.

Дхм. Дхаммапада

Тхаг. Тхерагатха

Ссылки даны на главу (khandaka) и номер раздела Махавагги и Чуллавагги; на правила для других книг Виная-Питаки; на беседы по номеру или по группам и номеру для основных книг Сутта-Питаки; и на номер стихов для Дхаммапады и Тхерагатхи.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Данная книга была составлена на основе работ достопочтенного Ньянамоли бхиккху уже после его смерти. Краткая биография автора представлена в конце книги.

Основной текст был подготовлен самим Ньянамоли бхиккху. Он пометил «Введение» в качестве черновика, а некоторые приложения, упомянутые в книге, не были найдены среди работ автора. Более половины всех текстов (правда, в несколько иной подаче) уже были опубликованы в периодическом буддийском издании «Будда Джаянти» (Коломбо, 1954-1956 гг), которое выходило один раз в две недели.

Для данной версии автор значительно пересмотрел и дополнил свой перевод канонических палийских текстов, добавил оригинальную структуру повествования, а также дополнил её обширным материалом из неканонических источников. Порядок расположения текстов Ньянамоли бхиккху объясняет во вступлении («Голоса»). Помимо этого, он экспериментировал с трактовками ряда доктринальных и иных понятий. Однако в пяти случаях было принято решение вернуться к более ранним версиям перевода в том виде, в котором они появились в «Будда Джаянти», и в его версии «Висуддхимагги». Ссылки на некоторые из немногочисленных изменений сделаны в примечаниях редактора. Как показывают рукописные изменения, автор обнаружил, что некоторые из его новых трактовок не могут последовательно использоваться в разных контекстах, поэтому он в редких случаях предпочитал свои более ранние версии.

Ньянапоника Тхера

Лесная монашеская обитель,
Канди, Цейлон
Сентябрь 1971 года

ПРИМЕЧАНИЯ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

В третьем издании ставшей классической книги Ньянамоли бхиккху «Жизнь Будды» были исправлены несколько незначительных несоответствий в предыдущих версиях перевода, а также мелкие синтаксические ошибки. Кроме того, переводы основных палийских терминов на английский язык были заменены оригиналами, поскольку они стали так хорошо знакомы западной публике, что стали неотъемлемой частью буддийской терминологии.

Так, вместо «Просветлённый» мы стали использовать «Будда» (иногда сохраняя эпитеты для создания особого эффекта); вместо «закона» – «Дхамма»; вместо «сообщества монахов» – «Сангха»; вместо «Прекращения» – «Ниббана». Все примечания были помечены соответствующим образом. Примечания, за которыми следует "Нпл." в скобках, принадлежат Ньянапоника Тхере, а те, за которыми следует "ББ", принадлежат мне. Все остальные принадлежат автору. Новым в данном издании является список источников, который призван помочь изучающим палийские сутты легко находить тексты, которые они раньше встречали в других источниках. Первоначальная основа этого справочника была составлена много лет назад монахом Ньянаадживако, но была расширена, чтобы сделать его как можно более всеобъемлющим.

Бхиккху Бодхи

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОЯЗЫЧНОМУ ИЗДАНИЮ

Книга «Жизнь Будды» представляет собой выдающееся произведение буддийской литературы, соединяющее в себе сразу два аспекта: биографическую хронологию жизни Будды Готамы как исторического персонажа, — и сущность и сердцевину его Учения (Дхаммы), основные постулаты которого автор книги органично вплетает в общую канву повествования. Таким образом, русскоязычный читатель имеет уникальную возможность знакомства с каноническими текстами буддизма Тхеравады из палийских источников, касающихся и жизни Будды, и Дхаммы, открытой им миру.

Как подчёркивает автор, ранние палийские тексты представляют весьма скупой материал для жизнеописания Будды и основных вех его жизни, а многие ставшие известными в буддийских кругах биографические истории, на самом деле, являются поздними добавлениями, не имеющими подтверждений в первоисточниках.

Ньянамоли Бхиккху провёл скрупулёзное и очень глубокое исследование, стараясь воссоздать настоящую биографию Будды с момента оставления им родительского дворца в 29 лет — до его смерти (достижения окончательной Ниббаны без остатка) в возрасте 80 лет.

«Жизнь Будды» знакомит читателя с основными постулатами буддийского Учения — с четырьмя благородными истинами, тремя характеристиками бытия, законом зависимого возникновения.

Данное электронное издание отличается от вышедшего в издательстве «Ганга» печатного издания той же книги по причине разногласий меня как переводчика — с редакторскими правками от издательства. Причина разногласий заключалась в том,

что я считаю необходимым сверяться с палийским оригиналом (я изучала пали в буддийской академии на Шри-Ланке), а не просто переводить особо важные термины с английского языка, используя прямые кальки, тем более, порой весьма устаревшие вроде: «первая медитация» вместо давно привычного для русских буддистов: «первая джхана». В данном случае редактор книги настаивал на необходимости дословного перевода с английского языка.

Так или иначе, у русскоязычных буддистов появилась, таким образом, возможность сравнить два подхода к переводам классических ранних текстов, что, возможно, станет стимулом к дальнейшему созданию единого словаря главных буддийских терминов для их единообразного перевода и более или менее серьёзного лингвистического подхода вместо простого копирования английских переводов, которые, разумеется, остаются для нас базовой основой по той причине, что на Западе уже была проведена тщательная научная работа с палийскими первоисточниками, которая, к сожалению, практически не была даже начата в нашей стране. Нам предстоит долгий путь к осмыслению каждого из буддийских понятий и определений, что не должно, на мой взгляд, ограничиваться механическим копированием английских переводов, но обязано включать индивидуальный подход с анализом этимологии палийских слов, поиском наилучших русских аналогов, либо же оставления оригинала в качестве заимствования в случае отсутствия адекватных синонимов в нашем языке. Без этой работы мы будем обречены довольствоваться «вторичным продуктом», ограничивающим наши возможности полноценного понимания Учения Будды, как в случае с одним из важнейших его понятий: меттой, или доброжелательностью (дружелюбием), образованным от палийского слова «митта» (друг), но переведённого на русский крайне неудачной английской калькой «любящая доброта», не дающей читателю представления о том, что это на самом деле такое. Подобные кальки не оставляют отклика в сердце, но лишь веют шаблонным, автоматическим подходом к переводам текстов замечательной глубины, которая, увы, порой полностью ускользает от русскоязычного читателя.

Распространение данной электронной версии книги Ньянамоли Бхиккху «Жизнь Будды» является согласованным с издательством «Ганга», поэтому её можно публиковать в сети интернет с некоммерческими целями и — во благо всех тех, кто искренне интересуется Учением Будды.

Евгения Евмененко

ВСТУПЛЕНИЕ

Сколь мало европейская общественность в XVIII веке знала о Будде и его Учении, было показано Эдвардом Гиббоном в его работе «Упадок и конец Римской империи», где он писал об «идоле Фо», культ которого якобы превалирует среди разных сект в Индостане, Тибете, Японии, Китае и Сиаме. Он добавлял, что: «Этот таинственный предмет всё ещё затерян в облаке, которое исследования азиатской культуры могут постепенно развеять».

При этом, большое количество достоверной информации действительно пришло в Европу с Востока, но не было опубликовано, оставшись в виде рукописей, затерянных в библиотеках. Так, миссионер Ипполито Дезидери привёз в начале XVIII века из Тибета подробный текст о жизни Будды и о его Учении, однако текст оставался не опубликованным в течение двухсот лет. С остальными текстами дело обстояло подобным образом.

В XXI веке «облако тайны» над биографией исторического Будды стало вроде бы рассеиваться, однако – лишь для того, чтобы смениться другим облаком: уже пыльным, состоящим из споров учёных, вследствие чего начавшаяся было открываться биография оказалась закрытой вновь. Так или иначе, на рубеже того столетия сама историческая личность Будды перестала подвергаться сомнению, а ряд фактов были установлены на основе достоверных текстов. Из этого огромного массива текстов именно Палийский канон (или Типитака) считается наиболее древним по сравнению с текстами на санскрите (хотя некоторые санскритологи не согласны с этим).

Рис Дэвидс, английский учёный, основатель «Общества палийских текстов», немногим более, чем через столетие после Гиббона, написал: «Если помнить о том, что Будда Готама не оставил после себя ряд глубоких высказываний, из которых его последователи впоследствии создали свою собственную систему или системы, но сам скрупулёзно разработал свое учение в основных чертах даже до начала своей миссии (до малейших деталей – позднее); что в течение его долгой карьеры наставника у него было достаточно времени, чтобы вновь и вновь повторять принципы и детали своего учения для своих приверженцев и проверять их знания о ней; и, наконец, что его главные ученики были, как и он сам, привыкшими к тончайшим метафизическим различиям и обученными впечатляющему владению памятью, чем тогда обладали индийские аскеты; когда эти факты будут припомнены, станет очевидно, что гораздо разумнее полагаться на доктринальные части буддийских текстов, чем на соответствующие поздние записи других религий».

Европейская литература по истории буддизма, по его доктрине и текстам, чрезвычайно обширна в настоящее время. При этом, если в отношении истории и литературы особенных разногласий не существует, этого нельзя сказать о самом

буддийском Учении. Можно заметить огромное количество попыток убедить публику, что буддизм проповедует уничтожение личности или её вечное существование; что он негативистичный, позитивистский, атеистический, теистический, или вообще непоследовательный; что это реформированная Веданта, или гуманизм, пессимизм, абсолютизм, плюрализм, монизм, философия, религия, этическая система, в общем, всё, что только можно себе представить. Русский востоковед Ф.И. Щербатской в 1920 году высказался так (эти слова актуальны и до сих пор): «Научное исследование буддизма в Европе началось сто лет назад, однако мы до сих пор пребываем в неведении относительно фундаментальных постулатов этой религии и её философии. Можно твёрдо утверждать, что никакая иная религия ещё не была столь неподатлива к чётким формулировкам».

Все книги палийской Типитаки, содержащие исторические события и беседы, составлены в форме антологий. Виная-Питака (корзина монашеской дисциплины) состоит из свода правил и предписаний нравственности (порой – очень длинных) для монахов и монахинь, каждое из которых было дано в определённом контексте и в связи с теми или иными конкретными событиями.

Сутта-Питака (корзина бесед Будды или его главных учеников) содержит множество сгруппированных вместе под разными названиями бесед, которые, однако, никак не связаны с историей как таковой (история ради истории вообще мало интересовала Индию). Таким образом, последовательный хронологический анализ биографии Будды может быть собран только по отрывкам, взятых из обеих корзин. Виная-Питака и Сутта-Питака сами по себе являются богатейшим источником исторического материала, по своей простоте резко контрастирующим с поздними текстами на буддийскую тему, изобилующими богато украшенными историями (например, санскритская «Лалита-вистара», вдохновившая английского поэта Эдвина Арнольда на написание книги «Свет Азии»; или менее известные комментарии Ачарии Буддагосы на палийские джатаки – истории о прошлых жизнях Будды). В сравнении с ними, отчёт о периоде до Пробуждения Будды кажется таким же изящным и отполированным, как рапира, пламя свечи или необработанный слоновий бивень.

При составлении данной книги был включён весь канонический материал (за исключением «Буддавамсы»), относящийся к периоду от рождения Будды Готамы — до второго года после достижения им Ниббаны, и последний год, который является практически всей хронологией, предусмотренной самим Палийским каноном.

Хронологическую последовательность, предложенную в Типитаке, было решено поставить здесь на первое место.

Следующим по авторитетности палийским источником (о его надёжности мне самому судить сложно) являются комментарии Ачарии Буддагхосы (V в. н.э.), который описывает гораздо больше канонических историй по порядку, вплоть до двадцатого года после Пробуждения, добавляя различные детали, а также историю Дэвадатты (двоюродного брата Будды). Там также включён ряд неканонических историй, которые не приведены в данной книге.

Наконец, существует поздняя бирманская работа «Маланкараваттху» (Mālānkāravatthu"), предположительно, созданная в XV веке и переведённая на английский язык епископом Биганде, под названием «История бирманского Будды». Она упоминает о ещё нескольких канонических событиях, однако, судя по всему, не имеет реального исторического авторитета и использовалась нами только ввиду отсутствия других свидетельств.

Таковы три источника для упорядочивания тех историй и фактов, которые содержатся в Типитаке. Другие канонические события, представляющие особый интерес, хотя и не подлежащие датировке, также были включены нами в главу «Средний период». Несколько инцидентов, в особенности, смерть царей Бимбисары и Пасенади, о которых рассказывают лишь канонические комментарии, также были добавлены с указанием источников, потому что они важны для завершения отдельных картин.

Основная цель данного труда состояла в том, чтобы включить все важные события с максимально полным, по возможности, освещением: вплоть до двадцатого года после Пробуждения и последнего года жизни Будды. Главы 9 и 10, по сути, составлены из череды разных эпизодов. Глава 11 посвящена описанию личности Будды. При этом, вопрос «личности» как таковой в буддийском смысле – это тема, имеющая центральное значение в учении, поэтому в главе 12 («Учение») речь пойдёт о разборе сути данного вопроса и того, что подразумевается под этим. В главе 12 основные элементы буддийского Учения были сведены воедино примерно в том же порядке, в котором они присутствуют в суттах. Никаких попыток толкования событий не предпринималось (см. ниже параграф о «переводе»), скорее, материал был составлен таким образом, чтобы помочь читателю сделать свои собственные выводы. Стереотипное восприятие может привести к тому или иному неверному метафизическому воззрению, которые сам Будда предельно детально объяснял и разбирал.

Если глава 12 покажется вам неуместной, прочтите последние слова домохозяина Анатхапиндики («глава 6»), либо просто пропустите её, не читая.

Пали – это язык, литература на котором очень обширна, но полностью посвящена только одной тематике – Учению Будды. Пали не похож ни на буддийский санскрит, ни на церковную латынь – факт, который придаёт ему особую ясность, не имеющую

аналогов в Европе. Он принадлежит к индоевропейской языковой группе и тесно связан с санскритом, хотя имеет другое происхождение и другой, особенный, колорит. Сам стиль сутт отличается практичной простотой вкупе с идиоматическим богатством, что делает их отлично отточенным орудием слова, при этом весьма трудным для перевода. Помимо этой сложности, существует и другая, заключающаяся в обилии дословных повторов одних и тех же фраз, предложений и целых отрывков, которые повторяются вновь и вновь. Эта особенность, по всей видимости, связана с тем, что данные тексты были предназначены для декламации (мы в Европе привыкли к формальным повторениям симфонической музыки в концертном зале, и даже к повторам в поэзии, но в прозе для нас это выглядит необычно).

Для читателя, не привыкшему к палийским повторам, сутты в печатном виде могут показаться нечитаемыми. По этой причине в данной книге повторы были в основном пропущены при помощи различных приёмов, хотя я старался сохранить оригинальную архитектуру бесед, являющуюся одной из ярких характеристик наставлений Будды. Некоторые повторы всё же были сохранены по принципу «открытия знакомого», и они остались дословными на английском, как в палийском оригинале.

Ключевыми задачами для перевода были две – это сохранение его точности (буквальности), и сохранение его идиоматичности. Эти две цели было непросто согласовать между собой, потому что любой перевод неизбежно подразумевает некоторое смысловое искажение. Огромное внимание было уделено последовательному переводу технических терминов (избегая «элегантных вариаций»). Палийские термины будут сопоставлены с английскими аналогами в справочнике.

Английские варианты перевода были сделаны с большой тщательностью, чтобы содействовать вдумчивому рассмотрению материала, подходящего для изучения онтологии, теории восприятия и познания, как это имманентно присуще палийским суттам (и не случайно, как это могло показаться).

В некоторых случаях толкование значений слов в комментариях расходится с тем, что предлагает словарь «Общества палийских текстов». После рассмотрения предпочтение было отдано первому источнику. Наиболее важные несоответствия рассматриваются в примечаниях.

Произношение слов и имён на языке пали не составит сложности, если следовать простым правилам. [Далее автор приводит примеры кратких и долгих гласных в английском языке. Однако в русском языке оппозиция долгий - краткий для гласных отсутствует. «G» произносится как «г» (всегда), «c» – как «ч» (всегда), «j» – как «дж» (всегда), «n» – как «н»; согласные т д н л с точкой внизу – с языком на нёбе,

без точки – с языком, прижатым к верхним зубам, ꞥ – как «н», «х» всегда отдельно, тх – как «х», двойные согласные всегда раздельно, как в итальянском, и т.д. Все остальные произносятся так же, как в английском. Буквы "о" и "е" всегда содержат ударение, например, «Пасенади из Косалы», в противном случае ударение всегда падает на долгую гласную].

Наконец, скажу несколько слов о форме этой книги. Форма "трансляции" (не предназначенной для трансляции) напращивалась самими текстами, которые, как уже было сказано, первоначально были прочитаны устно.

Сама Виная-Питака предполагает наличие «голосов» (см. главу 16 и список рассказчиков, предшествующие гл. 1), каждый из которых цитировал Палийский канон во время Собора. Два "рассказчика" – это два участника. В отличие от того, что должны сказать "голоса", части "рассказчиков" были тщательно сглажены по стилю, а также являются максимально короткими по длине.

Бхиккху Ньянамоли

КАРТА ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ИНДИИ



Карта центральной и восточной Индии, показывающая некоторые из основных мест, упомянутых в палийской Типитакке, с современными названиями в скобках. Источник – Cambridge History of India. Vol 1 Map 5, T.W. Rhys Davids, Buddhist India.

ГОЛОСА

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Комментатор или составитель текстов, живущий в наши дни, который представляет других, будучи беспристрастным наблюдателем, имеющим общие знания о происходящем.

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Комментатор, который обладает исторической и традиционной информацией, содержащейся только в средневековых палийских комментариях (в основном в комментариях Ачарии Буддагхосы V века). Его предназначение заключается в том, чтобы предоставить минимальное количество подобного материала, необходимого для понимания исторического контекста, а также в резюмировании частей самого Канона.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Голос достопочтенного Ананды, ученика и помощника Будды, который обладал уникальной памятью и произнёс все сутты на Первом буддийском собрании в Раджагахе, спустя три месяца после смерти и окончательной Ниббаны Будды.

ВТОРОЙ ГОЛОС. Голос достопочтенного Упали, ученика Будды, который произнёс все тексты Винаи-Питаки на Первом собрании.

ТРЕТИЙ ГОЛОС. Рассказчик о событиях, которые произошли во время или после Первого буддийского собрания. Он появляется только в главе 16 и представляет члена Второго собрания, состоявшегося через сто лет после окончательного Ниббаны Будды.

ДЕКЛАМАТОР. Тот, кто произносит в поэтической форме краткие поэмы или гимны в Каноне, не начинающиеся с традиционных слов достопочтенного Ананды «Так я слышал»; или с тех, которые были включены в Винаю-питаку).

1. РОЖДЕНИЕ И РАННИЕ ГОДЫ

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Индийская история фактически начинается с истории жизни Будды Готамы; точнее, можно сказать, что летописная история заменяет археологию и легенды, потому что тексты об истории жизни Будды и о его Учении являются самыми ранними историческими текстами, открывающими нам высокоразвитую и стабильную цивилизацию, которая могла стать таковой лишь после долгого периода развития. Будда достиг Ниббаны в Урувеле, долине Ганги, которая называлась тогда «Срединной страной». Если подсчитать размеры тогдашней Индии, это было не так далеко от священного города Бенареса (ныне – Варанаси). Борьба Бодхисатты (будущего Будды) за достижение Ниббаны продлилась около шести лет. Он достиг Ниббаны в возрасте тридцати пяти лет, после чего в течение сорока пяти лет странствовал по Индии, подробно наставляя всех желающих слушать – четырёх благородным истинам, открытыми им. Он умер, обретя окончательную Ниббану, в майское полнолуние в 483 до н.э. (согласно

современным европейским данным). Время, в которое прошла жизнь Будды, в политическом плане отличалось, судя по всему, удивительным спокойствием и устойчивостью, что резко констатирует с тем, что было «до» и «после».

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Спустя три месяца после окончательной Ниббаны Будды пятьсот монахов-старейшин решили собрать Собор, чтобы утвердить форму, в которой буддийское наследие должно передаваться следующим поколениям. Все эти пятьсот монахов были арахантами (пробуждёнными). Первенство в знании монашеской дисциплины принадлежало достопочтенному Упали. В мирской жизни он был брадобреем и ушёл в монашество вместе с двоюродным братом Будды Анандой. Ему выпала роль продекламировать на Соборе свод правил дисциплины вместе с описанием тех обстоятельств, которые вызвали их появление. На основе декламаций достопочтенного Упали и была создана фундаментальная часть Винаи-питаки.

После этого монахи пригласили достопочтенного Ананду произнести свою речь, то есть продекламировать все беседы Будды и его главных учеников. В течение четверти века Ананда верно служил Будде, а одним из его выдающихся качеств была удивительная память. Почти все беседы в Сутта-питаке стали известны нам благодаря ему. Если достопочтенный Упали начинал рассказ со слов: «*Tena samāyena*» (был такой случай), то достопочтенный Ананда предпочитал начинать с «*Evaṃ me sutam*» («Так я слышал») и описания, где именно происходила та или иная беседа, и кто в ней участвовал.

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Данное повествование о жизни Будды было взято из Сутта-питаки и Виная-питаки. Каким именно образом они сохранились до наших дней – это отдельная тема, а мы начнём историю о последнем рождении Будды Готамы, рассказанную им самим и озвученную на Первом соборе достопочтенным Анандой.

Язык, на котором была передана история – это язык самого Будды, называемый пали.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Так я слышал. Однажды Благословенный¹ пребывал в Саваттхи в роще Джеты, в парке Анатхапиндики. Бхиккху², вернувшиеся со сбора подаяния,

¹ Слово «*Bhagavan*» мы переводим, как «Благословенный». Его буквальный перевод не представляется возможным. Ачария Буддагоса в его знаменитом труде «Висуддхимагга» предлагает целый спектр значений этого слова.

² В книге мы используем и оригинальное палийское слово «бхиккху» (санскр.- «бхикшу»), так и слово «монах». Помимо буквального значения (*bhikkhā* - «милостыня, подаяние», соответственно, бхиккху – это тот, кто живёт на подаяние), есть и более литературное значение: «Видящий опасность и страх в круговороте перерождений» (*saṃsāre bhayaṃ ikkhati ti bhikkhu*). Бхиккху является полноправным членом буддийской монашеской общины (Сангхи), чьё посвящение предполагает соблюдение им монашеских правил.

после принятия пищи встретились в зале для собраний, и такой разговор завязался между ними:

— Это удивительно, друзья, это чудесно, сколь Татхагата велик и могуществен. Он способен знать о буддах прошлого, достигших окончательной Ниббаны, распутавших все хитросплетения, оборвавших круговорот, покончивших с кружением и преодолевших все страдания, — что рождение этих благословенных было таким-то, их имена были такими-то, их происхождение было таким-то, их нравственность была такой-то, их созерцание было таким-то, их мудрость была такой-то, их уединённое пребывание было таким-то, их Освобождение было таким-то.

Когда это было сказано, достопочтенный Ананда произнёс:

— Друзья, татхагаты превосходны и обладают превосходными качествами. Татхагаты чудесны и имеют чудесные качества.

Однако эта беседа вскоре была прервана. Благословенный, оставив созерцание, появился вечером в зале для собраний и воссел на приготовленное для него сиденье. Он обратился к монахам с вопросом:

— Бхиккху, для какой беседы вы собрались здесь прямо сейчас? И о чём вы говорили, пока вас не прервали?

— Достопочтенный, вернувшись со сбора подаяний, мы после принятия пищи встретились в этом зале для собраний, и такой разговор завязался между нами: «Это удивительно, друзья, это чудесно, сколь Татхагата велик и могуществен... их Освобождение было таким-то». Когда это было сказано, достопочтенный Ананда сказал нам: «Друзья, татхагаты превосходны и обладают превосходными качествами. Татхагаты чудесны и имеют чудесные качества». Такова была наша беседа, достопочтенный, которая была прервана с Вашим появлением.

Тогда Благословенный обратился к достопочтенному Ананде: «Если так, Ананда, то поведай монахам о превосходных и чудесных качествах Татхагаты более подробно».

— Я услышал из уст самого Благословенного и выучил это так: «В совершенном памятовании и ясном постижении Бодхисатта возникает на небесах Тусита³».

³ Буддийская космология описывает, в частности, целый ряд божественных миров. Так, обитатели шести райских миров наслаждаются всеми видами чувственных удовольствий; над ними располагаются двенадцать обителей Брахмы, где отсутствует чувственное вожделение (оно может проявиться в существах, но уже после низвержения из мира Брахмы), способности обоняния, осязания и вкуса, а также разделение на мужской и женский пол. Состояние существ мира Брахмы соответствует состоянию четырёх медитативных погружений ума (джхан), которые практиковались ими ещё в человеческом мире. Помимо этого обители Брахмы включают так называемые нематериальные сферы, то есть состояния, лишённые материальности (четыре нематериальные джханы), — они являются аналогами четырёх нематериальных медитативных достижений, в честь которых они и названы: основанные на безграничности пространства, основанные на безграничности сознания, основанные на отсутствии всего и основанные на ни-восприятии-ни-невосприятии. Таким

Совершенное памятование и ясное постижение, с которым Бодхисатта возникает на небесах Тусита, я запомнил как превосходное и чудесное качество Благословенного.

— Я услышал из уст самого Благословенного и выучил это так: «В совершенном памятовании и ясном постижении Бодхисатта пребывает на небесах Тусита». Это я тоже запомнил как превосходное и чудесное качество Благословенного».

— Я услышал из уст самого Благословенного и выучил это так: «Бодхисатта пребывает на небесах Тусита на всём протяжении своей жизни». Это я тоже запомнил как превосходное и чудесное качество Благословенного.

— Я услышал из уст самого Благословенного и выучил это так: «В совершенном памятовании и ясном постижении Бодхисатта покидает небеса Тусита и нисходит в материнское лоно». Это я тоже запомнил как превосходное и чудесное качество Благословенного.

— Я услышал из уст самого Благословенного и выучил это так: «Когда Бодхисатта покидает небеса Тусита и нисходит в материнское лоно, неизмеримое великое сияние, превосходящее божественное, озаряет весь этот мир с его дэвами, Марой и Брахмой, с отшельниками и брахманами, с божествами и людьми⁴. Это ослепительное сияние, затмевающее божественное, проникает даже в те отдалённые, лишённые света солнца и луны, мрачные, объятые тьмой пространства Вселенной. Существа, рождённые в них, получают возможность увидеть друг друга и восклицают: «Поистине, другие существа родились здесь!» Вся система десяти тысяч миров вдруг дрожит, трепещет, содрогается, и вновь неизмеримое великое сияние, превосходящее божественное, озаряет весь этот мир». Это я тоже запомнил как превосходное и чудесное качество Благословенного.

— Я услышал из уст самого Благословенного и выучил это так: «Когда Бодхисатта нисходит в материнское лоно, четыре юных дэвы появляются, чтобы охранять его во всех четырёх направлениях, дабы ни люди, ни нечеловеческие существа, ни кто-либо ещё, не могли бы причинить вред Бодхисатте или его матери». Это я тоже запомнил как превосходное и чудесное качество Благословенного.

— Я услышал из уст самого Благословенного и выучил это так: «Когда Бодхисатта нисходит в лоно матери, она становится безупречно добродетельной, воздерживаясь от отнятия чужой жизни, от взятия того, что не дано, от нецеломудрия, от лживой речи, от опьяняющих напитков, являющихся основой для беспечности». Это я тоже запомнил как превосходное и чудесное качество Благословенного.

образом, буддийский космос подразделяется на три обширные области: чувственную сферу (kāmadhātu), сферу форм (rūpadhātu) и сферу без форм (arūpadhātu).

⁴ На пали это звучит, как «*sadevamanussānaṃ*», причём некоторые комментарии утверждают, что здесь имеются в виду не дэвы, живущие на небесах, а царские особы.

— Я услышал из уст самого Благословенного и выучил это так: «Когда Бодхисатта нисходит в материнское лоно, ни одной мысли, связанной со страстью; ни одной мысли, связанной с вождением к мужчинам, не приходит ей на ум».

«Когда Бодхисатта нисходит в материнское лоно, она наслаждается всеми пятью нитями чувственных услад, будучи наделённой ими всё это время».

— Я услышал из уст самого Благословенного и выучил это так: «Когда Бодхисатта нисходит в материнское лоно, никакой болезненности или хвори не может возникнуть у неё. Словно бы голубая, жёлтая, красная или коричневая нить, были бы нанизаны на драгоценный берилл: безупречную, восьмигранную драгоценность, прекрасно обработанную, так что человек, обладающий хорошим зрением, мог бы сказать: «Это драгоценный берилл, на который нанизаны голубая, жёлтая, красная или коричневая нити», — так и мать Бодхисатты видит его в своём чреве абсолютно ясно».

«Спустя ровно семь дней после рождения Бодхисатты его мать умирает и возрождается на небесах Тусита».

— Я услышал из уст самого Благословенного и выучил это так: «Другие женщины рожают детей, вынашивая их девять или десять месяцев в утробе, но не мать Бодхисатты. Мать Бодхисатты рождает его, выносив в утробе ровно десять месяцев». Это я тоже запомнил как превосходное и чудесное качество Благословенного.

— Я услышал из уст самого Благословенного и выучил это так: «Другие женщины рожают детей в положении сидя или лёжа, но не мать Бодхисатты. Мать Бодхисатты рождает его стоя». Это я тоже запомнил как превосходное и чудесное качество Благословенного.

— Я услышал из уст самого Благословенного и выучил это так: «Когда Бодхисатта покидает лоно матери, первыми его принимают дэвы, а не люди». Это я тоже запомнил как превосходное и чудесное качество Благословенного.

— Я услышал из уст самого Благословенного и выучил это так: «Когда Бодхисатта покидает лоно матери, он не касается земли. Четыре юных дэвы берут его и передают матери со словами: „Возрадуйся, о царица! Сын, обладающий великим могуществом, родился у тебя“. Это я тоже запомнил как превосходное и чудесное качество Благословенного».

— Я услышал из уст самого Благословенного и выучил это так: «Когда Бодхисатта покидает лоно матери, он выходит на свет, не запятанный ни водой, ни кровью, ни слезью, ни другими нечистотами, чистый и незапятанный. Если на изысканную ткань положить драгоценный камень, то ни камень не испачкает ткань, ни ткань — камень. Почему так? Потому что они оба чисты. Так и когда Бодхисатта покидает лоно матери... чистый и незапятанный». Это я тоже запомнил как превосходное и чудесное качество Благословенного.

— Я услышал из уст самого Благословенного и выучил это так: «Когда Бодхисатта покидает лоно матери, с небес начинают щедро проливаться две струи воды для омовения Бодхисатты и его матери: одна тёплая и одна прохладная». Это я тоже запомнил как превосходное и чудесное качество Благословенного.

— Я услышал из уст самого Благословенного и выучил это так: «Когда Бодхисатта рождается, он твёрдо встаёт на ноги и делает семь шагов на север, укрываемый опахалом, которое держат над ним. Он обзревает каждую из сторон света и произносит слова Вожака стаи: „Я есть высшее в этом мире; я есть лучшее в этом мире; я первый в этом мире. Это моё последнее рождение, и для меня больше не будет нового существования“. Это я тоже запомнил как превосходное и чудесное качество Благословенного.

— Я услышал из уст самого Благословенного и выучил это так: «Когда Бодхисатта покидает лоно матери, неизмеримое великое сияние, превосходящее божественное, озаряет весь этот мир с его дэвами, Марой и Брахмой, с отшельниками и брахманами, с божествами и людьми. Это ослепительное сияние, затмевающее божественное, проникает даже в те отдалённые, лишённые света солнца и луны, мрачные, объятые тьмой пространства Вселенной. Существа, рождённые в них, получают возможность увидеть друг друга и восклицают: „Поистине, другие существа родились здесь!“. Вся система десяти тысяч миров вдруг дрожит, трепещет, содрогается, и вновь неизмеримое сияние, превосходящее божественное, озаряет весь этот мир». Это я тоже запомнил как превосходное и чудесное качество Благословенного.

— Так это, Ананда, так оно. Запомни ещё одно превосходное и чудесное качество Татхагаты. Татхагата познаёт чувства по мере того как они возникают, длятся и исчезают. Татхагата познаёт восприятие по мере того как оно возникает, длится и исчезает. Татхагата познаёт мысли по мере того как они возникают, длятся и исчезают. Ананда, запомни это тоже как превосходное и чудесное качество Татхагаты.

— Достопочтенный, поскольку Татхагата познаёт чувства по мере того как они возникают, длятся и исчезают; Татхагата познаёт восприятие по мере того как оно возникает, длится и исчезает; Татхагата познаёт мысли по мере того как они возникают, длятся и исчезают, — то это тоже я запомню как превосходное и чудесное качество Татхагаты.

Так сказал достопочтенный Ананда. Учитель одобрил. Монахи были довольны и обрадованы его словами.

(МН 123: «Аччария-абхутта сутта»).

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Гимн о том, как брахман, обладающий даром провидения (из варны жрецов), предсказывает грядущее Пробуждение Благословенного.

ДЕКЛАМАТОР:

Мудрец Асита, пребывая в созерцании дневном,
Божеств из собранья Тридцати узрел,
Восторженных, сияющих от счастья, в белые одеянья облачённых,
Размахивающих флагами, во главе с ликующим Саккой.

Узрев их в столь лучезарном состоянии,
Мудрец выразил своё почтение и спросил:
— Чему ликуют божества,
Отчего взяли флаги и размахивают ими?
Я не припомню такого празднества даже после победы над демонами,
Когда божества одолели их и обратили в бегство!

Что за чудо столь возвеселило их,
Что заставляет петь, танцевать и хлопать в ладоши?
О, обитатели вершин Меру,
Развейте мои сомнения, почтенные!

— В граде сакьев, на землях Лумбини,
Бодхисатта рождён был,
Сокровище мира, равных которому нет!
Во благо людей всех он явлен был,
Как же нам не петь, не танцевать и не светиться?
Высший и лучший средь живых существ,
Он – Бык среди людей,
Тот, кто запустит Дхаммы колесо,
Кто наставлять ей будет мудрецов в обителях лесных,
Рыча львиным рыком царя зверей!

Услышав ту благую весть, Асита немедленно прибыл в дом Суддоханы,
Сев на кушетку, спросил: «Где дитя твоё? Представь его очам моим».

Узрев ребёнка, сияющего, словно золото в горниле мастера искусного,
Прекрасное дитя, подобное созвездию Тельца,
Звёзд повелителя, летящего по небу,

Мудрец возрадовался, увидев,
Как тысячи божеств свои раскрыли опахала с тысячами ободьев,
Невидимые взору;

Мудрец со спутанными волосами, по имени Канхасири⁵,
Узрев дитя, подобному драгоценному камню на парче,
С белым зонтом от солнца, поднятым над его головой,
Принял его, исполнившись восторга и счастья.
Взяв его на руки, отрока рода сакьев,
Толк ведая в знамениях и предсказаниях,
Провозгласил без тени колебанья в сердце:
«Он – высший средь двуногих!»

Затем Мудрец почувствовал печаль,
Припомнив про кончину скорую свою,
Заметив слёзы на его лице, сакьи спросили о судьбе дитяти,
Быть может, тот узрел предвестие дурное?

Ответил им Мудрец, что зла в судьбе дитя не видит:
«Причины для тревоги нет,
Его опасности минуют.
Прорваться он к высшей истине сумеет,
Достигнет бесподобной чистоты,
Во благо многих повернёт Ученья колесо.
О, горе – мне погибнуть суждено до той поры святой!
Вот в чём причина слёз моих и сокрушенья».

Оставив сакьев, что исполнены веселья были,
Вернулся он к подвижничеству,
Наставляя племянника Налаку не упускать своего шанса:
«Когда услышишь ты о достижении Ниббаны
Потомком сакьев,
Припади к его стопам,
Жизнь чистую подле него веди,
Проси о вразумлении его».

⁵ *Kanhasiri* переводится, как «тёмное сияние» (на санскр. аналог *kaṇḥa* – это *krishna*).

Налака, вняв наставленьям сим,
Вёл добродетельную жизнь,
Он ждал, когда Благословенный откроет Дхамму,
Охраняя двери чувств.

Узнав о том, что Дхаммы колесо запущено,
Он прибыл к Победителю и вопрошал его,
О высшей мудрости,
Как Асита завещал ему.

(СнП 3:11)

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. В Типитаке содержится крайне мало информации о детстве и юности Будды (в отличие от более поздней литературы). По сути, подробно рассказывается лишь о двух значимых случаях. Первый произошёл во время праздника урожая, традиционного для начала сезона, во время которого юный царевич отдыхал около дерева розового яблока. Пребывая под его сенью, он вошёл в глубокое медитативное погружение (джхану). Мы ещё будем говорить об этом событии ниже.

Второй случай – это встреча с так называемыми «небесными посланниками»: больным, стариком и мертвецом, описанная в ДН 14 (при этом, описанная в сутте встреча на самом деле произошла с Буддой прошлого по имени Випасси).

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Я рос в роскоши, я был необычайно изнежен, чрезвычайно изнежен. Мой отец поручил сотворить для меня пруды из лилий – лишь ради моего удовольствия. Один пруд изобилдовал цветущими голубыми, второй – белыми, а третий – красными лилиями. Я использовал сандаловое дерево только из Бенареса. Я носил тончайшие одеяния из Бенареса: тюрбаны, рубашки и нижнее бельё. Надо мной день и ночь держали белый навес, дабы ни зной, ни холод, ни пыль, ни песок не могли бы потревожить меня.

У меня было три дворца: один для лета, другой для зимы, а третий – для сезона дождей. Четыре дождливых месяца я жил в третьем дворце, услаждая себя игрой музыкантов, все из которых были женщинами, и не спускаясь в нижние чертоги. В иных домах слуги и помощники довольствовались скудной едой и чечевичной похлёбкой, но в доме моего отца у слуг был всегда белый рис с мясом.

Обладая столь великой силой и благоволением судьбы, я всё же стал раздумывать так: «Заурядный, необученный человек, сам будучи подверженным старению, видит другого, кто уже стал жертвой старения, и испытывает при этом ужас и отвращение, забывая, что и сам находится в такой же ситуации. Однако я сам подвержен

старению, я не избавлен от старения и негоже для меня испытывать ужас и отвращения, видя другого, кто уже стал жертвой старения». Размышляя так, я избавился от своего упоения юностью.

Я подумал: «Заурядный, необученный человек, сам будучи подверженным болезни, видит другого, кто уже стал жертвой болезни, и испытывает при этом ужас и отвращение, забывая, что и сам находится в такой же ситуации. Однако я сам подвержен болезни, я не избавлен от болезни и негоже для меня испытывать ужас и отвращения, видя другого, кто уже стал жертвой болезни». Размышляя так, я избавился от своего упоения здоровьем.

Я подумал: «Заурядный, необученный человек, сам будучи подверженным смерти, видит другого, кто уже стал жертвой смерти, и испытывает при этом ужас и отвращение, забывая, что и сам находится в такой же ситуации. Однако я сам подвержен смерти, я не избавлен от смерти и негоже для меня испытывать ужас и отвращения, видя другого, кто уже стал жертвой смерти». Размышляя так, я избавился от своего упоения жизнью.

(АН 3:38)

2. БОРЬБА ЗА ПРОБУЖДЕНИЕ

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Рассказ об отречении Бодхисатты в Типитаке на удивление немногословен. В канонических текстах отсутствуют подробные детали этого события – они появляются уже в поздних работах о детстве и юности.

Ниже приведены отрывки из нескольких текстов, обращённых к разным слушателям.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Перед моим Пробуждением, когда я был лишь непробуждённым Бодхисаттой, я сам, будучи подверженным рождению, искал то, что также подвержено рождению; будучи подверженным старению, болезням, смерти, печали и загрязнению, я искал то, что также подвержено старению, болезням, смерти, печали и загрязнению. Тогда я стал размышлять: «Отчего я, будучи подверженным рождению, ищу то, что также подвержено рождению; будучи подверженным старению, болезням, смерти, печали и загрязнению, я ищу то, что также подвержено старению, болезням, смерти, печали и загрязнению? Что, если я, подверженный рождению, постигнув угрозу в том, что подвержено рождению, буду искать непревзойдённую защиту от оков, Нерождённое, Ниббану? Что, если я, подверженный старению, болезням, смерти, печали, загрязнению, постигнув угрозу в том, что также подвержено старению, болезням, смерти, печали, загрязнению, буду искать Нестареющее, Не подверженное болезням, Неумирающее, Беспечальное, Незагрязнённое, Непревзойдённую защиту от оков, Ниббану?».

(МН 26)

Перед моим Пробуждением мне пришло на ум: «Жизнь домохозяина исполнена пыли; отшельничество – словно вольные просторы. Будучи домохозяином, нелегко блюсти чистоту, ведя безупречную жизнь, подобную отшлифованной раковине. Отчего бы мне не обрить свои волосы и волосы, не облачиться в жёлтое одеяние и не покинуть родные пенаты во имя бездомного странствования?»

(МН 36)

Будучи молодым, черноволосым юношей, наделённым благословением юности, в самом расцвете лет, несмотря на то что мои отец и мать желали мне иной участи и горько рыдали, утирая потоки слёз, я обрил свои волосы и бороду, облачился в жёлтое одеяние и покинул родной дом ради бездомного странствования.

(МН 26, 36, 85, 100)

ДЕКЛАМАТОР:

Поведаю я вам, как Провидец высший
От мира отрёкся,
Объяснив своё решение тем,
Что жизнь домохозяина пыльна,
В то время как отшельничество –
Словно вольные просторы.

Увидев это, он отрёкся от мирского,
Всё зло в деяниях отринув,
Домашние заботы позади оставил.
Он путь держал в град Раджагаху,
Магадхов крепость,
Отправился за подаянием,
Обладая всеми знаками великого человека.

Там встретил Бимбисару он царя,
Который, узрев его:
Наделённого высшими знаками, покидающего дворец свой;

Воскликнул:
«Узрите!
Сколь величественен сей человек,
Как благостны черты его,
Как совершенен он в манерах и поведении;
Опущены очи, и взор его не бродит,
Он пребывает в памятовании.
Он не из низкого сословия,
Пусть царские гонцы идут ему вослед!»

Гонцы появились и пошли вслед Бодхисатте,
«Каким путём прошествует отшельник?
Какое жилище изберёт он для себя?
Он странствует из дома в дом,
В чувствах усмирённый,
В памятовании и ясном постижении.
Он получил своё подаяние,
Наполнив чашу для подношений;
Отныне он устремлён в град Пандаву,
Он, должно быть, станет пребывать на её вершине».

Когда он прибыл в Пандаву,
Гонцы приветствовали его;
Один из них вернулся к царю ответить на вопрос:
«Владыка, отшельник этот подобен тигру,
Льву или быку, что восседает на склоне Пандавы».

Слова услышав те,
Царь прибыл к горе как можно скорее,
В прекрасной колеснице своей.
Её оставив, пешком прошествовал,
Сев неподалёку,
Присев, любезными словами обменялся,
Затем такую речь держал:

«О юноша, ты молод, чудесно сложен,
Из рода знатного;
Тебе пристало войском обладать,

Тебя я сделаю его главою,
Возрадуйся своей удаче,
Своё происхождение мне открой».

«О царь, в предгорьях Гималаев
Раскинулась цветущая страна,
Что населяют косалы,
Потомки солнца,
Из рода сакьев все они.

Я для себя услад и наслаждений больше не ищю,
Узрев опасность и изъяны в них,
Алкаю высшего благословенья,
Спокойствие ищю я в отдалении от мирского.
Вот каково устремление моё».

(СнП 3:1)

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Отрёкшись от дома, в поисках того, что является благим, в поисках непревзойдённого состояния возвышенного покоя, я приблизился к Алара Каламе и произнёс: «Друг Калама, я бы хотел вести духовную жизнь в этой Дхамме и Винае». Алара Калама ответил: «Достопочтенный волен остаться здесь. Эта Дхамма такова, что мудрый вскоре постигнет её и будет пребывать, открыв для себя прямым знанием учение своего наставника».

Я быстро постиг эту Дхамму. Как только декламации и повторы его учения закончились, я смог заявить: «Я знаю и вижу», — и были другие, кто делал то же самое. Тогда я стал размышлять: «Ведь не только при помощи одной веры Алара Калама провозглашает: «Постигнув Дхамму прямым знанием, я пребываю в ней». Нет сомнений, что он живёт, зная и видя Дхамму. Тогда я приблизился к Алара Каламе и спросил его: «Друг Калама, каким образом ты провозглашаешь, что, постигнув Дхамму прямым знанием, ты пребываешь в ней?». В ответ он заявил о сфере отсутствия всего.

Я стал размышлять далее: «Не только Алара Калама обладает верой, энергией, памятованием, созерцанием и мудростью. Я тоже обладаю верой, энергией, памятованием, созерцанием и мудростью. Полагаю, мне стоит приложить усилия, чтобы постичь ту Дхамму, которую провозглашает Алара Калама, в которую он входит и пребывает, познав её для себя прямым знанием». Вскоре я быстро вошёл

и стал пребывать в той Дхамме, познав её для себя прямым знанием. Тогда я приблизился к Алара Каламе и задал ему вопрос:

«Друг Калама, ты постиг Дхамму прямым знанием и пребываешь в ней таким способом?».

«Да, друг, это так».

«В таком случае, друг, и я тоже постиг Дхамму прямым знанием и пребываю в ней».

«Это достижение, друг, это великое достижение для всех нас, что среди наших последователей появился такой достопочтенный, как ты. Та Дхамма, о которой я утверждаю, что постиг её прямым знанием и пребываю в ней, — есть та Дхамма, которую постиг и ты прямым знанием и в которой пребываешь. А та Дхамма, которую постиг ты прямым знанием и в которой пребываешь, — есть та Дхамма, о которой я утверждаю, что постиг её прямым знанием и пребываю в ней. Таким образом, ты знаешь Дхамму, которую знаю я, а я знаю Дхамму, которую знаешь ты. То есть я — как ты, а ты — как я. Давай, друг, поведём общину вместе».

Алара Калама, мой учитель, поставил меня, своего ученика, на одно место с собой и одарил высшим почтением. Но мысль возникла во мне: «Эта Дхамма не ведёт к разочарованию, к бесстрастию, к прекращению, к покою, к прямому знанию, к Пробуждению, к Ниббанае, но только к рождению в сфере отсутствия всего». Не будучи удовлетворённым этим учением, разочаровавшись в нём, я ушёл.

Вновь в поисках того, что является благом, в поисках непревзойдённого состояния высшего покоя я приблизился к Уддака Рамапутте и произнёс: «Друг, я бы хотел вести духовную жизнь в этой Дхамме и Винае».

(МН 26, 36, 85, 100).

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Дальнейший рассказ о получении учения от Уддака Рамапутты описывается совершенно теми же словами, отличаясь лишь тем, что Бодхисатта под его руководством достиг сферы ни-восприятия, ни не-восприятия, после чего тот предложил ему возглавить общину единолично. Вывод Бодхисатты был таким же.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Мысль возникла во мне: «Эта Дхамма не ведёт к разочарованию, к бесстрастию, к прекращению, к покою, к прямому познанию, к Пробуждению, к Ниббанае, но только к рождению в сфере ни-восприятия-ни-невосприятия. Не будучи удовлетворённым этим учением, разочаровавшись в нём, я ушёл».

Вновь в поисках того, что является благом, в поисках непревзойдённого состояния возвышенного покоя, я скитался по стране Магадхе. Я прибыл в Урувелу вблизи Сенанигамы. Там я увидел подходящий участок земли с дивной рощей, рядом

с журчащей рекой с кристально-чистой водой и прелестными берегами, вблизи деревни, где можно было просить подаяние.

Я подумал: «Это действительно подходящий участок земли с дивной рощей, рядом с журчащей рекой с кристально-чистой водой и прелестными берегами, вблизи деревни, где можно просить подаяние. Всё это может оказать помощь подвижнику в его устремлении». И я сел там, размышляя: «Всё это окажет помощь в моём устремлении».

(МН 26, 36, 85, 100)

Перед моим Пробуждением, когда я был лишь непробуждённым Бодхисаттой, мне пришла на ум мысль: «Трудно жить в диких джунглях, в лесу, трудно пребывать в уединении, в отдалении и наслаждаться затворничеством. Дикие джунгли способны лишить рассудка отшельника, лишённого сосредоточения».

Далее я стал раздумывать: «Предположим, что какой-то отшельник или брахман нечист в деяниях, словах и мыслях; нечист в своих способах зарабатывания на жизнь, исполнен алчности и вожделения, пылает ненавистью и злонамеренностью, склонен к лени и сонливости, к беспокойству и неутомности, охвачен сомнениями и неуверенностью, настроен очернять других и восхвалять себя, падок на лесть и на почести, праздный, забывчивый, обделённый памятованием и ясным постижением, со спутанным и блуждающим умом, лишённый мудрости, – из-за этих неблагих качеств он подвержен страху и трепету, пребывая в диком лесу. Однако я лишён этих изъянов, и я пребываю в диком лесу, не будучи охваченным ими. Будучи полностью свободным от них и осознавая это, я нахожу великую отраду в пребывании в диком лесу, не охваченный страхом и трепетом».

Затем такая дума озарила меня: «Что если я в назначенные ночи: восьмую, четырнадцатую и пятнадцатую по лунному календарю, стану пребывать в местах, вызывающих трепет и вздымающих волоса, а именно: у гробниц, которые находятся в диких лесах и у подножий деревьев? Там я смогу одолеть страх и трепет».

И в назначенные ночи я стал оставаться в этих вызывающих страх и ужас местах.

Когда я пребывал там, дикий зверь пробежал мимо меня, или павлин ронял ветку, или ветер начинал разбрасывать опавшие листья. Тогда мысль посещала меня: «Трепет надвигается на меня?»

Тогда я решил: «Почему я просто продолжаю сидеть, ожидая этот трепет? Что, если я буду подавлять страх и трепет, когда бы они ни вздумали обрушиться на меня?»

Размышляя таким образом, я прохаживался назад и вперёд, пока страх и трепет обрушивались на меня, отказываясь останавливаться, садиться или ложиться. Я

продолжал прохаживаться до тех пор, пока не побеждал их. Если они настигали меня, когда я стоял – я не начинал прохаживаться, не садился и не ложился. Я стоял до тех пор, пока не побеждал страх и трепет. Если они настигали меня, когда я сидел – я не ложился, не вставал и не начинал прохаживаться. Я оставался сидеть, пока не побеждал страх и трепет. Если они приходили ко мне в то время, пока я лежал, то я отказывался садиться, вставать и прохаживаться. Я оставался лежать до тех пор, пока не побеждал страх и трепет.

(МН 4)

— И тут мне на ум пришло три образа, ранее не слышанных мной.

Аггивессана, вообрази, что в воде лежало бы мокрое, пропитанное влагой, полено, а человек, желающий развести костёр и имеющий палку для розжига, взял бы его с замыслом: «Я разожгу огонь, я получу тепло». Как ты считаешь, Аггивессана?

Сумел бы этот человек, желающий развести костёр и получить тепло, вызвать огонь трением палки для розжига о мокрое, напитанное влагой, полено, лежащее в воде?

— Нет, достопочтенный Готама. Отчего так? Оттого, что полено мокрое и лежит в воде. Он испытал бы только усталость и разочарование.

— Таким же образом, Аггивессана, те отшельники и брахманы, которые не отстранились от чувственных услад телом и чьи желания, привязанность, страсть, жажда и лихорадочная тяга к чувственным усладам не были отрезаны и усмирены изнутри, то, даже если бы эти славные отшельники и брахманы испытывали болезненные, пронзительные, терзающие чувства от напряжения, они не способны были бы обрести знание, видение и высшее Пробуждение.

Это был первый образ, ранее не слышанный мной.

— Аггивессана, вообрази, что вдали от воды, на сухой земле, лежало бы мокрое, пропитанное влагой, полено, а человек, желающий развести костёр и имеющий палку для розжига, взял бы его с замыслом: «Я разожгу огонь, я получу тепло». Как ты считаешь, Аггивессана? Сумел бы этот человек, желающий развести костёр и получить тепло, вызвать огонь трением палки для розжига о мокрое, напитанное влагой, полено, лежащее на сухой земле?

— Нет, достопочтенный Готама. Отчего так? Оттого, что полено мокрое, хотя и лежит на сухой земле. Он испытал бы только усталость и разочарование.

— Таким же образом, Аггивессана, те отшельники и брахманы, которые отстранились от чувственных услад только телом, но чьи желания, привязанность, страсть, жажда и лихорадочная тяга к чувственным усладам не были отрезаны и усмирены изнутри, то, даже если бы эти славные отшельники и брахманы испытывали болезненные, пронзительные, терзающие чувства от напряжения, они не способны были бы обрести знание, видение и высшее Пробуждение.

Это был второй образ, ранее не слышанный мной

— Аггивессана, вообрази, что вдали от воды, на сухой земле, лежало бы сухое полено, а человек, желающий развести костёр и имеющий палку для розжига, взял бы его с замыслом: «Я разожгу огонь, я получу тепло».

Как ты считаешь, Аггивессана? Сумел бы этот человек, желающий развести костёр и получить тепло, вызвать огонь трением палки для розжига о сухое полено, лежащее на сухой земле?

— Да, достопочтенный Готама. Отчего так? Оттого, что полено сухое и лежит на сухой земле, далеко от воды.

— Таким же образом, Аггивессана, те отшельники и брахманы, которые отстранились от чувственных услад телом и чьи желания, привязанность, страсть, жажда и лихорадочная тяга к чувственным уладам были отрезаны и усмирены изнутри, то, даже если бы эти славные отшельники и брахманы испытывали болезненные, пронзительные, терзающие чувства от напряжения, они способны были бы обрести знание, видение и высшее Пробуждение. И даже если бы эти славные отшельники и брахманы не испытывали болезненные, пронзительные, терзающие чувства от напряжения, они способны были бы обрести знание, видение и высшее Пробуждение. Это был третий образ, ранее не слышанный мной и который внезапно возник во мне.

Я подумал: «Что, если я стисну свои зубы и прижму язык к нёбу и сломаю, удержу и сокрушу свой разум своим же разумом?». И я стиснул свои зубы и прижал язык к нёбу и сломил, удержал и сокрушил свой разум своим же разумом. Когда я сделал это, пот полился по моему телу. Подобно тому как сильный человек может схватить более слабого за голову или за плечи и сломить его, удержать его, сокрушить его, так и я стиснул свои зубы и прижал язык к нёбу, и сломил, удержал и сокрушил свой разум своим же разумом. Когда я сделал это, пот полился по моему телу. Но, хотя во мне пробудилась неутомимая энергия и было установлено неослабное памятование, тело моё было напряжено и утомлено из-за моего изнурительного устремления.

Однако эти болезненные чувства не смогли наводнить мой разум и остаться в нём.

Я подумал: «А что, если я не буду дышать и так достигну сосредоточения?». И я остановил дыхание через рот и нос. Когда я сделал это, через мои ушные раковины прорвался громкий звук ветра. Подобно тому как из мехов кузнеца раздаётся громкий свист — так и когда я остановил дыхание через рот и нос, через мои ушные раковины прорвался громкий звук ветра. Но, хотя во мне пробудилась неутомимая энергия и было установлено неослабное памятование, тело моё было напряжено и утомлено из-за моего изнурительного устремления. Однако эти болезненные чувства не смогли наводнить мой разум и остаться в нём.

Я подумал: «А что, если я продолжу остановку дыхания и так достигну сосредоточения?». И я остановил дыхание через рот, нос и уши. Когда я сделал это, яростные ветры пронзили мою голову. Подобно тому, как если бы сильный человек расколол мне голову острым мечом — так и когда я остановил дыхание через рот, нос и уши, яростные ветры пронзили мою голову. Но, хотя во мне пробудилась неутомимая энергия и было установлено неослабное памятование, тело моё было напряжено и утомлено из-за моего изнурительного устремления. Однако эти болезненные чувства не смогли наводнить мой разум и остаться в нём.

Я подумал: «А что, если я продолжу остановку дыхания и так достигну сосредоточения?». И я остановил дыхание через рот, нос и уши. Когда я сделал это, жестокая боль охватила всю мою голову. Подобно тому, как если бы сильный человек затянул на моей голове тесный обод из кожи — так и когда я остановил дыхание через рот, нос и уши, жестокая боль охватила всю мою голову. Но, хотя во мне пробудилась неутомимая энергия и было установлено неослабное памятование, тело моё было напряжено и утомлено из-за моего изнурительного устремления. Однако эти болезненные чувства не смогли наводнить мой разум и остаться в нём.

Я подумал: «А что, если я продолжу остановку дыхания и так достигну сосредоточения?» И я остановил дыхание через рот, нос и уши. Когда я сделал это, свирепые ветры стали разрезать мой живот. Подобно тому как умелый мясник или его подмастерье разрезали бы живот быка острым ножом для мяса — так и когда я остановил дыхание через рот, нос и уши, свирепые ветры стали разрезать мой живот. Но, хотя во мне пробудилась неутомимая энергия и было установлено неослабное памятование, тело моё было напряжено и утомлено из-за моего изнурительного устремления. Однако эти болезненные чувства не смогли наводнить мой разум и остаться в нём.

Я подумал: «А что, если я продолжу остановку дыхания и так достигну сосредоточения?». И я остановил дыхание через рот, нос и уши. Когда я сделал это, во всём моем теле возникло сильное жжение. Подобно тому как два силача схватили бы щуплого человека за руки и ноги и, бросив в яму с раскалёнными углями, стали поджаривать — так и во всём моем теле, когда я остановил дыхание через рот, нос и уши, возникло сильное жжение. Но, хотя во мне пробудилась неутомимая энергия и было установлено неослабное памятование, тело моё было напряжено и утомлено из-за моего изнурительного устремления. Однако эти болезненные чувства не смогли наводнить мой разум и остаться в нём.

Когда божества увидели меня, некоторые из них воскликнули: «Отшельник Готама мёртв». Другие сказали: «Отшельник Готам не мёртв, но он умирает». А другие божества ответили: «Отшельник Готама не мёртв и не умирает; он арахант — именно так и пребывают араханты».

Я подумал: «Что, если я полностью откажусь от принятия пищи?». Тогда несколько божеств приблизились ко мне и промолвили: «Достопочтенный, не отказывайтесь полностью от принятия пищи. Если Вы сделаете это, мы ниспошлём Вам небесные яства, которые проникнут в Ваши поры и будут поддерживать Ваше тело изнутри». Я решил: «Если я заявлю, что полностью отказался от принятия пищи, а божества ниспошлют мне небесные яства, которые проникнут в мои поры и будут поддерживать моё тело изнутри, то я стану лжецом». И я отклонил предложение этих божеств, сказав: «В этом нет нужды».

Я подумал: «Что, если я буду есть очень мало, каждый раз принимая в пищу всего лишь пригоршню бобовой, чечевичной или гороховой похлёбки?» И я стал есть очень мало, каждый раз принимая в пищу всего лишь пригоршню бобовой, чечевичной или гороховой похлёбки. Пока я делал это, моё тело достигло крайней степени измождения. Из-за того, что я ел так мало, мои конечности стали напоминать сочленённые части побегов винограда или стеблей бамбука. Из-за того, что я ел так мало, мои ягодицы стали похожи на верблюжьи копыта. Из-за того, что я ел так мало, мой позвоночник стал выпирать, словно ожерелье из бусин. Из-за того, что я ел так мало, мои рёбра стали торчать наружу подобно балкам ветхого, покосившегося сарая. Из-за того, что я ел так мало, блеск моих глаз, казалось, потух в глазницах, как блеск воды гаснет в глубоком колодце. Из-за того, что я ел так мало, кожа на моём черепе иссохла и сморщилась, как иссыхает и морщинится от солнца и ветра зелёная горькая тыква. Из-за того, что я ел так мало, кожа моего живота словно прилипла к позвоночнику, и когда я касался живота, то задевал и позвоночник; а когда я касался позвоночника, то задевал и живот. Из-за того, что я ел так мало, при испражнении и мочеиспускании я просто падал лицом вниз. Из-за того, что я ел так мало, мои истлевшие на корнях волосы выпадали клочьями, когда я пытался получить облегчение, растирая тело руками.

Когда люди видели меня, некоторые из них говорили: «Отшельник Готама чёрный». Другие отвечали: «Отшельник Готама не чёрный, он коричневый». Третьи же замечали: «Отшельник Готама не чёрный и не коричневый, у него золотистая кожа». А моя светлая, золотистая кожа сильно потемнела и испортилась из-за того, что я ел так мало.

(МН 26, 84, 100)

ДЕКЛАМАТОР:

Стремился ум свой укротить я,
Севши на берег Неранджары,
Раздумьям о Ниббанае предаваясь,
Непревзойдённой свободе от оков;
Ко мне приблизился Злой дух – Намучи,
Слова участия изрекая:

«Как изморён и истощён ты,
Смерть близится к тебе,
Из тысячи частей твоих одна лишь жива,
Другие на погибель отданы.
Живи, о благородный!
Милее смерти эта жизнь,
Твори добро, питай огонь священный,
Зачем тебе к подвижничеству рваться?
Так труден и утомителен сей путь».

Намучи говорил так, подле Будды стоя.
Тот отвечал ему:
«О нечестивец! Напрасно ты пришёл сюда.
Я добрые деяния все свершил давно,
Их больше не алкаю,
О них рассказывай другим,
Исполнен мудрости и сосредоточения я,
Я наделён и верой, и усердием,
Я полностью подвижничеству предан,
Какую жизнь ты предлагаешь мне?»

Бушующие ветры иссушают даже рек потоки,
Как не иссохнуть моей крови, покуда я свой разум укрощал?
Иссохла кровь и желчь,
Однако ум успокоен стал,
Сосредоточенье и мудрость возросли лишь в нём.

Так, в чувствах усмирённый,
Мой ум свободен от желаний,
Взгляни на мою чистоту!

Чувственное желание – твоё первое войско,
Злость – второе,
Третье – голод,
Четвёртое – это жажда.
Пятое войско – леность и сонливость,
Шестое – трусость,
Сомнение – седьмое,
Бесчестие, гордыня, славолюбие - восьмое,
Упрямство, самовосхваление и очернение других –
Всё это армия твоя, о Злобный!
Ведёшь ты в бой свои войска,
Но разобьёт их Победитель,
Снискав благословенье.

Позор той жизни!
Для меня милее поражения смерть.
Не ведать моего пути отшельникам и брахманам,
Во мгле погрящим.
Я оседлал слона, сразившись с Царём зла,
Ему не одолеть меня!
Пусть разгромил других людей он,
Его повергну я, как камень, что может расколоть горшок!⁵»

(СН 2:5)

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Тогда я подумал: «Какие бы болезненные, пронзительные, терзающие чувства, связанные с устремлением, отшельники и брахманы прошлого ни испытывали, это — наивысшее, нет ничего сильнее этого. Какие бы болезненные, пронзительные, терзающие чувства, связанные со устремлением, отшельники и брахманы будущего ни испытают в будущем, это — наивысшее, нет ничего сильнее этого. Какие бы болезненные, пронзительные, терзающие чувства, связанные с устремлением, отшельники и брахманы настоящего ни испытывали сейчас, это — наивысшее, нет ничего сильнее этого. Однако, несмотря на своё самоистязание, я так

⁵ Последние строки (опущены здесь, но включены в главе 4) отмечены комментарием на один год позже остальных.

и не обрёл сверхчеловеческого различения в знании и видении, которое достойно благородных мужей. Возможно, существует какой-то иной путь к Пробуждению?».

Мне вспомнилось, как однажды, в то время, пока мой отец был занят, я сел в прохладной тени яблоневого дерева и подумал: «Отчего я боюсь этого счастья, не имеющего ничего общего с чувственными удовольствиями и неблагоприятными состояниями?» И я заключил: «Я не боюсь этого счастья, не имеющего ничего общего с чувственными удовольствиями и неблагоприятными состояниями». Я подумал: «Нелегко обрести подобное счастье со столь истощённым телом. Хорошо бы мне поесть какой-то твёрдой пищи — варёного риса и каши». И я поел твёрдой пищи — варёного риса и каши.

В то время пятеро отшельников ожидали меня с мыслью: «Если наш отшельник Готама достигнет высшего состояния, он уведомит нас об этом». Но когда я поел варёного риса и каши, эти пятеро испытали отвращение и оставили меня, говоря: «Отшельник Готама отныне живёт в роскошестве, он оставил все свои устремления и вернулся обратно к жизни в роскоши».

(МН 36, 85, 100)

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Пять снов, явившихся Бодхисатте.

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Эти сны привиделись Бодхисатте в ночь перед его Пробуждением, поэтому их можно назвать предчувствием того, что скоро он достигнет своей цели.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Перед тем, как Благословенный, полностью и в совершенстве Пробуждённый, достиг Ниббаны, ему явились пять великих снов. Какие пять?

В ночь до Пробуждения Бодхисатте приснилось, что великая земля была его ложем; Гималаи, властители всех гор – его подушкой; его левая рука покоилась на восточном океане; его правая рука – на западном океане, а стопы – на южном океане. Это был первый великий сон, явившийся Бодхисатте перед обретением им непревзойдённого Пробуждения, который предвещал достижение Ниббаны.

В ночь до Пробуждения Бодхисатте приснилось, что лозы дикого винограда проросли из его живота и устремились к самым облакам. Это был второй великий сон, явившийся Бодхисатте перед обретением им непревзойдённого Пробуждения, который предвещал открытие четырёх благородных истин.

В ночь до Пробуждения Бодхисатте приснилось, что белые черви с чёрными головами вылезли из его стоп на колени и покрыли их. Это был третий великий сон,

⁶ Комментарий объясняет эту еду, как нечто, приготовленное из пшеницы (возможно – лепёшки).

явившийся Бодхисатте перед обретением им непревзойдённого Пробуждения, который предвещал появление множество мирян-учеников в будущем. В ночь до Пробуждения Бодхисатте приснилось, что разноцветные птицы вылетели с четырёх сторон света, приникли к его стопам и стали полностью белыми. Это был четвёртый великий сон, явившийся Бодхисатте перед обретением им непревзойдённого Пробуждения, который предвещал, что люди всех четырёх сословий (брахманы, кхаттии, судды и vessы) вступят в Сангху и освободятся от всех оков в этой Дхамме и Винае.

В ночь до Пробуждения Бодхисатте приснилось, что он взобрался на мусорную, грязную гору, однако остался совершенно чистым. Это был пятый великий сон, явившийся Бодхисатте перед обретением им непревзойдённого Пробуждения, который предвещал, что он станет получать от мирян четыре монашеских «необходимости» (жилище, пищу, чивару – монашеские одеяния, и лекарства), не привязываясь к ним и видя в опасность в этой привязанности.

(АН 5:196)

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Само Пробуждение в различных суттах освещается с разных сторон, подобно тому, как на дерево можно смотреть сбоку, снизу, сверху; или подобно тому, что путешествовать можно по земле, по воду или по воздуху⁷.

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Существует описание Пробуждения в виде открытия трёх высших знаний, которое следует за возвращением сосредоточения в медитации. Помимо этого, есть описание в виде открытия обусловленности в изменчивом процессе бытия, описание с точки зрения поиска не поддающейся объяснению истинной шкалы ценностей в запутанном мире идей, поступков и вещей, вероятностей и определённости.

Мы приводим повествование о достижении Ниббаны посредством медитации, ведущей к открытию четырёх благородных истин.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. После того как я отведал твёрдой пищи и восстановил свои силы, отстранившись от чувственных усад, отстранившись от неблагих состояний, я вошёл и стал пребывать в первой джхане, которая сопровождается размышлением и изучением, наполненная восторгом и счастьем, рождёнными уединением. Однако эти приятные чувства не смогли наводнить мой разум и остаться в нём.

⁷ Беседы, описывающие Пробуждение в различных терминах: в терминах зависимого возникновения (СН 12:10, 65; ср. ДН 14); трёх истинных знаний (МН 4, 100); наслаждения, опасности и спасение в случае пяти совокупностей (СН 22:26), стихий (СН 14:31), чувственных наслаждений (СН 35:117; М. 14), чувств (СН 36:24), мира (АН 3:101); в терминах четырёх совершенных усилий (АН 5:68), четырёх основ памятования (С. 47:31), четырёх основ успеха (СН 51:9), отказа от неблагих мыслей (МН 19) и т.д.

С утиханием размышления и изучения я вошёл и стал пребывать во второй джхане, в которой присутствуют внутренняя уверенность и собранность ума и в которой нет размышления и изучения, но есть восторг и счастье, рождённые созерцанием. Однако эти приятные чувства не смогли наводнить мой разум и остаться в нём. С утиханием восторга, в беспристрастии, памятовании и ясном постижении, испытывая счастье во всём теле, я вошёл и стал пребывать в третьей джхане, о которой благородные заявляют: «Равностный и памятующий, он тот, кто пребывает в счастье». Однако эти приятные чувства не смогли наводнить мой разум и остаться в нём.

С отбрасыванием удовольствия и боли, как ранее были отброшены радость и горе, я вошёл и стал пребывать в четвёртой джхане, в чистоте памятования, очищенного беспристрастием, в котором отсутствуют счастье и страдание. Однако эти приятные чувства не смогли наводнить мой разум и остаться в нём. Когда мой разум стал столь собранным, очищенным, ярким, незапятнанным, лишённым изъянов, податливым, гибким, ровным и достигшим непоколебимости, я направил его к знанию воспоминаний о прошлых воплощениях. Я вспомнил множество своих прошлых воплощений: одно, два, три, четыре, пять, десять, двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят, сто, тысячу, сто тысяч, множество циклов разворачивания мира, множество циклов сворачивания мира, множество циклов разворачивания и сворачивания мира: «Меня звали так-то, я был из такой-то семьи, с такой-то внешностью, такой была моя пища, таким был мой приятный и болезненный опыт, таковой была длительность моей жизни; исчезнув здесь, я возродился в другом месте; и здесь тоже меня звали так-то, я был из такой-то семьи, с такой-то внешностью, такой была моя пища, таким был мой приятный и болезненный опыт, таковой была длительность моей жизни; исчезнув здесь, я возродился в другом месте». Вот с такими подробностями и особенностями я вспомнил свои многочисленные прошлые жизни.

Это было первым высшим знанием, достигнутым мной в первую ночную стражу. Неведение было изгнано, возникло знание; тьма была повержена, воссиял свет, как случается с тем, кто пребывает в бдительности, пылкости и решимости. Однако эти приятные чувства не смогли наводнить мой разум и остаться в нём. Когда мой разум стал столь собранным, очищенным, ярким, незапятнанным, лишённым изъянов, податливым, гибким, ровным и достигшим непоколебимости, я направил его к знанию об уходе и перерождении существ. Своим божественным оком, превосходящим человеческое, я узрел, как умирают и вновь рождаются существа, высшие и низшие, красивые и уродливые, удачливые и невезучие, и как они пожидают плоды своих деяний: те из них, кто дурно вёл себя телом, речью и умом, кто бранил благородных, придерживался ложных воззрений и действовал, полагаясь

на них, — с распадом тела, после смерти рождаются в мирах скорби, в тёмных уделах, в низших мирах. Однако те существа, которые не бранили благородных, придерживались истинных воззрений и действовали, полагаясь на них, — с распадом тела, после смерти рождаются в мирах счастья, в светлых уделах, в небесных мирах. Своим божественным оком, превосходящим человеческое, я узрел, как умирают и вновь рождаются существа, высшие и низшие, красивые и уродливые, удачливые и невезучие, и как они пожинают плоды своих деяний.

Это было вторым высшим знанием, достигнутым мной в среднюю ночную стражу. Неведение было изгнано, возникло знание; тьма была повержена, воссиял свет, как случается с тем, кто пребывает в бдительности, пылкости и решимости. Однако эти приятные чувства не смогли наводнить мой разум и остаться в нём. Когда мой разум стал столь собранным, очищенным, ярким, незапятнанным, лишённым изъянов, податливым, гибким, ровным и достигшим непоколебимости, я направил его к знанию об уничтожении загрязнений. Я познал, как оно есть: «Это страдание. Это возникновение страдания. Это прекращение страдания. Это путь, ведущий к прекращению страдания». Я познал, как оно есть: «Это загрязнения. Это возникновение загрязнений. Это уничтожение загрязнений. Это путь, ведущий к уничтожению загрязнений».

Когда я узрел и познал это, мой ум освободился от загрязнения чувственными уладами, от загрязнения существованием и от загрязнения неведением. С освобождением ума явилось знание: «Это освобождение». Я познал: «Рождение разрушено, прожита святая жизнь, совершено то, что необходимо было совершить, больше нет для меня возврата ни в одно состояние бытия».

Это было третьим высшим знанием, достигнутым мной в последнюю ночную стражу. Неведение было изгнано, возникло истинное знание; тьма была повержена, воссиял свет, как случается с тем, кто пребывает в усердии, пылкости и решимости. Однако эти приятные чувства не смогли наводнить мой разум и остаться в нём.

(МН 36)

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Ниже последует описание Пробуждения в терминах постижения процесса обусловленности, другими словами, закона зависимого возникновения (paṭicca-samuppāda⁸). Позднее мы подробнее рассмотрим эту тему.

⁸ О законе взаимозависимого возникновения см. главу 12.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Перед моим Пробуждением, когда я был лишь непробуждённым Бодхисаттой, мне пришла мысль: «Увы, этот мир попал в беду; он погряз в рождении, старении и смерти, он исчезает и вновь возрождается и всё равно не постигает исход из этой тяготы, ведомой старением и смертью. Когда же отыщется спасение от этой тяготы, ведомой старением и смертью?»

Тогда мне пришло на ум: «Что должно присутствовать, дабы старение и смерть появились? Что является условием для старения и смерти?». И, благодаря основательному вниманию⁹, через мудрость мне явилось озарение: «Рождение должно присутствовать, дабы старение и смерть появились; рождение является условием для старения и смерти».

Тогда мне пришло на ум: «Что должно присутствовать, дабы появилось рождение?.. становление*... цепляние... жажда... чувство... контакт... шесть опор чувств... имя-и-форма? Что является условием для имени-и-формы?».

И, благодаря основательному вниманию, через мудрость явилось озарение: «Сознание должно присутствовать, дабы имя-и-форма появились; сознание является условием для имени-и-формы».

Тогда мне пришло на ум: «Что должно присутствовать, дабы сознание появилось? Что является условием для сознания?». И благодаря основательному вниманию, через мудрость явилось озарение: «Имя-и-форма должна присутствовать, дабы сознание появилось; имя-и-форма является условием для сознания».

Я подумал: «Это сознание поворачивает обратно, оно не идёт дальше имени-и-формы. До этих пределов существо может родиться, состариться, умереть и вновь возродиться; когда присутствуют сознание с именем-и-формой как условием и имя-и-форма с сознанием как условием.

С именем-и-формой как условием возникают шесть опор чувств; с шестью опорами чувств как условием — контакт... Таково возникновение всей этой груды страдания».

«Возникновение, возникновение» — так во мне расцвели знание, видение, мудрость, постижение и свет. Тогда мне пришло на ум: «Что должно отсутствовать, дабы старение и смерть не появились? С прекращением чего происходит прекращение старения и смерти?»

И, благодаря основательному вниманию, через мудрость явилось озарение: «Рождение должно отсутствовать, дабы старение и смерть не появились; с прекращением рождения происходит прекращение старения и смерти».

⁹ *Yoniso manasikāro*, буквально – «внимание, направленное в лоно/суть».

Тогда, мне пришло на ум: «Что должно отсутствовать, дабы рождение не появилось?... становление... цепляние... жажда... чувство... контакт... шесть опор чувств... имя-и-форма? С прекращением чего прекращается имя-и-форма?»

И, благодаря основательному вниманию, через мудрость явилось озарение: «Если отсутствует сознание, имя-и-форма не может возникнуть; с прекращением сознания происходит прекращение имени-и-формы». Тогда мне пришло на ум: «Что должно отсутствовать, дабы сознание не появилось? С прекращением чего происходит прекращение сознания?»

И, благодаря основательному вниманию, через мудрость явилось озарение: «Имя-и-форма должна отсутствовать, дабы сознание не появилось; с прекращением имени-и-формы происходит прекращение сознания». Тогда мне пришло на ум: «Я открыл путь к Пробуждению: так, с прекращением имени-и-формы происходит прекращение сознания; с прекращением сознания происходит прекращение имени-и-формы; с прекращением имени-и-формы происходит прекращение шести опор чувств; с прекращением шести опор чувств происходит прекращение контакта... Таково прекращение всей этой груды страдания».

«Прекращение, прекращение», — так во мне расцвели знание, видение, мудрость, постижение и свет.

Вообразите человека, который, бредя по лесу, внезапно обнаружил бы древний путь, древнюю дорогу, по которой странствовали люди прошлого. Он бы проследовал по ней и набрёл на древний город, в котором жили люди прошлого: с парками, рощами, прудами, бастионами — восхитительное место! После этого человек известил бы царя или царского советника: «Господин, бредя по лесу, я внезапно обнаружил древний путь, древнюю дорогу, по которой странствовали люди прошлого. Я проследовал по ней и набрёл на древний город, в котором жили люди прошлого: с парками, рощами, прудами, бастионами — восхитительное место! Возродите этот город, господин!»

И царь или царский советник возродили бы этот город, и через некоторое время он стал бы преуспевающим и благополучным, густонаселённым, наполненным людьми, стал бы расти и расширяться. Так и я открыл древний путь, древнюю дорогу, по которой странствовали все полностью пробуждённые прошлого.

И что это за древний путь, древняя дорога? Это Благородный восьмеричный путь: Совершенные воззрения, Совершенные устремления, Совершенная речь, Совершенные деяния, Совершенные средства к существованию, Совершенные усилия, Совершенное памятование и Совершенное сосредоточение. Я проследовал этим путём — и, сделав это, я постиг прямым знанием старение и смерть, их возникновение, их прекращение и путь, ведущий к этому прекращению. Я постиг прямым знанием рождение... становление... цепляние... жажду... чувство... контакт...

шесть опор чувств... имя и-форму... сознание... волевые умопостроения, их возникновение, их прекращение и путь, ведущий к этому прекращению. Постигнув всё прямым знанием, я возвестил об этом монахам и монахиням, мирянам и мирянкам. Таким образом, эта святая жизнь стала успешной и процветающей, широко известной, длительной, широко распространённой, славно провозглашённой среди людей и божеств.

(СН 12:65, ДН 14)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Наконец, мы приводим описание с точки зрения правильного взгляда на обусловленный мир деяний и воззрений, разделённый в этой беседе на пять совокупностей, в рамках которых весь обусловленный опыт и может быть описан.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Перед моим Пробуждением, когда я был лишь непробуждённым Бодхисаттой, я стал размышлять: «В чём заключается наслаждение мира, в чём заключается опасность мира, в чём заключается спасение от мира?»

И мне пришло на ум: «Какие бы удовольствие и отрада ни существовали в мире, это является наслаждением мира; мир непостоянен, неразрывно связан со страданием, подвержен изменениям — в этом его опасность; оставление желания и вожделения, отстранение от желания и вожделения — вот в чём спасение от мира».

До тех пор пока я не познал прямым знанием в соответствии с действительностью наслаждение мира как наслаждение, опасность мира как опасность и спасение от мира как спасение, я не мог провозгласить, что обрёл непревзойдённое, совершенное Пробуждение в этом мире с его дэвами, Марой и Брахмой, с его отшельниками и брахманами, божествами и людьми. Однако, когда я познал прямым знанием всё это, я провозгласил, что обрёл непревзойдённое, совершенное Пробуждение в этом мире с его дэвами, Марой и Брахмой, с его отшельниками и брахманами, божествами и людьми. Знание и видение воцарились во мне: «Непоколебимо моё освобождение ума; это моё последнее рождение, и для меня больше не будет нового существования».

(СН 22:26)

Подверженный рождению, постигнув угрозу в том, что подвержено рождению, я нашёл непревзойдённое убежище, нашёл Нерождённое, Ниббану; подверженный старению, постигнув угрозу в том, что подвержено старению, я нашёл непревзойдённое убежище, нашёл Нестареющее, Ниббану; подверженный болезням, постигнув угрозу в том, что подвержено болезням, я нашёл непревзойдённое убежище, нашёл Не-подверженное болезням, Ниббану; подверженный смерти,

постигнув угрозу в том, что подвержено смерти, я нашёл непревзойдённое убежище, нашёл Неумирающее, Ниббану; подверженный печали, постигнув угрозу в том, что подвержено печали, я нашёл непревзойдённое убежище, нашёл Беспечальное, Ниббану; подверженный загрязнению, постигнув угрозу в том, что подвержено загрязнению, я нашёл непревзойдённое убежище, нашёл Незагрязнённое, Ниббану. Знание и видение зародилось во мне: «Моё Освобождение непоколебимо. Это моё последнее рождение, и для меня больше не будет нового существования».

(МН 26)

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Итак, Пробуждение было обретено. Традиция утверждает, что первыми словами, пришедшими на ум Будде (уже не Бодхисатте) были такими:

ДЕКЛАМАТОР:

Долго я блуждал в круговороте сансары,
Ища строителя хижины и не находя его;
Так мучительно возрождаться вновь и вновь.

О, строитель, ты найден!
Ты более не возведёшь хижины;
Все стропила разрушены,
Конёк крыши сломан,
Ум достиг предела [строительства],
Вся жажда угасла во мне.

(Дхмп 153-154)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Таковы были первые слова Будды после достижения Ниббаны, хотя, согласно традиции, они не были произнесены вслух. Первыми же произнесёнными вслух словами были слова, начинающиеся с: «Когда вещи являют себя брахману, погружённому в созерцание...» (см. следующую главу).

3. ПОСЛЕ ДОСТИЖЕНИЯ ПРОБУЖДЕНИЯ

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Так я слышал. Однажды Благословенный, только что коснувшийся Неумирающего, пребывал в Урувеле на берегу реки Неранджары у корней дерева Бодхи. Он сидел со скрещёнными ногами, погрузившись в созерцание и переживая блаженство Освобождения в течение семи дней.

Через семь дней он оставил созерцание, и в течение первой стражи ночи его внимание было поглощено законом зависимого возникновения:

«Когда существует это, возникает и то; одно возникает в зависимости от другого: С неведением как условием возникают волевые умопостроения; с волевыми умопостроениями как условием, возникает сознание; с сознанием как условием возникают имя-и-форма; с именем-и-формой как условием возникают шесть опор чувств; с шестью опорами чувств как условием возникает контакт; с контактом как условием возникает чувство; с чувством как условием возникает жажда; с жаждой как условием возникает цепляние; с цеплянием как условием возникает становление; со становлением как условием возникает рождение; с рождением как условием возникают старение и смерть, печаль, причитания, боль, уныние и отчаяние. Таково возникновение всей этой груды страдания».

Осознав значимость момента, Возвышенный воскликнул:

Когда вещи являют себя брахману¹⁰,
Погружённому в созерцание,
Все сомнения его рассеиваются,
Ибо он познаёт причины всех вещей.

Во время второй стражи ночи его ум был поглощён постижением закона зависимого возникновения в обратном порядке: «Когда не существует этого, не возникает и того; в зависимости от исчезновения одного исчезает и другое: С окончательным угасанием и прекращением неведения происходит прекращение волевых умопостроений; с прекращением волевых умопостроений — прекращение сознания; с прекращением сознания — прекращение имени-и-формы; с прекращением имени-и-формы — прекращение шести опор чувств; с прекращением шести опор чувств — прекращение контакта; с прекращением контакта — прекращение чувства; с прекращением чувства — прекращение жажды; с прекращением жажды — прекращение цепляния; с прекращением цепляния — прекращение рождения; с прекращением рождения — прекращаются старение и смерть, печаль, причитания, боль, уныние и отчаяние. Таково прекращение всей этой груды страдания».

¹⁰ В Палийском каноне очень распространена игра слов, связанная с понятием «брахман»: это и могущественное божество, и человек из высшей варны, и буддийский отшельник, освободившийся от всех омрачений. Брахманская варна претендовала на святость «по рождению» (что Будда отвергал), вкладывая в это понятие особое значение (мудрый, нравственный человек). Другими отголосками данного слова являются: "божественные обители" (*brahma-vihāra*), которые достигаются посредством развития доброжелательности, сострадания, равенности и сорадования; а также сама святая жизнь (*brahmacariya*), божественная колесница (*brahmayāna*) и т.д.

Постигнув закон, Возвышенный воскликнул:

Когда вещи являют себя брахману,
Погружённому в созерцание,
Все сомнения его рассеиваются,
Ибо он познаёт прекращение причин всех вещей.

Во время третьей стражи ночи его ум был поглощён постижением закона зависимого возникновения в прямом и обратном порядке: «Когда существует это, возникает и то; одно возникает в зависимости от другого. Когда не существует этого, не возникает и того; в зависимости от исчезновения одного исчезает и другое. С неведением как условием возникают волевые умопостроения... со становлением как условием возникает рождение; с рождением как условием возникают старение и смерть, печаль, причитания, боль, уныние и отчаяние. Таково возникновение всей этой груды страдания. С окончательным угасанием и прекращением неведения происходит прекращение волевых умопостроений с прекращением рождения — прекращаются старение и смерть, печаль, причитания, боль, уныние и отчаяние. Таково прекращение всей этой груды страдания».

Проникнув всецело своим умом закон зависимого возникновения, Возвышенный провозгласил:

Когда вещи являют себя брахману,
Погружённому в созерцание,
Он освещает мир, подобно солнцу,
Разбив Мару с его войском.

(Уд. 1:1-3; Вин. Мхвг 1:1)

На седьмой день¹¹ после Пробуждения Благословенный окинул мир своим всевидящим оком. Он узрел мириады живых существ, сгорающих в пламени и поглощённых лихорадочным жаром страстей, враждебности и неведения. Узрев это, он воскликнул:

Сгорает мир сей,

¹¹ На размещение этой и следующих историй здесь указывают сами тексты. Бирманская работа «Малаланкараваттху» также упоминает здесь искушение дочерью Мары, однако Ачария Буддагоса относит это к первому году после достижения Пробуждения (см. главу 4). Еще один случай, не включённый здесь, связан с компанией брахманов, которые упрекали Будду в том, что он не проявлял к ним уважения (ср. главу 9), описан в АН 4:22.

Пронзённый контактом,
Он мнит болезнь – собою,
Однако, что бы он ни мнил,
Оно всё равно становится иным;

К этому, непрестанно меняющемуся миру,
Существа привязываются, наслаждаясь становлением,
Но то, чем они наслаждаются – это страх,
А там, где страх – всегда мучение.
Святая жизнь ведётся во имя
Прекращенья становления.

Какие бы отшельники и брахманы ни возвещали
Прекращение бытия посредством бытия [тяги к существованию – прим. автора],
Они от бытия¹² свободными не станут;

И какие бы отшельники и брахманы ни возвещали
Прекращения бытия посредством небытия [тяги к несуществованию – прим.
автора],
Они от небытия свободными не станут.

Привязанность – причина всех мучений,
Прекращенье присвоения любого – освобожденье от всех мук;
Взгляните на существ, объята что неведением,
Они усладам рады и не отрекаются от них,
Им не спастись от бытия.

Любое бытие страдательно и зыбко, изменчиво;
Мудрец, кто обладает мудростью и видит ясно,
Тот не склонится больше к бытию,
И небытие ему уже не мило;
Он разрушает жажду всю,
Бесстрастный, обретёт Ниббану¹³.

¹² Два трудных для перевода стиха. Имеет смысл переводить палийское слово *bhava* как «бытие», а не «становление», потому что основы бытия в текстах объясняются, как относящиеся ко всем граням существования, начиная от имущества и заканчивая склонностями и омрачениями.

¹³ «Ниббана» и «угасание» в книге используются в качестве взаимозаменяемых терминов. Угасание предполагает прекращений огней вожделения, ненависти и неведения (СН 35:28, цитируется в главе

Угасший, он не подвержен возрождению,
Он Мару разгромил в бою,
Отринув бытие любое.

(У_Д 3:10)

ВТОРОЙ ГОЛОС. Однажды Благословенный пребывал в Урувеле на берегу реки Неранджары у корней баньянового дерева сразу после достижения Пробуждения. Он сидел, скрестив ноги, в течение семи дней переживая блаженство Освобождения. Когда по окончании семи дней Благословенный оставил созерцание, один чванливый брахман¹⁴ навестил его. Подойдя и обменявшись любезным приветствием с Благословенным, он остался стоять на почтительном расстоянии. Стоя так, брахман обратился к Благословенному: «Каким образом, друг Готама, можно распознать в человеке брахмана, и отчего человек становится таковым?» Осознав значимость момента, Возвышенный воскликнул:
Брахманом я нареку того, кто зло оставил позади,
Лишённого гордыни, незапятнанного, обуздавшего себя,
Того, кто истину узрел и ведёт святую жизнь;
Такого человека, согласно Дхамме, можно звать брахманом,
Он никого на свете не обидит.

(Вин Мхвг 1:2; У_Д 1:4)

Спустя семь дней Благословенный оставил созерцание и отошёл от корней дерева Аджапала Нигродхи к корням дерева Мучалинды. Из-за величия этого события вдруг вне сезона разразилась мощная буря, сопровождаемая потоками ливня, раскатами грома, холодом и тьмой в течение семи дней. Царь нагов Мучалинда, увидев это, покинул свои владения, дабы защитить тело Благословенного своими гигантскими кольцами и капюшоном, распростёртым

4). Это не следует понимать, как «исчезновение живого существа». Этимологически слово *nibbāna* (санскрт. Нирвана) выводится из отрицательной приставки и корня, означающего «задувать». Первоначальное значение, вероятно, заключалось в тушении огня путём прекращения раздувания его мехами (например, кузнечными), но потом получило более широкое значение угасания как такового, скажем, угасания лампы (*nibbāyati* в МН 140; *nibbanti* в СнП 2:1). По аналогии, у араханта при жизни угасают все его пороки, начиная с жажды и заканчивая всеми остальными. После смерти пять совокупностей араханта полностью прекращаются. Ниббана зачастую неверно понимается как «прекращение личности», или, наоборот, «вечное существование личности» (см. главу 12).

¹⁴ *Huḍḍikajātiko* означает буквально «ястребиного вида».

над головой Победителя, размышляя: «Пусть Благословенный не ощутит ни холода, ни жары, ни укусов оводов, мошек, ветра, солнца и ползучих тварей!»

Спустя семь дней царь нагов обнаружил небо ясным и безмятежным, без единого облачка, после чего он убрал свои кольца и повелел своему обычному обличью исчезнуть, приняв форму юноши-брахмана. Он почтительно преклонился перед Благословенным, сложив ладони в приветствии поклонения.

Узрев это, тот воскликнул:

Уединение дарует счастье тому, кто убогатворён,
Внимает Дхамме, видит ясно;
Благожелательность и сдержанность ко всем живым
Дарует счастье тоже

Тот, кто от мира отречён,

Отринул страсти – тот живёт счастливо,

Но наивысшая отрада – преодоление самомнения: «Я есть».

(Вин. Мхвг. 1:3, Уд 2:1)

Однажды Благословенный оставил созерцание и отошёл от корней дерева Мучалинды к корням дерева Раджяатаны. Он сидел со скрещёнными ногами, погружившись в созерцание и переживая блаженство Освобождения в течение семи дней.

В это время два купца, Тапусса и Бхаллука, странствовали по дороге из Уккалы. Вдруг они услышали голос некоего божества, которое было их родственником в прошлой жизни: «Добрые господа, здесь, у корней дерева Раджяатаны, находится Благословенный, полностью и в совершенстве Пробуждённый. Ступайте и воздайте почести ему, сделав подношения риса и мёда. Это принесёт вам благоденствие и удачу в течение длительного времени».

Тапусса и Бхаллука приблизились к корням дерева, где пребывал Будда, воздали ему почести и сделали подношение риса и мёда, стоя с одной стороны. Они попросили его принять подношение, дабы это принесло им благоденствие и удачу в течение длительного времени.

Благословенный подумал: «Буддам не пристало принимать подношение прямо в руки. Каким способом мне лучше принять этот рис и мёд?» Затем четыре небесных царя, заметив в уме Благословенного эти мысли, немедленно ниспослали ему четыре хрустальные чаши из четырёх сторон света: «Пусть Возвышенный примет подношения в эти чаши!»

Благословенный принял рис и мёд в одну из своих новых чаш и отведал предложенную ему пищу. А купцы Тапусса и Бхаллика объявили: «Мы принимаем

прибежище в Благословенном и в возвещённой им Дхамме. Начиная с сегодняшнего дня, пусть он считает нас последователями, которые обрели в нём прибежище до самого последнего вдоха».

Поскольку два купца стали первыми последователями в мире, они приняли прибежище только в двух драгоценностях.

(Вин. Мхвг. 1:4)

Однажды Благословенный оставил созерцание и отошёл от корней дерева Раджаятаны к корням дерева Аджапала Нигродхи, баньяновому дереву.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Пребывая в уединении, Возвышенный стал размышлять: «Пять духовных способностей, будучи хорошо возвращёнными и выпестованными, помогают достичь Неумирающего и увенчиваются в нём. Какие пять? Способности веры, усердия, памятования, сосредоточения и мудрости».

Брахма Сахампати познал своим разумом размышления в моём уме и столь же быстро, как сильный человек может вытянуть свою согнутую руку или согнуть свою вытянутую руку, он исчез из мира Брахмы и предстал пред Благословенным. Он накинул своё верхнее одеяние на плечо, протянул к нему руки в почтительном приветствии и произнёс: «Так это, достопочтенный, так это, Возвышенный. Пять духовных способностей, будучи хорошо возвращёнными и выпестованными, помогают достичь Неумирающего и увенчиваются в нём. Какие пять? Способности веры, усердия, памятования, сосредоточения и мудрости.

Было время, достопочтенный, когда я вёл святую жизнь под руководством Будды Кассапы. Я был тогда известен под именем бхиккху Сахаки. Возраживая и пестуя пять духовных способностей, я сумел преодолеть жажду к чувственным усладам и после разрушения тела, после смерти, возродился в счастливом мире Брахмы. Теперь меня знают, как Брахму Сахампати. Так это, достопочтенный, так это, Возвышенный. Поистине, я знаю из своего опыта, что пять духовных способностей, будучи хорошо возвращёнными и выпестованными, помогают достичь Неумирающего и увенчиваются в нём».

(СН 48:57)

Пребывая в уединении, Возвышенный стал размышлять: «Существует Путь, ведущий в одном направлении¹⁵: к очищению существ, к преодолению скорби

¹⁵ Вместо "ведущий в одном направлении" составное слово *ekāyana* обычно переводится, как "единственный путь"; но смотрите также использование этого слова в МН 12.

и причитаний, к оставлению боли и уныния, к выходу на истинный путь, к осуществлению Ниббаны, — а именно установление четырёх видов памятования. Каковы эти четыре? Так, монах пребывает, созерцая тело как тело, — пылкий, ясно постигающий и памятующий, отринувший чувственное желание и печаль по отношению к миру. Он пребывает, созерцая чувство как чувство, — пылкий, ясно постигающий и памятующий, отринувший чувственное желание и печаль по отношению к миру. Он пребывает, созерцая ум как ум, — пылкий, ясно постигающий и памятующий, отринувший чувственное желание и печаль по отношению к миру. Он пребывает, созерцая образы ума как образы ума, — пылкий, ясно постигающий и памятующий, отринувший чувственное желание и печаль по отношению к миру».

Тогда Брахма Сахампати прибыл и подтвердил эти размышления, как и ранее.

(СН 47:18, 43)

Однажды Благословенный пребывал в Урувеле на берегу реки Неранджары у корней баньянового дерева. Пребывая в уединении, он стал размышлять: «Воистину, я освободился от телесного самоистязания. Воистину, исполнено счастья моё Освобождение!»

Познав своим умом размышление Благословенного, Злой дух, Мара, приблизился к нему и изрёк такие слова:

Ты пренебрёг путём аскезы,
Благодаря которой очищение возможно;
Ты мнишь себя очистившимся,
На самом деле, ты далёк от чистоты!

Узрев, что к нему пожаловал Злой дух, Мара, Благословенный отвечал ему такими словами:

Для Освобождения самоистязанья не нужны,
Постиг я их бесплодность,
Подобна что вёслам на суше.

Добродетель, созерцание и мудрость —
Их возвращивая, обрёл я чистоту,
Превыше всех что.
Тебя разбил я в пух и прах,
Теперь сражён ты, Владыка смерти!

Тогда Мара, Злой дух, осознал, что Благословенный узнал его. Опечаленный и поникший, он немедленно исчез.

(СН 4:1)

Пребывая в уединении, Возвышенный стал размышлять: «Несчастлив тот, кто живёт, будучи обделённым почтением. Однако есть ли на свете отшельник или брахман, которого я мог бы почитать и под покровительством которого жить, внимая его наставлениям?»

Затем ему пришла на ум такая мысль: «Я мог бы жить под покровительством какого-либо отшельника или брахмана, почитая его и внимая его наставлениям, если мне надобно было бы возвращать добродетель и сосредоточение, Освобождение, либо знание и видение Освобождения. Однако во всём мире с его с его дэвами, Марой и Брахмой, с отшельниками и брахманами, с божествами и людьми, нет никого, превосходящего меня в этих вещах, под покровительством кого я мог бы жить, почитая его и внимая его наставлениям. Что, если я стану жить, почитая и возводя на пьедестал Дхамму, открытую мною?»

Брахма Сахампати познал своим разумом размышления в уме Благословенного, предстал пред ним. Он накинул своё верхнее одеяние на плечо, протянул руки в почтительном приветствии и произнёс: «Так это, достопочтенный, так это, Возвышенный. Полностью и в совершенстве пробуждённые прошлого жили, почитая и возводя на пьедестал Дхамму, открытую ими. И те, кто пробудятся в будущем, станут делать то же самое».

(СН 6:2, АН 4:21)

ВТОРОЙ ГОЛОС. Пребывая в уединении, Возвышенный стал размышлять: «Дхамма, которую я постиг, глубока, её сложно узреть и уразуметь, она безмятежна и возвышенна, её не постичь одним лишь умствованием, она утончённая и доступна только мудрым. Но эти люди одержимы привязанностью, они находят отраду в привязанности, они упиваются привязанностью.

Поистине, нелегко таким людям будет распознать истину, а именно: особую обусловленность, зависимое возникновение. И нелегко для таких людей будет распознать истину об умиротворении всего сконструированного, об оставлении всех приобретений, уничтожении жажды, бесстрастии, прекращении, Ниббана. Если я стану обучать Дхамме, а другие не поймут её, для меня это обернётся утомительным бременем. И сами по себе сложились у меня стихи, не слышанные ранее:

Учить не стоит Дхамме,
Что даже я с трудом постиг;
Ведь те, кто полон злости, вожделья,
Её не в силах будут воспринять.
Охваченные мраком, сладострастием,
Они умрут, но Дхамму разгадать не смогут,
Что супротив течения идёт,
Что глубока и так сложна для разуменья».

Когда я рассмотрел это таким образом, мой ум склонился к недеянию, а не к обучению Дхамме.

Брахма Сахампати познал своим разумом размышления в моём уме и воскликнул:
«Этот мир заплутает, этот мир будет разрушен, потому что разум Татхагаты,
Араханта, полностью Пробуждённого, склоняется к недеянию, а не к обучению
Дхамме!». И столь же быстро, как сильный человек может вытянуть свою согнутую
руку или согнуть свою вытянутую руку, Браhma Сахампати исчез из мира Брахмы
и предстал предо мной. Он накинул своё верхнее одеяние на плечо, протянул ко мне
руки в почтительном приветствии и промолвил: «Достопочтенный, пусть
Благословенный обучает Дхамме, пусть Возвышенный обучает Дхамме. Есть
существа, у которых в глазах лишь малая толика пыли, и они гибнут, не слыша
Дхаммы. Есть те, которые способны постичь Дхамму».
Произнеся это, Браhma Сахампати продолжил:

Нечистые ученья в Магадхе расцветают,
Придуманные теми, кто пребывают в заблуждении;
Откройте существам дверь к Неумирающему!
Позвольте им услышать Дхамму,
Познать которую Вы смогли;
Лишь тот, кто покорила вершину,
— Тот может видеть всех людей вокруг;

Поэтому, о Мудрейший, о Всевидящий,
Взошедший во дворец Дхаммы,
Узрит он пусть людей, окутанных печалью,
Рождением и старостью сметённых;

Придите, Победитель,
Закрывший все свои долги;
Вы странствуйте среди людей!
Пусть Благословенный учит Дхамме,
Ведь существуют существа, которые поймут.

Услышав мольбу Брахмы, я, ведомый состраданием к существам, обозрел мир оком Будды. Обозрев мир оком Будды, я увидел людей, у которых лишь немного пыли в глазах, и тех, у кого её много; людей с высокими способностями и с ограниченными, с благими качествами и с дурными; тех, кого легко обучать, и тех, кого обучать трудно; людей, которые живут, осознавая трепет и пороки мира. Как в пруду с голубыми, красными или белыми лотосами некоторые лотосы рождаются и растут в воде, будучи погружёнными в неё, не возвышаясь над ней; некоторые лотосы рождаются и растут в воде, располагаясь на её поверхности; а некоторые, рождаясь и вырастая в воде, возвышаются над ней и остаются чистыми, не тронутыми ею, — так и я, обозрев мир оком Будды, увидел людей, у которых немного пыли в глазах, и тех, у кого её много; людей с высокими способностями и с ограниченными, с благотворными качествами и с дурными; тех, кого легко обучать, и тех, кого обучать трудно; людей, которые живут, осознавая трепет и пороки мира. Тогда я ответил Брахме Сахампати следующими строфами:
В Неумирающее дверь распахнута пред ними!
Пусть те, кто слух имеют, явят свою веру¹⁶;
Я Дхамме не желал учить, ведь это трудно:
Столь утончённа и возвышенна она.

Тогда Брахма Сахампати подумал: «Благословенный согласился на мою просьбу обучать Дхамме», поклонился мне, обошёл меня с правой стороны и исчез.

(Вин. Мхвг. 1:5; ср. МН 26 & 85; СН 6:1)

¹⁶ Фраза «Пусть те, кто слух имеют, явят свою веру!» (*Ye sotavanto pamuñcantu saddham*) оспаривается некоторыми буддологами. Как правило, используется перевод: "Пусть те, кто слышит, отрекутся от своей веры", но это значение противоречит духу Дхаммы. Интерпретация также зависит от перевода слова *vissajjentu* (иногда встречается *pamuñcantu*), который переводят, как «пусть они оставят», однако иное значение: «пусть они обретут», «пусть они получат». Здесь *pamuñcantu* – это: «пусть они покажут, выведут наружу». То, что комментарий воспринимает это именно так, подтверждается цитатой: *sabbojano saddhā-bhājanam upanetu* («Пусть каждый принесёт свой сосуд веры», МН 26), в котором *upanetu* перефразирует *pamuñcantu*. Эта идиома также встречается в СНП 1146 (где, к сожалению, его иногда путают с другой идиомой *saddhā-vimutto* — "тот, кто освобождён посредством веры").

«Я стал раздумывать: «Кого лучше обучать Дхамме первым? Кто способен постичь её быстро?» — и решил: «Алара Калама мудр, сообразителен и проникателен; в течение долгого времени у него лишь немного пыли в глазах. Что, если я первым научу Алара Каламу? Он постигнет Дхамму быстро».

Тогда божества пожаловали ко мне и сообщили: «Достопочтенный, Алара Калама скончался семь дней назад». Знание и видение возникли во мне: «Алара Калама скончался семь дней назад».

Я подумал: «Огромна потеря Алары Каламы. Если бы он смог услышать Дхамму, он бы постиг её быстро».

Я стал раздумывать: «Кого лучше обучать Дхамме первым? Кто способен постичь её быстро?» — и решил: «Уддака Рамапутта мудр, сообразителен и проникателен; в течение долгого времени у него лишь немного пыли в глазах. Что, если я первым научу Уддаку Рамапутту? Он постигнет Дхамму быстро». Тогда божества пожаловали ко мне и сообщили: «Достопочтенный, Уддака Рамапутта скончался прошлой ночью». Знание и видение возникли во мне: «Уддака Рамапутта скончался прошлой ночью».

Я подумал: «Огромна потеря Уддака Рамапутты. Если бы он смог услышать Дхамму, он бы постиг её быстро». Я стал раздумывать: «Кого лучше обучать Дхамме первым? Кто способен постичь её быстро?» — и решил: «Группа из пятерых отшельников, которые поддерживали меня во времена моего устремления, были хорошими помощниками. Что, если я первыми научу Дхамме их? Где они сейчас проживают?» Своим божественным оком, превосходящим человеческое, я узрел, что они проживают в Варанаси, в Оленьем парке в Исипатане.

Затем, когда я пробыл в Урувеле столь долго, сколько пожелал, я собрался странствовать в Варанаси. Отшельник из секты адживиков Упака встретил меня между Гаей и Бодхи и промолвил: «Друг, твои черты ясны, твоя кожа светлая и сияющая. Под чьим наставничеством ты принял постриг, друг? Кто твой учитель? Какой Дхамме ты следуешь?».

Я отвечал Упаке такими строфами:

Я — Тот, кто превзошёл всё¹⁷,
Познавший всё;
Незапятнанный среди всего,

¹⁷ *Sabbābhībhū*, или «Тот, кто превзошёл всё» образовано от корня *bhū* (быть) имеет смысл выхода за пределы бытия, превосходства над всеми видами бытия. *Abhibhū* (мы встретим это слово дальше) некоторые переводчики перефразируют словом «господин» (как *abhibhāyatana*), или «преодолевший всё» в качестве эпитета для великого Брахмы (*Mahā-brahmā*). Это можно считать синонимом для «Будда».

Отринувший любое бытие,
Освобождённый прекращеньем жажды.
Познав всё это сам для себя,
Могу ли я кого учителем назвать?

Нет у меня наставника и нет того, кто равен мне,
Нет сотоварищей в мире с дэвами его;
Я — арахант, я высший,
Один, кто в совершенстве пробудился,
Чей жар навеки охлаждён.

И следую теперь я в город Каси,
Чтоб привести в движенье Дхаммы колесо,
Чтоб в мире, ставшем ослеплённым,
Ударить в барабан Неумирающего.

«С твоими притязаниями, друг, тебе надлежит быть Вселенским победителем».
«Я — победитель, загрязненья все убравший, Упака, и я разрушил всё зло, поэтому
я победителем зовусь». Когда это было сказано, Упака произнёс: «Возможно, это
и так, друг». Покачав головой, он свернул с дороги и удалился.

Затем, странствуя постепенно, я добрался до Бенареса, до Оленьего парка
в Исипатане, и приблизился к группе из пятерых отшельников.

Они увидели меня издалека и сговорились между собой: «Друзья, сюда идёт
отшельник Готама, который теперь живёт в роскошестве, который оставил своё
устремление и возвратился к прежней жизни. Мы не должны выражать ему
почтения, или вставать при его появлении, или принимать его чашу и верхнее
одеяние. Мы лишь приготовим сиденье для него, и, если он пожелает, он может
присесть».

Однако, когда я приблизился, они обнаружили, что не способны исполнить свои
договорённости. Один подошёл встретить меня и взять мою чашу и верхнее одеяние,
другой приготовил мне сиденье, третий омыл мои стопы водой. Тем не менее они
обращались ко мне по имени, называя «друг».

После этого я сказал им: «Бхиккху, негоже вам обращаться к Татхагате по имени
и называть его «друг». Татхагата — это арахант, полностью и в совершенстве
Пробуждённый. Внемите, монахи, ибо найдено Неумирающее. Я наставляю вас,
я научу вас Дхамме. Действуя в соответствии с моими наставлениями, вы познаете её
здесь и сейчас прямым знанием и вскоре вступите и будете пребывать в том

наивысшем состоянии, ради которого благородные мужи оставляют родной дом, отправляясь в бездомное странствование».

Когда это было объявлено, пятеро монахов спросили: «Друг Готама, через опыт, через практику аскезы, которую ты исповедовал, ты не достиг никакого сверхчеловеческого различия через знание и видение, достойных благородных. Как же теперь ты, оставивший своё устремление, возвратившийся к роскошеству, сумел достичь сверхчеловеческого различия через знание и видение, достойные благородных?».

Когда это было спрошено, я ответил им: «Татхагата не живёт в роскошестве, и он не отбросил своё устремление и не возвратился к прежней жизни. Татхагата есть арахант, полностью и в совершенстве Пробуждённый. Внемлите, монахи, ибо найдено Неумирающее... оставляют родной дом ради бездомного странствования».

Во второй раз пятеро отшельников спросили: «Друг Готама... как же теперь ты, оставивший своё устремление, возвратившийся к роскошеству, сумел достичь сверхчеловеческого различия через знание и видение, достойные благородных?»

И вот второй раз я ответил им: «Татхагата не живёт в роскошестве... оставляют родной дом ради бездомного странствования».

Когда это было сказано в третий раз, я ответил им: «Бхиккху, слышали ли вы ранее, чтобы я говорил что-то подобное?»

— Нет, достопочтенный.

— Бхиккху, Татхагата — это арахант, полностью и в совершенстве Пробуждённый. Внемлите, монахи, ибо найдено Неумирающее. Я наставляю вас, я научу вас Дхамме. Действуя в соответствии с моими наставлениями, вы познаете её здесь и сейчас прямым знанием и вскоре вступите и будете пребывать в том наивысшем состоянии, ради которого благородные мужи оставляют родной дом ради бездомного странствования.

(Вин Мхвг. 1:6; ср МН 26)

Будда смог переубедить этих пятерых отшельников. Они слушали Благословенного и внимали его, открывая свой разум для постижения Дхаммы. Он обратился к ним такими словами.

(Запуск колеса Дхаммы):

— О бхиккху, существует две крайности, которых надлежит избегать тем, кто покинул родной дом ради бездомного скитания. Какие две? Поиск счастья в чувственных уладах, что является низким и пошлым, путём заурядных людей, неблагородным и бесполезным; и поиск самоистязания, которое болезненно, неблагородно, бесполезно. Не склоняясь ни к одной из этих крайностей, Татхагата пробудился при помощи Срединного пути, который помогает взрастить видение,

взрастить знание и приводит к покою, к прямому постижению, Пробуждению, Ниббане.

И что же это за Срединный путь, к которому пробудился Татхагата? Это Благородный восьмеричный путь, состоящий из: Совершенных воззрений, Совершенных устремлений, Совершенной речи, Совершенных деяний, Совершенных средств к существованию, Совершенных усилий, Совершенного памятования и Совершенного сосредоточения. Это, о бхиккху, Срединный путь, который помогает взрастить виденье, взрастить знание и приводит к покою, к прямому постижению, Пробуждению, Ниббане.

Вот, о бхиккху, Благородная истина о страдании: рождение есть страдание, старение есть страдание, болезнь есть страдание, смерть есть страдание; встреча с неприятным есть страдание, и разлучение с приятным есть страдание; не получать того, чего желаешь, есть страдание; вкратце — пять совокупностей, подверженных цеплянию¹⁸, есть страдание.

А вот, о бхиккху, Благородная истина о возникновении страдания: это жажда, что ведёт к возрождению, сопровождающаяся упоением и чувственное желанием, поиск упоения то тут, то там, а именно — жажда чувственных услад, жажда существования, жажда уничтожения.

А вот, о бхиккху, Благородная истина о прекращении страдания: это отбрасывание без остатка, истребление и прекращение этой самой жажды, отказ, освобождение от неё, нецепляние.

А вот, о бхиккху, Благородная истина о пути, ведущем к прекращению страдания, — это Благородный восьмеричный путь: Совершенные воззрения, Совершенные устремления, Совершенная речь, Совершенные деяния, Совершенные средства к существованию, Совершенные усилия, Совершенное памятования и Совершенное сосредоточение.

Эта Благородная истина о страдании, после постижения которой по отношению к ранее не слышанным вещам во мне зародились видение, знание, мудрость, постижение, воссиял свет. Благородная истина о страдании должна быть полностью постигнута: по отношению к не слышанным ранее вещам во мне зародились видение, знание, мудрость, постижение, воссиял свет.

¹⁸ *Pañcaupādānakkhandha* (пять совокупностей, подверженных цеплянию) будут подробно рассмотрены в главе 12.

Благородная истина о страдании была полностью постигнута: по отношению к ранее не слышанным вещам во мне зародились видение, знание, мудрость, постижение, воссиял свет.

Благородная истина о возникновении страдания: по отношению к ранее не слышанным вещам во мне зародились видение, знание, мудрость, постижение, воссиял свет. Благородная истина о возникновении страдания должна быть полностью отброшена: по отношению к не слышанным ранее вещам во мне зародились видение, знание, мудрость, постижение, воссиял свет.

Благородная истина о возникновении страдания была полностью отброшена: по отношению к не слышанным ранее вещам во мне зародились видение, знание, мудрость, постижение, воссиял свет.

Благородная истина о прекращении страдания: по отношению к не слышанным ранее вещам во мне зародились видение, знание, мудрость, постижение, воссиял свет.

Благородная истина о прекращении страдания должна быть полностью осуществлена¹⁹: по отношению к не слышанным ранее вещам во мне зародились видение, знание, мудрость, постижение, воссиял свет. Благородная истина о прекращении страдания была полностью осуществлена: по отношению к не слышанным ранее вещам во мне зародились видение, знание, мудрость, постижение, воссиял свет.

Благородная истина о Пути, ведущем к прекращению страдания: по отношению к не слышанным ранее вещам во мне зародились видение, знание, мудрость, постижение, воссиял свет. Благородная истина о Пути, ведущем к прекращению страдания, должна быть полностью развита: так, бхиккху, по отношению к не слышанным ранее вещам во мне зародились видение, знание, мудрость, постижение, воссиял свет.

Благородная истина о Пути, ведущем к прекращению страдания, была полностью развита: по отношению к не слышанным ранее вещам во мне зародились видение, знание, мудрость, постижение, воссиял свет.

До тех пор, пока моё знание и моё видение этих четырёх благородных истин в соответствии с действительностью в их трёх стадиях и двенадцати аспектах не были тщательно очищены, я не мог провозгласить себя полностью и в совершенстве Пробуждённым в этом мире с его дэвами, Марой и Брахмой, отшельниками и брахманами, людьми и божествами. Но когда моё знание и моё видение этих четырёх благородных истин в соответствии с действительностью в их трёх стадиях и двенадцати аспектах были тщательно очищены, я смог провозгласить себя полностью и в совершенстве Пробуждённым в этом мире с его дэвами, Марой и Брахмой, отшельниками и брахманами, людьми и божествами.

¹⁹ *Bhāvetabbam*: «должна практиковаться».

Знание и видение зародились во мне: «Моё Освобождение непоколебимо. Это моё последнее рождение, и для меня больше не будет нового существования».

(Вин Мхвг. 1:6; СН 56:11)

Пока это наставление произносилось, в отшельнике Конданнья воссияло незапылённое, безупречное видение Дхаммы: «Всё, что имеет природу возникновения, — имеет природу прекращения».

Когда колесо Дхаммы было приведено в движение Благословенным, земные божества воскликнули: «В Варанаси, в Оленьем парке в Исипатане непревзойдённое колесо Дхаммы было приведено в движение Благословенным. Его не остановить ни одному отшельнику или брахману, или дэве, или Маре с Брахмой — никому в мире!»

Услышав восклицание земных божеств, дэвы обители Четырёх великих царей воскричали: «В Варанаси, в Оленьем парке в Исипатане непревзойдённое колесо Дхаммы было приведено в движение Благословенным. Его не остановить ни одному отшельнику или брахману, или дэве, или Маре с Брахмой — никому в мире!»

Услышав восклицание дэвов обители Четырёх великих царей, дэвы Таватимсы... дэвы Ямы... дэвы Тусита... Дэвы, наслаждающиеся творением... Дэвы, властвующие над творениями других... дэвы из свиты Брахмы воскрикнули: «В Варанаси, в Оленьем парке в Исипатане непревзойдённое колесо Дхаммы было приведено в движение Благословенным. Его не остановить ни одному отшельнику или брахману, или дэве, или Маре с Брахмой — никому в мире!»

В этот момент, в этот самый миг, возгласы достигли мира Брахмы, и вся система тысячи миров пошатнулась, затряслась, затрепетала, и неизмеримое великое сияние, превосходящее божественное, озарило мир.

Тогда Благословенный произнёс это вдохновенное изречение: «Конданнья воистину понял! Конданнья воистину понял!» Так достопочтенный Конданнья получил имя «Аннья Конданнья — Конданнья, который понял».

Аннья Конданнья, который прозрел в Дхамму и достиг её, чьи колебания были полностью развеяны, чьи сомнения были разрушены, обретший безупречную веру в Дхамму, обратился к Возвышенному: «Достопочтенный, я хотел бы получить полное посвящение от Благословенного и стать монахом под его покровительством».

— Ступай, о бхиккху! — отвечивал Благословенный. — Славно возвещена эта Дхамма. Живи святой жизнью во имя полного избавления от всех страданий.

И это стало посвящением для Аннья Конданнья.

Тогда Благословенный стал наставлять, увещевать, обучать оставшихся монахов Дхамме. После того, как он сделал это, в достопочтенном Ваппе, и в достопочтенном

Бхаддиди воссияло незапылённое, безупречное видение Дхаммы: «Всё, что имеет природу возникновения, — имеет природу прекращения». Они также попросили у Будды полного посвящения.

Питаясь пищей, полученной в виде подаяния, Благословенный продолжал наставлять остальных монахов. Все шестеро жили за счёт подаяния, которое собирали трое из них. В один день в достопочтенном Маханама, и в достопочтенном Ассаджи также воссияло незапылённое, безупречное видение Дхаммы, после чего они попросили о полном посвящении.

Тогда Благословенный обратился к монахам так:

(Вин Мхвг. 1:6)

Беседа о пустотности

— О бхиккху, форма безлична. Если бы материальная форма не была безлична, то она не приводила бы к бедствию, и было бы возможно повелевать ею: «Пусть моя форма будет таковой, пусть моя форма не будет таковой!». Однако форма безлична, она приводит к бедствию, и невозможно повелевать ею: «Пусть моя форма будет таковой, пусть моя форма не будет таковой!».

Чувство безлично... Восприятие безлично... Волевые умопостроения безличны...
Сознание безлично. Если бы сознание не было безлично, то оно не приводило бы к бедствию, и было бы возможно повелевать им: «Пусть моё сознание будет таковым, пусть моё сознание не будет таковым!». Однако сознание безлично и приводит к бедствию, и невозможно повелевать им: «Пусть моё сознание будет таковым, пусть моё сознание не будет таковым!».

Как вы считаете, бхиккху, материальная форма постоянна или непостоянна?

— Непостоянна, достопочтенный.

— То, что непостоянно, является счастьем или страданием?

— Страданием, достопочтенный.

— Правильно ли рассматривать то, что непостоянно, подвержено страданию и изменению, так: «Это моё, это я, это принадлежит мне»?

— Нет, достопочтенный.

— Чувство постоянно или непостоянно?.. Восприятие постоянно или непостоянно?..

Волевые умопостроения постоянны или непостоянны?.. Сознание постоянно или непостоянно?

— Непостоянно, достопочтенный.

— То, что непостоянно, является счастьем или страданием?

— Страданием, достопочтенный.

— Правильно ли рассматривать то, что непостоянно, подвержено страданию и изменению, так: «Это моё, это я, это принадлежит мне»?

— Нет, достопочтенный.

— Поэтому, бхиккху, какая бы ни существовала материальная форма — прошлая, будущая или настоящая, внешняя или внутренняя, грубая или утончённая, возвышенная или низкая, близкая или далёкая, — любую форму следует рассматривать правильной мудростью такой, какой она является в действительности: «Это не моё, это не я, это не принадлежит мне». Какое бы ни существовало чувство... Какое бы ни существовало восприятие... Какие бы ни существовали волевые умопостроения... Какое бы ни существовало сознание — прошлое, будущее или настоящее, внешнее или внутреннее, грубое или утончённое, возвышенное или низкое, близкое или далёкое, — любое сознание следует рассматривать правильной мудростью таким, каким оно является в действительности: «Это не моё, это не я, это не принадлежит мне».

Взирая на всё таким образом, обученный благородный ученик разочаровывается в материальной форме, разочаровывается в чувстве, разочаровывается в восприятии, разочаровывается в волевых умопостроениях, разочаровывается в сознании. Разочаровавшись, он становится бесстрастным. Посредством бесстрастия его ум освобождается. С Освобождением приходит знание: «Это — Освобождение». Он постигает: «Рождение разрушено, прожита святая жизнь, совершено то, что необходимо было совершить, больше нет для меня возврата ни в одно состояние бытия».

Так было сказано Благословенным. Воодушевлённые, монахи восхитились словами Благословенного. И в то время, когда давалось это наставление, умы монахов из собрания пяти освободились от всех оков через нецепляние.

Так в мире появилось шестеро арахантов.

(Вин Мхвг. 1:6, СН 22:59)

4. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ДХАММЫ

ВТОРОЙ ГОЛОС. Однажды произошёл такой случай. Речь идёт о Ясе, члене богатой семьи, сыне богатого торговца. Он был прекрасно воспитан, имел три дворца: один для лета, другой для зимы, а третий – для сезона дождей. Четыре месяца сезона дождей он жил в третьем дворце, услаждая себя игрой музыкантов, все из которых были женщинами, и не спускаясь в нижние чертоги.

Однажды Яса наслаждался всеми предоставленными ему пятью видами чувственных удовольствий, после чего, несмотря на ранний час, заснул рядом со своими наложницами. Когда он проснулся, наложницы ещё спали, хорошо освещённые светом ночной лампы. Он увидел, что одна спит с лютней в руках, другая с барабаном, третья с флейтой под подбородком. У одной волосы были спутаны,

словно солома, у другой из рта текла слюна, третья бессвязно бормотала во сне. Всё это было похоже на кладбище. Убожество этого зрелища столь поразило Ясу, что у него заколотилось сердце и он воскликнул: «Как страшно, как отвратительно!²⁰» Он надел свои золотые сандалии и отворил двери дворца (в это время божества помогали ему, дабы никто не мог воспрепятствовать его отречению).

Яса проследовал до оленьего парка в Исипатане. В это время Благословенный, который пребывал в парке, проснулся очень рано и прохаживался назад и вперёд на открытом воздухе.

Когда он увидел приближающегося Ясу, он оставил свою прогулку и воссел на приготовленное для него сиденье. Когда Яса приблизился к нему, он воскликнул: «Как страшно, как отвратительно!»

Благословенный промолвил: «Это не страшно, это не отвратительно. Подойди, Яса, сядь. Я научу тебя Дхамме».

Тот подумал: «Это не страшно, это не отвратительно», – и разум его преисполнился надежды и радости. Он снял свои золотые сандалии и подошёл близко к Будде, воздав ему почести, а затем сел с одной стороны.

Когда он сделал это, Благословенный наставил его последовательным поучением Дхаммы, то есть беседой о преимуществах даяния и добродетели, о счастье небесных миров; он вразумил его об опасности и обратной стороне чувственных усад, и о преимуществе отречения. Когда он узрел, что ум Ясы стал мягким, податливым, свободных от омрачений, преисполненным доверия и восприимчивым, Благословенный дал ему наставление, являющееся особенным для всех будд²¹ – о страдании, причине страдания, прекращении страдания и пути, ведущем к прекращению страдания.

И, подобно тому, как чистая ткань без следов пятен может впитать равномерно краску, в Ясе, пока он сидел на своём месте, воссияло незапылённое, безупречное видение Дхаммы: «Всё, что имеет природу возникновения, — имеет природу прекращения».

Тем временем, мать Ясы, придя во дворец, не застала там сына и доложила об этом супругу, который велел разослать гонцов по всем четырём сторонам света. Сделав это, он сам отправился в Олений парк в Исипатане. Когда Благословенный увидел отца Ясы приближающимся, он подумал: «Что, если я при помощи своих чудесных способностей сделаю так, что торговец не сможет увидеть Ясу?»

²⁰ История Ясы со спящими наложницами-музыкантшами в Типитакке встречается только в данной сутте, однако более поздние комментарии расширяют её до истории, которая стала мотивирующей для Бодхисатты в его отречении.

²¹ *Sāṃukkaṃsika* (высочайший, превосходный) основан на комментарии к АН 7:12. Нет никаких сомнений в том, что словарь P.T.S. здесь даёт ошибочное значение.

Он сделал это, и когда торговец, поприветствовав его, осведомился, не видел ли он Ясу, ответил:

«Присядь, тогда, возможно, ты сам сможешь увидеть Ясу, потому что он тоже находится рядом».

Торговец обрадовался и, воздав почести Будде, сел с одной стороны. Тот дал ему то же самое последовательное наставление, что и для Ясы. Торговец на этом самом месте прозрел в Дхамму, а его колебания были полностью развеяны, его сомнения были разрушены. Он обрёл безупречную веру в Дхамму и стал независимым от мнения других в учении Победителя. Он воскликнул:

«Великолепно, достопочтенный! Великолепно, достопочтенный! Благословенный показал нам Дхамму многими путями, подобно тому как поднимают то, что было опрокинуто; как открывают и демонстрируют то, что было сокрыто, указывают путь заблудившемуся; как возжигают светильник, дабы имеющие очи могли увидеть. Мы принимаем прибежище в Благословенном, в Дхамме и в Сангхе монахов! Пусть Благословенный примет нас как своих мирских последователей, принявших прибежище с сегодняшнего дня и до последнего вдоха!»

И это стало первым случаем принятия прибежища в трёх драгоценностях. Во время того, как давалось наставление для отца Ясы, сам Яса получил ещё более глубокое прозрение, благодаря которому его разум всецело освободился от всех оков.

Когда это произошло, Будда подумал: «Теперь Яса уже не в состоянии отказаться от своего отречения и вновь возвратиться к наслаждению чувственными уладами и домохозяйской жизни, как это было прежде. Отчего бы мне не прекратить использовать чудесные способности?»

Так и случилось. После этого торговец смог увидеть своего сына сидящим рядом. Он обратился к нему: «Сын, твоя мать охвачена горем и кручиной. Прошу, не дай ей погибнуть!»

Яса обратил взор к Благословенному. Тот промолвил: «Как ты себе представляешь это, торговец? Если Яса узрел Дхамму тем оком²², которое теперь есть и у тебя, получил ещё более глубокое знание, благодаря которому его ум всецело освободился от всех оков, то может ли он теперь отказаться от своего отречения и вновь возвратиться к наслаждению чувственными уладами и домохозяйской жизни, как он делал прежде?»

«Нет, достопочтенный».

²² Речь об оке Дхаммы.

«Однако именно это и произошло с ним. Он уже не может отказаться от своего отречения и вновь возвратиться к наслаждению чувственными усадками и домохозяйской жизни, как прежде».

«Это достижение, достопочтенный, это великая удача, что Яса всецело освободился от всех оков. Прошу, достопочтенный, позвольте мне приготовить для вас кушанье, а Яса будет сопровождать вас в качестве помощника».

Благословенный отвечив молчаливым согласием. Поняв, что он удостоил его согласия, торговец поднялся со своего места, и, выразив почтение, обошёл справа Благословенного и удалился.

Вскоре после его ухода Яса попросил Будду о полном посвящении.

— Ступай, о бхиккху! — отвечив Благословенный. — Славно возвещена эта Дхамма. Живи святой жизнью во имя полного избавления от всех страданий.

И это стало посвящением для Ясы.

Так в мире стало семеро арахантов.

Утром Благословенный оделся и, взяв свою чашу и верхнее одеяние, направился с бхиккху Ясой в качестве сопровождающего, в дом торговца, где воссел на подготовленное для него место. Мать Ясы и его бывшая жена приблизились к нему, и, воздав почести, сели с одной стороны. Он дал им то же последовательное наставление, что и Ясе и его отцу. Тогда в обеих женщинах воссияло незапылённое, безупречное видение Дхаммы: «Всё, что имеет природу возникновения, — имеет природу прекращения». Они прозрели в Дхамму, как и отец Ясы, и приняли прибежище в трёх драгоценностях.

«Мы принимаем прибежище в Благословенном, в Дхамме и в Сангхе монахов!

Пусть Благословенный примет нас как своих мирских последовательниц, принявших прибежище с сегодняшнего дня и до последнего вдоха!»

И они стали первыми мирянками, которые приняли прибежище в трёх драгоценностях.

После этого родители Ясы и его бывшая жена своими руками накрывали на стол вкуснейшие яства для Благословенного и для бхиккху Ясы, стараясь предложить самое лучшее угощение. Когда Будда закончил трапезу и его чаша стала пустой, они сели с одной стороны. Благословенный вновь наставлял, вразумлял и вдохновлял их беседой о Дхамме, после чего поднялся с места и удалился.

В это время четверо друзей почтенного Ясы из достойных семей видных торговцев по имени Вимала, Сабаху, Пунняджи и Гавампати, услышали, что: «Яса, сын богатого торговца, обрил свои волосы и бороду, облачился в жёлтые одеяния и оставил родной дом во имя бездомного странствования».

Услышав об этом, они задумались: «Должно быть, Дхамма и Виная, которым он следует — не какие-то обычные, а его странствие — не обычное бездомное странствие, раз Яса пошёл на это».

Они отыскивали бхиккху Ясу и, воздав ему почести, встали с одной стороны. Тот порешил отвести их в Благословенному и попросил его дать им наставление. Тогда Благословенный наставил их, как и всех предыдущих людей, после чего они обрели уверенность в этой Дхамме и Винае. Они произнесли: «Достопочтенный, мы желаем получить от Вас полное посвящение».

— Идите, о бхиккху! — ответил Благословенный. — Славно возведена эта Дхамма. Живите святой жизнью во имя полного избавления от всех страданий. И это стало посвящением для четверых друзей Ясы. Покуда Благословенный вновь наставлял, воодушевлял и пробуждал их беседой о Дхамме, их разум освободился от всех оков посредством нецепляния.

Так в мире стало одиннадцать арахантов.

После этого пятьдесят друзей бхиккху Ясы, сынов ведущих семей и семей среднего достатка, услышали, что Яса обрил свои волосы и бороду, облачился в жёлтые одеяния и оставил родной дом во имя бездомного странствования. Они отыскивали почтенного Ясу и попросили отвести их в Благословенному, который дал им наставление. После этого они пожелали принять полное посвящение. Покуда Благословенный вновь наставлял, воодушевлял и пробуждал их беседой о Дхамме, их ум освободился от всех оков посредством нецепляния.

Так в мире появился шестьдесят один арахант.

Тогда Будда обратил к ним такое воззвание: «О бхиккху, я не скован никакими путями: ни земными, ни небесными. Вы тоже не скованы никакими путями: ни земными, ни небесными. Ступайте прямо сейчас и странствуйте во имя благополучия и счастья многих, из сострадания к миру, для процветания и благоденствия людей и богов! Возвещайте Дхамму, которая славно сказана в начале, славно сказана в середине и славно сказана в конце, со всем её смыслом и посланием. Вразумляйте святой жизни, которая является всецело совершенной и чистой. Существуют люди, имеющие лишь немного пыли в глазах, которые испытывают великую потерю, не узнавая Дхамму. Есть те, кто способен её постичь. Я же отправлюсь в Урувелу, в Сенанигаму, дабы возвестить Дхамму».

Тогда Мара, Злой дух, приблизился к Благословенному и обратился к нему такими словами:

Ты скован многими путями:

И земными, и небесными;

И путы, сковавшие тебя, крепки,

Тебе не скрыться от меня, отшельник!

(Будда):

От всех я пут освобождён:
Как земных, так и небесных;
Освобождённый от них,
Тебя изгнал я, Разрушитель!

(Мара):

Держу в узде я разум твой,
Мои кандалы на тебя накинута;
Вовеки удержу тебя я ими,
Не думай скрыться от меня, отшельник!

(Будда):

Иссохла жажда у меня ко вкусам,
Звукам, запахам, формам и касаниям;
Пусть привлекательны они для глупых,
Но ты повержен ныне, Разрушитель.

Тогда Мара, Злой дух, осознал, что Благословенный узнал его. Опечаленный и поникший, он немедленно исчез.

Между тем монахи, отправившиеся в странствие во имя благополучия многих, стали приводить из разных мест и разных стран людей, желающих присоединиться к Сангхе. Они желали попасть на встречу с Буддой и получить посвящение от него. Такая ситуация стала создавать неудобства.

Благословенный обдумал этот вопрос и вечером созвал собрание монахов для обсуждения. После беседы о Дхамме он сказал:

«Бхиккху, когда я пребывал в уединении мне явилась такая мысль: «Монахи, отправившиеся в странствие во имя благополучия многих, стали приводить из разных мест и разных стран людей, желающих присоединиться к Сангхе. Они желали попасть на встречу со мной и получить посвящение от меня. Такая ситуация стала неудобна. Почему бы мне не уполномочить моих монахов давать другим людям посвящение в любом месте и в любой стране, где бы они ни находились?»

Итак, бхиккху, я разрешаю вам посвящать других. Церемония должна проходить следующим образом. Прежде всего, желающему посвящения следует обрить свои волосы и бороду. После этого ему следует облачиться в жёлтое одеяние, перекинув его через плечо, и выразить почтение монаху, опустившись пред его стопами. Затем,

оставаясь на коленях, он должен сложить руки в анджали, и произнести:

«Принимаю прибежище в Будде. Принимаю прибежище в Дхамме. Принимаю прибежище в Сангхе. Во второй раз... В третий раз...»

Я разрешаю принимать монашеское посвящение посредством принятия тройного прибежища».

После того, как Благословенный провёл сезон дождей в Бенаресе, он обратился к бхиккху так:

«Бхиккху, благодаря умелому вниманию, благодаря неустанному великому усердию я обрёл наивысшее Освобождение. Благодаря умелому вниманию, благодаря неустанному усердию вы, о бхиккху, также обрели наивысшее освобождение».

Тогда Мара, Злой дух, приблизился к Благословенному и обратился к нему такими словами:

Ты скован многими путами:

И земными, и небесными;

И путы, сковавшие тебя, крепки,

Тебе не скрыться от меня, отшельник!

(Будда):

От всех я пут освобождён:

Как земных, так и небесных;

Освобождённый от них,

Тебя изгнал я, Разрушитель!

Тогда Мара, Злой дух, осознал, что Благословенный узнал его. Опечаленный и поникший, он немедленно исчез.

Когда Благословенный прожил в Бенаресе, сколько пожелал сам, он не спеша отправился странствовать далее, в Урувелу. По дороге он решил зайти в лес, чтобы предаться созерцанию у корней дерева. В это же время компания из тридцати молодых друзей вместе с жёнами развлекались в том же лесу. Один из них не имел жены и для него нашли куртизанку, которая, пока все беспечно веселились, похитила всё его имущество и исчезла. Желая помочь другу, молодые люди совместно отправились на её поиски. Когда они увидели восседающего под деревом Будду, они спросили его:

— Достопочтенный, Вы не видели здесь женщину?

— Для чего вам нужна эта женщина?

Они рассказали ему о том, что произошло.

— Как вы полагаете, что важнее: искать женщину или искать себя²³?

— Конечно, искать себя, достопочтенный.

— Тогда присядьте и я научу вас Дхамме.

— Да, достопочтенный, — отвечали они и, выразив почтение Благословенному, сели с одной стороны.

Он дал им последовательное наставление о Дхамме. В них воссияло незапылённое, безупречное видение Дхаммы, и они стали независимы от других в учении Победителя. Все молодые люди попросили о посвящении в монахи.

— Идите, о бхиккху! — отвечал Благословенный. — Славно возведена эта Дхамма. Живите святой жизнью во имя полного избавления от всех страданий. И это стало посвящением для них.

Благословенный продолжил странствие, покуда не достиг Урувелы. В Урувеле в то время проживали три отшельника со спутанными волосами и все по имени Кассапа: Урувела Кассапа, Нади Кассапа и Гайя Кассапа. Урувела Кассапа был предводителем, вожаком, главой и наставником пятисот отшельников со спутанными волосами; Нади Кассапа – трёхсот, а Гайя Кассапа – двухсот.

И тогда Благословенный, приблизившись к жилищу Урувелы Кассапы, обратился к нему так:

— Если ты не имеешь ничего против, я бы остановился на одну ночь в комнате для возжигания огня.

— Я не против, Великий отшельник, но в этой комнате обитает царь змей, сильный и лютый, из его клыков капает яд. Я опасюсь, что он может погубить тебя.

Благословенный повторил дважды своё просьбу и дважды получил тот же ответ.

Тогда он промолвил:

— Возможно, царь змей не причинит мне вреда. Впусти меня в комнату для возжигания огня, Кассапа.

— Входите, Великий отшельник, если так желаете.

Благословенный вошёл в комнату для возжигания огня, постелил соломенный коврик и сел на него со скрещёнными ногами, установив памятование о дыхании.

Царь змей, увидев его в комнате, взбеленился и выпустил клубы пламени.

Благословенный подумал: «Что, если я, не повредив этому змею кожу, плоть, сухожилия, подавлю его пламя своим пламенем?»

²³ Нет никаких оснований трактовать выражение *attānaṃ gavesseyyātha* («вам следует искать себя») шире, чем в смысле самопознания. В пали слово *attā* (я) не используется во множественном числе, и нет ничего странного в том, что форма единственного числа используется по отношению к группе людей (в индийском алфавите также нет заглавных букв).

Используя свои чудесные способности, он сделал это. Змей взбеленился ещё сильнее и вновь выпустил поток пламени. Благословенный тем временем овладел стихией огня и тоже вновь выпустил пламя. Они оба стали словно поглощены огнём, а вся комната полыхала и горела.

Обнаружив это, отшельники, находящиеся рядом, промолвили:

— Поистине, велик этот отшельник, не способен погубить его царь змей.

А сам Благословенный по истечении ночи, не повредив змею кожу, плоть, сухожилия, подавив его пламя своим пламенем, погрузил его в чашу для подаяния и так сказал Урувеле Кассапа:

— Вот твой царь змей, Кассапа. Я подавил его пламя своим пламенем.

«Велик и могуществен этот отшельник, — подумал Кассапа. — Он сумел побороть царя змей, сильного и лютого, с клыков которого капает яд. Однако всё же он не арахант, как я».

Однажды Благословенный находился в лесу неподалёку от жилища отшельника Урувелы Кассапы. По истечению ночи четыре великих божественных царя, прекрасные своим обличем, озарив своим сиянием всю рощу, приблизились к Благословенному. Приблизившись и поприветствовав его, они встали с четырёх сторон, подобные огромным столпам огня.

Утром Урувела Кассапа приблизился к Благословенному, и, приблизившись, произнёс:

– Пришло время, Великий отшельник, кушанье приготовлено. Но кто же они, Великий отшельник, те, что на исходе ночи, прекрасные видом, осветив своим сиянием всю рощу, приблизились к Вам и, прекрасные своим обличем, озарив своим сиянием всю рощу, приблизились и поприветствовав Вас, встали с четырёх сторон, подобные огромным столпам огня?

– Четыре великих божественных царя пожаловали ко мне, дабы послушать Дхамму из моих уст, Кассапа.

«Велик и могуществен этот отшельник, — подумал Кассапа. — Четыре великих божественных царя пожаловали, дабы послушать Дхамму из его уст. Однако всё же он не арахант, как я».

В другую ночь Сакка, царь среди богов, и великий Брахма Сахампати явились к Благословенному. Их обоих также увидал Урувела Кассапа, и история повторилась, подобно предыдущей.

Тем временем, у отшельника Урувелы Кассапы наступила пора большого жертвоприношения, и все жители Анги и Магадхи собирались посетить его, принеся всевозможные кушанья. У Урувелы Кассапы возникла такая мысль: «Наступила пора большого жертвоприношения, и все жители Анги и Магадхи собирались посетить меня, принеся всевозможные кушанья. Если Великий отшельник при таком

скоплении народа явит свои чудесные силы, то его слава возрастет, а моя, напротив, уменьшится. Было бы славно, если бы он не приходил».

Благословенный постиг своим умом разум Кассапы и отправился на запад в Уттаракуру, где сначала пошёл за подаянием. Собрал для себя пищу, он пришёл на реку Анотатту, где отведал пищи и затем провёл свой день в созерцании. По прошествии же ночи отшельник Урувела Кассапа приблизился к Благословенному, и, приблизившись, сказал ему так:

– Пришло время, Великий отшельник, пища готова. Но почему Вы не пришли вчера? Ведь мы все вспоминали: «Отчего не идёт Великий отшельник, приготовлены для него яства?»

Благословенный объяснил ему.

«Велик и могуществен этот отшельник, — подумал Кассапа. — Он способен своим разумом познавать мой разум. Однако всё же он не арахант, как я».

Вскоре Благословенный нашёл кем-то брошенное, покрытое пылью, одеяние. Он подумал: «Как мне очистить его?» В этот же миг Сакка, царь богов, познав своим умом рассуждение в уме Благословенного, создал своими руками озеро и промолвил: «Достопочтенный, пусть в этом озере Благословенный вымоет пыльное одеяние».

Тогда Благословенный подумал так: «Обо что мне постирать это пыльное одеяние?» В ответ на это Сакка, царь богов, познав своим умом рассуждение в уме Благословенного, достал откуда-то большой камень и сказал ему: «Пусть достопочтенный здесь постирает пыльное одеяние».

Тогда Благословенный подумал так: «На что мог бы я опереться, чтобы выйти из воды?» В этот же миг божество, обитающее в дереве какудха, познав своим умом рассуждение в уме Благословенного, склонило ветвь дерева, чтобы Благословенный смог опереться на него и выйти из воды.

После этого Благословенный подумал: «Где мне развесить брошенное одеяние?» Сакка, царь богов, познав своим умом рассуждение в уме Благословенного, принёс большой камень: «Пусть здесь достопочтенный развесит одеяние».

По истечении ночи отшельник Урувела Кассапа приблизился к Благословенному, обратился к нему:

– Пришло время, Великий отшельник, кушанье ожидает Вас. Прежде я не видел этого озера, а сейчас оно здесь. И здесь не было камней. Кто принёс их? А ветвь у дерева какудха не была склонена так, как сейчас.

Благословенный объяснил ему, что случилось.

«Велик и могуществен этот отшельник, — подумал Кассапа. — Сам Сакка, царь богов, в услужении у него. Однако всё же он не арахант, как я».

По истечении отшельник Урувела Кассапа приблизился к Благословенному и объявил ему о времени принятия пищи:

– Пришло время, Великий отшельник, кушанье ожидает Вас.

– Ступай, Кассапа, я прошествую следом за тобой, – отвечал Благословенный, и, сорвав плод с дерева джамбу, благодаря которому индийский континент Джамбудипа носит свое название, пришёл раньше и воссел в комнате для возжигания огня. Урувела Кассапа удивился, увидев Благословенного:

– Какой дорогой Вы шествовали, Великий отшельник? Я отправился раньше Вас, но Вы прибыли раньше меня и уже находитесь в комнате для возжигания огня.

– Кассапа, я отпустил тебя и, взяв плод с дерева джамбу, благодаря которому континент Джамбудипа носит свое название, пришёл раньше и воссел в комнате для возжигания огня. Пред тобою, Кассапа, плод дерева джамбу, превосходный своим видом, благоухающий, с изысканным вкусом. Съешь его, коли пожелаешь.

– Не нужно, Великий отшельник! Этот плод подобает вкушать только Вам.

«Велик и могуществен этот отшельник, — подумал Кассапа. — Я отправился раньше него, но он прибыл раньше меня, сорвав плод с дерева джамбу, благодаря которому индийский континент Джамбудипа носит свое название, и уже находится в комнате для возжигания огня. Однако всё же он не арахант, как я».

Затем Благословенный возвратился в лес.

После этого он, отправившись позднее Урувелы Кассапы, оказывался раньше него, сорвав плоды с дерева амалака... с дерева харитака... достигнув небес Тридцати трёх и взяв цветок с дерева париччхаттака. И каждый раз мысли отшельника Урувелы Кассапы были одними и теми же.

Однажды один отшельник со спутанными волосами пожелал возжечь огонь, но не смог расколоть дрова. Он подумал: «Должно быть, это из-за чудесных способностей Великого отшельника мы не можем расколоть дрова».

Тогда Благословенный обратился к отшельнику Урувеле Кассапе:

– Пусть, Кассапа, расколются дрова.

– Пусть расколются, Великий отшельник.

И тотчас расколось пять сотен дров.

«Велик и могуществен этот отшельник, — подумал Кассапа. — Это из-за чудесных его способностей отшельник не смог расколоть дрова. Однако всё же он не арахант, как я».

В другой раз отшельники со спутанными волосами желали вознести почести огню, но не могли возжечь огонь...не смогли погасить огонь. И каждый раз мысли отшельника Урувелы Кассапы были одними и теми же.

Между тем отшельники со спутанными волосами во время холодного зимнего сезона, ночью, до и после новолуния, находясь в водах реки Неранджары, вставали из воды, а затем вновь погружались в неё. Благословенный явил пять сотен чаш, несущих огонь, чтобы отшельники смогли согреться, когда они покидают реку.

После этого они подумали: «Чудесными способностями Великого отшельника явлены для нас эти чаши, несущие огонь!»

«Велик и могуществен этот отшельник, — подумал Кассапа. — Чудесными способностями его явлены для отшельников эти чаши, несущие огонь. Однако всё же он не арахант, как я».

Однажды с неба пролились сильные ливни, случившиеся не по сезону, и произошло наводнение. Однако место, где пребывал Благословенный, не было залито водой. Он подумал: «Отчего бы мне не разделить воду и не пройти в середине по земле, покрытой пылью?»

Он сделал так. В это время отшельник Урувела Кассапа озадачился: «Как бы не унесло водой Великого отшельника», — и, вместе с множеством других отшельников приплыл на лодке туда, где находился Благословенный. Там он увидел, что Благословенный, разделив всю воду, идёт в середине по земле, покрытой пылью, и задал ему вопрос:

– Это Вы, Великий отшельник?

– Это я, Кассапа, — отвечив Благословенный, и, воспарив по воздуху, поднялся прямо к лодке.

«Велик и могуществен этот отшельник, — подумал Кассапа. — Даже вода не может ничего сделать с ним. Однако всё же он не арахант, как я».

Тогда Благословенный подумал: «Как долго этот невежественный человек собирается раздумывать: «Однако всё же он не арахант, как я»? Что, если мне привести его в смятение?»

– Ты не арахант, Кассапа, и даже не находишься на той тропе, которая приводит к арахантству. Ничего из того, что ты делаешь, не приводит к нему, и не имеет с ним ничего общего.

После этих слов отшельник Урувела Кассапа упал головой ниц перед стопами Благословенного и произнёс: «Достопочтенный, я хотел бы получить полное посвящение от Вас».

– Но ты, Кассапа, являешься предводителем, вожаком, главой и наставником пяти сотен отшельников со спутанными волосами. Ступай к ним и спроси о том, что они думают по этому поводу. Пусть они рассудят сами после этого, как им поступить. Урувела Кассапа отправился к пяти сотням отшельникам и сказал им, что желает вести святую жизнь под предводительством Великого отшельника, и предложил им поступить так, как они сами пожелают. Они пожелали присоединиться к ним: «У нас есть огромная вера в Великого отшельника. Если ты пойдёшь за ним, мы все сделаем то же самое».

Так пять сотен отшельников, предав реке свои спутанные волосы, ритуальные вещи для принесения жертв огню, приблизились к Благословенному. Приблизившись,

они упали головами ниц пред стопами Благословенного и произнесли:
«Достопочтенный, мы хотели бы получить полное посвящение от Вас».
– Ступайте, о бхиккху! – отвечивал Благословенный. – Славно возвещена эта
Дхамма. Живите святой жизнью во имя полного избавления от всех страданий.
И это стало полным посвящением для пяти сотен отшельников.
В это время отшельник Нади Кассапа увидел, как река уносит спутанные волосы и
ритуальные вещи для принесения жертв огню, подумал: «Не случилось ли у моего
брата какой-то беды?» Он отправил отшельников: «Ступайте, разведайте, как там
мой брат». И сам, вместе с тремя сотнями отшельниками, приблизился к Урувеле
Кассапе. Приблизившись, он задал ему вопрос:
– Это действительно лучшее, Кассапа?
– Да, друг, это действительно лучшее.
Тогда три сотни отшельников, предав реке свои спутанные волосы, ритуальные вещи
для принесения жертв огню, приблизились к Благословенному и попросили у него
полное посвящение. И две сотни отшельников Гайи Кассапы с ним во главе сделали
то же самое.

(Вин. Мхвг. 1:7-20)

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Так я слышал. Однажды Благословенный пребывал в Урувеле
вблизи дерева Аджапала Нигродхи на реке Неранджаре. В это же время Мара, Злой
дух, безуспешно разыскивающий Будду уже в течение семи лет, увидел его и
обратился с такими словами:

Объятый скорбью,
В созерцанье погрузился ты в лесу,
Небось, богатство потерял, кручиной удручён,
Иль лиходейство совершил какое?
Так отыщи себе друзей сердечных,
Пусть связи близкие возникнут у тебя.

(Будда):

Я вырвал скорби корень,
Я, зла лишённый, созерцаю в джхане,
Лишённый гореванья;
Разрушил жажду к бытию,
Без загрязнений странствуя,
Я созерцаю в джхане,
О ты, беспечности сородич!

(Мара):

Те люди, что твердят «моё»,
О разных говоря вещах,
Коль и твой ум на этом установлен,
Тебе не скрыться от меня, отшельник!

(Будда):

Я ни о чём, как о «своём», не мыслю,
Я не из тех, кто рассуждает так;
Знай, Злобный –
Путь мой тебе не увидеть!

(Мара):

Коль путь, к Неумирающему ведущий,
Ты смог открыть –
В чём толк тебе учить ему других?
Ступай один ты по нему!

(Будда):

«Что за пределами у смерти?» –
Так вопрошают люди,
Желающие берега достичь Иного;
Им возведу я истину,
Что знаменует от обретений всех свободу.

(Причитания Мары):

«Вообрази, почтенный, что недалеко от деревни или города находится лотосовый пруд, в котором живёт краб. Несколько мальчиков пришли бы к этому пруду и вытащили краба из воды, положив на землю. После этого, пока краб старался бы вытянуть свои клешни одну за другой, дети отрубали бы их, ломали и разбивали на куски палками и камнями. После того, как все клешни краба были бы отрублены, сломаны и разбиты, этот несчастный не смог бы вернуться в свой пруд. Подобно этому, почтенный, все искажения, фокусы и уловки Мары были разрушены, сломаны и разбиты Благословенным. У меня более нет возможности добраться до Благословенного и подойти к нему близко».

(СН 4.24)

Опечаленный и поникший, Злой дух воскликнул в присутствии Благословенного:

Семь лет я неотступно следовал за ним,
Преследуя его повсюду;
Однако Благословенный, в памятовании пребывая,
Мне шанса не оставил вовсе.

(СнП 3.2)

Ворона в один день кружила
Над камнем, вообразив его похожим на мясной ломоть:
«Похоже, что-то мягкое есть тут,
Похоже, что-то вкусное!»

Но вкусного не удалось найти ей,
Ни с чем пришлось вороне улететь;
Подобно ей,
Я, удручённый, оставляю Готаму.
Исполненный печали, Злой дух выпустил лютню из рук и растворился в воздухе.

(СнП 3:2, СН 4.24)

Тогда Злой дух, выразивший своё разочарование строфами в присутствии Благословенного, покинул то место и сел на землю неподалёку, скрестив ноги и погрузившись в мрачные думы – затихший, молчаливый, с поникшей головой, не в силах произнести и слова, царапающий палкой землю от расстройства. В это время три дочери Мары – Танха, Арати и Рага, приблизились к отцу и обратились к нему такими словами:
Отец наш, отчего в кручине ты?
Кто так посмел тебя расстроить?
Мы на него силки расставим вожделенья,
Как на слона лесного,
Возьмём его в узду,
Вернём его под твоё властвование вновь!

(Мара):

Он – арахант, он – Так ушедший,
Его силками вожделенья не сманить;
Оставил он мои владенья,
Вот отчего в кручине я.

После этого три дочери Мары – Танха, Арати и Рага, приблизились к Благословенному и упал ниц пред его стопами. Однако он не обратил на них никакого внимания, свободный ото всех привязанностей.

Они отступили и стали перешёптываться меж собой, советуясь: «Вкусы мужчин разнообразны. Отчего бы нам не принять обличья сотни юных дев?»

Они сделали это и обратились к Благословенному: «Достопочтенный, мы припадаем ниц к твоим стопам!» Однако он вновь не обратил на них никакого внимания, свободный ото всех привязанностей.

Они отступили и стали перешёптываться меж собой, советуясь: «Вкусы мужчин разнообразны. Отчего бы нам не принять обличья девственниц...женщин, которые рожали один раз...рожали два раза...пожилых женщин...старых женщин?»

Каждый раз они обращались к Благословенному: «Достопочтенный, мы припадаем ниц к твоим стопам!» И каждый раз он не уделял им никакого внимания.

Три дочери Мары – Танха, Арати и Рага, были вынуждены отойти от него и промолвить: «Правду говорил наш отец. Если бы мы искушали подобным образом любого отшельника или брахмана, который не отринул чувственное желание, то его сердце бы уже разорвалось на куски, у него бы пошла горлом кровь, он бы лишился рассудка, или же иссох, как срезанный тростник».

Они обратились к Благословенному с такими словами:

Объятый скорбью,

В созерцанье погрузился ты в лесу,

Небось, богатство потерял, кручиной удручённый,

Иль лиходейство совершил какое?

Так отыщи себе друзей сердечных,

Пусть связи близкие возникнут у тебя.

(Будда):

Достигший своего предназначения,

Покой рассудка обретя,

Сразивший армию, исполненную дивных форм,

Я пребываю в уединении,

Ликующий от счастья;

Поэтому не завожу друзей я,

И связи близкие мне не милы.

(Арати, дочь Мары):
Монах пять наводнений²⁴ одолел,
Способен ли преодолеть шестое?
Покуда так он созерцает,
Восприять чувственные не смогут победить его.

(Будда):
Умиротворённый в теле,
С разумом освобождённым,
Отринувший умопостроения,
Памятующий, странствует бездомным,
Познавший Дхамму,
Погрузившись в созерцание без мыслей,
Он не взволнован, не бежит и не стоит на месте.

Он – тот, кто пять наводнений преодолел,
Преодолел шестое тоже;
Покуда так он созерцает,
Восприятие чувственные не смогут одолеть его.

(Арати, дочь Мары):
Он, сокрушивший жажду
Повсюду странствующий вместе с Сангхой,
Его услышав, многие так веру обретут!
Бездомный, вдохновивший многих,
Благодаря ему они прочь от царства гибели уйдут.

(Будда):
Великие герои – татхагаты,
Других ведут посредством славной Дхаммы!
И коль других ведут они посредством Дхаммы,
Как может в них возникнуть зависть?

Три дочери Мары – Танха, Арати и Рага, вернулись к отцу, который встретил их такими словами:

²⁴ Пять наводнений относятся к пяти органам чувств, а шестое – к уму.

Вы, неразумные, думали разрушить гору,
Посредством лотоса цветка;
Решили ногтями эту гору разломить,
Железный прут зубами расколоть!

Мечтали в пропасти убежище найти,
Хотели головою сдвинуть глыбу,
Грудью дерево свернуть,
Но лишь в расстройстве вы вернулись от Готамы.

(СН 4:24-25)

Однажды Благословенный пребывал в Гайе, на вершине холма, вместе с тысячей монахов. Там Благословенный обратился к монахам так:

— О бхиккху, всё пылает. И что такое «всё», которое пылает? Глаз пылает, формы пылают, сознание глаза пылает, контакт глаза пылает, любое чувство, возникшее при контакте глаза как условия, — приятное, болезненное или ни-приятное-ни-болезненное — тоже пылает. Пылает в чём?

Пылает в огне вожделения, в огне ненависти, в огне заблуждения; пылает, я возвещаю вам, в огне рождения, старения и смерти, в огне печали, причитания, боли, уныния и отчаяния.

Ухо пылает... Нос пылает... Язык пылает... Тело пылает... Ум пылает... Любое чувство, возникшее при контакте ума как условия, — приятное, болезненное или ни-приятное-ни-болезненное — тоже пылает. Пылает в чём? Пылает в огне вожделения, в огне ненависти, в огне заблуждения; пылает, я возвещаю вам, в огне рождения, старения и смерти, в огне печали, причитания, боли, уныния и отчаяния.

Рассматривая всё таким образом, обученный благородный ученик разочаровывается в глазе, разочаровывается в форме, разочаровывается в сознании глаза, разочаровывается в любом чувстве, возникшем при контакте глаза как условия, — приятном, болезненном или ни-приятном-ни-болезненном... Разочаровывается в ухе... Разочаровывается в носе... Разочаровывается в языке... Разочаровывается в теле... Разочаровывается в уме... Разочаровывается в чувстве, возникшем при контакте ума как условия... Разочаровавшись, он становится бесстрастным.

Посредством бесстрастия его ум освобождается. С освобождением приходит знание: «Это — Освобождение». Он постигает: «Рождение разрушено, прожита святая жизнь, совершено то, что необходимо было совершить, больше нет для меня возврата ни в одно состояние бытия».

Так было сказано Благословенным. Монахи были довольны и обрадованы словами Благословенного. И в то время, когда давалось это наставление, умы тысячи монахов освободились от всех загрязнений посредством нецепляния.

(Вин Мхвг. 1:21, СН 35:28)

Когда Благословенный пробыл в Гайясисе столько, сколько сам пожелал, он отправился странствовать в Раджагаху в большой компании монахов – с тысячью монахов, прежде бывшими отшельниками со спутанными волосами. Добираясь постепенно, он наконец достиг Раджагахи и остановился в роще вблизи гробницы Супаттхиты.

Сения Бимбисара, царь Магадхи, услышал: «Похоже, что отшельник Готама, сын сакьев, прибыл в Раджагаху в большой компании и остановился в роще вблизи гробницы Супаттхиты. Хорошая молва сейчас распространяется о нём: «Он – Татхагата, Арахант, полностью Пробуждённый, совершенный в истинном знании и поведении, обретший благо, знаток мира, непревзойдённый вожак для существ, которых следует обуздать, Учитель богов и людей, Пробуждённый, Благословенный. Познав прямым знанием этот мир с его дэвами, Марой и Брахмой, с отшельниками и брахманами, с божествами и людьми, он открывает это другим. Он обучает Дхамме, которая прекрасна в начале, прекрасна в середине и прекрасна в конце, с точными смыслом и выражениями. Он возвещает святую жизнь, что всецело безукоризненна и чиста. Это большое благо – встретить такого благородного».

Так, в сопровождении двенадцати брахманов-домохозяев из Магадхи, Сения Бимбисара, царь Магадхи приблизился к Благословенному, и, выразив ему почтение, сел с одной стороны. Из двенадцати брахманов-домохозяев иные также выразили почтение Благословенному и сели с одной стороны; иные обменялись с ним приветствиями и, когда эта вежливая и любезная беседа была закончена, сели с одной стороны; иные сложили руки в анджали ради приветствия Благословенному и сели с одной стороны; иные произнесли своё имя и название своего сословия, а затем сели с одной стороны; остальные же предпочитали сохранять молчание и сидели в стороне.

Они задавались вопросом: «Ведёт ли Великий отшельник святую жизнь под предводительством Урувелы Кассапы, или Урувела Кассапа ведёт святую жизнь под предводительством Великого отшельника?»

Благословенный познал своим умом мысль, витавшую в их умах, и обратился к почтенному Урувеле Кассапе такими словами:

Аскет из Урувелы, во что прозрел ты,
И отчего свои костры отринул?
Я вопрошаю тебя, о Кассапа:
Отчего ты более не поклоняешься огню?

(Урувела Кассапа):
Формы и звуки, вкусы и наложницы, –
Таковы награды, послуженные за поклонение огню;
Эти мирские вещи для меня ныне — лишь помехи,
Поклонение огню более не радует меня.

(Благословенный):
Коль твоё сердце не находит отрады в тех вещах:
В формах, звуках, вкусах и наложницах –
Что же мило тебе в этом мире людей и божеств?
Об этом возвести, Кассапа.

(Урувела Кассапа):
Увидел я покоя состояние,
Где нет ни обладания, ни страстей;
Нет мира этого и нет иного;
Поклонение огню более не радует меня.

С этими словами Урувела Кассапа встал со своего места, накинул одеяние на одно плечо и упал ниц пред стопами Благословенного, промолвив: «Благословенный – мой наставник, я – его ученик! Благословенный – мой наставник, я – его ученик!» Тогда представители двенадцати собраний брахманов-домохозяев из Магадхи подумали: «Урувела Кассапа ведёт святую жизнь под руководством Благословенного».

Познав своим умом размышления брахманов-домохозяев, Благословенный дал им последовательное наставление о Дхамме. В одиннадцати из двенадцати из них воссияло незапылённое, безупречное видение Дхаммы: «Всё, что имеет природу возникновения, — имеет природу прекращения». Двенадцатый же брахман стал его последователем.

Сения Бимбисара, царь Магадхи, тоже прозрел в Дхамму и достиг её. Его колебания были полностью развеяны, он обрёл безупречную веру в Дхамму и стал независимым от мнения других в учении Победителя. Он сказал Благословенному:

«Достопочтенный, ещё когда я был мальчиком, я имел пять устремлений. Отныне

все они исполнены. Когда я был мальчиком, я пожелал: «Пусть я буду помазан на царство!» Это было первое устремление, которое полностью исполнилось.

Вторым моим устремлением было: «Пусть я смогу встретить полностью Пробуждённого!» Оно также полностью исполнилось.

Третьим моим устремлением было: «Пусть я смогу воздать почтение полностью Пробуждённому!» Оно также полностью исполнилось.

Четвёртым моим устремлением было: «Пусть полностью Пробуждённый наставит меня Дхамме!» И это моё устремление стало былью.

Наконец, я загадал: «Пусть я смогу постичь наставление Дхаммы, которое мне даст полностью Пробуждённый!» И это тоже осуществилось.

«Великолепно, достопочтенный! Великолепно, достопочтенный! Благословенный показал нам Дхамму многими путями, подобно тому как поднимают то, что было опрокинуто; как открывают и демонстрируют то, что было сокрыто, указывают путь заблудившемуся; как возжигают светильник, дабы имеющие очи могли увидеть. Мы принимаем прибежище в Благословенном, в Дхамме и в Сангхе монахов! Пусть Благословенный примет нас как своих мирских последователей, принявших прибежище с сегодняшнего дня и до последнего вздоха! Пусть Благословенный и Сангха монахов завтра примет подношение пищи у меня».

Благословенный ответствовал молчаливым согласием. Поняв, что он удостоил его согласия, царь поднялся со своего места, и, выразив почтение, обошёл справа Благословенного и удалился.

На следующий день для Благословенного и для Сангхи монахов – с тысячи монахов, прежде бывшими отшельниками со спутанными волосами, было приготовлено самое лучшее и изысканное кушанье. «Пришло время, достопочтенный, кушанье ожидает Вас!»

Поскольку уже наступило утро, Благословенный оделся и, взяв свою чашу и верхнее одеяние, отправился в Раджагаху с Сангхой монахов – с тысячью монахов, прежде бывшими отшельниками со спутанными волосами. Когда они ушли, Сакка, царь богов, принял обличье юноши-брахмана и встал перед Благословенным с ладонями, сложенными в анджали, лицом к Сангхе, возглавляемой Благословенным.

Он изрёк такие слова:

Памятующий, охраняющий двери чувств,
Он прибыл в Раджагаху,
В компании монахов, прежде бывшими отшельниками со спутанными волосами,
Освобождённый славно;
Сияющий, подобно золотому слитку,
Благословенный прибыл в Раджагаху...

...Успокоенный и освобождённый...
...обретший дивное состояния Пробуждения.
Он обладает десятью силами и десятью способами жизни²⁵,
Десятью вещами и десятью факторами;
Сопровождаемый десятью сотнями достойнейших среди людей,
Благословенный прибыл в Раджагаху.

Люди, увидев Сакку, царя богов, спросили его: «Кто он – этот брахман во цвете лет, превосходный своим обличем, грациозный и прекрасный?»
В ответ на это Сакка воскликнул:

Он – Пробуждённый, всегда обузданный,
Не запятнанный ничем,
Нет ему равных на земле и на небе,
Он наивысший, исполнивший своё предназначенье,
А я – один из тех, кто следует за ним.

Тем временем Благословенный с Сангхой монахов пришёл в покои царя Бимбисары и воссел на подготовленное для него место. Царь своими руками накрывал на стол вкуснейшие яства для Благословенного и для Сангхи. Когда Будда закончил трапезу и его чаша стала пустой, царь Бимбисара встал рядом. Ему пришла в голову мысль: «А что, если бы Благословенный стал бы жить не слишком близко к городу, но и не слишком далеко, со входом и выходом, доступным для людей, которые ищут его? Это место было бы малолюдным днём и тихим ночью, не тревожимым голосами и шумом, имеющим атмосферу уединения, где можно было бы находиться в покое и предаваться созерцанию?»

И он решил отдать в дар Благословенному бамбуковую рощу Велувану. Взяв золотой кувшин и омыв свои руки, он обратился к нему: «Достопочтенный, я желаю сделать дар Благословенному и Сангхе монахов».

Благословенный ответил согласием и принял в дар бамбуковую рощу. Он наставлял, воодушевлял и пробуждал беседой о Дхамме Сению Бимбисару, царя Магадхи, а затем поднялся со своего места и отбыл.

(Вин Мхвг. 1:22)

²⁵ Десять способов жизни – это десять способов жизни благородных (ДН 33); про десять сил см. в Главе 11. Далее следуют десять вещей, а именно: десять видов деяний, благих и неблагих (МН 9), а десять факторов – это десять состояний последователя (ДН 33).

5. ДВА ГЛАВНЫХ УЧЕНИКА

ВТОРОЙ ГОЛОС. Однажды произошёл такой случай. Подвижник Санджайя жил в Раджагахе, окружённый большой компанией учеников, двумя сотнями и пятьюдесятью учениками. Странники Сарипутта и Моггалана вели святую жизнь под его предводительством. Они сговорились между собой, что, когда один найдёт Неумирающее, то известит об этом второго.

Одним утром бхиккху Ассаджи взял свою чашу и верхнее одеяние и направился в Раджагаху за подаянием. Его исполненная грации походка: то, как он шёл, как наклонялся и поднимался; его взгляд – сдержанный и внимательный, внушали доверие и дарили вдохновение. Странник Сарипутта, увидев его собирающим подаяние в Раджагахе, подумал: «Наш мир не пуст от арахантов, а этот бхиккху – один из таких благородных. Отчего бы мне не подойти к нему и не спросить, под предводительством кого он принял монашеское посвящение, кто его наставник, чью Дхамму он исповедует?»

Однако вслед за этим он подумал: «Было бы нехорошо тревожить уважаемого бхиккху в то время, пока он собирает подаяние. Я лучше последую за ним и потом узнаю, какую истину он открыл».

Когда достопочтенный Ассаджи закончил сбор подаяние, он оставил Раджагаху с чашей для пищи. Странник Сарипутта приблизился к нему и поприветствовал его. Когда были закончены приветствия и любезный разговор, он сел в стороне и обратился к бхиккху: «Друг, твои черты ясны, твоё лицо светло и исполнено чистоты. Под предводительством кого ты принял монашеское посвящение, кто твой наставник, чью Дхамму ты исповедуешь?»

«Друг, в этих краях живёт сын сакьев, Великий отшельник из клана сакьев. Я принял монашеское посвящение под предводительством этого Благословенного. Он мой учитель. Я исповедую Дхамму, им возвещённую».

«Но чему же учит достопочтенный, чему он наставляет?»

«Друзья, я стал бхиккху лишь недавно, я лишь недавно стал изучать эту Дхамму и Винаю. Я не смогу научить вас учению во всех подробностях. Однако я могу дать вам краткое наставление».

Тогда странник Сарипутта произнёс:

Пусть будет так, друг:

Промолви много или мало – как решишь сам,

Но приоткрой мне смысл,

Сгораю от желания познать его,

Мне не нужно иное красноречие.

Достопочтенный Ассаджи ответил на это так:

Великий отшельник поведал о вещах,
Возникли из причин что;
Причины эти он открыл;
Поведал также он о прекращеньи тех вещей.
Вот что открыл нам Татхагата.

Когда странник Сарипутта услышал эти слова о Дхамме, в нём воссияло незапылённое, безупречное видение Дхаммы: «Всё, что имеет природу возникновения, имеет природу прекращения».

Пусть это даже Дхамма вся и больше ничего в ней нет,
Уже обрёл ты состояние, что скорби лишено;
Долгие тысячелетия упустили мы его,
Не зная и не видя.

Странник Сарипутта отправился к страннику Моггалане. Увидев своего собрата по святой жизни, тот промолвил: «Друг, твои черты ясны, твоё лицо светло и исполнено чистоты. Должно быть, ты отыскал Неумирающее?»
«Да, друг, я отыскал Неумирающее».
«Как же ты сделал это, друг?»
Странник Сарипутта рассказал ему о том, что случилось. Когда странник Моггалана услышал строфы:

Великий отшельник поведал о вещах,
Возникли из причин что;
Причины эти он открыл;
Поведал также он о прекращеньи тех вещей.
Вот что открыл нам Татхагата.

После услышанного в нём воссияло незапылённое, безупречное видение Дхаммы:
«Всё, что имеет природу возникновения, имеет природу прекращения».

Пусть это даже Дхамма вся и больше ничего в ней нет,
Уже обрёл ты состояние, что скорби лишено;
Долгие годы упустили мы его,
Не зная и не видя.

Тогда странник Моггалана объявил: «Друг, давай пойдём к Благословенному. Благословенный – наш Учитель».

«Друг, но ведь рядом с нами живут две сотни и пятьдесят странников, которые зависят от нас и опираются на нас. Мы должны поведать им о произошедшем. Они сами решат, как им поступить».

Они направились к странникам и сказали им: «Друзья, мы идём к Благословенному. Благословенный – наш Учитель».

Те отвечали: «Мы живём с достопочтенными, зависим от них и опираемся на них. Если они желают идти к другому Учителю и вести святую жизнь под его предводительством, мы поступим так же».

Тогда Сарипутта и Моггалана нашли подвижника Санджая и известили его о том, что они собираются сделать.

«Довольно, друзья! Не делайте этого. Давайте втроём поведём общину».

Во второй и в третий раз он повторил эту просьбу, однако странники не согласились. Вместе с двумя сотнями и пятьюдесятью учениками они направились в бамбуковую рощу. У подвижника Санджайа в это время пошла горлом горячая кровь от расстройства.

Благословенный увидел странников Сарипутту и Моггалану, приближающихся к нему, и промолвил, обращаясь к Сангхе: «Бхиккху, вот идут два друга: Колита и Упатисса. Эти двое станут моими главными учениками, великими учениками».

Учитель возвестил об их появлении –

Учеников, узревших ума Освобождение,

Тех, кто узнал о причинах и их прекращении;

Он знал заранее о приходе странников,

Произнеся:

«Бхиккху, вот идут два друга: Колита и Упатисса.

Эти двое станут моими главными учениками,

Великими учениками».

Сарипутта и Моггалана приблизились к Благословенному и упали головою ниц пред его стопами. Затем они попросили о посвящении в монахи.

«Идите, о бхиккху! – отвечал Благословенный. – Славно возвещена эта Дхамма. Живите святой жизнью во имя полного избавления от всех страданий».

И это стало посвящением для них.

В то время некоторые члены известнейших сословий Магадхи уже присоединились к Сангхе, и жители не могли смириться с этим, они роптали и протестовали:

«Отшельник Готама поощряет раскол семей, он оставляет детей без отцов, а женщин

без мужей! Полторы тысячи отшельников со спутанными волосами уже отправились за ним вслед, потом две сотни и пятьдесят странников, а сейчас и члены известнейших семей Магадхи делают то же самое, присоединяются к отшельнику Готама!»

Завидев монахов, они высмеивали их так:

Отшельник Готама явился в Магадху,
Забрал с собой всю компанию Санджая –
Кого он уведёт сегодня?

Монахи, услышав это, приблизились к Благословенному и поведали ему о случившемся. Он ответил им: «Такая ситуация не продлится долго, бхиккху. Это будет происходить лишь в течение семи дней. По истечению семи дней всё стихнет. Если вас вновь станут пытаться высмеивать, ответьте им такими словами:

Ведомы они Дхаммой,
Познали истину — великие сыны;
Коли они ведомы Дхаммой,
Где тут для зависти причина?»

Когда монахи стали таким образом отвечать на насмешки, люди задумались: «Эти сыны сакьев, похоже, не идут против истинной Дхаммы».

Вся эта ситуация продлилась лишь семь дней, после чего полностью затихла.

(Вин Мхвг. 1:23-24)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Достопочтенный Моггалана спустя семь дней после встречи с Буддой достиг арахантства. У достопочтенного Сарипутты это заняло четырнадцать дней, во время которых он занимался практикой прозрения, рассматривая и анализируя все уровни сознания. По истечению этого времени он тоже стал арахантом.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Так я слышал. Однажды Благословенный пребывал в Раджагахе в пещере Сукарагхата. Странник Дигханакха приблизился к нему, и они обменялись любезными приветствиями. Затем брахман начал беседу так:

«Учитель Готама, моё воззрение таково: «Я не принимаю ни одно из воззрений».

«Аггивесана, а принимаешь ли ты воззрение, которое заключается в том, что ты не принимаешь ни одно из воззрений?»

«Учитель Готама, если бы я был согласен с этим своим воззрением, то оно было бы тем же самым, оно было бы тем же самым».

«Да, в мире многие заявляют: «Это было бы тем же самым», будучи, однако, не способными отринуть в действительности это своё воззрение, а также цепляясь и к

другим воззрениям. Лишь немногие способны и отринуть одно воззрение и не цепляться ни к каким другим.

Некоторые отшельники и брахманы придерживаются такого взгляда: «Я принимаю все воззрения», либо: «Я не принимаю ни одного воззрения», либо: «Я принимаю одни воззрения и отвергаю другие».

При этом, взгляд: «Я принимаю все воззрения» граничит с жадой, с захваченностью, с подневольностью, с цеплянием. Однако взгляд: «Я не принимаю ни одного воззрения» граничит с отсутствием жажды, отсутствием захваченности, отсутствием подневольности, отсутствием цепляния.

Странник Дигханакха подумал: «Учитель Готама одобряет моё воззрение, учитель Готама восхваляет моё воззрение!»

«Аггивессана, воззрение: «Я принимаю одни воззрения и отвергаю другие» в отношении того, что принимается, граничит с жадой, с захваченностью, с подневольностью, с цеплянием; а в отношении того, что отвергается – с отсутствием жажды, отсутствием захваченности, отсутствием подневольности, отсутствием цепляния. Мудрый человек из тех отшельников и брахманов, которые придерживаются такого взгляда: «Я принимаю все воззрения», размышляет таким образом: «Моё воззрение состоит в том, что я принимаю все воззрения. Однако если я стану настаивать на нём и упрямо придерживаться его, то неизбежно войду в противоречие с теми отшельниками и брахманами, которые придерживаются таких взглядов: «Я не принимаю ни одного воззрения», либо: «Я принимаю одни воззрения и отвергаю другие». Это противоречие приведёт к столкновению. Там, где есть столкновение, обязательно будет спор. Там, где есть спор, обязательно будет брань. Брань неизбежно приведёт меня к упадку».

Когда мудрый человек предвидит такое развитие событий, он отбрасывает своё воззрение и не цепляется ни к одному другому. Таким образом эти воззрения отбрасываются и оставляются».

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Такое же повествование ведётся в отношении мудрого человека, который придерживается взглядов: «Я не принимаю ни одного воззрения», либо: «Я принимаю одни воззрения и отвергаю другие».

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Аггивессана, это тело состоит из четырёх великих стихий – огня, земли, воды и воздуха. Оно порождено отцом и матерью и поддерживается варёным рисом и кашей, подверженное непостоянству, подверженное разрушению, распаду и гибели. Это тело следует рассматривать как непостоянное, как страдание, как болезнь, как опухоль, как шип, как бедствие, как невзгоду, как нечто чужое, распадающееся, пустое, безличное. Когда человек рассматривает тело таким образом,

он оставляет своё влечение к нему, свою приверженность к нему, своё преклонение перед ним и перестаёт воспринимать тело как основу для своих умозаключений²⁶. Аггивессана, существуют три вида чувств – приятные, болезненные и ни-приятные ни-болезненные. Когда кто-то испытывает один вид чувств, он не испытывает двух остальных. Приятное чувство, Аггивессана, является непостоянным, обусловленным, возникшим в зависимости от причин, подверженным исчезновению, угасанию, истощению и прекращению. Болезненное чувство является непостоянным, обусловленным, возникшим в зависимости от причин, подверженным исчезновению, угасанию, истощению и прекращению. Ни-приятное ни-болезненное чувство является непостоянным, обусловленным, возникшим в зависимости от причин, подверженным исчезновению, угасанию, истощению и прекращению. Когда обученный ученик, знающий толк в учении благородных, разочаровывается в приятном чувстве, разочаровывается в болезненном чувстве, разочаровывается в ни-приятном ни-болезненном чувстве. Разочаровавшись, он становится бесстрастным. Посредством бесстрастия его ум освобождается. С освобождением приходит знание: «Это – Освобождение». Он постигает: «Рождение разрушено, прожита святая жизнь, совершено то, что необходимо было совершить, больше нет для меня возврата ни в одно состояние бытия».

Аггивессана, когда ум бхиккху освобождён таким образом, он не вступает в столкновение ни с кем и не принимает ничью сторону. Когда он говорит, он лишь использует речь, принятую в миру».

В это время достопочтенный Сарипутта стоял позади Благословенного, обмахивая его опахалом. В нём при этих словах возникло такое размышление: «Благословенный говорит об оставлении этих вещей посредством прямого знания». Когда достопочтенный Сарипутта обдумал это размышление, ум его освободился ото всех загрязнений посредством нецепляния. А в страннике Дигханакхе в этот же миг воссияло незапылённое, безупречное видение Дхаммы: «Всё, что имеет природу возникновения, имеет природу прекращения».

²⁶ Привычка рассматривать физическое тело в качестве основы для умозаключений (*kāyanvayatā*) относится к тому способу мышления, который считает тело основной реальностью, эмпирической истиной и на этом выстраивает свою теоретическую систему. Например, материализм смотрит на ум или сознание как на побочный эффект от материи. В МН 36 обсуждается противоположный взгляд на материю, как на нечто, подчинённое уму или сознанию.

«Великолепно, достопочтенный! Великолепно, достопочтенный! Благословенный показал нам Дхамму многими путями, подобно тому как поднимают то, что было опрокинуто... Пусть Благословенный примет меня как своего мирского последователя, принявшего прибежище с сегодняшнего дня и до последнего вздоха!»

(МН 74)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Тем временем, царь Суддходана (отец Будды) отправил сына своего высокопоставленного подданного по имени Калудайя, в Раджагаху, чтобы убедить Будду посетить Капилаваттху. Тот решил сначала стать монахом, однако в первую зимнюю ночь после достижения Пробуждения объявил о своей миссии. Он сочинил стихи, которые должны были подвигнуть Благословенного отправиться в путь:

Пунцовым наряжены рощи, достопочтенный,
Как будто в огне пылают деревья;
Опали цветы, завязались плоды;
Настанет время вкусить их, герой!
Чудесны деревья в пору цветенья,
Повсюду благоуханье их разлито;
В ожидании плодов рассыпаны лепестки,
Настало время эти рощи покинуть, о герой!
Не зябко, не жарко в эту пору, достопочтенный, —
Самое время для путешествий!

И Сакьи, и Колии пусть на Востоке увидят
Тебя, пересекающего реку Рохини²⁷.
С надеждою пашут поля,
С надеждою семена они сеют;
С надеждою в море уходят купцы.
Надежда, что тлеет во мне, —
Пусть сбудется она!

Вновь и вновь они семена свои сеют,

²⁷ Согласно комментарию на Тхерагатху, река Рохини протекала в южном направлении и отделяла страну сакьев на западе от колиев — на востоке. Раджагаха лежала далеко на юге, за Гангом, поэтому тот, кто путешествовал оттуда через страну вадджиянов, а затем страну колиев, должен был пересечь реку лицом на запад.

Вновь и вновь дэвы шлют дожди;
Вновь и вновь земледельцы пахут поля,
Вновь и вновь закрома заполняют зерном.
Вновь и вновь в поисках нищие бродят,
Вновь и вновь добрые люди им подают,
И вновь ликуют дарители на небесах.
С мудростью очищает семь поколений герой,
Сакка, ты бог для меня из богов,
Рождён от тебя был истинный Муни!

(Тхаг 527-33)

ВТОРОЙ ГОЛОС. Когда Благословенный пробыл в Раджагахе так долго, как он сам пожелал, он направился в Капилаваттху. Странствуя из места в место, он в конце концов достиг её и остановился в роще Нигродха. Утром он взял свою чашу и верхнее одеяние и пришёл во дворец Суддходаны рода сакьев и воссел на приготовленное для него сиденье.

(Вин Мхвг. 1:54)

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Рассказ о визите Будды к царю Суддходане чрезвычайно кратко описан в Палийском каноне. Некоторые детали, взятые из комментариев, проливают свет на это событие.

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Когда Будда прибыл в Капилаваттху, члены сословия сакьев, известные своей гордыней, не испытывали никакого желания воздавать ему почести. Он продемонстрировал свои сверхъестественные способности, явив двойное чудо, во время которого из его конечностей извергались струи огня и воды. Затем он поведал одну из наиболее известных джатак (историй о прошлых жизнях будды) о принце Вессантаре. После первой официальной трапезы в отцовском доме Будда поведал другую историю из джатак – о Дхаммапале, после чего царь достиг стадии невозвращения, или анагамина (он умрёт четыре года спустя, уже став арахантом).

В это же время мать принца Нанды, Махападжапати, тётя Будды, достигла первой стадии Пробуждения, то есть стала сотапанной. Сам Нанда был обручён и ожидал свадьбы со дня на день. Однако Будда дал ему свою чашу, а сам удалился. Не зная, что делать с ней, Нанда отправился вслед за двоюродным братом. Его невеста крикнула ему вслед: «Возвращайся как можно скорее, Нанда!»

Будда, увидев идущего к нему Нанду, предложил ему оставить мирскую жизнь и присоединиться к Сангхе. Тот согласился, но скорее из вежливости, чем из искреннего устремления.

Через семь дней Будда вновь был приглашён во дворец на трапезу.

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Здесь продолжается повествование из Палийского канона.

ВТОРОЙ ГОЛОС. Мать Рахулы сказала своему сыну: «Вот идёт твой отец, Рахула. Подойди к нему и спроси про своё наследство».

Принц Рахула приблизился к Благословенному и промолвил: «Достопочтенный, твоя тень приятна».

Тогда Благословенный поднялся со своего места и стал уходить. Рахула последовал за ним со словами: «Достопочтенный, дай мне моё наследство; достопочтенный, дай мне моё наследство».

Благословенный обратился к почтенному Сарипутте: «Сарипутта, дай Рахуле посвящение²⁸».

«Достопочтенный, как же мне дать посвящение принцу Рахуле?»

Тогда Благословенный провёл беседу на эту тему с Сангхой монахов.

«О бхиккху, я разрешаю вам давать посвящение посредством принятия тройного прибежища. Церемония должна проходить следующим образом. Прежде всего, желающий посвящения должен обрить свои волосы и бороду. После этого ему следует облачиться в жёлтое одеяние, перекинув его через плечо, и выразить почтение монаху, опустившись пред его стопами. Затем, оставаясь на коленях, он должен сложить руки в анджали, произнести: «Принимаю прибежище в Будде. Принимаю прибежище в Дхамме. Принимаю прибежище в Сангхе. Во второй раз... В третий раз...» Я разрешаю принимать монашеское посвящение посредством принятия тройного прибежища».

После этого достопочтенный Сарипутта дал посвящение принцу Рахуле. Через некоторое время царь Суддходана из рода сакьев пришёл к Благословенному и, выразив ему почтение, сел с одной стороны. Он заговорил так: «Я прошу Благословенного об одной милости».

«Благословенный оставил позади все милости, Готама».

«Это дозволенная и непорочная милость, достопочтенный».

«Тогда говори, Готама».

«Я испытал немалую боль, достопочтенный, когда Благословенный оставил дом. Затем посвящение принял и Нанда. Однако Рахула и его уход в монашество – это уже чересчур! Любовь к нашим детям, достопочтенный, врезается во внешнюю кожу; прорезав верхний слой кожи, она врезается во внутренний слой; прорезав внутренний слой, она врезается в плоть; врезавшись в плоть, она вонзается в

²⁸ Высшее монашеское посвящение (*pabbajjā*).

сухожилия, затем в кости и в голову изнутри, оставаясь там. Достопочтенный, было бы славно, если бы монахи не посвящали детей без согласия их родителей».

Благословенный наставлял, воодушевлял и пробуждал Суддходану из рода сакьев беседой о Дхамме. Затем тот поднялся со своего места и, выразив почтение Благословенному, обошёл его с правой стороны и удалился.

После этого случая Благословенный собрал монахов и наказал им: «Бхиккху, вы не должны посвящать детей без согласия их родителей. Если кто-либо сделает это, это будет считаться проступком, который заслуживает порицания».

(Вин Мхвг. Кх. 1:54)

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Традиция утверждает, что решение двоюродного брата Будды и остальных покинуть дом, став монахами, было принято именно во время этого визита. Будда уже оставил Капилаваттху, но всё ещё находился в северной части Косалы.

Две нижеследующих истории произошли примерно в это время, хотя нет чёткого указания, где именно их уместнее разместить.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Так я слышал. Однажды Благословенный странствовал по стране косалов в сопровождении бхиккху Нагасамалы в качестве монаха-помощника. По пути последний увидел на дороге развилку. Он сказал Благословенному: «Достопочтенный, вот путь. Давайте пойдём этим путём».

Когда это было сказано, Благословенный возразил ему: «Вот путь, Нагасамала. Давай пойдём этим путём».

Во второй и третий раз бхиккху повторил свои слова и каждый раз получал тот же ответ. Тогда он, бросив на землю чашу и чивару Благословенного, убежал. Навстречу ему попались разбойники, которые стали избивать его кулаками и ногами, расколов его чашу и разорвав его одеяния. Избитый, в разорванной в клочья чиваре и с расколотой чашей в руках, он нашёл Благословенного и рассказал ему о том, что произошло.

Осознав значимость момента, Возвышенный воскликнул:

Странствуют вместе –

Мудрец и человек, лишённый знания;

Поняв, что глупец исполнен зла,

Мудрец оставляет его,

Как молочная цапля – своё болото.

Однажды Благословенный пребывал в стране косалов, в Араньякутике, на склонах Гималаев. В нём возникло такое размышление: «Существует ли возможность для царя править своей страной без убийств и без насилия, без отнятия собственности,

без заточения в темницу, не причиняя другим ни скорби, ни боли, – править праведно, справедливо?»»

Мара, Злой дух, познав своим умом размышление Благословенного, приблизился к нему и произнёс: «Пусть Благословенный правит страной без убийств и без насилия, без отнятия собственности, без заточения в темницу, не причиняя другим ни скорби, ни боли, – праведно, справедливо!»»

(Будда):

Какое устремленье, Злой дух, ты зародил,
Что побуждаешь к царствию меня?

(Мара):

Четыре основы для сил чудесных²⁹ ты взрастил,
Их пестовал, лелеял, сделал их своей основой,
Ты ими овладел всецело;
Лишь стоит пожелать Благословенному –
И Гималаи, властители всех гор,
Станут немедленно золотыми!

(Будда):

Из золота гора сотворена быть может,
Но даже две золотых горы для жадных будет мало;
Кто знает это, тот живёт легко.

Зачем услады чувств познавшему происхождение страданья,
Узревшему, что обретения мирские – это узы?
Трудиться надобно, чтоб разорвать их.

Тогда Мара, Злой дух, понял, что Благословенный узнал его. Опечаленный и поникший, он немедленно исчез.

(СН 4:20)

²⁹ "Четыре основы успеха" (или четыре пути к могуществу) описываются как "основа успеха, которая имеет сосредоточение, обусловленное желанием действовать, и имеет для своего определения стремление к контролю" (МН 16). Это первая основа. Остальные три заменяют "желание действовать" соответственно "энергию", "чистоту ума" и "исследование". Они представляют четыре типа подхода к развитию в соответствии с особенностями каждого.

ВТОРОЙ ГОЛОС. Так я слышал. Однажды Благословенный пребывал в Анупии – городе маллов. В то время многие сыны рода сакьев уже оставили мирскую жизнь и стали монахами. Однако два брата – Маханама и Ануруддха, оба из сакьев, продолжали жить мирской жизнью. Ануруддха был прекрасно воспитан, имел три дворца: один для лета, другой для зимы, а третий – для сезона дождей. Четыре месяца сезона дождей он жил в третьем дворце, услаждая себя игрой музыкантов, все из которых были женщинами, и не спускаясь в нижние чертоги.

Такая мысль посетила Маханаму: «Ныне многие принцы из рода сакьев оставили родные дома и стали вести святую жизнь под предводительством Благословенного. Однако в нашей семье никто не оставил дом ради бездомного скитания. Почему бы мне или Ануруддхе не получить посвящения?»

После этого он пошёл к Ануруддхе и рассказал ему о своих раздумьях. Ануруддха отвечал ему: «Я был воспитан в роскоши. Я не смогу оставить дом ради бездомного скитания. Ступай сам, без меня».

«Ступай со мной, Ануруддха. Иначе мне придётся научить тебя ведению домашнего хозяйства. Сначала следует вспахать поле, потом засеять, потом обеспечить его поливом, затем воду следует слить, после чего прополоть поле, потом урожай надо собрать и аккуратно сложить. Затем зерно надобно смолоть, убрать солому, убрать мякину, затем зерно нужно просеять и рассортировать. И после того, когда всё это будет сделано, то же самое надо повторить в следующем году и ещё через год. Таким образом, нет конца и края этой работе, ибо она никогда не заканчивается».

«Но когда же наступит конец этой работе? Когда у нас появится свободное время, чтобы услаждать себя пятью нитями чувственных удовольствий, которые нам доступны?»

«Мой славный друг Ануруддха, эта работа никогда не закончится, ибо нет конца и края ей. Мой отец и мой дед умерли во время выполнения этой работы, но она так и не завершилась. Отныне она предназначена для тебя, если ты желаешь узнать о том, что такое жизнь домохозяина. Я же оставляю дом ради бездомного скитания».

Ануруддха подошёл к своей матери и промолвил: «Матушка, я желаю оставить дом ради бездомного скитания. Прошу, дай мне своё благословение».

Когда это было сказано, мать отвечала ему: «Вы оба — мои сыновья. Вы милы и любезны моему сердцу, не постылы. Если бы вы погибли, я могла бы смириться с утратой, ведь она была бы против моей воли. Но отчего же мне самой подвигать вас на оставление дома ради бездомного скитания?»

Во второй и третий раз Ануруддха повторил свою просьбу. Тогда мать сказала так: «Мой дорогой сын, если Бхаддия, правитель сакьев, решит оставить дом ради бездомного скитания, то ты сможешь поступить так же».

Бхаддия, правитель сакьев, был другом Ануруддхи, поэтому его мать посчитала так: «Бхаддия – друг моего сына. У него нет ни малейшего устремления стать монахом», поэтому она сказала такие слова.

Тогда Ануруддха отправился к Бхаддии и обратился к нему так: «Мой посвящение находится в твоих руках».

«Если твоё посвящение находится в моих руках, то пусть это не будет так. Ступай, когда ты пожелаешь».

«Ступай со мной. Давай сделаем это прямо сейчас!»

«Я не могу оставить дом ради бездомного скитания. Всё, что угодно я могу сделать для тебя, но не это. Ступай один».

«Моя мать сказала мне: «Мой дорогой сын, если Бхаддия, глава сакьев, тот, кто правит здесь, решит оставить дом ради бездомного скитания, то ты сможешь поступить так же». Твоими словами были: «Если твоё посвящение находится в моих руках, то пусть это не будет так. Ступай, когда ты пожелаешь». Прошу тебя, давай уйдём вдвоём».

В те времена было принято говорить только правду и держать своё слово. Бхаддия решил так: «Жди семь лет. По истечении семи лет мы оба станем монахами».

«Семь лет это слишком долго. Я не могу ждать семь лет».

«Жди шесть лет. По истечении шести лет мы оба станем монахами».

«Шесть лет это слишком долго. Я не могу ждать шесть лет».

«Жди пять лет... четыре года... три года... один год... шесть месяцев... два месяца... один месяц... половину месяца. Жди половину месяца. По истечении половины месяца мы оба станем монахами. Жди семь дней. По истечении семи дней мы оба станем монахами. За это время я смогу передать царство своим детям и братьям».

«Хорошо. Семь дней это не так долго. Я могу ждать семь дней».

Тогда Бхаддия, правитель сакьев, Ануруддха, Ананда, Бхагу, Кимбила, Дэвадатта и брадобрей Упали в качестве седьмого участника, собрали четырёхчастное войско в превосходной роце для парадного прохода, как они обычно делали. Через некоторое время они распустили войско, перешли границу другого царства и там сняли все свои наградные знаки. Они положили их в свою верхнюю одежду и обратились к брадобрею Упали: «Упали, тебе лучше вернуться. Тебе хватит надолго того, что лежит здесь».

По пути Упали подумал: «Эти сыны сакьев жестоки. Они могут даже казнить меня, потому что я стал свидетелем того, как принцы покидают свои дома. Теперь принцы уходят в бездомное скитание, а что насчёт меня?»

Он открыл мешок и повесил его на дерево со словами: «Пусть тот, кто увидит эти богатства, примет их так, как они даны».

После этого он вернулся к принцам сакьев. Увидев его идущим, они задали ему вопрос: «Для чего ты вернулся?»

Он рассказал им и добавил: «Поэтому я вынужден был вернуться назад».

«Ты поступил правильно, Упали, не пойдя домой. Эти сыны сакьев жестоки. Они могли даже казнить тебя, потому что ты стал свидетелем того, как принцы покидают свои дома».

Принцы из рода сакьев взяли брадобрея Упали с собой и приблизились к Благословенному. Увидев его, выразили своё почтение и сели с одной стороны.

Сделав так, они обратились к Благословенному: «Достопочтенный, мы исполнены гордости за свой род сакьев. Упали, брадобрей, прислуживал нам в течение длительного времени. Пусть Благословенный даст ему посвящение первому, чтобы мы могли выражать ему своё почтение, вставать перед ним и приветствовать его.

Тогда гордость за свой род сакьев могла бы исчезнуть в нас».

Благословенный сделал так, как они просили, и первому дал посвящение брадобрею Упали, а затем принцам из рода сакьев.

Во время дождливого сезона достопочтенный Упали обрёл три высших знания.

достопочтенный Ануруддха обрёл божественное око, достопочтенный Ананда вступил в поток, а достопочтенный Дэвадатта получил сверхъестественные мирские способности.

В это же время достопочтенный Бхаддия пребывал под корнями деревьев или в пустой хижине, восклицая: «О, блаженство! О, блаженство!»³⁰

Когда другие монахи слышали это, они рассказали об этом Благословенному, высказав предположение, что, должно быть, Бхаддия недоволен монашеской жизнью, либо же тоскует о тех временах, когда он был предводителем сакьев и управлял царством. Тогда Благословенный позвал его к себе и осведомился, правда ли, что он пребывает под корнями деревьев или в пустой хижине, восклицая: «О, блаженство! О, блаженство!»

«Это правда, достопочтенный».

³⁰ В Тхаг 466-468 это описано так:

В джунглях диких вдали от парка Амбатака,
Бхаддия, жажды корень вырвав,
Пребывает в джхане,
Счастливей.

В восторге люди от лютни, кимвалов,
От барабанов —
А я под корнями деревьев,
Ликую от ученья Бхагавана.

«Однако, Бхаддия, отчего ты восклицаешь: «О, блаженство! О, блаженство?»
«Достопочтенный, когда я был в своём царском положении, стражники охраняли меня снаружи и изнутри в моём дворце, а также во всём царстве и окрестностях. Но, несмотря на то я находился под столь надёжной защитой и покровительством, я трепетал от страха, я был сам не свой от тревоги и смятения, я был исполнен подозрений и недоверия. Но сейчас, пребывая под корнями дерева или в пустой хижине, я не трепещу от страха, я свободен от тревоги и смятения, я всецело отринул подозрения и недоверие. Я живу в лёгкости, покое, завися от щедрости других, с умом, подобном уму дикого зверя. Вот отчего я восклицаю: «О, блаженство! О, блаженство!»»

Осознав значимость момента, Возвышенный воскликнул:

Кто распри все преодолел внутри,
Кто превзошёл все формы бытия –
Бестрепетный, ликующий, свободный от печали,
Он затмевает и богов сиянием своим.

(Вин 7:1; Уд. 2:10)

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Однажды достопочтенный Нанда, двоюродный брат Будды, надел тщательно выглаженные одеяния, накрасил сурьмой глаза и взял стеклянную чашу. Затем он приблизился к Благословенному и, выразив ему почтение, сел с одной стороны. Когда он сделал это, Благословенный обратился к нему:

«Нанда, не пристало члену сословия, оставившего родной дом ради бездомного скитания, носить тщательно выглаженные одеяния, красить сурьмой глаза и использовать стеклянные чаши. Что пристало для тебя, члена сословия, оставившего родной дом ради бездомного скитания – это жить в лесу, питаться подаянием, носить одеяния из выброшенных тряпок и пребывать в отстранении от чувственных желаний».

(СН 21:8)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Достопочтенный Рахула, которому в ту пору было одиннадцать лет, проживал под покровительством достопочтенного Сарипутты в Амбалаттхике, вблизи Раджагахи, куда вернулся Будда.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Так я слышал. Однажды Благословенный пребывал в Бамбуковой роще, в Беличьем заповеднике, а достопочтенный Рахула жил в

Амбалатхике. Вечером Благословенный оставил своё созерцание и пожаловал к Рахуле в Амбалатхiku. Увидев его идущим, достопочтенный Рахула приготовил сиденье и воду для омовения стоп. Благословенный воссел на приготовленное место и омыл свои стопы. Рахула выразил ему почтение и сел с одной стороны.

Затем Благословенный оставил немного воды в кувшине и спросил достопочтенного Рахулу: «Рахула, ты видишь это небольшое количество воды, которая осталась в кувшине?»

«Да, достопочтенный».

«Рахула, столь же мало благих качеств остаётся в человеке, который не стесняется произносить намеренную ложь».

После этих слов Благословенный выплеснул остатки воды из кувшина и вновь задал вопрос:

«Рахула, ты видишь воду, которая была выплеснута из кувшина?»

«Да, достопочтенный».

«Рахула, таким же образом человек, который не стесняется произносить намеренную ложь, расплёскивает все свои благие качества».

Затем Благословенный перевернул кувшин вверх дном и спросил:

«Рахула, ты видишь этот перевёрнутый вверх дном кувшин?»

«Да, достопочтенный».

«Рахула, таким же образом человек, который не стесняется произносить намеренную ложь, переворачивает вверх дном все свои благие качества».

Затем Благословенный поставил на место кувшин и задал вопрос:

«Рахула, ты видишь этот пустой кувшин?»

«Да, достопочтенный».

«Рахула, таким же образом человек, который не стесняется произносить намеренную ложь, становится пустым во всех благих качествах».

Вообрази себе огромного царского слона с бивнями огромными, точно оглобли колесницы: высокого, чистопородного, знающего толк в сражениях. Во время очередного сражения он бы бился, используя свои передние и задние ноги, свой лоб и уши, свой бивень и хвост, но при этом охранял бы и свой хобот. В этом случае его наездник подумал бы: «Это огромный царский слон охраняет свой хобот. Он ещё не готов отдать свою жизнь за царя».

Однако, если этот огромный царский слон стал бы биться, используя свои передние и задние ноги, свой лоб и уши, свой бивень и хвост, при этом не охраняя свой хобот, то его наездник подумал бы: «Это огромный царский слон бьётся, используя свои передние и задние ноги, свой лоб и уши, свой бивень и хвост, при этом не охраняя свой хобот. Он уже готов отдать свою жизнь за царя. Ему больше не нужно обучение».

По этой причине, Рахула, до тех пор, пока человек не станет стыдиться произносить намеренную ложь, я не могу сказать о нём, что ему более не нужно обучение. Рахула, ты должен воспитывать себя так: «Я не стану произносить ни слова лжи даже в шутку. Рахула, как ты думаешь, для чего нужно зеркало?»
«Зеркало нужно для рассмотрения, достопочтенный».
«Подобным образом, Рахула, тебе следует неустанно рассматривать все свои деяния, слова и мысли».

(МН 61)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. После этого введения Будда дал Рахуле детальное наставление, как именно следует рассматривать каждое своё деяние до и после его совершения: если оно приводит ко вреду для себя, для других, или для себя и других сразу, его нужно оценить как неблагое. Если же деяние не приводит ни к чьему вреду, его нужно оценить как благое и приносящие хорошие результаты в будущем.

6. АНАТХАПИНДИКА

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Свой первый дождливый сезон после Пробуждения Благословенный провёл в Бенаресе. Второй и третий – в Раджагахе, в Бамбуковой роще. Именно после третьего сезона в истории появляется Анатхапиндика – богатый купец, который был известен своей щедростью и раздачей милостыни.

ВТОРОЙ ГОЛОС. Однажды Благословенный пребывал в Бамбуковой роще. В то время ещё не было даже речи об отдельном монастыре для проживания монахов. Они в ту пору жили в лесах, в горах, в оврагах, в пещерах на склонах холмов, на кладбищах, в зарослях джунглей, на открытом воздухе. Покидая свои места каждый раз, они внушали другим людям доверие своим обличьем: шли ли они вперёд или возвращались назад, глядели вперёд или в сторону, стибали или разгибали конечности; их очи были опущены вниз, а движения исполнены грации.

В это время один обеспеченный торговец из Раджагахи посетил рощу, где собрались бхиккху. Он стал наблюдать за ними, и в его сердце зародилась вера. Он приблизился к ним и задал вопрос:

«Почтенные, если бы я предложил вам для проживания свои жилища, что бы вы сказали?»

«Учитель не позволяет нам этого, торговец».

«Тогда передайте ему мои слова».

Они сделали это, и Благословенный дал своё разрешение. Торговец немедленно предложил монахам шестьдесят построенных домов. На следующий день он пригласил их всех на трапезу и предоставил эти жилища.

Сестра торговца была женой Анатхапиндики, которая приехала по делам в Раджагаху – как раз тогда, когда Сангха монахов во главе с Буддой была приглашена на трапезу. Торговец приказал своим слугам: «Встаньте пораньше. Приготовьте кашу, рис и соусы. Позаботьтесь о лучших сладостях».

Анатхапиндика подумал: «Обычно этот торговец откладывал все свои дела, когда я приходил к нему в гости. Сейчас он слишком занят, раздавая указания своим слугам. Возможно, ожидается выдача замуж или помолвка? Или, может быть, великое жертвоприношение? Или же он пригласил Сению Бимбисару, царя Магадхи, со всей его свитой?»

Когда торговец закончил раздавать указания своим слугам, он подошёл к Анатхапиндике и поприветствовал его. Когда он сел рядом с ним, Анатхапиндика озвучил ему свои мысли. В ответ на это торговец поведал ему: «Я не ожидаю ни выдачи замуж, ни помолвки, а также я не пригласил Сению Бимбисару, царя Магадхи, со всей свитой. Однако я намерен совершить великое жертвоприношение, поэтому я пригласил на обед Будду и Сангху монахов, возглавляемую Буддой, полностью и в совершенстве Пробуждённым».

«Ты сказал: «Будду»?»

«Я сказал: «Будду».

«Ты сказал: «Будду»?»

«Я сказал: «Будду».

«Ты сказал: «Будду»?»

«Я сказал: «Будду».

«Но даже слово «Будда» трудно услышать в нашем мире. Есть ли возможность пойти и увидеть его, полностью и в совершенстве Пробуждённого?»

«Сейчас не время увидеть его. Он пожалует завтра утром».

Анатхапиндика подумал: «Завтра утром я смогу увидеть полностью и в совершенстве Пробуждённого».

Он лёг спать с мыслями о Будде. Три раза за ночь он просыпался, думая, что уже рассвет. Затем он направился к воротам Сиваки. Дверь ему открыли нечеловеческие существа. Как только он вышел из города, свет оставил его, и тьма разверзлась перед ним. Страх, трепет и ужас обуяли его. Он хотел повернуть назад; но невидимый дух Сивака прошептал ему:

Сотня слонов, сотня лошадей,

Сотня колесниц, запряжённых мулами,

Сто тысяч дев, украшенных драгоценными камнями и серьгами,

Всё это не стоит
И шестнадцатой части одного шага вперёд.

«Ступай вперёд, домохозяин, ступай вперёд. Лучше идти вперёд, чем вернуться».

После того, как дух произнёс эти слова в третий раз, тьма исчезла и воссиял яркий свет. Страх, трепет и ужас оставили Анатхапиндику. Он вошёл в рощу, где пребывал Будда. В этот час Благословенный проснулся очень рано и прохаживался назад и вперёд на открытом воздухе. Он увидел идущего Анатхапиндику. Увидев его, он оставил свою прогулку и воссел на приготовленное для него сиденье. Сделав это, он обратился к Анатхапиндике: «Подойди, Судатта».

Тот подумал: «Благословенный назвал меня по имени!», и его ум наполнился счастьем и надеждой. Он сделал шаг навстречу Будде и упал ниц пред его стопами со словами: «Я надеюсь, что достопочтенный спал хорошо».

Спит хорошо всегда брахман³¹,
обретший дивную Ниббану;
Оставивший позади услады чувств,
Угасший, не подверженный рожденьям,
Отринувший цеплянья все;
Вражды нет в его сердце,
Он спит блаженно, умиротворённый,
Покой в уме своём установив.

Благословенный наставил Анатхапиндику последовательным поучением Дхаммы, то есть беседой о преимуществах даяния и добродетели, о счастье небесных миров; он вразумил его об опасности и обратной стороне чувственных услад и о пользе отречения... воссияло незапылённое, безупречное видение Дхаммы: «Всё, что имеет природу возникновения, имеет природу прекращения».

«Великолепно, достопочтенный! Великолепно, достопочтенный! Благословенный показал мне Дхамму многими путями, подобно тому как поднимают то, что было опрокинуто; как открывают и демонстрируют то, что было сокрыто, указывают путь заблудившемуся; как возжигают светильник, дабы имеющие очи могли увидеть. Я принимаю прибежище в Благословенном, в Дхамме и в Сангхе монахов! Прошу, достопочтенный, позвольте мне приготовить для вас и для Сангхи монахов угощение завтра».

³¹ Речь об араханте.

Благословенный отвечал молчаливым согласием. Поняв, что он удостоил его согласия, Анатхапиндика поднялся со своего места, и, выразив почтение, обошёл справа Благословенного и удалился.

Торговец из Раджагахи прослышал: «Похоже, что Сангха монахов, возглавляемая Буддой, была приглашена на угощение Анатхапиндикой».

Он обратился к нему: «Сангха монахов, возглавляемая Буддой, была приглашена на угощение тобой. Однако ты здесь гость. Я дам тебе деньги, чтобы ты смог приготовить угощение для Будды и Сангхи».

«В этом нет необходимости. У меня есть деньги, чтобы приготовить угощение для Сангхи монахов, возглавляемой Буддой».

Другие люди из Раджагахи также предложили Анатхапиндике деньги, как и царь Сеня Бимбисара, но все эти предложения он отверг. Когда ночь подошла к концу, в доме торговца благодаря усилиям Анатхапиндики были накрыты вкуснейшие яства. Наступило время трапезы.

«Достопочтенный, время пришло – угощение готово!»

Утром Благословенный оделся и, взяв свою чашу и верхнее одеяние, направился вместе с Сангхой монахов в дом торговца, где воссел на назначенное место.

Домохозяин Анатхапиндика своими руками накладывал для Благословенного и для Сангхи монахов кушанья, стараясь предложить самые лучшие из них. Когда Будда закончил трапезу и его чаша стала пустой, Анатхапиндика сел с одной стороны. Он задумал сделать Будде такое предложение: «Пусть достопочтенный вместе с Сангхой монахов согласится остаться вместе со мной в Саваттхи во время сезона дождей».

«Пробуждённые радуются уединёнными жилищами, домохозяин».

«Я знаю об этом, Благословенный; я знаю об этом, Возвышенный!»

Благословенный вновь наставлял, воодушевлял и пробуждал Анатхапиндику беседой о Дхамме, затем поднялся со своего места и удалился.

В это время у Анатхапиндики было много друзей и знакомых, которые желали поприветствовать его. Когда он закончил своим дела в Раджагахе, он направился в Саваттхи. По дороге он напутствовал жителей: «Друзья, разбивайте сады, возводите жилища, готовьте пищу для подношения. Будда возник в мире! Он был приглашён мною. Он придёт сюда этой дорогой».

И люди следовали его напутствиям.

Когда Анатхапиндика прибыл в Саваттхи, он стал искать во всём городе подходящее место, пока не нашёл рощу принца Джеты: превосходное место, где было всё, что необходимо для приятного, уединённого пребывания. Он пришёл к принцу и попросил отдать рощу ему.

«Эта роща не продаётся даже за сотни тысяч монет, домохозяин».

«Господин, роща занята?»

«Роща не занята, домохозяин».

Он спросил у судей, была ли роща занята или нет, и те сказали: «Как только вы оценили её, господин, она стала занятой».

Тогда Анатхапиндика велел привезти золото на телегах, и роща Джеты оказалась покрытой сотнями тысяч золотых монет, разбросанных по ней. Золота, которое привезли, сначала не хватило, чтобы полностью покрыть землю, и небольшое пространство около ворот оставалось не покрытым. Анатхапиндика велел своим слугам пойти и принести ещё золота, чтобы покрыть всё пространство. Тогда принцу Джеты пришло в голову: «Необычно, что Анатхапиндика тратит так много золота». Он сказал ему: «Довольно, домохозяин, не покрывай это место золотом. Оставь его мне. Это будет моим даром».

Анатхапиндика подумал: «Принц Джеты влиятельный и известный человек. Было бы славно, если бы такие, как он, могли бы обрести веру в Дхамму».

Он оставил это место для принца Джеты, который построил там дом прямо перед входом. Анатхапиндика же возвёл жилища в роще Джеты; там появились открытые террасы; были сделаны ворота, залы, построены дома и комнаты для обогрева, склады и отхожие места, ванные комнаты, воздвигнуты павильоны.

(Вин Члвг.6:4; СН 10:8)

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Так я слышал³². Однажды Благословенный пребывал в Раджагахе в Бамбуковой Роще в Беличьем заповеднике. И в это время он находился на открытой местности в кромешной тьме ночи, а на улице моросил дождь.

Тогда Мара, Злой дух, подкрался к нему, желая испугать и заставить затрепетать, принял обличье огромного царского змея. Его тело было словно гигантская лодка, сделанная из цельного ствола дерева; его капюшон был подобен большому ситу, а глаза – огромным бронзовым тарелкам из Косалы; его язык вырывался изо рта, словно вспышки молнии на грозовом небе; звук от его дыхания напоминал шум наполняемых воздухом кузнечных мехов.

Благословенный узнал Мару и воскликнул:

Отшельник, безупречный в самообуздании,
Живёт в своих уединённых обителях;
Здесь следует оставаться отрёкшимся от мира,
Так подобает жить отшельникам.

Здесь много диких зверей и опасностей,

³² В Типитаке нет информации, когда именно произошла данная история.

Ползучих тварей, мошкары,
Но у отшельника, мудрости исполненного,
Не дрогнет ничего внутри.

Пусть хляби небесные разверзнутся,
Пусть содрогается земля,
Пусть нож приставят к горлу –
Достигший дивного Освобожденья
В обретениях мирских опоры для себя не ищет.

(СнП 4.6)

ВТОРОЙ ГОЛОС. Когда Благословенный провёл в Раджагахе столь долго, сколько сам пожелал, он отправился в Весали. Когда он наконец прибыл туда, он поселился в зале с остроконечной крышей в Великом лесу. В то время люди вокруг были рады принимать участие в строительных работах, и монахи, наблюдающие за строительством, щедро снабжались всем необходимым: чиварами, питанием, жилищами и лекарственными снадобьями для заболевших.

Среди людей был бедный портной, который увидел все эти работы и подумал: «Как необычно, что люди вокруг радуются возможности принимать участие в строительных работах, и монахи, наблюдающие за строительством, щедро снабжаются всем необходимым: чиварами, питанием, жилищами и лекарственными снадобьями для заболевших. Отчего бы мне тоже не заняться строительством?»

Тогда портной взял немного глины, соединил вместе несколько кирпичей и соорудил строительные леса. Однако из-за отсутствия знаний и умений постройка его не выдержала своего веса и рухнула. То же самое повторилось во второй, и в третий раз. Из-за этого портной осерчал и стал роптать и жаловаться: «Сыны сакьев обучают и помогают советами тем людям, которые обеспечивают их всем необходимым: чиварами, питанием, жилищами и лекарственными снадобьями для заболевших. Но я беден. Из-за этого никто не обучает меня и не помогает мне».

Монахи услышали об этом случае и поведали о нём Благословенному. Тот во время беседы о Дхамме высказался по поводу данного происшествия так:

«Я позволяю вам наблюдать за строительными работами. Бхиккху, наблюдающий за ними, должен позаботиться о том, чтобы жилище было достроено в кратчайшие сроки и о том, чтобы повреждённое и сломанное было бы вовремя починено».

Когда Благословенный провёл в Весали столь долго, сколько сам пожелал, он отправился в Саваттхи. В это время последователи монахов из «группы шести» вышли вперёд в Сангхе, возглавляемой Буддой, и взяли на себя распределение

жилищ и кроватей таким образом: «Это приготовлено для наших наставников, это приготовлено для наших учителей, а это будет предназначено для нас».

Когда достопочтенный Сарипутта прибыл после Сангхи монахов, возглавляемой Буддой, все жилища и кровати были уже заняты. Не найдя места, он провёл ночь у корней дерева под открытым небом. Когда ночь стала клониться к концу и забрезжил рассвет, Благословенный проснулся и у него начался кашель. То же самое случилось с достопочтенным Сарипуттой.

«Кто здесь?»

«Это я, Сарипутта, достопочтенный».

«Как ты оказался здесь?»

Тот рассказал, что произошло. Благословенный собрал по этому случаю Сангху монахов и пожелал удостовериться в том, что всё так и было. Они подтвердили это. Он отвечал им упрёком: «Бхиккху, такие события не порождают веру в неверующих и не увеличивают веру в верующих; это лишь приносит пагубу неверующим и уменьшают веру тех, кто прежде имел её».

После этого порицания и после беседы о Дхамме Благословенный обратился к монахам так: «Бхиккху, кто заслуживает самого лучшего сидения, самой лучшей воды и самого лучшего подношения?»

Монахи стали отвечать, что этого заслуживают члены благородных семей или выходцы из брахманских кланов; те, кто искуснее всего дают наставления о Дхамме и Винае; те, кто достиг первой, второй, третьей, четвёртой джхан...вступления в поток, кто стал сакадагамином, анагамином, арахантом, обрёл три высших знания...шесть знаний...

Тогда Благословенный промолвил:

«Однажды, о бхиккху, в Гималаях росло огромное баньяновое дерево, под которым жили трое товарищей. Это были куропатка, обезьяна и слон. Они часто были грубы и непочтительны по отношению друг к другу. В один из дней им пришло на ум такое размышление: «Как нам узнать, кто из нас старше, чтобы почитать и уважать его, оказывать ему различные знаки внимания?»

Куропатка и обезьяна обратились к слону: «Какие времена ты способен вспоминать?»

«Когда я был маленьким, я проходил мимо этого баньянового дерева, и его ветки висели между моими ногами, а верхняя ветвь поцарапала мне живот».

Тогда куропатка и слон спросили обезьяну: «Какие времена ты способна вспомнить?»

«Когда я была маленькой, я сидела на земле и грызла самые верхние побеги этого баньянового дерева».

Тогда обезьяна и слон задали вопрос куропатке: «Какие времена ты способна вспомнить?»

«В одном из мест росло баньяновое дерево. Я съела одно из его семян и выплюнула его здесь. И именно здесь выросло вот это баньяновое дерево. Это означает, что я старше вас обоих».

Обезьяна и слон ответили куропатке: «Ты старше нас. Мы станем почитать и уважать тебя, оказывать тебе различные знаки внимания. Мы также будем следовать твоим наставлениям».

После этого куропатка велела обезьяне и слону принять пять предписаний нравственности и стала сама следовать им. После этого куропатка, обезьяна и слон стали жить в уважении и почтении друг к другу, и между ними воцарилась гармония. С распадом тела, после смерти они родились в мирах счастья, в светлых уделах, в небесных мирах. И всё это позднее назвали «святой жизнью куропатки».

Кто старших почитают,
В Дхамме признаются мастерами;
Их восхваляют на земле,
Как и на небесах потом.

«О бхиккху, даже животные способны быть почтительными и уважительными, жить в гармонии друг с другом. Последуйте примеру из этой истории. Если вы грубы и непочтительны друг к другу, то это не порождает веру в неверующих и не увеличивают веру в верующих; это лишь приносит пагубу неверующим и уменьшает веру тех, кто прежде имел её».

Странствуя без спешки, Благословенный достиг Саваттхи. Он остановился в роще Джеты, в парке Анатхапиндики. Анатхапиндика приблизился к Благословенному и пригласил его на обед на следующий день. Тот ответил молчаливым согласием. Когда с едой было покончено и у Благословенного опустела чаша, Анатхапиндика сел с одной стороны и задал вопрос:

«Достопочтенный, как мне поступить с рощей Джетой?»

«Домохозяин, ты можешь преподнести её в дар Сангхи монахов четырёх направлений – прошлого, настоящего и будущего».

«Да будет так, достопочтенный», отвечал Анатхапиндика и сделал так, как сказал Благословенный. Тогда тот ответил ему в стихах:

Обители, что укрывают от жары и стужи,
От зверей диких, ползучих тварей, мух, дождей;
Обители, дарящие защиту от солнца и неистового ветра, –
Способствуют покою, созерцанию,
Прозрению в истину.

Дарение жилищ для Сангхи Будда восхваляет;
Так пусть же мудрый человек,
Кто ищет благоденствия себе,
Удобные жилища для бхиккху воздвигает!

Дарить жилища, пищу, воду, одеянья,
Позволить верою исполниться
В тех, кто праведностью наделён;
Хорошие друзья наставят его Дхамме,
Что уводит за пределы всех страданий,
Познав её, он обретёт Ниббану,
Свободу высшую от всех оков.

После того, как Благословенный дал это благословение Анатхапиндике, он поднялся со своего места и удалился.

(Вин Члвг.6:5-9)

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Будда, который в то время пребывал в Саваттхи, столице Косалы, пришёл из страны Магадхи, чьей столицей была Раджагаха. Магадха тогда была одним из двух самых влиятельных государств Индии. Она располагалась к югу от Ганги с северной границей по реке. Её царём был Бимбисара, который уже заявил о себе как о последователе Будды. Двоюродный брат Бимбисары, царь Пасенади, управлял другим великим царством – Косалой, которое простиралось на север от северного берега Ганги до предгорий Гималаев. Царь Пасенади в то время был близок ко встрече с Буддой.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Так я слышал. Когда Благословенный был в Саваттхи, горячо любимый сын одного из жителей этого города умер. Этот домохозяин пришёл к Благословенному, который спросил его:

«Домохозяин, ты выглядишь удручённым и словно бы лишившимся рассудка и своих способностей».

«Как я могу не выглядеть удручённым, достопочтенный? Мой горячо любимый сын мёртв. После его смерти я не способен ни есть, ни выполнять свою работу. Я лишь хожу возле его могилы на кладбище и причитаю: «Мой единственный сын, где же ты? Мой единственный сын, где же ты?»»

«Так оно, домохозяин, так оно. Близкие и любимые люди приносят печаль, скорбь, боль и отчаяние».

«Кто же выдумал такое, достопочтенный? Близкие и любимые люди приносят счастье и радость!»

Домохозяин поднялся с места, недовольный словами Благословенного и не принимающий их. Вскоре он встретил игроков в кости и пересказал им содержание своей беседы с Буддой. Они ответили ему: «Так оно, домохозяин, так оно. Близкие и любимые люди приносят счастье и радость».

Подумав: «Я согласен с игроками», он встал и отправился по своим делам. А эта история в итоге дошла до царского дворца. Царь Косалы Пасенади обратился к своей супруге Маллике: «Маллика, что ты думаешь о словах отшельника Готама: «Близкие и любимые люди приносят печаль, скорбь, боль и отчаяние?»

«Господин, если Благословенный произнёс эти слова, значит, это правда».

«Что бы ни сказал отшельник Готама, Маллика приветствует это: «Господин, если Благословенный произнёс эти слова, значит, это правда». Она рассуждает, как ученица, которая одобряет любые слова своего наставника, что бы он ни говорил. А сейчас, Маллика, ступай по своим делам».

Тогда царица Маллика сказала Налиджангхе из сословия брахманов так: «Иди к Благословенному и вырази ему почтение от моего имени. И спроси его:

«Достопочтенный, это правда, что Благословенный произнёс такие слова: «Близкие и любимые люди приносят печаль, скорбь, боль и отчаяние»? Затем запомни его ответ и передай мне. Всецело совершенный никогда не произносит ни слова неправды».

Тот сделал так, как ему было велено. Благословенный ответил ему: «Так оно, домохозяин, так оно. Близкие и любимые люди приносят печаль, скорбь, боль и отчаяние». И это можно понять из такой истории. Однажды в Саваттхи жила женщина, чья мать умерла, после чего женщина тронулась рассудком и бродила по городу, причитая: «Вы не видели мою мать? Вы не видели мою мать?»

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. После этого Будда рассказал ещё целый ряд похожих историй, повторив свой вывод.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. В том же Саваттхи одна женщина была замужем и жила с семьёй супруга. Однако её собственная семья желала разлучить их и выдать её за другого мужчину, чего она не хотела. Она рассказала об этом своему супругу. Тот убил её, а затем наложил руки на себя со словами: «Пусть мы погибнем вместе!»

Таким образом, можно понять, что близкие и любимые люди приносят печаль, скорбь, боль и отчаяние».

Налиджангха вернулся к Маллике и передал ей всё, что услышал. Она пришла к царю Пасенади и спросила его: «Господин, что скажете – принцесса Ваджири дорога вам?»

«Да, Маллика, она дорога мне».

«Если бы с принцессой Ваджири произошли изменения, произошли перемены – наступили ли для вас печаль, скорбь, боль и отчаяние?»

«Любые изменения и перемены с принцессой Ваджири – это изменения и перемены, которые происходят и со мной так же. Как же печаль, скорбь, боль и отчаяние могли бы не наступить для меня?»

«Господин, по этой причине Благословенный, который знает и видит, полностью и в совершенстве Пробуждённый, возвестил: «Близкие и любимые люди приносят печаль, скорбь, боль и отчаяние».

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Далее царица Маллика спросила то же самое про царицу Васабху, про сына царя Видидабху, про себя саму, про жителей государств Каси и Косалы. И царь в итоге произнёс: «Маллика, это поразительно, это чудесно, насколько глубоко Благословенный проникает в вещи своей мудростью! Подойди, дай мне воду для омовения».

Царь Пасенади поднялся со своего места, накинуд своё одеяние на плечо, сложил свои ладони в ту сторону, где находился Благословенный, и три раза воскликнул: «Слава Благословенному, полностью и в совершенстве Пробуждённому!»

(МН 87)

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Следующая история предположительно описывала, как царь Косалы Пасенади впервые встретил Будду.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Так я слышал. Когда Будда жил в Саваттхи, царь Косалы Пасенади прибыл к нему. Когда были закончены приветствия и любезный разговор, он присел в стороне. Сделав это, он задал такой вопрос: «Правда ли то, что учитель Готама провозглашает о своём высшем, непревзойдённом Пробуждении?»

«Великий царь, если о ком-то справедливо сказали бы, что он достиг высшего, непревзойдённого Пробуждения, то это следовало бы сказать обо мне».

«Однако, учителя Готама, существуют отшельники и брахманы, каждый со своей общиной, со своими учениками, возглавляющие собрания, признанные многими почтенными и известными мудрецами – даже святыми; я говорю о Пурана Кассапе, Маккхали Госале, Нигатха Натхапутте, Санджая Белаттхипутте, Пакудха Каччаяне и Аджита Кесакамбале. Когда я вопрошал их, обрели ли они высшее, непревзойдённое Пробуждение, они не подтвердили этого, в отличие от учителя Готама. Как же так? Ведь учитель Готама молод и лишь недавно ушёл в отшельничество».

«Великий царь, существует четыре явления, на которые не следует смотреть сверху вниз из-за их молодости. Каковы четыре? Это благородный воин, змея, огонь и бхиккху».

Так отвечив Благословенный. Сказав так, Возвышенный добавил:

Пусть никто не низвергает
Юного воина из благородного рода –
За его молодость,
Ведь он может обрести огромную власть и стать тираном,
Затаившим тягу к мести;
Нужно избегать царского возмездия,
Это поможет сохранить жизнь.

Пусть никто не низвергает
Змею, что извивается в деревне или городе –
За её молодость,
Ведь змея проворная и юркая,
Она напасть способна и зубами впиться
В человека, кто беспечен – в любое время;
Нужно избегать змеиного нападения,
Это поможет сохранить жизнь.

Пусть никто не низвергает
Огонь, неистово пылающий, –
За его молодость,
Ведь огонь, нашедший топливо,
Спалить способен и испепелить
Человека, кто беспечен – в любое время;
Нужно избегать с огнём столкновения,
Это поможет сохранить жизнь.

Огни, неистово пылающие,
Испепелить леса способны,
Однако всходы появятся на пепелище через пару дней уже,
Но тот, кто будет опалён огнём достойного бхиккху³³,
Тот будет наследниками обделён,
Подобно обрубку пальмового дерева.

³³ Комментарий Ачарии Буддагосы: «Тот, кто отвечает оскорблением на оскорбление, не является добродетельным. Однако, когда он не оскорбляет обидчика в ответ, он (обидчик) терпит неудачу по отношению к нему и сгорает в огне добродетели монаха, то есть он не получает ни сыновей, ни дочерей, ни скота и т.д.; значение заключается в том, что они превращаются в ничто, "как обрубки пальмы"; будучи сожжёнными огнем монаха, они становятся подобны пальме с его крона срезана, и остаётся только ствол, а всё благополучие испаряется».

Мудрец, пекущийся о благоденствии своём,
Он будет верно обращаться с юным воином,
Змеёй, огнём и бхиккху из Сангхи Будды.

Когда это было сказано, царь Пасенади воскликнул: «Великолепно, достопочтенный! ... Пусть Благословенный примет меня как своего мирского последователя, принявшего прибежище с сегодняшнего дня и до последнего вздоха!»

(СнП 3:1)

ВТОРОЙ ГОЛОС. Был такой случай. Однажды Благословенный пребывал в Бамбуковой роще, в Беличьем заповеднике в то время, когда проживание монахов в одном месте во время сезона дождей ещё не было обязательным. Монахи странствовали повсюду и в жаркий сезон, и в холодный, и в дождливый. Люди были недовольны и стали роптать: «Отчего эти монахи, сыны сакьев, странствуют повсюду во время всех трёх сезонов, вытаптывая траву и уничтожая множество крошечных насекомых? Даже последователи ложных учений остаются во время сезона дождей на одном месте. Даже стервятники, которые вьют свои гнёзда на верхушках деревьев, остаются во время сезона дождей на одном месте. Однако эти монахи, сыны сакьев, странствуют повсюду во время всех трёх сезонов, вытаптывая траву и уничтожая множество крошечных насекомых».

Монахи услышали об этом и передали Благословенному. Во время беседы о Дхамме он затронул этот случай и сказал: «Я наказываю вам оставаться во время сезона дождей на одном месте».

(Вин Мхвг. 3:1)

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Несмотря на то что смерть Анатхапиндики случится намного позже (когда именно – неизвестно), нижеследующая история смотрится здесь наиболее уместно.

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Однажды Анатхапиндика серьёзно заболел и попросил достопочтенного Сарипутту навесить его. К нему пришли сразу два старших монаха – Сарипутта и Ананда (их в то время уже называли тхерами, то есть старейшинами). Анатхапиндика пожаловался, что его болезнь не стихает, и тогда Сарипутта Тхера дал ему наставления.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Домохозяин, тебе следует воспитывать себя таким образом: «Я не стану цепляться за сферу глаза и за сознание глаза. Так тебе следует воспитывать себя.

ВТОРОЙ ГОЛОС. Далее Сарипутта Тхера наставил Анатхапиндику подобным образом в отношении сфер уха, носа, языка, тела и ума и видов сознания, основанных на этих сферах, а также в отношении контакта и чувства, шести элементов (земли, огня, воды, воздуха, пространства и сознания), в отношении пяти совокупностей, миров форм и миров без форм, в отношении этого мира и другого, и, в конце концов, в отношении всего, что видится, слышится, вкушается, обоняется, осязается, ощущается органами чувств, а также всего, что познаётся умом.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Когда это наставление было дано, Анатхапиндика всхлипнул, и слёзы покатались из его глаз. Заметив это, Ананда Тхера спросил его: «Домохозяин, ты колеблешься? Ты терпишь неудачу?»

«Достопочтенный Ананда, я не колеблюсь и не терплю неудачу. Просто я провёл много времени рядом с Благословенным и Сангхой монахов, однако ни разу я не слышал наставления, подобного этому».

«Подобные наставления, домохозяин, не даются тем, кто одет в белые одеяния, они даются только тем, кто облачён в чивару и оставил дом ради бездомного странствования».

«Пожалуйста, достопочтенный Сарипутта, пусть подобные наставления даются и домохозяевам. Ведь среди них есть те, у кого лишь немного пыли в глазах, но они тонут, не имея возможности слушать такие вразумления. Иные из них, услышав их, смогут достичь высшего знания в Дхамме».

(МН 143)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Анатхапиндика умер в тот же день и переродился в божественных обителях. Будучи вступившим в поток, он достигнет окончательной Ниббаны не позднее, чем через семь рождений.

7. ПОЯВЛЕНИЕ САНГХИ МОНАХИНЬ

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Эта история, по всей видимости, произошла во время сезона дождей в Саваттхи. Если традиционное описание первых трёх сезонов дождей после достижения Ниббаны Буддой является правильным, то четвёртый был проведён им в роще Джеты. Ниже приводится история, которая принадлежит данному периоду (если наш подсчёт верен).

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Так я слышал. Однажды Благословенный пребывал в Саваттхи³⁴ в роще Джеты, в парке Анатхапиндики. В это время бхиккху Нанда, сын тёти Будды по материнской линии, объявил монахам: «Друзья, я веду святую жизнь, будучи удручённым ею. Я не могу больше жить в монашестве. Я желаю расстричься и вернуться к своей прежней жизни, которую прежде отринул».

Тогда те монахи отправились к Будде и рассказали ему о случившемся. Он ответил им: «Бхиккху, позовите Нанду от моего имени. Скажите, что Благословенный желает его видеть».

«Да, достопочтенный».

Когда приглашение было передано бхиккху Нанде, тот приблизился к Благословенному, который задал ему вопрос: «Нанда, правда ли то, что ты ведёшь святую жизнь, будучи удручённым ею, и говоришь: «Я не могу больше жить в монашестве. Я желаю расстричься и вернуться к своей прежней жизни, которую я прежде отринул»?

«Это правда, достопочтенный».

«Отчего же так, Нанда?»

«Достопочтенный, когда я оставлял дом, прелестница из рода сакьев Джанападакалияни с очами газели и растрёпанными волосами, проводила меня со словами: «Возвращайся скорее, принц!» Когда я вспоминаю об этом, я становлюсь удручён ведением святой жизни».

Тогда Благословенный взял Нанду за руку и столь же быстро, как сильный человек может вытянуть свою согнутую руку или согнуть свою вытянутую руку, они исчезли из рощи Джеты и оказались в миру божеств Тридцати три. Там пятьсот нимф, подобным дивным голубкам, ожидали царя богов Сакку. Благословенный обратился к Нанде: «Нанда, ты видишь этих пятьсот нимф, подобным дивным голубкам?»

«Да, достопочтенный».

«Как ты считаешь, кто более прекрасен, более заманчив, более очарователен: прелестница из рода сакьев Джанападакалияни, или эти пятьсот нимф, подобным дивным голубкам?»

«Достопочтенный, прелестница из рода сакьев Джанападакалияни в сравнении с этими пятьюстами нимфами – словно облезлая обезьяна с отрезанным носом и ушами. Она не идёт ни в какое сравнение с ними, это небо и земля. Их просто невозможно поставить рядом друг с другом. Эти пятьсот нимф несравнимо более прекрасны, заманчивы и очаровательны».

³⁴ Другой источник утверждает, что данные события произошли в Раджагахе, в Бамбуковой роще (что может быть ошибочным).

«Тогда оставайся в святой жизни, Нанда. Наслаждайся ею, и я обещаю, что ты получишь этих пятьсот нимф, подобным дивным голубкам».

«Достопочтенный, если Благословенный обещает, что я заполучу их, то я останусь в святой жизни».

Тогда Благословенный вновь взял Нанду за руку, и так же быстро, как ранее, они из обители Тридцати трёх божеств оказались в роще Джеты.

Монахи вскоре узнали: «Нанда остался в святой жизни во имя нимф;

Благословенный пообещал, что он получит этих пятьсот нимф, подобным дивным голубкам». Друзья стали поднимать его на смех и обращаться с ним, как с подёнщиком, который продал себя: «Смотрите, вот идёт бхиккху Нанда – подёнщик, он продал себя, ведь он ведёт святую жизнь лишь во имя нимф! Похоже, Благословенный пообещал, что Нанда получит пятьсот нимф, подобным дивным голубкам».

Бхиккху Нанда почувствовал себя оскорблённым, униженным и низвергнутым после этих насмешек. После этого, пребывая в уединении, вдали от суеты, прилежный, пылкий, решительный, он, познав прямым знанием для самого себя, прямо здесь и сейчас, вошёл и стал пребывать в достижении той наивысшей цели святой жизни, во имя которой члены благородного клана по праву оставляют родные дома ради бездомного странствования. Он познал: «Рождение разрушено, прожита святая жизнь, совершено то, что необходимо было совершить, больше нет для меня возврата ни в одно состояние бытия».

Так он стал одним из арахантов.

Когда ночь уже близилась к концу, дэва необычайной красоты, озарив своим сиянием всю рощу Джеты, приблизился к Благословенному и, выразив ему почтение, встал с одной стороны. Он промолвил: «Достопочтенный, бхиккху Нанда, двоюродный брат Благословенного, родной сын его тётки по материнской линии, познав прямым знанием для самого себя, пребывает с освобождённым разумом, отбросив все оковы». Благословенный, направив свой разум на разум бхиккху Нанды, подтвердил данную весть.

В конце ночи тот пришёл к Будде и произнёс: «Достопочтенный, некогда Благословенный пообещал, что я получу пятьсот нимф, подобным дивным голубкам, но теперь я освобождаю его от этого обещания».

«Я уже познал твой разум своим разумом, Нанда. Дэва прислал мне известие тоже. Как только твой разум освободился от оков, я стал свободен от своего обещания».

Осознав значимость момента, Возвышенный воскликнул:

Бхиккху, преодолевший трясину,

Извлекший стрелу чувственных услад,

Достиг он окончанья заблуждений;

Удовольствие и боль уже не пошатнут его.

(Уд 3:2)

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Следующий, пятый, сезон дождей был проведён Буддой в Весали, столице Видехи, стране на юго-востоке Косалы и на северном берегу Ганга. Это была страна, где правили не цари, а богачи-купцы.

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. В следующие месяцы царь Суддходана заболел и умер, будучи арахантом. Будда снова посетил родной город.

ВТОРОЙ ГОЛОС. История была такой. Благословенный жил среди сакьев в парке Нигродха в Капилаваттху. Махападжапати Готами прибыла к нему. Она выразила ему почтение и встала с одной стороны. После этого она начала говорить:

«Достопочтенный, было бы хорошо, если бы женщины могли получать посвящение и оставлять родные дома ради бездомного скитания в этой Дхамме и Винае, возвещёнными Благословенным».

Она повторила свою просьбу во второй и в третий раз, но просьба была отвергнута Буддой. Она подумала: «Благословенный не позволяет этого», и её разум исполнился грусти и печали. Она вновь выразила ему почтение и ушла, обойдя его с правой стороны.

Когда Благословенный пробыл в Капилаваттху столько, сколько пожелал, он направился, не спеша, в Весали. Когда он наконец прибыл туда, он стал жить в Великом лесу в зале с остроконечной крышей.

В это же время Махападжапати Готами остригла свои волосы и облачилась в жёлтое одеяние. С ещё несколькими женщинами из рода сакьев она направилась в Весали. Прибыв туда, они остановились около входа в зал с остроконечной крышей в Великом лесу. Её ноги распухли, её тело было покрыто пылью. Она была погружена в грусть и печаль, по щекам катились слёзы – её сотрясали рыдания. Достопочтенный Ананда увидел её в таком состоянии стоящей возле входа. Он задал ей вопрос:

«Готами, отчего ты стоишь около входа и рыдаешь?»

«Достопочтенный Ананда, это происходит из-за того, что Благословенный не позволяет женщинам получать посвящение и оставлять родные дома ради бездомного скитания в этой Дхамме и Винае, возвещёнными им».

«Тогда, Готами, оставайся здесь, я задам вопрос Благословенному».

Достопочтенный Ананда приблизился к Благословенному и рассказал ему о том, что произошло, закончив рассказ словами: «Достопочтенный, было бы хорошо, если бы женщины могли бы получать посвящение и оставлять родные дома ради бездомного скитания в этой Дхамме и Винае, возвещёнными Благословенным».

«Довольно, Ананда, не проси меня о том, чтобы женщины могли бы получать посвящение и оставлять родные дома ради бездомного скитания в этой Дхамме и Винае, возвещёнными Благословенным».

Он повторил свою просьбу во второй и в третий раз, но просьба была отвергнута Буддой. Он подумал: «Благословенный не позволяет этого. А что, если я задам вопрос иначе?»

Тогда достопочтенный Ананда спросил так: «Достопочтенный, если бы женщины могли получать посвящение и оставлять родные дома ради бездомного скитания в этой Дхамме и Винае, возвещёнными Благословенным, были бы они способны обрести плод вступления в поток, плод однажды возвращения, плод невозвращения и плод арахантства?»

«Женщины способны на это, Ананда³⁵».

«Достопочтенный, Махападжапати Готоми была исключительно участлива по отношению к Благословенному, будучи родной сестрой его матери. Она заменила ему родную мать и вскормила своим молоком после смерти его матери. Было бы хорошо, если бы женщины могли получать посвящение».

«Ананда, если Махападжапати Готоми примет восемь великих условий, то я позволю ей принять посвящение. Вот эти восемь условий.

Бхиккхуни, пусть даже принявшая посвящение сто лет назад, должна выражать почтение, приветствовать с ладонями, сложенными в анджали и кланяться даже тому бхиккху, который принял посвящение лишь один день назад.

Бхиккхуни не должна проводить сезон дождей в том месте, где нет ни одного бхиккху.

Бхиккхуни каждые полмесяца должна просить у Сангхи бхиккху две вещи – о времени для проведения Упосатхи, и о времени визита для наставлений.

Бхиккхуни в конце сезона дождей должна получить порицание от обеих Сангх: мужской и женской в том случае, если в её поведении были нарушения (увиденные, услышанные или подозреваемые).

Бхиккхуни в случае совершения тяжкого проступка должна быть представлена перед обеими Сангхами: мужской и женской.

Женщина, которая желает стать бхиккхуни, должна получить посвящение от обеих сангх, по истечению испытательного срока длиной в два года (после обучения шести вещам, описанных выше).

Бхиккхуни не должна искать изъяны в любом бхиккху и оскорблять его какими бы то ни было способами.

³⁵ Как минимум две очень глубокие беседы в Сутта-Питаке были произнесены женщинами-монахинями (МН 44 и СН 44:1). Ряд женщин был отмечен Буддой за их особые благие качества (АН 1:14). Существует целый цикл стихотворений старших монахинь под названием «Тхеригатха».

Бхиккхуни не могут давать наставления бхиккху, но бхиккху может давать наставления бхиккхуни.

Таковы восемь великих условий, которые должны неукоснительно соблюдаться, почитаться и не нарушаться до самой смерти. Если Махападжапати Готами принимает их, это будет считаться её полным посвящением».

Когда достопочтенный Ананда заучил эти восемь условий от Благословенного, он отправился к Махападжапати Готами и передал их ей.

«Достопочтенный Ананда, подобно тому, как юноша или девушка, любители украшений, с чистой головой, получили бы венок с лотосами, жасминами и розами³⁶, взяли их своими руками и водрузили на свою голову, – так и я принимаю восемь условий и не нарушу их до самой смерти».

Тогда достопочтенный Ананда вернулся к Благословенному и объявил:

«Достопочтенный, Махападжапати Готами приняла восемь великих условий.

Теперь она получила полное посвящение».

«Ананда, если бы женщины не могли бы получать посвящение и оставлять родные дома ради бездомного скитания в этой Дхамме и Винае, возвещёнными Благословенным, то святая жизнь продлилась бы долго, продлилась бы тысячу лет. Но поскольку женщины получили разрешение на это, она продлится лишь пятьсот лет».

«Подобно тому, как семья, в которой мало мужчин, но много женщин, подвержена разбойному нападению, подвержена нападению грабителей, эти Дхамма и Виная, в которых женщины получают посвящение, не длятся долго.

Подобно тому, как на поле созревшего риса падает серая плесень, это поле созревшего риса долго не продержится; подобно тому, как красная ржавчина падает на поле созревающего сахарного тростника, это поле сахарного тростника не может плодоносить долго, так и Дхамма и Виная, в которой женщины получают посвящение, не длятся долго.

Как человек, желающий избежать большого наводнения, строит заранее заводь и засыпает её песком, так и я устанавливаю восемь великих условий, которые не должны нарушаться до самой смерти».

(Вин Мхвг. 10:1; АН 8:51)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Когда Махападжапати Готами попросила о наставлениях для женщин из рода сакьев, которые пришли вместе с ней, Будда велел,

³⁶ «Роза» не является точным переводом *atimuttaka*, но более литературным в сравнении с предлагаемым словарём (банистерия бенгаленсис).

чтобы монахи дали им полное посвящение. Однако эти женщины сказали, что, в отличие от них, сама Махападжапати Готоми не была посвящена. Достопочтенный Ананда через Будду выяснил, что принятие восьми условий и стало посвящением для Махападжапати Готоми.

Позднее она обратилась к Будде за разрешением монахам и монахиням выражать почтение друг к другу независимо от пола, но достопочтенный Ананда, через которого эта просьба была передана, прислал отказ от Будды. Монах не должен выражать почтение монахине.

ВТОРОЙ ГОЛОС. Однажды Махападжапати Готоми отправилась к Благословенному. Выразив ему почтение, она встала с одной стороны и обратилась к нему: «Достопочтенный, было бы хорошо, если бы Вы могли наставить меня поучением Дхаммы вкратце так, чтобы я смогла, пребывая в уединении, вдали от суеты, быть прилежной, пылкой и решительной».

«Готоми, в отношении тех вещей, о которых ты знаешь: «Эти вещи приводят к страсти – не к бесстрастию, приводят к привязанности – не к отсутствию привязанности, к накоплению – не к отбрасыванию, к гордыне – не к скромности, к сближению – не к уединению, к лени – не к прилежности, к роскоши – не к отречению, – то в отношении таких вещей ты можешь справедливо решить: «Это не Дхамма, это не Виная, это не учение Благословенного».

Однако в отношении тех вещей, о которых ты знаешь: «Эти вещи приводят не к страсти – к бесстрастию, приводят не к привязанности – к отсутствию привязанности, не к накоплению – к отбрасыванию, не к гордыне – к скромности, не к сближению – к уединению, не к лени – к прилежности, не к роскоши – к отречению, – то в отношении таких вещей ты можешь справедливо решить: «Это Дхамма, это Виная, это учение Благословенного».

(Вин Мхвг. 10:5; АН 8:53)

8. ССОРА В КОСАМБИ

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Традиция Тхеравады утверждает, что шестой сезон дождей был проведён Буддой в горах Макулы, и что в течение следующего года в Саваттхи было явлено двойное чудо, после чего он вознёсся на небеса Тридцати трёх. Там он провёл седьмой сезон дождей, разъясняя божествам Абхидхамму (одним из божеств была его мать, умершая в родах). В конце седьмого сезона произошло нисхождение божеств на землю.

Восьмой сезон дождей Будда провёл в Сумсумарагире, а девятый – в Косамби.

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Косамби была столицей небольшого царства Вамса, зажатого между Гангой и Джамной. Его царь, Удена, почти не упоминается в Каноне.

Большинство событий, размещённых согласно более поздней традиции, в промежутке этих годов, включая посещение небес Тридцать три и нисхождения богов, не упоминаются в Типитаке вовсе.

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Мы начнём с рассказа об одном мелком инциденте, который, однако, привёл к крупной ссоре, чуть не увенчавшейся расколом Сангхи. Итак, в монастыре было два монаха, один из которых слыл искусным учителем в Дхамме, а другой – в Винае. Первый, пойдя однажды в уборную, оставил после себя кувшин с неиспользованной водой. Второй позже обнаружил этот кувшин. Он задал вопросу учителю Дхаммы: «Ты оставил кувшин с водой в уборной, друг?»

«Да, я оставил его».

«Знаешь ли ты, что это является нарушением?»

«Нет, не знаю».

«Это является нарушением, друг».

«Тогда я признаю это».

«Однако, если ты это совершил по забывчивости и не намеренно, то это не считается проступком».

Учитель Дхаммы ушёл, будучи уверенным, что не совершил ничего предосудительного. Однако учитель Винаи заявил его ученикам: «Этот учитель Дхаммы даже не знает, когда он совершает проступок». Они, в свою очередь, передали другим ученикам: «Учитель Дхаммы совершает проступки, не зная о том». Когда это дошло до самого учителя, он ответил: «Этот учитель Винаи сначала уверил меня в том, что это не является нарушением, но сейчас говорит, что является. Он просто лжец».

Его ученики рассказали последователям учителя Винаи: «Ваш учитель – лжец». Его реакцией было созвать собрание и отстранить учителя Дхаммы.

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Приводим каноническое описание того, что случилось дальше.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Случай был таким. Пока Будды жил в Косамби, в парке Гхоситы, один монах совершил проступок. Он считал проступком свой проступок, однако другие монахи не считали. Позднее он сам изменил своё мнение и перестал считать это проступком, однако другие монахи, напротив, стали считать его проступок – проступком. Они сказали ему: «Друг, ты совершил нарушение. Ты признаёшь это?»

«Друзья, я не признаю, что совершил какое-либо нарушение».

Затем монахи решили отстранить этого монаха, хотя он до сих пор не видел своей вины. Однако он был учёным. Он знал канонические тексты и был знатоком в Дхамме и Винае с её правилами. Он был мудрым, проникательным, понимающим, скромным, щепетильным и жаждущим обучения. Он отправился к своим близким

соратникам и сказал: «Это не проступок, я ничего дурного не совершил. Я был отстранён за нарушение, которое является пустячным, незначительным. Пусть достопочтенные встанут на мою сторону в Дхамме и Винае».

Он переманил их на свою сторону и отправил гонцов к своим друзьям и единомышленникам в стране. Затем бхиккху, поддержавшие его, пришли к тем, кто его отстранил, и заявили о своём мнении. Когда это было сделано, те подтвердили законность своих действий по отстранению, сказав: «Пусть другие не поддерживают этого монаха и не следуют за ним».

Однако ученики отстранённого монаха продолжали его поддерживать и следовать за ним, несмотря на эти слова. Тогда один монах пришёл к Благословенному и поведал ему о том, что произошло. Благословенный сказал: «Будет раскол в Сангхе, в Сангхе будет раскол». Он поднялся с сидения и отправился к монахам, который совершили отстранение. Воссев на приготовленное сиденье, Благословенный промолвил: «Бхиккху, не воображайте себе, что кто-то из вас может быть отстранён с лёгкостью лишь потому, что вы решили так. Вот случай бхиккху, который считает, что не совершал проступка, хотя некоторые другие считают иначе. И те, кто осознают серьёзность угрозы раскола в Сангхе, не должны отстранять бхиккху, который считает, что не совершал проступка, если они рассуждают так: «Этот достопочтенный имеет обширные знания. Он желает продолжать обучение; если мы просто отстраним его, то не сможем провести Упосатху вместе с ним, не сможем провести церемонию Павараны в конце сезона дождей, вести вместе дела Сангхи, делить с ним трапезу, жить под одной крышей, оказывать знаки почтения старейшинам. Мы станем делать всё это без него, и в Сангхе воцарится раздор, ссоры, разногласия, что приведёт к расколу, к разъединению, к несогласию».

Произнеся это, Благословенный направился к тем монахам, которые поддерживали отстранённого учителя Дхаммы. Воссев на приготовленное сиденье, Благословенный промолвил: «Монахи, не воображайте себе, что, совершив проступок, можно загладить вину лишь потому, что вы думаете, что не совершали ничего дурного. Вот случай бхиккху, который считает, что не совершал проступка, хотя некоторые другие считают иначе. И этот бхиккху, который осознаёт серьёзность угрозы раскола в Сангхе, должен признать проступок, даже если считает, что не совершал его, если он рассуждает так: «Эти достопочтенные имеют обширные знания. Они желают продолжать обучение; будет нелепо сбиваться с пути, дав волю враждебности, заблуждению и страху на мой счёт или на счёт других. Если эти монахи отстранят меня за проступок, который я не считаю таковым, то они не смогут провести Упосатху вместе со мной, не смогут провести церемонию Павараны в конце сезона дождей, вести вместе со мной дела Сангхи, делить со мной трапезу, жить под одной крышей, оказывать знаки почтения старейшинам. Они станут делать всё это без

меня, и в Сангхе воцарится раздор, ссоры, разногласия, что в итоге приведёт к расколу, к разъединению, к несогласию».

Произнеся это, Благословенный поднялся со своего места и удалился.

(Вин Мхвг. 10:1)

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Отныне ссоры, раздоры, драки и разногласия действительно распространились среди Сангхи, и монахи стали ранить друг друга острыми стрелами своих слов. Они не могли разрешить свои противоречия. Один из монахов приблизился к Благословенному и выразил ему почтение, встав с одной стороны. Он рассказал ему о том, что происходит и добавил: «Достопочтенный, было бы славно, если бы Благословенный из сострадания навестил этих монахов».

Благословенный ответил молчаливым согласием. Он пришёл к монахам и промолвил: «О бхиккху, довольно этих ссор, довольно этих раздоров и разногласий».

Когда это было сказано, один из присутствующих монахов ответил так:

«Достопочтенный, пусть Благословенный, знающий Дхамму, подождёт; пусть он предаётся приятному пребыванию здесь и сейчас и не вовлекается в наши дела. А мы получим известность благодаря своим ссорам, раздорам, дракам и разногласиям».

Во второй и в третий раз Благословенный повторил своё воззвание и каждый раз получал тот же ответ. Тогда он подумал: «Эти невежественные люди просто одержимы. Невозможно заставить их понять».

Он поднялся со своего места и удалился.

Утром он оделся, взял свою чашу для подаяния и отправился в Косамби. Когда он закончил с получением подаяния и поел, он вернулся на своё место для отдыха и оставил там чашу и верхнее одеяние.

(МН 128; Вин Мхвг. 10:2-3)

Там он произнёс такие строфы:

Деянья злые,

Нарушение предписаний,

Запятнана та праведная жизнь, —

Всё это не даёт благих плодов.

Тот, кто почтения к отшельникам лишён,

Далёк от Дхаммы,

Как далека земная твердь от неба.

О смерти позабыв,

Как вечные себя ведут;

Но тот, кто в Дхамме прозорлив, —
Тот не больной среди больных.

(Тхаг 275)

«Он оскорбил меня, он ударил меня,
Он победил меня, он обобрал меня».
Тот, кто лелеет мысли эти,
Не сможет сокрушить ненависть.

«Он оскорбил меня, он ударил меня,
Он победил меня, он обобрал меня».
Кто не лелеет такие мысли,
Способен сокрушить ненависть.

Ведь ненависть не сокрушается ненавистью —
Таков закон извечный в мире.
Иным неведомо, что надобно укрощать себя³⁷,
Но тот, кто ведаёт о том,
Тот пресекает все раздоры.

(Дхмп 3-6; МН 128; Вин Мхвг 10:3; СнП 45-46)

Ведь даже костоломы и убийцы,
И похитители чужого,
Разорители, злочинцы, — они
Способны воссоединиться,
А вы, отрeksiеся от мира, не способны и на то?

Коль встретишь ты благого друга,
Соратника, кто ценит добродетель,
Превозмоги все смуты и угрозы,
В памятовании и ясном постижении рядом с ним иди.

Если же ты не нашёл такого,
Достойного, смиренного, добродетелью украшенного,
Ты стань царю подобным,

³⁷ Есть разные мнения по поводу палийского слова *yamāṃsa*, которое одни трактуют, что нужно укрощать себя, а другие – что «мы можем быть разрушены».

Кто царствие своё оставил,
Броди, слону подобный, ты один в лесу.

Быть лучше одному,
В стороне от дурных товарищей;
Всю грязь отбросив,
Живи, словно слон, один в лесу.

Когда Благословенный произнёс эти строфы, он отправился в Балакалонакарагаму. В то время там жил бхиккху Бхагу. Увидев Благословенного, тот приготовил сиденье для него и воду для омовения стоп, а также полотенце для обтирания. Он вышел встретить его и взять из его рук чашу и верхнее одеяние. Благословенный воссел на приготовленное для него сиденье и омыл свои стопы. Монах выразил ему почтение и сел с одной стороны. Тогда Благословенный обратился к нему: «Бхиккху, я надеюсь, у тебя всё хорошо; я надеюсь, что ты не испытываешь затруднений в получении подаяния».

«У меня всё хорошо, Благословенный, я не испытываю затруднений в получении подаяния».

Благословенный наставлял, воодушевлял и пробуждал его беседой о Дхамме, после чего поднялся со своего места и направился в Восточный бамбуковый парк. В то время там жили достопочтенные Ануруддха, Нандия и Кимбила. Смотритель парка увидел идущего Будду и предупредил его: «Отшельник, не входи в парк, ибо там сейчас пребывают три члена клана, которые живут вместе во имя собственного блага. Не тревожь их».

Достопочтенный Ануруддха услышал, как смотритель парка разговаривает с Буддой. Он сказал ему: «Друг, не заставляй Благословенного ждать. Он – наш Учитель, в совершенстве Пробуждённый, который пришёл к нам».

Все трое вышли встретить Благословенного. Один взял его чашу и верхнее одеяние, второй приготовил место для сиденья, третий – воду для омовения стоп.

Благословенный воссел на приготовленное для него сиденье и омыл свои стопы. Монахи выразили ему почтение и сели с одной стороны. Тогда Благословенный обратился к достопочтенному Ануруддхе: «Ануруддха, я надеюсь, у вас всё хорошо, я надеюсь, что вы не испытываете затруднений в получении подаяния».

«У нас всё хорошо, Благословенный, мы не испытываем затруднений в получении подаяния».

«Ануруддха, я надеюсь, что живёте в согласии, как друзья, соединённые вместе, словно молоко и вода, глядя друг на друга любящим взором?»

«Конечно, Благословенный, мы живём именно так».

«Но как вам удаётся это, Ануруддха?»

«Благословенный, я считаю, что это большая удача, большое благоденствие для меня, что я нахожусь с такими товарищами по святой жизни. Мои поступки, слова и мысли по отношению к ним исполнены благожелательности – как на публике, так и в личном общении. Я всегда рассуждаю таким образом: «Почему бы мне не оставить в стороне то, что я собирался делать, и не делать то, что они собираются делать?» У нас разные тела, достопочтенный, но одинаковый ум».

Остальные два монаха высказались в том же духе и добавили: «Мы живём в согласии, как друзья, соединённые вместе, словно молоко и вода, глядя друг на друга любящим взором».

«Славно, славно, Ануруддха. Я надеюсь, что вы живёте, будучи прилежными, пылкими и решительными?»

«Конечно, мы живём именно так».

«Но как вам удаётся это, Ануруддха?»

«Благословенный, тот из нас, кто первым возвращается из деревни с подаяния, готовит сиденья, ставит воду для питья и для омовения, возвращает мусорное ведро на место. Тот из нас, кто возвращается последним, съедает любую оставшуюся еду, если желает; или выбрасывает её подальше, где нет травы, либо в воду, где нет живых существ. Он приводит в порядок сиденья, воду для питья и умывания. Он убирает мусорное ведро после того, как вымоет его, и подметает везде в комнатах. Если один из нас видит, что графин с питьевой водой или водой для омовения и уборной пуст, он наполняет его. Если какие-то предметы оказываются слишком тяжелы, он зовёт других, и мы перемещаем их вместе, взявшись за руки. Нам даже не нужно говорить вслух, чтобы понять друг друга. Однако каждые пять дней мы проводим всю ночь вместе за разговорами о Дхамме.

Именно так мы живём, будучи прилежными, пылкими и решительными».

(МН 128; Вин Мхвг. 10:4)

ВТОРОЙ ГОЛОС. Благословенный наставлял, воодушевлял и пробуждал учеников беседой о Дхамме, после чего поднялся со своего места и направился в Парилейяку. После продолжительного странствия он прибыл в джунгли Раккхита, к корням священного салового дерева. Будучи в уединении, он подумал: «Недавно я пребывал с монахами Косамби, окружённый их ссорами, раздорами, драками и разногласиями. Они докучали мне в самом центре Сангхи. Сейчас я один, в отдалении от них, в лёгкости и спокойствии».

В том же месте жил огромный слон с бивнями, окружённый слонихами и детьми. Он был вынужден есть плохую траву и сломанные ветки, пить грязную воду, а когда он

выходил из реки, его толкали члены его семейства. Он подумал: «Почему бы мне не жить отдельно от этой толпы, пребывая в уединении?»

Подумав так, он оставил своё стадо и удалился в джунгли Раккхита, к корням священного салового дерева, где остановился Благословенный. Он стал заботиться о Благословенном, снабжая его пропитанием и водой, своим хоботом убирая листья около него. Он размышлял: «Ещё недавно я пребывал с монахами Косамби, окружённый слонихами и детьми. Сейчас я один, в отдалении от них, в лёгкости и спокойствии».

Возвышенный, оставив созерцание, познал своим разумом разум этого слона.

Осознав значимость момента, он воскликнул:

Слон с огромными бивнями соглашается с другим слоном;

Подобно тому, как стебли наслаждаются уединением в лесу;

Эти слоны живут в согласии друг с другом.

(Вин Мхвг. 10:4; Уд 4-5)

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. После того, как Благословенный оставил Косамби, один из монахов пришёл к достопочтенному Ананде и произнёс: «Друг Ананда, Учитель привёл в порядок своё место отдыха, взял свою чашу для подаяния и верхнее одеяние и ушёл куда-то в одиночестве, не предупредив никого и не попрощавшись с Сангхой».

«Друг, если Благословенный поступил так, это означает, что он желает побыть в уединении, и никто не должен мешать ему».

Спустя некоторое время компания из нескольких монахов посетила достопочтенного Ананду со словами: «Друг, так давно мы не слышали Дхамму из уст Благословенного. Мы желаем услышать её».

Тогда достопочтенный Ананда вместе с этими монахами прибыли в Парилейяку, в джунгли Раккхита, к корням священного салового дерева к Благословенному.

Выразив ему почтение, они присели в стороне. Там он наставлял, воодушевлял и пробуждал их беседой о Дхамме.

(СН 22:81)

ВТОРОЙ ГОЛОС. Когда Будда пробыл в Парилейяке столько, сколько сам пожелал, он направился в Саваттхи. После продолжительного странствия он прибыл в рощу Джету, в парк Анатхапиндики.

Между тем, миряне-последователи из Косамби решили так: «Эти монахи из Косамби причинили нам невообразимый вред. Они докучали Благословенному так, что он был вынужден уйти. Давайте перестанем выражать им знаки почтения, приветствовать их с руками, сложенными в анджали, вставать с места при их

появлении, любезно обращаться с ними, чтить и уважать их! Мы не станем подавать им пищу, когда они идут за подаянием. После того, как мы перестанем любезно обращаться с ними, чтить и уважать их, когда мы станем всячески избегать их, им придётся либо уйти в другое место, либо покинуть Сангху, либо загладить свою вину перед Благословенным».

Они сделали всё так, как решили. После этого монахи из Косамби стали обсуждать произошедшее: «Давайте пойдём в Саваттхи и уладим наши споры в присутствии Благословенного». Они привели в порядок свои места отдыха, взяли свои чаши и верхние одеяния и направились в Саваттхи. Достопочтенный Сарипутта увидел их идущими и спросил Благословенного: «Достопочтенный, похоже, что сюда идут бхиккху из Косамби, которые устраивали в центре Сангхи ссоры, раздоры, драки и разногласия. Как мне обращаться с ними?»

«Придерживайся Дхаммы, Сарипутта».

«Но, достопочтенный, как мне распознать, что здесь является Дхаммой, а что – нет?»

«Существует восемнадцать случаев, когда говорят то, что не является Дхаммой. Так, монах говорит о том, что не является Дхаммой – как о Дхамме, а о том, что является Дхаммой – как о том, что не является Дхаммой; монах говорит о том, что не является Винаей – как о Винае, а о том, что является Винаей – как о том, что не является Винаей; монах говорит на возвещённое Благословенным – как на то, что не было возвещено им, а на возвещённое Благословенным – как на то, что не было им возвещено; монах говорит на то, что не возвращается Благословенным – как на то, что им возвращается, а на то, что возвращается Благословенным – как на то, что им не возвращается; монах называет проступком то, что не является проступком, а на проступок он говорит, что это не проступок; монах называет мелкий проступок тяжким, а тяжкий проступок – мелким; монах называет проступок с оставлением – проступком без оставления, а проступок без оставления – как проступок с оставлением; монах называет серьёзный проступок – несерьёзным, а несерьёзный проступок – серьёзным. Он называет Дхаммой то, что не является Дхаммой».

Маха-Моггаллана, Маха-Кассапа, Маха-Каппина, Маха-Чунда, достопочтенный Ануруддха, достопочтенный Рахула, достопочтенный Упали, тоже услышали, что идут монахи из Косалы. Они посетили Благословенного и получили те же наставления.

Махападжапати Готами отправилась к Благословенному и задала вопрос, как ей обращаться с прибывающими монахами.

«Слушай Дхамму с обеих сторон, Готами. Сделав это, одобри взгляды, симпатии, мнения и оценки тех, кто учит в соответствии с Дхаммой. Сангха бхиккхуни должна ожидать от Сангхи бхиккху того, что они будут говорить то, что является Дхаммой».

Анатхапиндика и Висакха, мать Мигары, тоже прослышали об этом и явились к Благословенному за советом. Он сказал им: «Делайте подношения для обеих сторон. Одобрять тех, кто учит в соответствии с Дхаммой».

Наконец, монахи из Косалы прибыли в Саваттхи. Достопочтенный Сарипутта осведомился, придя к Благословенному, как следует разместить их.

«Размести их отдельно друг от друга, Сарипутта».

«Достопочтенный, а если отдельных комнат не будет, как следует поступить?»

«Тогда размести их после того, как они уединятся, Сарипутта. При этом никакие обстоятельства не должны помешать предоставлению места для отдыха старейшему монаху. Тот, кто сделает это, совершит проступок».

«Достопочтенный, а как нам поступить с пищей и прочим?»

«Пищу следует делить поровну между всеми».

В это время монах, который был отстранён, размышлял о Винае, и ему пришло на ум:

«Я совершил проступок – не был невиновен...я обиделся. Я был отстранён законно в соответствии с правилами, которые нельзя отменять и которые следует соблюдать».

После этого он пошёл к тем, кто поддерживал его, и рассказал им о своих мыслях, добавив: «Теперь достопочтенные могут вернуть меня в общину».

Его последователи отправились к Благословенному и, выразив ему почтение, сели с одной стороны. Они поведали ему о том, что услышали от своего наставника, и спросили: «Достопочтенный, как нам следует поступить?»

«Бхиккху, он совершил проступок – не был невиновен...он обиделся. Он был отстранён законно в соответствии с правилами, которые нельзя отменять и которые следует соблюдать. Однако так как он признал свой проступок — как проступок, вы можете вернуть его в общину».

Последователи отстранённого монаха вернули его в общину и пошли к тем монахам, которые отстранили его со словами: «Друзья, вернёмся к тому случаю, из-за которого в Сангхе воцарились распри и раздоры. Монах совершил проступок и был отстранён; потом он признал свой проступок — как проступок и был возвращён. Давайте закончим с этим делом и урегулируем его в Сангхе окончательно».

После этого монахи, которые отстранили того монаха, посетили Благословенного и передали ему этот разговор. Они закончили с этим делом и урегулировали его в Сангхе окончательно.

(Вин Мхвг. 10:5)

9. КОНЕЦ ПЕРВЫХ ДВАДЦАТИ ЛЕТ

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Десятый по счёту после Пробуждения сезон дождей прошёл в Парилеяке, когда ссора в Косамби была в самом разгаре. Согласно классическим текстам, одиннадцатый сезон состоялся на южных холмах Раджагахи. Там произошло следующее событие.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Так я слышал. Однажды Благословенный пребывал в Магадхе, в деревне Эканале. Это было время посева, и пятьсот плугов брахмана Касибхарадваджи были запряжены. Рано утром Благословенный оделся и, взяв свою чашу и верхнее одеяние, отправился за подаванием в то место, где трудился брахман. В это время он был занят распределением пищи. Благословенный встал рядом с местом, где раздавалась пища. Увидев его ожидающим подношения, брахман Касибхарадваджи сказал ему: «Отшельник, я пашу и сею, и, вспахав и посеяв, я получаю пищу; и тебе, отшельник, тоже надобно бы пахать и сеять, а, вспахав и посеяв, получать пищу».

«О брахман, я тоже пашу и сею, а, вспахав и посеяв, я получаю пищу».

«Однако, отшельник Готама, мы не видим у тебя ни ярма, ни плуга, ни стрекала, ни волов. Однако ты говоришь: «Я тоже пашу и сею, и, вспахав и посеяв, я получаю пищу».

И он ответствовал Благословенному такими строфами:

Ты провозглашаешь себя пахарем,
Но мы не видим тебя пашущим землю;
Открой смысл, дабы мы могли уразуметь –
В чём пахота твоя?

(Будда):

Семена – это моя вера,
Дождь – самообуздание,
Плуг и ярмо – это мудрость моя.

Совестливость – это дышло моего плуга,
Разум – упряжь,
Памятование – стрекало;
Охраняемый в теле и речи,
Воздержанный в принятии пищи,
Я пожинаю жатвы истины,
Терпение и усердие – мой запряжённый вол,
Ведущий к освобождению от оков.

Я окончания печалей всех достиг,
И вспять уже не поверну;
Вот в чём моя пахота,
И плод её – Неумирающее.
Кто пашет так,
Избавится от гнёта.

Тогда брахман Касибхарадваджа взял большую бронзовую чашу и налил в неё рисового молока. Он протянул её Благословенному со словами: «Пусть отшельник Готама изопьёт этого рисового молока. Отшельник Готама – это пахарь, и его пахота увенчивается в обретении Неумирающего».

(Будда):

В обмен на проповедь татхагатам брать пищу не пристало,
Таков закон и таковы их устремленья;
Всевидающий достиг свободы от пороков,
Раздоры все утихли в нём;
Тому, кто высшего³⁸ достиг –
О брахман, подноси иное подношение,
Татхагате – поле несравненному для накопления добра.

«Отшельник Готама, кому же я могу отдать это рисовое молоко?» – так Касибхарадваджа спросил.

«О брахман, в этом мире с его дэвами, Марой и Брахмой, с отшельниками и брахманами, с божествами и людьми, я не вижу никого, кто мог бы выпить и усвоить это рисовое молоко, кроме Татхагаты или ученика Татхагаты. Посему вылей его на землю, где нет травы, или в воду, в которой нет живых существ».

Тогда брахман Касибхарадваджа вылил рисовое молоко в воду, в которой не было живых существ. И вдруг рисовое молоко зашипело и задымилось клубами.

Подобному тому, как плуг, который долго нагревали, будучи брошенным в воду, зашипел и задымился бы, то же произошло и с рисовым молоком.

Брахман был поражён и ошеломлён случившимся. Он упал ниц к стопам Благословенному: «Великолепно, достопочтенный! ... Я хочу принять посвящение от Благословенного и вступить в Сангху монахов».

³⁸ На пали здесь используется слово *kevalī* (Абсолют, совершенство), характерный для брахманизма и используемый Буддой в беседах с брахманами.

После этого, пребывая в уединении, вдали от суеты, прилежный, пылкий, решительный, он, познав прямым знанием для самого себя, прямо здесь и сейчас, вошёл и стал пребывать в той наивысшей цели святой жизни, во имя которой члены благородного клана по праву оставляют родные дома ради бездомного странствования. Он познал: «Рождение разрушено, прожита святая жизнь, совершено то, что необходимо было совершить, больше нет для меня возврата ни в одно состояние бытия».

Так достопочтенный Бхарадваджа стал одним из арахантов.

(СнП 1:4; СН 7:11)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Достопочтенному Рахуле, сыну Будде, исполнилось восемнадцать лет. Будда остановился в роще Джеты и отправился в Саваттхи за подаянием. Сыну, сопровождающему его, стали приходиться различные раздумья о том, что бы произошло, если бы Будда стал Вселенским правителем. Такое предсказание было сделано в отношении того случая, если бы он не пожелал стать отшельником.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Когда Благословенный следовал за подаянием, а его сын Рахула шёл позади, он обернулся и обратился к нему: «Рахула, какая бы ни существовала материальная форма – прошлая, будущая или настоящая, внешняя или внутренняя, грубая или утончённая, возвышенная или низкая, близкая или далёкая – любую форму следует рассматривать правильной мудростью такой, какой она является в действительности: «Это не моё, это не я, это не принадлежит мне».

«Только материальную форму, Благословенный? Только материальную форму, Возвышенный?»

«Чувство, восприятие, волевые умопостроения и сознание, Рахула следует рассматривать точно так же».

Тогда достопочтенный Рахула подумал: «Кто бы стал идти за подаянием в город после того, как Благословенный публично увещевал его наставлением о Дхамме?»

И он вернулся назад, воссел под корнями деревьев, скрестив ноги, держа спину прямо и установив памятование прямо около себя. Увидев его, достопочтенный Сарипутта дал ему такое напутствие: «Рахула, возвращай памятование о дыхании; будучи возвращённым, оно приносит великие плоды и благоденствие».

Когда наступили сумерки, достопочтенный Рахула оставил своё созерцание и пришёл к Благословенному. Выразив ему почтение, он сел с одной стороны. После этого он задал вопрос: «Достопочтенный, каким образом надлежит возвращать памятование о дыхании, чтобы, будучи возвращённым, оно принесло бы великие плоды и благоденствие?»

(МН 62)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. В ответ на этот вопрос Будда рассказал Рахуле о четырёх великих элементах (стихиях): земле (твёрдости), воде (текучести), огне (тепле) и воздухе (движении, расширении), а также об элементе пространства, и о том, что каждый из них не должен рассматриваться в качестве «я», как и материальная форма в целом.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Рахула, созерцай, будучи подобным земле. Когда ты созерцаешь, будучи подобным земле, желанные и нежеланные контакты не станут наводнять твой разум и оставаться в нём. Люди выбрасывают на землю как красивые, так и уродливые вещи: плевки, мочу, экскременты, гной, кровь, – однако земля не испытывает отвращения, отторжения и негодования.

Рахула, созерцай, будучи подобным воде. Когда ты созерцаешь, будучи подобным земле, желанные и нежеланные контакты не станут наводнять твой разум и оставаться в нём. Люди полощут в воде как красивые, так и уродливые вещи: плевки, мочу, экскременты, гной, кровь, – однако вода не испытывает отвращения, отторжения и негодования.

Рахула, созерцай, будучи подобным огню. Когда ты созерцаешь, будучи подобным земле, желанные и нежеланные контакты не станут наводнять твой разум и оставаться в нём. Люди сжигают в огне как красивые, так и уродливые вещи: плевки, мочу, экскременты, гной, кровь, – однако огонь не испытывает отвращения, отторжения и негодования.

Рахула, созерцай, будучи подобным воздуху. Когда ты созерцаешь, будучи подобным воздуху, желанные и нежеланные контакты не станут наводнять твой разум и оставаться в нём. Воздух обдувает как красивые, так и уродливые вещи: плевки, мочу, экскременты, гной, кровь, – однако воздух не испытывает отвращения, отторжения и негодования.

Рахула, созерцай, будучи подобным пространству. Когда ты созерцаешь, будучи подобным пространству, желанные и нежеланные контакты не станут наводнять твой разум и оставаться в нём. Подобно тому, как пространство нигде не утверждено, так и ты, Рахула, созерцай, будучи подобным пространству.

Рахула, возвращай доброжелательность, дабы отринуть враждебность.

Вращивай сострадание, дабы отринуть жестокость.

Вращивай сорадование, дабы отринуть досаду.

Вращивай равностность, дабы отринуть отвращение.

Вращивай созерцание непривлекательности тела, дабы отринуть чувственное желание.

Вращивай восприятие непостоянства, дабы отринуть самомнение «Я есть».

Рахула, возвращай памятование о дыхании. Будучи возвращённым, оно приносит великие плоды и благоденствие.

(МН 62)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Далее Будда описывает шестнадцать способов, которыми можно тренироваться в памятовании о дыхании.

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. О достижении араханства достойным Рахулой будет рассказано позднее.

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Двадцатый сезон дождей Будда провёл в Верандже.

ВТОРОЙ ГОЛОС. Однажды произошёл такой случай. Благословенный пребывал в Верандже, под корнями нимбового дерева Налеру в большой компании монахов, с пятью сотнями монахов. Брахман Веранджи услышал об этом и решил навестить Благословенного. Когда были закончены приветствия и любезный разговор, он присел в стороне и обратился так: «Учитель Готама, я услышал, что отшельник Готама не оказывает должного почтения тем брахманам, которые достигли преклонных лет, достигли старости, которые обременены своими годами, подошли к последней стадии своей жизни, после чего ничего нет. Он не поднимается со своего места при их виде и не приветствует их. И я вижу, что это действительно так. Учитель Готама на самом деле не оказывает почтения таким людям. Это нехорошо, учитель Готама».

«Брахман, в этом мире с его дэвами, Марой и Брахмой, с его отшельниками и брахманами, божествами и людьми, я не вижу никого, кому я должен был бы оказывать почтение, подниматься со своего места при их виде и приветствовать их. Если бы я сделал это, то голова тех, кому Татхагата оказал почтение, поднялся со своего места и поприветствовал, немедленно раскололась бы на части».

«Отшельник Готама лишён вкуса».

«Брахман, существует способ, посредством которого было бы справедливо заявить: «Отшельник Готама лишён вкуса³⁹». Татхагата действительно лишён вкуса по отношению к формам, звукам, запахам, вкусам и прикосновениям. Он срезал влечение к ним под корень, сделал подобными обрубку пальмы, уничтожил, так что

³⁹ Данная сутта изобилует каламбурами, крайне трудными для перевода. Так, учение о недеянии (*akiriyavādi*) предполагает, что у дурных и злых поступков нет последствий. Учение об уничтожении (*ucchedavādi*) это нигилистическая доктрина, согласно которой личность («я») существует лишь в течение жизни, а со смертью тела она разрушается.

Что касается: «Отшельник Готама – тот, кто уводит в сторону» (*venayika*), то это самое сложное. Слово *vineti* (букв. "уводить") означает как уводить, так и, если говорить метафорически, воспитывать. "Уводить" также используется Буддой в смысле уводить учеников от страданий, а его оппонентами – для оскорбления его как того, кто уводит людей к разрушению, обеспечиваемому нигилизмом, в "бездну небытия", и, как следствие, он для них тот, "кто уводит в сторону".

они более не смогут возникнуть в будущем. Вот каким образом кто-либо мог бы правдиво сказать обо мне: «Отшельник Готама лишён вкуса». Однако ты говорил о другом, брахман?»

«Отшельник Готама учит недеянию».

«Брахман, существует способ, посредством которого было бы справедливо заявить: «Отшельник Готама учит недеянию». Татхагата действительно учит недеянию в отношении неблагих поступков тела, речи и ума. Однако ты говорил о другом, брахман?»

«Отшельник Готама учит уничтожению».

«Брахман, существует способ, посредством которого было бы справедливо заявить: «Отшельник Готама учит уничтожению». Татхагата действительно учит уничтожению – уничтожению вожделения, ненависти и заблуждения. Однако ты говорил о другом, брахман?»

«Отшельник Готама привередлив».

«Брахман, существует способ, посредством которого было бы справедливо заявить: «Отшельник Готама привередлив». Татхагата действительно привередлив – в отношении совершении неблагих деяний и остальных дурных вещей. Однако ты говорил о другом, брахман?»

«Отшельник Готама – тот, кто уводит в сторону».

«Брахман, существует способ, посредством которого было бы справедливо заявить: «Отшельник Готама – тот, кто уводит в сторону». Татхагата действительно уводит в сторону – от вожделения, ненависти, заблуждения и остальных дурных вещей. Однако ты говорил о другом, брахман?»

«Отшельник Готама – убивец».

«Брахман, существует способ, посредством которого было бы справедливо заявить: «Отшельник Готама – убивец». Татхагата действительно проповедует убийство неблагих деяний, слов и мыслей. Он нарекает убивцем того, кто срезал их под корень, сделал подобными обрубку пальмы, уничтожил, так что они более не смогут возникнуть в будущем. Вот каким образом кто-либо мог бы правдиво сказать обо мне: «Отшельник Готама – убивец». Однако ты говорил о другом, брахман?»

«Отшельник Готама промахивается».

«Брахман, есть способ, когда можно правдиво сказать обо мне: «Отшельник Готама промахивается». Я возвещаю, что кто-то промахивается, когда он промахивается в отношении нового существования, нисхождения в утробу. Татхагата промахнулся в отношении нового существования. Он срезал его под корень, сделал подобным обрубку пальмы, уничтожил так, что оно более не сможет возникнуть в будущем. Вот каким образом кто-либо мог бы правдиво сказать обо мне: «Отшельник Готама промахивается».

Представь, брахман, себе курицу, которая высидела, укрыла своим теплом восемь, девять или двенадцать яиц. Первый из тех цыплят, который пробил бы скорлупу своими когтями и клювом и благополучно вылутился, стал бы справедливо именоваться старшим или младшим?»

«Он мог бы справедливо именоваться старшим, учитель Готама. Он старший среди них».

«Точно так же, брахман, среди поколения, которое погрязло в неведении, погружено в неведение, объято неведением, подобного закрытому яйцу, я первым пробил скорлупу невежества. Я – единственный в мире, кто пробудился и достиг высшего, непревзойдённого Пробуждения. По этой причине я самый старший и высший в мире».

(Вин Св. Пар.1; АН 8:11)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Далее Будда рассказывает брахману о своём достижении джхан и трёх высших знаний, благодаря которым он познал окончание рождений. Брахман был убеждён им и принял прибежище в трёх драгоценностях. Он предложил жилища и поддержку Будде во время приближающегося дождливого сезона, что было принято.

ВТОРОЙ ГОЛОС. В это время в Верандже возникли трудности с получением подаяния. В городе воцарился голод, а еду распределяли согласно лимитам. Даже тщательный сбор зерна не приносил должных результатов. Однако торговцы лошадьми с севера страны поселились в Верандже вместе с пятьюстами лошадьми, чтобы провести там дождливый сезон. Они сообщили монахам, что готовы снабжать их отрубями для пропитания, которые можно получать в определённом для каждого монаха количестве прямо в конюшне.

Однажды утром монахи оделись, взяли свои чаши и верхние одеяния и отправились в Веранджу за подаянием. Не получив пищи, они пришли в конюшню, взяли отруби, и, вернувшись, истолкли их в ступке и съели. Достопочтенный Ананда измельчил отруби, используя камень, и дал их Благословенному. Тот съел их.

Он услышал звук ступки. Согласно традиции, Татхагата может знать о чём-то и спросить, и может знать, но не спросить. Он задаёт вопрос, когда это уместно, и воздерживается от вопрошания, если это неуместно. Он вопрошает лишь во имя установления добра. Все мосты, ведущие ко злу, были сломаны Татхагатой. Татхагата, Арахант, полностью и в совершенстве Пробуждённый, задаёт вопрос по двум причинам: чтобы дать наставление о Дхамме, либо чтобы установить какое-либо правило для воспитания для своих учеников. По этой причине Татхагата и спросил почтенного Ананду: «Ананда, что за звук ступки раздаётся сейчас?» Тот объяснил.

«Хорошо, хорошо, Ананда. Вы поступили, как настоящие победители, как люди с благими устремлениями. Однако поздние поколения станут свысока смотреть даже на изысканные блюда из риса и мяса».

Достопочтенный Махамоггаллана прибыл к Благословенному.

«Достопочтенный, в Верандже возникли трудности с получением подаяния. В городе воцарился голод, а еду распределяют согласно лимитам. Даже тщательный сбор зерна не принёс должных результатов. Однако, достопочтенный, недра этой земли богаты и изобилуют питательными веществами, будучи подобными сладкому мёду. Я мог бы перевернуть землю. В этом случае монахи смогли бы питаться чернозёмом, в котором живут водные растения».

«Однако, Моггаллана, что случится с существами, живущими на поверхности земли и зависящими от неё?»

«Господи, я сделаю одну руку такой же широкой, как великая земля, и достану существ, живущих на поверхности земли и зависящих от неё, и подниму их. Я смогу перевернуть землю другой рукой».

«Довольно, Моггаллана, не предлагай перевернуть землю. Существа будут сбиты с толку».

«Достопочтенный, было бы хорошо, если бы Сангха монахов отправилась в северный континент Уттаракуру за подаянием».

«Довольно, Моггаллана, не предлагай, чтобы Сангха монахов отправилась в Уттаракуру за подаянием».

Достопочтенный Сарипутта погрузился в созерцание, и такая мысль пришла ему на ум: «Святая жизнь под руководством каких благословенных не продлилась долго? И под руководством каких благословенных святая жизнь продлилась долго?»

Вечером он оставил своё созерцание и посетил Благословенного, чтобы задать ему этот вопрос.

«Сарипутта, святая жизнь под руководством таких благословенных, как Випасси, Сикхи и Весабху, не продлилась долго. Во времена таких благословенных, как Какусандха, Копагамана и Кассапа, святая жизнь продлилась долго».

«Достопочтенный, какова причина того, что святая жизнь под руководством таких благословенных, как Випасси, Сикхи и Весабху, не продлилась долго?»

«Эти благословенные не были дотошны в обучении Дхамме своих учеников в деталях. Они продекламировали сутты⁴⁰, строфы, истории о прошлых рождениях,

⁴⁰ Здесь присутствует игра слов, так как *sutta* буквально означает "нить", а здесь речь о "ните аргументации" или нанизывании связанных идей; именно в этом последнем смысле беседы Будды называются "суттами", потому что учение собрано в них в форме из связной нити обоснования.

чудесах, и вопрошания. Однако ими не были созданы правила воспитания и поведения для учеников. Патимоккха, монашеский кодекс, не был создан. Подобному тому, как цветы кладут на стол, не скрепляя при этом нитками, то они легко рассыпаются, развеваются и улетают во все стороны. По какой причине? Потому что они не были скреплены нитками. Подобно этому, когда те благословенные и обученные ими ученики исчезли, то их последователи, недавно принявшие посвящение, с разными именами, из различных кланов, позволили святой жизни быстро исчезнуть.

Те благословенные обладали умением знать умы других людей и наставлять их в соответствии с этим. Однажды Благословенный Вессабху, находясь во вселяющих ужас джунглей, познал своим умом умы тысячи монахов, и наставлял их так: «Думайте так, не думайте так. Уделяйте внимание этому, не уделяйте внимания тому. Отриньте это, возвращайте то и пребывайте в таком-то состоянии ума».

После выполнения этих наставлений умы тысячи монахов освободились от всех влечений посредством нецепляния. И эти вселяющие обычно ужас джунгли более не вызывали у них трепета, как у обычных людей, объятых чувственное желанием. Такова причина, что во времена таких Благословенных святая жизнь не продлилась долго».

«Однако, достопочтенный, какова причина, что во времена таких благословенных, как Какусандха, Конагамана и Кассапа, святая жизнь продлилась долго?»

«Эти благословенные были дотошны в обучении Дхамме своих учеников в деталях. Они продекламировали сутты, строфы, истории о прошлых рождениях, чудесах и вопрошания. Они создали правила поведения для учеников: Патимоккху, монашеский кодекс.

Подобно тому, как цветы кладут на стол, скрепляя их нитками, то они не рассыпаются, не развеваются и не улетают во все стороны. По какой причине? Потому что они были скреплены нитками. Подобно этому, когда те будды, те благословенные, и ученики, обученные ими, исчезли, то последователи, недавно принявшие посвящение, с разными именами, из различных кланов, не позволили святой жизни быстро исчезнуть тоже, но стали укреплять и продолжать её. Такова причина, что во времена таких благословенных святая жизнь продлилась долго».

После этих слов достопочтенный Сарипутта поднялся со своего места, сложил ладони в анджали и обратился к Благословенному: «Наступило время, Благословенный; наступило время, Возвышенный для провозглашения правил поведения для учеников, для установления Патимоккхи, во имя того, чтобы святая жизнь продлилась долго!»

«Подожди, Сарипутта, подожди! Учитель знает время, когда нужно будет сделать это. Он не провозглашает правила поведения для учеников и не устанавливает

Патимоккху до тех пор, пока в Сангхе не возникают те вещи, которые способны вызвать червоточины. Когда приходит время и возникает опасность, Учитель делает обе этих вещи во имя предотвращения возникновения червоточин. Некоторые вещи, которые вызывают червоточины, не могут возникнуть в Сангхе до той поры, пока она не станет большой и великой, благодаря своему росту и влиянию. Когда это происходит, Учитель провозглашает правила поведения для учеников и устанавливает Патимоккху во имя предотвращения возникновения червоточин. Некоторые вещи, которые вызывают червоточины, не могут возникнуть в Сангхе до той поры, пока она не достигнет своей завершенности... не станет великой из-за чрезмерной выгоды... не станет великой в своей учёности. Однако в настоящее время Сангха свободна от всех пятен, от всех угроз, будучи чистой, безупречной и содержащей сердцевину святой жизни. Из пяти сотен бхиккху каждый является, по крайней мере, вступившим в поток, избавленным от возможности попасть в юдоль скорби, утвердившимся в праведности и устремлённым к окончательному Освобождению».

Затем Благословенный обратился к достопочтенному Ананда: «Ананда, в традиции благословенных не принято покидать какое-либо место, не попрощавшись с человеком, который пригласил его провести здесь сезон дождей. Давай собираться и прощаемся с брахманом из Веранджи».

«Конечно, достопочтенный».

Благословенный оделся и, взяв свою чашу и верхнее одеяние, отправился с достопочтенным Анандой в качестве сопровождающего в дом брахмана Веранджи, где он воссел на приготовленное для него сиденье.

Брахман пришёл и выразил почтение Благословенному. Тот промолвил: «Брахман, по твоему приглашению мы провели здесь сезон дождей. Сейчас мы собираемся уехать и намерены странствовать».

«Это так, учитель Готама. Вы были приглашены мною на сезон дождей. Увы, то, что должно было быть дано, не было дано. Это произошло не потому, что мы не хотели дать этого. Но что мы могли сделать? Мирская жизнь исполнена забот. Я хочу пригласить учителя Готаму и Сангху монахов на завтрашний обед».

Благословенный ответил молчаливым согласием. После того, как он наставил брахмана беседой о Дхамме, он поднялся со своего места и удалился.

На следующий день после окончания трапезы брахман из Веранджи преподнёс Благословенному чивару и обеспечил каждого бхиккху двумя кусками ткани. После того, как он наставил брахмана беседой о Дхамме, Благословенный удалился.

(Вин Св. Пара. 1)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Тринадцатый сезон был проведён Буддой на горе Чалика. Там произошёл такой случай.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Так я слышал. Однажды Благословенный пребывал в Чалике, а его помощником был достопочтенный Мегхия. В один день он сказал ему:

«Достопочтенный, я хотел бы отправиться в Джантугаму за подаянием».

«Делай, как считаешь нужным, Мегхия».

Тогда достопочтенный Мегхия, взяв свою чашу и верхнее одеяние, отправился в Джантугаму за подаянием. После этого он пришёл на реку Кимикала. Прогуливаясь по берегу этой реки, он обнаружил восхитительную и пленительную манговую рощу. Он подумал: «Эта восхитительная и пленительная манговая роща станет служить подспорьем для члена клана, желающего бороться. Если Благословенный позволит, я приду себя во имя этой борьбы».

Он нашёл Благословенного и попросил его об этом. Тот остановил его: «Подожди, Мегхия. Мы пока одни здесь, пусть остальные монахи присоединятся к нам».

Тем не менее, достопочтенный Мегхия продолжал настаивать, и Благословенный согласился: «Ступай, Мегхия, если считаешь нужным».

Достопочтенный Мегхия поднялся со своего места, и, выразив почтение Благословенному, обошёл его с правой стороны и отправился в манговую рощу, где сел под корнями дерева для своего дневного пребывания. Однако всё время этого пребывания он был объят тремя видами неблагих размышлений – рождённых из вожделения, из враждебности и из заблуждения. Тогда ему пришло на ум: «Это удивительно, это невероятно! Я – тот, кто отринул жизнь мирскую и оставил родной дом ради бездомного скитания, но я объят тремя видами неблагих, злых размышлений».

Вечером он оставил своё созерцание и посетил Благословенного. Он поведал ему о том, что произошло.

«Мегхия, когда разум ещё не обрёл Освобождения, пять вещей способствуют этому. Какие пять?»

Первая – когда рядом есть благие друзья и товарищи.

Вторая – когда монах безупречен в добродетели, обуздывает свой разум посредством Патимоккхи, стремится к незапятнанному поведению, видя опасность даже в незначительных проступках и воспитывая себя посредством неукоснительного следования правилам.

Третья – когда монах радуется беседам, которые благоприятствуют освобождению разума, ведут к бесстрастию, к прекращению, к покою, к прямому постижению, к Пробуждению, к Ниббане; то есть беседам о: довольстве малом, уединении, отдалении от общества, усердии, добродетели, созерцании, понимании, Освобождении, о знании и видении.

Четвёртая – когда монах усерден и живёт, стремясь разрушить в себе всё неблагое и устремляясь на поиск благого. Он непоколебим и упорен в своих усилиях и не уклоняется от своей задачи — развития благих качеств.

Пятая – когда монах мудр и пребывает в созерцании возникновения и исчезновения пяти совокупностей, подверженных цеплянию, что ведёт к окончанию страдания».

«Итак, монах имеет благих друзей и товарищей... Безупречен в добродетели... Радуется беседам, которые благоприятствуют освобождению разума... Усерден... Мудр и пребывает в созерцании возникновения и исчезновения пяти совокупностей, подверженных цеплянию».

После утверждения в этих пяти вещах, монах должен возвращать ещё четыре вещи. Так, он пребывает в созерцании непривлекательности тела⁴¹ – во имя избавления от вожделения; пребывает в доброжелательности – во имя избавления от враждебности; пребывает в памятовании о дыхании – во имя избавления от чрезмерного умствования; пребывает в созерцании непостоянства – во имя разрушения восприятия самости и избавления от восприятия: «Я есть». Если кто-то созерцает непостоянство, восприятие «Я есть» испаряется в нём, что является Ниббаной, видимой здесь и сейчас».

Осознав значимость момента, Возвышенный воскликнул:

Грубые мысли, тонкие мысли,
Колебанья ума непрерывно возникают и исчезают;
Не распознавая их,
Человек мечется туда и сюда,
Ведомый собственным умом.

Бхиккху, сумевший распознать те мысли,
Прилежно успокоит их, памятующий;
Покончит с ними всецело,
Прекратив колебанья, тревожащие разум.

(УА 4:1; АН 9:3)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Сыну Будде Рахуле было в ту пору двадцать лет. Он получил полное монашеское посвящение (недоступное до достижения этого возраста). Традиция утверждает, что в это время он получил от Будды наставление, которое привело его к достижению арахантства.

⁴¹ Включает в себя созерцание тридцати одной части тела (в комментариях - тридцати двух), или созерцание разных стадий разложения трупа (см. главу 12). Цель данной медитации – устранение привязанности к телу посредством наблюдения его отталкивающей и непостоянной природы.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Так я слышал. Однажды Благословенный пребывал в Саваттхи в роще Джеты, в парке Анатхапиндики. Будучи погружённым в созерцание, он подумал: «Те вещи, которые приводят к полному Освобождению, уже созрели в уме Рахулы. Отчего бы мне не подвигнуть его к разрушению всех оков?»

Утром Благословенный оделся и, взяв свою чашу и верхнее одеяние, направился в Саваттхи за подаянием. Вернувшись и съев поданную ему пищу, он обратился к Рахуле: «Рахула, ступай с нами, мы идём в Рощу слепых. Проведём там день».

«Да, достопочтенный», – отвечал Рахула, поднявшись с места. Он отправился с Благословенным, следуя позади него. Тысячи божеств сопровождали их со словами: «Наступил день, когда Благословенный подвигнет Рахулу к разрушению всех оков!» Благословенный достиг Роши слепых и воссел на приготовленное для него место. Достопочтенный Рахула сел с одной стороны. Благословенный спросил у него:

«Как ты считаешь, Рахула, глаз постоянен или непостоянен?»

— Непостоянен, достопочтенный.

— То, что непостоянно, является счастьем или страданием?

— Страданием, достопочтенный.

— Правильно ли рассматривать то, что непостоянно, подвержено страданию и изменению, так: «Это моё, это я, это принадлежит мне»?

— Нет, достопочтенный.

— Как ты считаешь, Рахула, видимые формы постоянны или непостоянны?..

— Как ты считаешь, Рахула, сознание глаза постоянно или непостоянно?..

— Как ты считаешь, Рахула, контакт глаза постоянен или непостоянен?..

— Как ты считаешь, Рахула, какие-либо чувства, какое-либо восприятие, какие-либо волевые умопостроения, какое-либо сознание, которые возникают, имея контакт в качестве условия, – постоянны или непостоянны?

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Аналогичные пять звеньев были повторены в отношении: уха и звуков, носа и запахов, языка и вкусов, тела и прикосновений, ума и умственных образов.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Взирая на всё таким образом, Рахула, обученный благородный ученик разочаровывается в глазе, разочаровывается в форме, разочаровывается в сознании глаза, разочаровывается в контакте глаза. Разочаровавшись, он становится бесстрастным в отношении любого чувства, восприятия, волевого умопостроения, сознания, которые возникают, имея контакт в качестве условия. Он разочаровывается в ухе и звуках...в носе и запахах...в языке и вкусах...в теле прикосновениях...в уме и умственных образах.

Разочаровавшись, он становится бесстрастным. Посредством бесстрастия его ум освобождается. С освобождением приходит знание: «Это — Освобождение». Он

постигает: «Рождение разрушено, прожита святая жизнь, совершено то, что необходимо было совершить, больше нет для меня возврата ни в одно состояние бытия».

Так было сказано Благословенным. Воодушевлённый, достопочтенный Рахула восхитился словами Благословенного. И в то время, когда давалось это наставление, его ум освободился от всех загрязнений через не-цепляние.

У некоторых божеств, которые тоже слушали речь Благословенного, воссияло незапылённое, безупречное видение Дхаммы: «Всё, что имеет природу возникновения, имеет природу прекращения».

(МН 147)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Следующие шесть сезонов дождей (с четырнадцатого по девятнадцатый) были проведены Буддой в разных местах. Двадцатый был проведён в Саваттхи, в роще Джеты. Согласно комментаторской традиции, после этого Будда установил порядок, что все сезоны дождей будут проходить в Саваттхи, а также утвердил достопочтенного Ананду в качестве своего неизменного помощника.

Палийские тексты приписывает этому году два выдающихся события: обращение разбойника Ангулималы в монахи и попытку врагов очернить Будду.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Так я слышал. Во время пребывания Благословенного в Саваттхи в царстве Косала, управляемого правителем Пасенади, появился разбойник. Его нарекли Ангулималой, что означало «ожерелье из пальцев», потому что он был убийцей с руками по локоть в крови, не ведающим жалости к живым существам и поглощённым жестокостью и насилием. Деревни, города и окраины были приведены им к опустошению. Он убивал людей и носил их пальцы, словно украшения, на своей шее.

Однажды Благословенный взял свою чашу и верхнее одеяние и отправился в Саваттхи за подаянием. После получения подаяния он приступил к трапезе и, закончив с ней и приведя своё место отдыха в порядок, взял свою чашу и верхнее одеяние и пошёл в сторону дороги, где бесчинствовал Ангулимала.

Пастухи, земледельцы и странники⁴² увидели его и сказали: «Отшельник, не ходи туда. На этой дороге бесчинствует разбойник Ангулимала. Люди, идя по дороге, собирались в группы по десять, двадцать, тридцать и порою даже сорок человек, но все они попали в руки Ангулималы, став его жертвами!»

⁴² Слово *padhāvino* (странник, путешественник) встречается в той же фразе в МН 50, но там вместе с *d* – *t* (*pathāvino*), согласно Р.Т.С. Словарь даёт два варианта с разным значением, хотя при отдельном включении *padhāvino* закрадывается ошибка.

Когда это было сказано, Благословенный хранил молчание. Во второй и в третий раз люди просили его не выбирать эту дорогу, однако он оставался безмолвным.

Видя его идущим на расстоянии, разбойник Ангулимала подумал: «Это прекрасно, это воистину превосходно! Люди, идя по дороге, собирались в группы по десять, двадцать, тридцать и порою даже сорок человек, а этот отшельник пришёл один, без компании. Можно подумать, что сама судьба ведёт его ко мне. Отчего бы мне не отнять жизни у него?»

Схватив свой лук и стрелы, натянув тетиву, он принялся преследовать Благословенного. Однако тот использовал свои чудесные силы, чтобы Ангулимала, выбиваясь из сил, догоняя его, не смог бы сделать этого, хотя он двигался с обычной скоростью. Ангулимала подумал: «Это удивительно, это невероятно! Прежде я мог догнать бегущего слона и скачущую со всех сил лошадь, самую быструю колесницу или оленя. Но сейчас, как бы я ни старался, я не в силах догнать этого отшельника, который движется с обычной скоростью».

И он воскликнул:

– Остановись, отшельник!

– Я давно остановился, Ангулимала. Отчего же ты никак не остановишься?

Разбойник впал в замешательство: «Отшельники, сыны сакьев, изрекают правду и являются приверженцами правды, а этот монах идёт, но при этом говорит: «Я давно остановился, Ангулимала. Отчего же ты никак не остановишься?» Почему бы мне не спросить его?»

И он обратился к Благословенному в стихах:

Отшельник, ты идёшь,

А говоришь, что остановился;

А я остановился, но ты сказал, что я иду;

Раскрой же смысл своих мне слов.

(Будда):

Я остановился, Ангулимала, я стою,

Отринув всё насилье к существам;

Ты же в насилии своём не остановился,

Вот в чём значенье слов моих.

(Ангулимала):

О, наконец в лес сей пришёл мудрец,

Отшельник великий, кто мной почитаем;

Услышав от него Дхамму,

Отрину зло всё от себя!

Так говоря, нож бросил лиходей:
К ногам Счастливого припал,
Монахом стать он пожелал.

«Иди, о бхиккху!» — Счастливый отвечал,
Великим состраданием преисполненный;
Богов учитель и людей,
И это стало постригом Ангулимале.

После этого Благословенный отправился странствовать в сторону Саваттхи с Ангулималой как своим помощником-монахом. Постепенно они прибыли в Саваттхи и остановились в роще Джеты. В это время огромная толпа народа, шумная и разъярённая, собралась около ворот дворца царя Пасенади, требуя выдать им разбойника. В середине дня царь отправился в парк в сопровождении пяти сотен всадников. Он ехал на колеснице так долго, насколько позволяла дорога, а затем пошёл пешком в сторону Благословенного и упал ниц пред его стопами. Выразив ему почтение, он сел с одной стороны.

Благословенный осведомился у него: «Что случилось, Великий царь? Неужто Сеня Бимбисара, царь Магадхи, напал на тебя? Или это сделали личчхави из Весали, либо иные враждебно настроенные правители?»

«Нет, достопочтенный. Разбойник появился в моём царстве. Он убивает людей и носит их отрезанные пальцы на шее, словно украшения. И мне не удаётся поймать его, достопочтенный».

«Великий царь, а что бы ты сказал, узнав, что этот разбойник обрил свои волосы, облачился в жёлтое одеянье и оставил родной дом ради бездомного скитания, отринув всю жестокость и насилие к живым существам? Что теперь он принимает пищу только один раз в день: до полудня, ведя святую жизнь, исполненный добродетели и сделавший эту добродетель своим образцом, – что бы ты решил сделать с ним?»

«Достопочтенный, будь так, мы стали бы выражать почтение ему, приветствовать его с руками, сложенными в анджали и вставать, когда он идёт; мы просили бы его принять наши подношения в виде пищи, лекарств, чивар и хижин; мы бы заботились о его благе и безопасности. Однако Ангулимала – лиходей, избравший зло своим девизом, разве он способен быть добродетельным и сдержанным?»

Во время этой беседы достопочтенный Ангулимала сидел неподалёку.

Благословенный протянул свою руку и указал на него: «Великий царь, вот Ангулимала».

Царь Пасенади был ошеломлён и шокирован, а волосы на его голове встали дыбом. Увидев это, Благословенный произнёс: «Не бойся, великий царь. Нечего страшиться уже».

Страх и тревога царя улеглись после этих слов. Он приблизился к достопочтенному Ангулимале и спросил его: «Достопочтенный был благородным господином, не так ли?»

«Это так, Великий царь».

«Кем были ваш отец и мать, достопочтенный?»

«Моим отцом, Великий царь, был Гагга. Моей матерью была Мантани».

«Пусть благородный господин Гагга Мантани примет от меня подношения в виде пищи, лекарств, одеяний и хижины».

В то время достопочтенный Ангулимала жил в лесных обителях, питался подаянием, носил одеянья, сшитые из выброшенных тряпок и имел только три комплекта одеяний. Он ответил: «В этом нет нужды, Великий царь, я уже всем обеспечен».

Царь Пасенади вернулся к Благословенному и, выразив почтение, сел с одной стороны. Он сказал: «Это чудесно, Господин, это удивительно, как Благословенный укрощает неукротимых, умиротворяет неумиротворённых, вызывает угасание в неугасаемых. Того, кого мы не смогли усмирить ни наказанием, ни оружием, Благословенный победил без наказания и оружия. Достопочтенный, нам надобно идти сейчас; мы заняты, и у нас много дел».

«Поступай, как считаешь нужным, Великий царь».

Царь Пасенади поднялся со своего места и, снова выразив почтение Благословенному, обошёл его с правой стороны и удалился.

Однажды достопочтенный Ангулимала взял свою чашу и верхнее одеянье и отправился в Саваттхи за подаянием. Внезапно он почувствовал, что в него летят камни, палки и различные твёрдые предметы. С разбитой головой, из которой текла кровь, с чашей, расколотой на куски и в разорванной чиваре, достопочтенный Ангулимала предстал пред Благословенным. Увидев его в таком виде, Благословенный промолвил: «Терпи, брахман, терпи. Ты переживаешь здесь и сейчас последствия злодеяний, которые в ином случае могли бы возникнуть в виде возрождения в аду и пребывания там много лет, столетий и тысячелетий».

Пребывая в уединении и переживая блаженство освобождения, достопочтенный Ангулимала произнёс такие строфы:

Кто прежде безрассудным был,

А затем стал иным,

Мир освещает, как луна,

Глядящая из облаков.

Кто прежде зло вершил,
Но стал творить благое,
Освещает мир, как луна,
Глядящая из облаков.

Молодой бхиккху,
Преданный беззаветно учению Будды,
Освещает мир, как луна,
Глядящая из облаков.

Пусть даже враги мои услышат Дхамму,
Пусть даже враги мои обретут в ней радость!
Пусть даже враги мои найдут людей,
Что преданы Дхамме!

И пусть они услышат Дхамму
В положенное время,
Терпенье восхваляя
И ум свой возвращая сообразно!

Они не смогут нанести урон
Ни мне, ни кому-либо ещё;
Достигнут наивысшего покоя,
Охраняя существ: как слабых, так и сильных.

Строители каналов подчиняют воду,
Лучники — стрелы,
Столяры — дерево,
Мудрые смиряют самих себя.

Одни усмиряют других палками,
Секут и стегают их;
Но Будда усмирил меня
Без палок и хлыстов.

Моё имя ныне «безобидный»,
Хоть прежде я терзал других;
Я совестлив отныне,

Вреда не причиняю никому.

Я лиходеем был,
Ангулималой, овеянным дурною славой;
Он смыт теперь великим наводнением,
Я принял прибежище в Будде.

В крови по локоть были руки
Печально известного Ангулималы,
Принял прибежище в Будде я,
Отрезал сам корень становленья.

Сотворив зло,
Что вело к участи дурной,
Я испытал плоды своих деяний,
Свободен ныне от долгов.

Безрассудны глупцы,
Но мудрые безрассудства избегают:
Благоразумие, словно сокровище,
Блюдут.

Чурайтесь безрассудства,
Любовных связей;
Благоразумные, созерцающие,
Обретёте вы высшее счастье.

С радостью, не противясь,
Из всех наставлений, что в мире есть,
Получил я лучшее наставление;
Три знания мной достигнуты,
Заветы Татхагаты мной исполнены всецело.

В чащобах, пещерах, расселинах гор,
Под корнями деревьев —
Где бы я ни пребывал,
Мой ум был взволнован всегда.

Сейчас я счастлив: стою или лежу —
Повсюду я счастлив;
Я вне пределов Мары,
Поистине Учитель был сострадателен ко мне;
Я в варне брахманов рождён был,
Чистой с обеих сторон;
Сейчас Счастливого, царя Дхаммы,
Я сын родной.

Свободный от жажды, живу без цепляний,
Двери чувств охраняя, сдержанный,
Вырвав корень страданий,
Изгнав все помрачения ума.

Учитель дал давно мне верные уроки,
И я исполнил все его наказы:
Тяжкое бремя с меня снято,
И тяга к новому рождению угасла.

(МН 86)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Теперь перейдём к истории о попытке очернения Будды.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Так я слышал. В то время Благословенный пребывал в Саваттхи, будучи восхваляемым, почитаемым, прославляемым и превозносимым окружающими. Он с лёгкостью получал пищу, одеяния, лекарства и жилища, как и Сангха монахов. Однако последователи других учений были преисполнены зависти. Они не могли смириться с теми почестями, которые получал Благословенный и Сангха, поэтому отправились к странствующей отшельнице Сундари и сказали ей: «Сестра, ты должна помочь нам».

«Что мне следует сделать, уважаемые? Я жизнь готова отдать во благо своих братьев».

«Посещай регулярно рощу Джеты».

«Хорошо, уважаемые».

И она стала регулярно посещать рощу Джеты. Когда последователи других учений убедились, что многие люди видели Сундари гуляющей в роще, они убили её и похоронили в яме, вырытой в расщелине рощи. Затем они нашли царя Пасенади и обратились к нему: «Великий царь, странница Сундари пропала. Мы не можем её найти».

«Где она может быть?»

«В роще Джеты, великий царь».

«Тогда ищите её там».

Они вырыли её похороненное тело, водрузили его на носилки и стали ходить по улицам и перекрёсткам, причитая: «Уважаемые, любуйтесь на проделки сынов сакьев! Эти сыны сакьев бессовестные, дерзкие, злые лжецы, да ещё и растлители в придачу! Они провозглашают себя блюстителем Дхаммы, живущими в чистоте и справедливости, изрекающими истину, добродетельными и беспорочными, однако они не имеют ничего общего с монахами, не имеют ничего общего с брахманами. Они — просто насмешка над настоящими монахами и брахманами. Сыны сакьев надругались над бедной женщиной и лишили её жизни – разве такое позволительно монахам, позволительно брахманам?»

После этого люди, увидев бхиккху, стали оскорблять и порицать их, проклинать их и бранить теми же словами: «Эти сыны сакьев бессовестные, дерзкие, злые лжецы, да ещё и растлители в придачу!» И они повторяли все обвинения. Услышав это, бхиккху рассказали обо всём Благословенному.

«Эти волнения не продлятся долго, монахи. Они продлятся всего лишь семь дней.

По истечении этого срока всё прекратится. Когда люди станут оскорблять вас, обратитесь к ним с такими строфами:

В преисподнюю низвергнется лжец,

Как и тот, кто, сделав, заявляет: «Я не делал»;

Того, кто злодеяния творил,

Судьба одна ждёт после смерти».

Монахи выучили эти строфы из уст Благословенного. Когда люди начинали бранить их, они изрекали эти строфы. Тогда те стали думать: «Эти бхиккху, сыны сакьев, не способны были совершить то, в чём их обвиняют. Они не делали этого!»

Волнение продлилось недолго – всего лишь семь дней. По истечении этого срока всё прекратилось. После этого монахи отправились к Будде и воскликнули: «Это чудесно, это удивительно, достопочтенный – как Благословенный сумел предсказать всё!»

Осознав значимость момента, Возвышенный воскликнул:

Беспечные других бранят словами, подобными стрелам,

Что летят в слона на поле битвы;

Но когда ранят словами бхиккху,

Пусть сносит он это с умом непоколебимым.

(Уд 4:8)

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Мы не можем точно определить время, когда нижеописанный случай имел место, но именно на нём и закончим описание первых двадцати лет после Пробуждения.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Так я слышал. Однажды Благословенный пребывал в Чатуме, в пальмовой роще. Пять сотен монахов, возглавляемых достойными Сарипуттой и Махамоггалланой, прибыли в то место, желая увидеть Благословенного.

Приветствуя других монахов, приготавливая для себя места отдыха, чаши и одеяния, они создавали много шума и гомона. Тогда Благословенный обратился к почтенному Ананде: «Ананда, кто эти шумные люди? Похоже на то, как рыбаки на рынке продают свой улов».

Когда достойный Ананда рассказал ему, кто это, Благословенный распорядился: «Ананда, иди и позови их от моего имени. Скажи, что Учитель ждёт их».

Достойный Ананда сделал это. Когда монахи пришли, они выразили почтение Благословенному и сели с одной стороны. После этого он задал им вопрос:

«Бхиккху, почему вы создаёте так много шума и гомона? Люди могут подумать, что это рыбаки на рынке продают свой улов».

«Достойный, пять сотен монахов, возглавляемых Сарипуттой и Махамоггалланой, прибыли в то место, желая увидеть Благословенного. Приветствуя других монахов, приготавливая для себя места отдыха, чаши и одеяния, мы создавали много шума и гомона».

«Идите, бхиккху, я отпускаю вас. Вы не можете жить рядом со мной».

«Хорошо, достойный».

Ответив так, монахи поднялись со своих мест и, выразив почтение Благословенному, обошли его с правой стороны и удалились, собрав свои вещи и убрав приготовленные постели.

В то время сакхи, живущие в Чатуме, собрались в зале для обсуждения своих текущих дел. Они увидели монахов, вышли им навстречу и осведомились: «Куда вы направляетесь, достойные?»

«Друзья, Сангха монахов была распущена Благословенным».

«Пусть достойные останутся здесь. Возможно, нам удастся вернуть доверие Благословенного».

Тогда сакхи из Чатумы отправились к Благословенному и, выразив ему почтение, сели с одной стороны. Сделав это, они произнесли: «Достойный, пусть Благословенный простит этих монахов, пусть он примет их и поможет, как он всегда делал ранее. Достойный, эти монахи лишь недавно приняли посвящение и пришли к этой Дхамме и Винае. Если у них не будет возможности лицезреть

Учителя, в их сердцах произойдёт смятение и замешательство. Подобно тому, как молодые саженцы, не получающие воды, будут истощены; или как молодой телёнок, который не может видеть свою мать, будет испытывать смятение и замешательство в своём сердце, то же самое может произойти с этими монахами. Достопочтенный, пусть Благословенный простит монахов, пусть он примет их и поможет, как он всегда делал ранее».

И Брахма Сахампати исчез из мира Брахмы, чтобы предстать пред Благословенным и произнести ту же просьбу.

Все вместе они смогли вернуть доверие Благословенного с помощью сравнения с молодыми саженцами и с телёнком. Затем достопочтенный Махамоггаллана обратился к бхиккху так: «Поднимайтесь, друзья, берите чаши и одеяния. Доверие Благословенного было возвращено благодаря усилиям сакьев из Чатумы и Брахмы Сахампати, которые использовали сравнения с молодыми саженцами и с телёнком». Когда монахи предстали пред очами Благословенного, он осведомился: «Сарипутта, о чём ты размышлял в то время, когда Сангха монахов была распущена мной?» «Достопочтенный, я стал размышлять о том, что Благословенный отныне станет пребывать в бездействии, в приятном созерцании здесь и сейчас; и мы тоже станем пребывать в бездействии, в приятном созерцании здесь и сейчас».

«Прекрати, Сарипутта, прекрати. Такие размышления не должны больше посещать тебя».

Тогда Благословенный обратился к Махамоггаллане: «Моггаллана, о чём ты размышлял в то время, когда Сангха монахов была распущена мной?»

«Достопочтенный, я стал размышлять о том, что Благословенный отныне станет пребывать в бездействии, в приятном созерцании здесь и сейчас, но мы с Сарипуттой должны вести и направлять Сангху монахов».

«Славно, Моггаллана, славно. Или я должен продолжать вести и направлять Сангху монахов, или это должны делать вы с Сарипуттой».

(МН 67)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Будда рассказывает монахам о посещении мира Брахмы (высочайшего мира в небесной «иерархии»).

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Когда я пребывал в Уккатхе, в роще Субхаги, под корнями царского салового дерева, я узнал о том, что в Брахме Баке возникло пагубное воззрение: «Всё это – постоянное, неизменное, вечное, абсолютное, не подверженное исчезновению. Здесь никто не рождается, не стареет, не гибнет, не исчезает, не перерождается, и за пределами этого нет другого исхода».

Познав своим разумом размышления в уме Брахмы Баки, я, столь же быстро, как сильный человек может вытянуть свою согнутую руку или согнуть свою вытянутую

руку, исчез из Уккатхи и оказался в мире Брахмы. Он увидел меня и приветствовал такими словами: «Добро пожаловать, достопочтенный! Много времени прошло с тех пор, как Вы были здесь в последний раз. Всё это – постоянное, неизменное, вечное, абсолютное, не подверженное исчезновению. Здесь никто не рождается, не стареет, не гибнет, не исчезает, не перерождается, и за пределами этого нет другого исхода».

В это время Мара, Злой дух, завладел разумом одного прислужника из свиты Брахмы, и заговорил со мной так: «Отшельник, не переубеждай его, не вразумляй его; ведь это Брахма – великий Брахма, Владыка, Победитель, Непревзойдённый, Высочайший провидец, Творец всего сущего, Отец всех живых существ, когда-либо возникающих в мире.

До тебя, в прежние времена, в мире появлялись отшельники и брахманы, которые порицали землю и отвращались от земли, которые порицали воду и отвращались от воды, которые порицали огонь и отвращались от огня, которые порицали воздух и отвращались от воздуха, которые порицали существ и отвращались от существ, которые порицали богов и отвращались от богов, которые порицали Паджапати и отвращались от Паджапати, которые порицали Брахму и отвращались от Брахмы. После разрушения тела, после последнего вдоха, эти отшельники и брахманы обретали тела низших существ.

До тебя, в прежние времена, в мире появлялись отшельники и брахманы, которые превозносили землю...превозносили Брахму. После разрушения тела, после последнего вдоха, эти отшельники и брахманы обретали тела возвышенных существ. По этой причине, отшельник, я зываю к тебе: «Делай так, как велит Брахма, и имей веру в него. Никогда не отвергай слова Брахмы, ибо, сделав так, ты станешь подобен человеку, который пытается отклонить луч света палкой, когда он попадает на него; или как человек, который теряет хватку земли руками и ногами, скатываясь в глубокую пропасть. Делай так, как велит Брахма, и имей веру в него. Никогда не отвергай слова Брахмы. Разве ты не видишь божественную свиту, восседающую здесь?» И Мара, Злой дух, призвал свиту Брахмы в свои свидетели».

«Когда так было сказано, я ответствовал Маре, Злому духу, так: «Я знаю тебя, Мара; не воображай, что ты остался не узанным мною. Ты – Мара, Злой дух, а Брахма и божественная свита попались в твой капкан, оказались под твоею властью. Ты можешь мнить, что и я оказался под твоею властью, однако это совсем не так».

«Когда так было сказано, Брахма Бака сказал мне: «Я говорю, достопочтенный, о постоянном – как о постоянном, о неизменном – как о неизменном, о вечном – как о вечном, об абсолютном – как об абсолютном, о не подверженном исчезновению – как о не подверженном исчезновению. Я говорю о том, что здесь никто не рождается, не стареет, не гибнет, не исчезает, не перерождается, и за пределами этого нет другого

исхода – как о том, что здесь никто не рождается, не стареет, не гибнет, не исчезает, не перерождается, и за пределами этого нет другого исхода.

До Вас, в прежние времена, достопочтенный, в мире появлялись отшельники и жрецы, чья святая жизнь длилась столько, сколько длится ваша жизнь. Они были осведомлены о том, когда существует исход, а когда – не существует. По этой причине я заявляю Вам: сверх этого не существует никакого исхода, и если Вы будете стараться его отыскать, то в итоге придёте лишь к своему изнеможению и разочарованию. Если Вы станете верить⁴³ в

землю...воду...огонь...воздух...существ...богов...Паджапати...Брахму, то станете пребывать рядом со мной, в моей обители, где я повелеваю и выношу наказания».

«Мне известно об этом, Браhma. Однако мне известны и пределы твоих возможностей так: «Здесь простирается власть Браhмы, его владычество – оно достигает этих границ и не проникает дальше».

«Каким образом, достопочтенный, простирается моя власть и владычество, где оно достигает границ и не проникает дальше?»»

Столь далеко, где вращаются луна и солнце,
Сияя и озаряя собою все четыре направления, –
Над тысячью миров царит твоё владычество,
Твоя власть.

Известно тебе о низких и высоких,
О тех, кто страстями пылают, и кто их лишён;
О состоянии тех и других,
О том, как существа приходят и уходят.

Брахма, мне известны и пределы твоих возможностей так: «Здесь простирается власть Браhмы, его владычество – оно достигает этих границ и не проникает дальше». Однако существует три браhмы, тел которых ты не знаешь и не видишь. Это – Браhma Абхассара, или Браhma лучезарного сияния, в теле которого ты родился, жил и умер. Память о нём угасла в тебе, ты не знаешь и не видишь его, однако я знаю и вижу. Поэтому, Браhma, наше прямое знание не находится на одинаковом уровне, и может ли быть, чтобы я знал меньше тебя? Нет, я знаю больше.

⁴³ На пали «*Sace... ajjhosissasi*», буквально: «Если вы примете». Комментарий поясняет: «Если вы из соображений веры (принятия) проглотите это, усвоите, то сделаете это, имея жажду, самомнения и воззрения».

Существует Брахма Субхакиннья (Брахма сверкающего великолепия); Брахма Вехаппхала (Брахма великого плода) ...Поэтому, Брахма, наше прямое знание не находится на одинаковом уровне, и может ли быть, чтобы я знал меньше тебя? Нет, я знаю больше.

Брахма, познав землю – как землю, посредством прямого знания, познав то, что не относится к земле, я не возвещал, что я являюсь землёй⁴⁴; не возвещал, что я нахожусь в земле; не возвещал, что нахожусь вне пределов земли; не возвещал, что земля является «моей»; не утверждал ничего о земле. Поэтому, Брахма, наше прямое знание не находится на одинаковом уровне, и может ли быть, чтобы я знал меньше тебя? Нет, я знаю больше.

Брахма, познав воду – как воду...огонь – как огонь...воздух – как воздух...существ – как существ... богов – как богов... Паджапати – как Паджапати...Брахму – как Брахму...Абхассару – как Абхассару... Субхакиннья – как Субхакиннья, Вехаппхалу – как Вехаппхалу... Высшее существо (Абхибху) – как Высшее существо...

Познав Всё – как Всё, познав то, что не относится ко «Всему», я не возвещал, что я являюсь землёй; не возвещал, что я нахожусь в земле; не возвещал, что нахожусь вне пределов земли; не возвещал, что земля является «моей»; не утверждал ничего о земле. Поэтому, Брахма, прямое знание у нас не находится на одинаковом уровне, и может ли быть, чтобы я знал меньше тебя? Нет, я знаю больше».

«Достопочтенный, если Вы утверждаете, что познали то, что не относится ко «Всему», не является ли оно суетным и пустым?»

Сознание – незримое, безграничное,

Сияющее повсюду;

⁴⁴ Здесь акцент делается на «бытии» (знаменитом противопоставлении: «Быть или не быть?») Распределение высказываний и чтения взяты из бирманского издания, которое является более достоверным источником и пишет *nāpāhosim* вместо *nāhosi*. Все перечисления от: «землю – как землю» – до «всё – как всё», следует читать так: *sabbam kho aham brahme sabbato abhiññāya yāvataṃ sabbassa sabbattena ananubhūtam, tad abhiññāya sabbam nāpāhosim, sabbasmim nāpāhosim, sabbato nāpāhosim, sabbam me ti nāpāhosim, sabbam nābhivadim* (Познав Всё – как Всё...)

Как в этой сутте, так и в ДН 11 фраза *Vinñānam anidassanam anantam sabbatopabbham* (Сознание – незримое, безграничное, Сияющее повсюду) сказана самим Буддой. Эта фраза многих озадачила. Комментарий к «Мадджхима Никае» допускает весьма широкую трактовку по сравнению с комментарием к «Дигха Никае» и допускает вывод о том, что *pabbham* или *pabham* относятся к корню *bhū* (быть). Если следовать такой трактовке, то можно предположить, что *sabbatopabbham* образован от *sabbato* и представляет собой сокращённую форму причастия настоящего времени от *pahoti* (= *pabbhavati*), то есть *pabham* (= *pabbham*). Это связано с предыдущим словосочетанием *sabbato abhiññāya... sabbam nāpāhosim*, однако смысл требует скрытого отрицания: *sabbato-pabham* = *sabbato apabham* (заявления, что Будда не находится вне Всего). Буквы *h* и *bh* в сингальском легко спутать друг с другом. В ДН 11, в котором встречается та же фраза, Будда, вероятно, цитирует его из этой беседы. В общем, здесь у нас есть материал для интересного онтологического исследования.

Оно не относится ни к земле, ни к воде...

Ни ко «Всему».

«В таком случае, достопочтенный, я могу скрыться от Вас».

«Скройся от меня, Брахма, если сможешь».

И Брахма Бака, намереваясь скрыться от Благословенного, не смог сделать этого.

Тогда я сказал ему: «Я могу скрыться от тебя, Брахма».

«Скройтесь от меня, достопочтенный, если сможете».

Используя свои чудесные силы, я сделал так, что Брахма и его свита могли слышать мой голос, но не имели возможности видеть меня. Тогда я изрёк следующие строфы:

Узрев изъяны бытия,

Узрев в стремлении к небытию угрозу,

Я никакого бытия не утверждаю,

Не наслаждаюсь им и не питаю жажды.

После этих слов у Брахмы и его свиты возникло чувство изумления и восхищения:

«Это чудесно, это удивительно, почтенные! Отшельник Готама из рода сакьев, отринувший мирскую жизнь, обладает такими поразительными способностями, которых мы не видели ни в одном отшельнике и брахмане. Среди людей, радующихся бытию, упивающихся бытием, он – тот, кто разрушил любое бытие с корнем!»

Тогда Мара, Злой дух, завладевший разумом одного прислужника из свиты Брахмы, сказал так: «Достопочтенный, если это то, что Вы познали, если это то, что Вы постигли, не ведите за собой мирян или отшельников, отринувших мирское. Не наставляйте их Дхамме. Не стремитесь обрести мирских последователей или отринувших мир последователей.

До Вас в мире были отшельники и брахманы, которые провозглашали, что являются арахантами, постигшими истину в совершенстве. Они вели за собой мирян и отшельников, они наставляли их Дхамме, они стремились обратить мирян и отшельников в свои последователи. Делая так, после разрушения тела, после последнего вдоха, эти отшельники и брахманы обретали тела низших существ.

До Вас были отшельники и брахманы в этом мире, которые заявляли, что являются арахантами... Они не вели за собой ни мирян, ни отшельников... после разрушения тела, после прекращения жизни, они возникали в возвышенном мире.

Поэтому я говорю: «Достопочтенный, не нужно ничего делать. Пребывайте в приятном созерцании здесь и сейчас, ведь это является благом – не наставлять других Дхамме».

«Когда так было сказано, я отвечал Мару: «Я знаю тебя, Злой дух. Ты говоришь всё не из сострадания и не ради моего благоденствия. Ты боишься того, что все, кого я стану наставлять Дхамме, покинут пределы твоего владычества. Отшельники и брахманы, о которых ты вещаешь, лишь провозглашали себя постигшими истину в совершенстве, не будучи таковыми в реальности. Однако я, о Злой дух, постиг истину и провозглашаю себя постигшим истину».

Когда Татхагата наставляет Дхамме последователей, он является знатоком истины, и когда он не наставляет Дхамме последователей, он является таковым. Когда он ведёт учеников, он таков. Когда он не ведёт учеников, он таков.

По какой причине? Загрязнения, которые оскверняют, ведут к новому бытию, тревожат, имеют страдание в качестве последствий, устремляются к будущему рождению, старости и смерти, – но всё это Татхагата устранил, срезал под корень, сделал подобными обрубку пальмы, уничтожил, так что они более не смогут возникнуть в будущем».

Так Мару был вынужден поникнуть и умолкнуть. Это произошло благодаря приглашению Брахмы, поэтому данное наставление называется "Приглашением Брахмы".

(МН 49)

Однажды Благословенный пребывал в Наланде, в роще Паварика. Сын домохозяина Кеваддха приблизился к нему, выразив почтение, сел с одной стороны. Он промолвил: «Достопочтенный, это Наланда богатая, процветающая, многолюдная. Она наполнена людьми, которые имеют доверие к Благословенному. Было бы славно, если бы Благословенный повелел бы какому-то бхиккху сотворить чудо сверхъестественной силы, превышающее возможности человека, чтобы эта Наланда могла обрести ещё большее доверие к Благословенному».

Благословенный ответил: «Кеваддха, я не наставляю монахов таким образом: «Приходите, о бхиккху, и сотворите чудо сверхъестественной силы, превышающее возможности человека, ради одетых в белое мирян».

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Будда дал тот же ответ, когда вопрос был задан во второй раз. Когда его снова спросили, он ответил, что знает из своего собственного опыта три вида чудес: чудо становиться многими и проходить сквозь стены, летать по воздуху и ходить по воде (и даже достигать миров Брахмы, как в главе 16); чудо читать умы других существ; и, наконец, чудо наставлять других наилучшим образом во имя их благоденствия.

Первые два вида чудес, будучи совершаемыми ради желания впечатлить окружающих, не отличаются от магических искусств, именуемых «Гандхари» и «Маника», и монах, который занимается ими, может быть назван практикующим

магию. Это было причиной, по которой Будда объявил сотворение таких чудес источником для чувства стыда, неловкости и отторжения. Третий же вид чудес (наставление других), хотя и включал в себе использование подобных средств, имел своей целью совершенно иное – прекращение загрязнений и освобождение от страданий.

Чтобы продемонстрировать изъяны сотворения первых двух видов чудес, Будда поведал историю монаха, который был искусен в них, что никак не помогло ему уменьшить свои страдания.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Однажды в Сангхе был бхиккху, который размышлял так: «Где эти четыре великих элемента: земли, воды, огня и воздуха, исчезают без остатка?»

Размышляя так, он достиг сосредоточения, которое открыло ему путь к миру божеств. Он пожаловал к божествам обители Четырёх божественных царей и спросил их: «Где эти четыре великих элемента: земли, воды, огня и воздуха, исчезают без остатка, друзья?»

«Мы не знаем этого, бхиккху, но сами Четыре божественных царя, должно быть, знают, они могущественнее нас и превосходят нас».

И монах отправился к ним.

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Он задал Четырём божественным царям свой вопрос, но они не смогли ответить, отправив его на небеса Таватимсы. Получив тот же результат, монах продолжал странствовать по всем божественным мирам сферы чувств, пока не добрался до высших обителей Брахмы. Он задал вопрос божествам из свиты Брахмы свой вопрос.

Они дали ему свой ответ.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. «Мы не знаем этого, бхиккху, но сам великий Брахма, Владыка, Победитель, Непревзойдённый, Высочайший провидец, Творец всего сущего, Мастер всего, что есть и что может быть в мире; он, должно быть, знает, ведь он могущественнее нас и превосходит нас».

«Где же великий Брахма находится сейчас, друзья?»

«Нам не известно, где находится великий Брахма, и откуда он появляется. Он появляется, когда открываются знамения, начинает лучиться свет и пространство становится сияющим. Это предвестники того, что скоро возникнет великий Брахма».

Вскоре после этого великий Брахма появился, и монах задал ему свой вопрос. На это Брахма заявил: «Я – великий Брахма, Владыка, Победитель, Непревзойдённый, Высочайший провидец, Творец всего сущего, Мастер всего, что есть и что может быть в мире».

«Но, друг, я спрашивал не об этом. Мой вопрос был: «Где эти четыре великих элемента: земли, воды, огня и воздуха, исчезают без остатка?»»

Великий Брахма второй раз ответил теми же словами. Будучи спрошенным в третий раз, он взял монаха за руку и отвёл его в сторону:

«Бхиккху, божества моей свиты, собравшиеся здесь, считают: «Нет ничего, что бы великий Брахма не видел, не знал и не постигал». По этой причине я не мог ответить тебе в их присутствии. На самом деле, я не знаю, где эти четыре великих элемента: земли, воды, огня и воздуха, исчезают без остатка. Ты совершил ошибку, ты провинился тем, что не спросил об этом Благословенного. Отправляйся к нему и спроси его, а затем запомни хорошенько, что он ответит».

После этого бхиккху исчез из мира Брахмы и предстал предо мной со своим вопросом. Я сказал ему:

«Бхиккху, существует обычай среди торговцев-мореплавателей – брать с собой на корабль птицу, которая ищет берег, когда корабль выплывает далеко в море. Её выпускают её на волю, и она летит на запад, юг, север или восток, вверх и между ними. Если она видит землю, она летит к ней; если нет, возвращается на корабль. Подобно этой птице, бхиккху, ты странствовал повсюду, добравшись даже до обители великого Брахмы, но так и не смог узнать ответа на свой вопрос, и вернулся ко мне.

Однако вопрос твой был сформулирован неверно, – он должен звучать так:

Где вода, земля,
Огонь и ветер не находят для себя опоры?
Где короткое и длинное,
Грубое и утончённое,
Уроdlивое и прекрасное,
Ум и материя, исчезают без следа?

Сознание: невидимое, безграничное,
Сияющее повсюду;
Здесь вода, земля,
Огонь и воздух не находят для себя опоры.

Короткое и длинное,
Грубое и утончённое,
Уроdlивое и прекрасное,
Ум и материя исчезают без следа.

С прекращением сознания
Всё это остывает прямо здесь.

(ДН 11)

10. СРЕДНИЙ ПЕРИОД

На двадцатый год после Пробуждения (Будде было тогда пятьдесят пять лет), все традиции, по сути, отказываются от попыток проследить хронологический порядок событий вплоть до последнего года его жизни.

Внутреннее свидетельство самой Типитаки привело нас в хронологическом порядке лишь к появлению двух главных учеников во второй год; традиция, закреплённая в комментариях Ачарии Буддагхосы, в общих чертах описала первые двадцать лет, что позволило нам разместить гораздо больше материала. Более поздняя традиция выделяла определённые события этого периода, но некоторые из них не входили в Типитаку, поэтому мы упустили их. Таким образом, каждая более поздняя традиция дополняет более раннюю. Канонические свидетельства, на наш взгляд, исторически достоверны. Что касается комментариев, то они могут быть приняты лишь в том случае, если в них отсутствуют явные противоречия. Тем не менее, более поздняя традиция, вероятно, является набором предположений, что не является причиной игнорировать другие канонические инциденты, которые никак не датированы. Факт заключается в том, что большая часть материала в Винья-питаке и Сутта-питаке не поддаются датировке, хотя иногда и можно установить определённую последовательность событий.

Итак, мы предлагаем вам следовать за историями и эпизодами, которые могли произойти в самое разное, — и потому не определяемое точно, время.

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Прежде всего, следует упомянуть одно событие, которое более поздняя традиция помещает через тридцать один год после достижения Пробуждения – это пожертвование Сангхе восточного монастыря в Саваттхи преданной мирянской Висакхой. Она была отмечена Буддой как образец для подражания для женщин-мирянок. Поскольку она сыграла важную роль в обращении своего тестя Мигары к Дхамме, она стала известна в текстах, как «мать Мигары».

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Вот один из ярких эпизодов, ярко характеризующих Висакху.

ВТОРОЙ ГОЛОС. Однажды произошёл такой случай. Когда Благословенный провёл в Бенаресе столько, сколько пожелал, он стал странствовать в сторону Саваттхи. Когда он наконец прибыл туда, он остановился в роще Джеты, парке

Анатхапиндики. Висакха прибыла к Благословенному и, выразив ему почтение, села с одной стороны. Благословенный наставлял и воодушевлял её беседой о Дхамме, после чего она сказала: «Достопочтенный, пусть Благословенный с Сангхой монахов примет завтрашнее угощение от меня».

Благословенный ответил молчаливым согласием. Поняв, что её приглашение принято, Висакха поднялась со своего места и, обойдя Благословенного с правой стороны, удалилась.

К концу ночи тучи закрыли все четыре континента и начал литься сильный дождь. Благословенный обратился к монахам: «Бхиккху, так же, как дождь заливает рощу Джету, то же самое происходит на всех четырёх континентах. Бхиккху, пусть он льётся на ваши тела, ведь это последний случай, когда дождь проливается сразу на всех континентах».

«Да, достопочтенный», – отвечали монахи и сняли свои одеяния, позволив дождю омыwać их тела.

Когда Висакха закончила приготовление изысканной пищи, она велела служанке пойти в рощу Джеты и объявить о том, что кушанья готовы.

«Да, госпожа».

Служанка пришла в рощу и увидела монахов, которые сняли свои одеяния, позволяя дождю литься на их тела. Она подумала: «В роще нет бхиккху, здесь только нагие отшельники, которые позволяют дождю литься на их тела». Она ушла и рассказала Висакхе об увиденном.

Висакха же, будучи понятливой и смышлёной женщиной, догадалась: «Конечно, это были бхиккху, которые сняли одеяния, чтобы позволить дождю омыwać их тела. Эта глупая служанка приняла их за нагих отшельников». И она вновь отправила служанку в рощу.

К тому времени монахи уже освежили и охладили свои тела, поэтому накинули свои одеяния и направились в жилища. Служанка решила, что роща пуста и монахов в ней нет, поэтому она вновь вернулась к Висакхе и передала ей это.

Висакха же, будучи понятливой и смышлёной женщиной, догадалась: «Конечно, монахи освежили и охладили свои тела, поэтому накинули свои одеяния и направились в жилища. Эта глупая служанка решила, что роща пуста и монахов в ней нет». И она вновь отправила служанку в рощу.

В это время Благословенный сказал монахам так: «Бхиккху, возьмите свои чаши и верхние одеяния. Пришло время, пища готова».

«Хорошо, достопочтенный», – отвечали монахи.

Благословенный, взяв свою чашу и верхнее одеяние, столь же быстро, как сильный человек может вытянуть свою согнутую руку или согнуть свою вытянутую руку, он исчез из рощи Джеты и оказался перед воротами дома Висакхи. После этого он и

Сангха монахов сели на приготовленные для них места, а Висакха сказала: «Это удивительно, это чудесно, как могущественен и велик Благословенный — повсюду воды по колено и даже по пояс, ни у одного бхиккху не промокли ни ноги, ни одеяния!» И она была обрадована и счастлива. После этого она своими руками накрывала на стол вкуснейшие яства для Благословенного и для Сангхи монахов, стараясь предложить им самое лучшее угощение. Когда Будда закончил трапезу и его чаша стала пустой, Висакха села с одной стороны и обратилась к нему:

«Достопочтенный, я хочу попросить о восьми благосклонностях».

«Татхагата оставил позади все благосклонности, Висакха».

«Они допустимы, достопочтенный, они не являются порицаемыми».

«Тогда говори, Висакха».

«Достопочтенный, я бы хотела обеспечивать Сангху одеяниями для сезона дождей так долго, как продлится моя жизнь. Я бы хотела обеспечивать пищей приходящих монахов; странствующих монахов; заболевших монахов и тех, кто ухаживает за ними; я хотела бы обеспечить Сангхе постоянный запас лекарств и постоянный запас рисовых зёрен; я хотела бы обеспечить Сангху монахинь одеяниями для купания».

«Висакха, прося Возвышенного о восьми благосклонностях, каких благ ты ожидаешь от этого?»

«Достопочтенный, когда я отправила свою служанку пригласить монахов на трапезу, она увидела их без одеяний, позволяющих дождю проливаться на их тела. Увидев это, она приняла монахов за нагих отшельников. Достопочтенный, нагота неприятна. Такое благо я вижу в том, чтобы обеспечивать Сангху одеяниями для сезона дождей так долго, как продлится моя жизнь.

Далее, достопочтенный, приходящие монахи не знают местности и не ведают, где можно получить подаяние. После того, как они поедят пищи, которую приготовила я, они получают возможность узнать местность и места, где можно получать подаяние. Такое благо я вижу в том, чтобы обеспечивать Сангху одеяниями для сезона дождей так долго, как продлится моя жизнь. Такое благо я вижу в том, чтобы обеспечивать приходящих монахов пищей так долго, как продлится моя жизнь.

Далее, достопочтенный, странствующий монах может пропустить свой караван из-за того, что был занят поиском пропитания; или он может прибыть на место, куда он странствует, слишком поздно и почувствовать изнеможение. После того, как он отведает пищи, которую я приготовила, его изнеможение исчезнет. Такое благо я вижу в том, чтобы обеспечивать странствующих монахов пищей так долго, как продлится моя жизнь.

Далее, достопочтенный, если заболевший монах не будет получать подходящей пищи, его хворь может усугубиться вплоть до того, что он окажется на пороге гибели. Однако, если он отведает пищи, которую я приготовила, его хворь не усугубится, а

его жизни не будет грозить опасность. Такое благо я вижу в том, чтобы обеспечивать заболевших монахов пищей так долго, как продлится моя жизнь.

Далее, достопочтенный, монах, который ухаживает за заболевшим монахом, находясь в поиске пропитания для себя, может принести больному пищу после полудня, что станет нарушением правил Винаи. Однако, если он отведаст пищи, которую я приготовила, он сможет принести больному пищу вовремя, и правила Винаи не будут нарушены. Такое благо я вижу в том, чтобы обеспечивать монахов, которые ухаживают за заболевшими монахами, пищей так долго, как продлится моя жизнь.

Далее, достопочтенный, если заболевший монах не будет получать подходящих лекарств, его хворь может усугубиться вплоть до того, что он рискует умереть. Однако, если он будет получать лекарства, которыми я обеспечила Сангху, его хворь не усугубится, а его жизни не будет грозить опасность. Такое благо я вижу в том, чтобы обеспечивать заболевших монахов лекарствами так долго, как продлится моя жизнь.

Благословенный однажды поведал о десяти преимуществах рисовой каши во время своего пребывания в деревне Андхакавинде. Видя эти десять преимуществ, я желаю обеспечивать Сангху рисовыми зёрнами так долго, как продлится моя жизнь.

Далее, достопочтенный, однажды монахини купались обнажёнными в реке Ачиравати рядом с блудницами, которые стали высмеивать их, говоря: «Для чего вам понадобилось вести святую жизнь в столь юном возрасте, девы? Отчего бы не насладиться чувственными радостями? Вы сможете вести святую жизнь, когда состаритесь. Тогда вы получите двойную пользу!»

Будучи высмеянными таким образом, монахини не смогли продолжать купание. Нагота унизительна и неприятна для женщин, достопочтенный. Такое благо я вижу в том, чтобы обеспечивать монахинь одежаниями для купания так долго, как продлится моя жизнь».

«Висакха, однако, прося Возвышенного о восьми благосклонностях, каких благ ты ожидаешь от этого для себя?»

«Достопочтенный, те монахи, которые проводят сезоны дождей в разных местах, придут в Саваттхи для того, чтобы увидеть Благословенного. Они приблизятся к нему и станут задавать вопросы: «Достопочтенный, монах, которого звали так-то и так-то, умер – какова же его дальнейшая судьба? Какое перерождение он принял?»

Благословенный ответит, что этот монах обрёл плод сотапанны, сакадагамина, анагамина или араханта. Тогда я приближусь к Благословенному я и задам свой вопрос: «Достопочтенный, бывал ли этот монах в Саваттхи?» Если он ответит утвердительно, то я буду знать точно, что он использовал одежания для сезона дождей, или питался пищей, приготовленной мной для приходящих, странствующих или

заболевших монахов, или был среди тех, кто ухаживает за заболевшими монахами, а также рисовыми зёрнами, которых всегда было в избытке.

Вспоминая об этом, я буду испытывать радость. Испытывая радость, я буду счастлива. Когда ум счастлив, тело расслабляется. Когда моё тело будет расслабленным, я буду чувствовать удовлетворение. Когда я буду испытывать удовлетворение, мой ум станет собранным. Это станет подспорьем для возвращения духовных качеств и духовных сил, а также звеньев, ведущих к Пробуждению. Такое благо я вижу для себя, прося Возвышенного о восьми благосклонностях».

«Славно, Висакха, славно, что ты просишь Возвышенного о восьми благосклонностях, и я разрешаю их тебе».

И Благословенный произнёс вдохновенные строфы по этому поводу:

Ученица Возвышенного рада добродетели своей,
Приносит в дар она питание и пищу;
Скупость сокрушив, усердна она в подношениях,
Щедрость вознесёт её на небеса,
Утолив скорби все.

Она святую жизнь ведёт,
Следуя Путём, пороков лишённым,
Добро свершает, что подарит ей здоровье и счастье.
Возрадуется затем на небесах.

(Вин Мхвг. 8:15)

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Так я слышал. Однажды Благословенный пребывал в Саваттхи, в Восточном парке, во дворце матери Мигары. В то время любимый и драгоценный внук Висакхи умер. В середине дня она пришла к Благословенному в мокрой одежде и с мокрыми волосами. Выразив почтение ему, она села с одной стороны, и Благословенный спросил её: «Висакха, отчего ты пришла сюда в середине дня в мокрой одежде и с мокрыми волосами?»

«Достопочтенный, мой любимый и драгоценный внук умер. Вот отчего я пришла к Благословенному в середине дня в мокрой одежде и с мокрыми волосами».

«Висакха, желала бы ты иметь столько же детей и внуков, сколько людей живёт в Саваттхи?»

«Достопочтенный, я желала бы иметь столько же детей и внуков, сколько людей живёт в Саваттхи».

«Сколько же людей умирает каждый день в Саваттхи, Висакха?»

«Достопочтенный, в Саваттхи не проходит не единого дня, когда бы здесь никто не умирал. Один человек, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять или десять человек каждый день умирают в Саваттхи».

«Как ты думаешь, Висакха, имея столько же детей в внуков, сколько людей живёт в Саваттхи, смогла бы ты когда-то избавиться от своей мокрой одежды и мокрых волос?»

«Нет, достопочтенный. Довольно же с меня детей и внуков!»

«Тот, кто имеет сотню любимых – имеет сотню страданий. Тот, кто имеет девяносто любимых – имеет девяносто страданий. Тот, кто имеет восемьдесят...двадцать...десять...пять...четыре...три...два любимых – тот имеет два страдания. Висакха, тот, кто имеет одного любимого – имеет одно страдание. Тот, кто не имеет ни одного любимого, не имеет никакого страдания. Так я возвещаю». Осознав значимость момента, Возвышенный воскликнул:

Скорбь, причитанья – все страдания в мире,
Возникают в зависимости от того, что любимо;
Когда нет ничего любимого –
Нет и страданий.

Поистине, беспечален и счастлив тот,
Кто всё любимое оставил позади,
Коли печали кто не хочет для себя –
Не создаёт пусть ничего любимого себе.

(Уд 8:8)

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Теперь мы оставим Висакху.

ВТОРОЙ ГОЛОС. Однажды произошёл такой случай. Благословенный пребывал в Раджагахе, на Пике коршуна. В то время представители других школ имели обыкновение собираться вместе во время особого положения луны, а именно: её половины (на четырнадцатый и пятнадцатый день), и в четверть луны (на восьмой день) ради проповедования своего учения. Люди приходили послушать их и становились последователями других школ, их почитателями. Так представители разных школ получали поддержку.

Однажды Сеня Бимбисара, царь Магадхи, пребывал в уединении, и задумался:

«Отчего бы почтенным бхиккху, сынам сакьев, тоже не собираться вместе и не проводить собрания в определённые лунные дни?»

Подумав так, он отправился к Благословенному и предложил ему:

«Достопочтенный, было бы славно, если бы бхиккху собирались вместе и проводили собрания в определённые лунные дни».

Благословенный наставил его беседой о Дхамме, после чего царь удалился. Затем Благословенный обратился к монахам: «Бхиккху, я позволяю вам устраивать собрания во время половины луны – на четырнадцатый и пятнадцатый день, а также в четверть фазы луны».

Получив разрешение от Благословенного, бхиккху стали собираться в назначенные дни, но, собираясь, они хранили молчание. Люди же приходили к ним, чтобы послушать Дхамму. Они становились недовольными, роптали и протестовали: «Отчего же эти монахи, сыны сакьев, собираются в лунные дни, но хранят молчание, словно воды в рот набрали? Неужели они не способны наставить нас Дхамме?» Монахи услышали об этом и передали Благословенному. Он велел использовать собрания для наставлений о Дхамме: «Бхиккху, я позволяю вам устраивать собрания во время половины луны – на четырнадцатый и пятнадцатый день, и в четверть луны, чтобы наставлять людей Дхамме».

(Вин Мхвг. 2:1-2)

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Этот случай описан в Винае-Питаке как повод к установлению Патимоккхи – кодекса поведения монахов и монахинь. Этот случай очень длинный, поэтому мы приводим его краткую версию.

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Судинна был сыном богатого торговца из Каланды (деревни вблизи Весали). Он был женат, но детей у него не было. Однажды услышав, как Будда учит Дхамме в Весали, Судинна захотел стать монахом. Попросив дать ему посвящение, в ответ он услышал о необходимости получить разрешение от родителей. Далее у него произошла долгая борьба с ними, в результате которой он отказался принимать пищу, пока они не дадут ему разрешение. В итоге они согласились.

Когда он оставил дом и стал вести монашескую жизнь, в округе разразился голод, и он подумал: «Почему бы мне не жить на средства моей семьи? Родные будут поддерживать меня, совершат много добрых деяний, тем самым обеспечив меня и других монахов, чтобы нам не нужно было ходить за подаянием ни далеко, ни близко».

И его родные преподнесли ему огромное количество даров в Весали.

Однажды, взяв свою чашу, он прибыл в Каланду, не предупредив заранее о своём визите. Служанка узнала его и сообщила его отцу, который настоял, чтобы монах пришёл на трапезу и на следующий день. Когда он пришёл вновь, родители использовали все свои уловки ради того, чтобы заставить его оставить монашество и

вернуться к домохозяйской жизни. Его мать сказала так: «Судинна, наша семья богата и обладает большим имуществом. Ты должен оставить наследника для нас. Не позволяй личчхави завладеть нашим добром!»

Он отвечал: «Это я могу сделать, матушка».

Тогда мать привела его бывшую жену к нему в Великую чащобу. Он забрал её к себе и, не видя ничего в том дурного (так как никаких монашеских правил ещё не существовала), совершил с ней соитие в течение трёх раз. В результате она забеременела. Узнав о происходящем, божества, обитающие в тех краях, вскричали: «Добрые господа, прежде Сангха монахов была свободна от угроз и пороков, но сейчас угрозу и грязь принёс с собой Судинна из Каланды!»

Крик божеств разнёсся по всем небесам, пока не достиг обители Брахмы.

В это время прежняя жена достойного Судинны родила сына, которого назвали Биджака. Её стали называть матерью Биджаки, а Судинну – его отцом. (Впоследствии и Биджака, и его мать оставят родной дом во имя бездомного скитания).

ВТОРОЙ ГОЛОС. Между тем, достойный Судинна осознал проступок, который совершил, и стал чувствовать угрызения совести. Из-за стыда он сделался худым и несчастным. Будучи спрошен другими монахами, он признался в проступке. Они стали порицать его, и эта весть дошла до Благословенного. Тот произнёс: «Заблудший человек, то, что ты натворил, является недостойным, неприличным, неподобающим, неподходящим для монаха; это несправедливо и не должно свершаться таким образом. Отчего ты не ведёшь чистую и безупречную святую жизнь, оставив родной дом во имя бездомного скитания, в этой Дхамме и Винае, возвещёнными Татхагатай? Заблудший человек, разве я не наставлял Дхамме во имя бесстрастия – не во имя разжигания страсти? Разве я не наставлял Дхамме во имя Освобождения – не во имя заточения? Разве я не наставлял Дхамме во имя отпускания – не во имя оставления в захваченности?

Однако Дхамма, возвещённая мною во имя бесстрастия, Освобождения и отпускания, была использована тобой ради разжигания страстей, ради заточения и ради оставления в захваченности. Или разве не обучал я ради бесстрастия, ради сокрушения гордыни, устранения жажды, искоренения привязанности, прекращения круговорота, разрушения страстного желания, бесстрастия, прекращения, Ниббаны? Разве не обучал я разными способами прекращению чувственных услад, угасанию жажды к чувственным усладам, отрезанию мыслей о чувственных усладах и затуханию лихорадки по отношению к чувственным усладам? Заблудший человек, для тебя было бы лучше, чтобы твой мужской орган вошёл в рот ядовитой змеи, нежели в женское лоно. Для тебя было бы лучше, чтобы твой мужской орган погрузился бы в яму с полыхающими, горящими углями, нежели в

женское лоно. Почему так? Потому что в первых двух случаях ты испытал бы смертельные муки, однако после разрушения тела, после смерти, ты бы не возродился в горестном состоянии, дурном уделе, низшем мире, в аду. Однако в твоём случае это может произойти.

Таким образом, совершив этот проступок, ты пошёл супротив течения Дхаммы, ты стал предаваться тому, что является низким, грубым, нечистым – тем, что происходит в уединении между мужчиной и женщиной. Ты стал первым, кто положил начало нечестивым проступкам в Сангхе. Это не пробуждает веры в неверующих и не увеличивает веру в верующих – напротив, это отвращает неверующих и может уменьшить веру в верующих».

После порицания достопочтенного Судинны (который не был, однако, изгнан из Сангхи из-за отсутствия соответствующего правила) Благословенный обратился к монахам: «Бхиккху, с этого дня я намерен установить правила поведения для монахов. У меня есть на то десять оснований: это делается во имя благополучия Сангхи, для удобства Сангхи, для укрощения монахов со злыми намерениями, для поддержки монахов с добродетельными намерениями, для разрушения оков в этой жизни и предотвращения их появления в жизни следующей, для зарождения веры в неверующих и увеличения веры в верующих, для процветания благой Дхаммы и установления правил для самообуздания.

Первое правило, которое я устанавливаю, будет таковым: «Любой бхиккху, который совершил половое соитие, должен быть изгнан из Сангхи; он более не может считаться бхиккху».

Так была заложена Патимоккха.

(Вин Св.Прджк.1)

Однажды Благословенный пребывал в созерцании, и такое размышление посетило его: «Отчего бы мне не позволить бхиккху читать вслух правила, установленные мною в качестве Патимоккхи? Это станет ритуалом Упосатхи, святым днём для чтения правил».

Вечером, оставив своё созерцание, Благословенный во время наставления о Дхамме сделал этот вопрос темой для беседы, и рассказал монахом о своём решении.

(Вин Мхвг. 2:3)

Однажды произошёл такой случай. Благословенный пребывал в Саваттхи, в Восточном парке, во дворце матери Мигары. Это было время Упосатхи, и Благословенный сидел, окружённый Сангхой монахов.

Глубокой ночью, когда закончилась первая стража, достопочтенный Ананда поднялся со своего места и, поправив своё одеяние на одном плече, сложил ладони в

анджали и сказал: «Достопочтенный, уже далеко за полночь, и первая стража закончилась. Сангха монахов давно ожидает. Пусть Благословенный продекламирует Патимоккху».

Когда это было сказано, Благословенный хранил молчание. Второй раз, глубокой ночью, когда закончилась вторая стража, достопочтенный Ананда поднялся со своего места и, поправив своё одеяние на одном плече, сложил ладони в анджали и сказал: «Достопочтенный, уже далеко за полночь, и вторая стража закончилась. Сангха монахов давно ожидает. Пусть Благословенный продекламирует Патимоккху».

Во второй раз Благословенный хранил молчание.

В третий раз, глубокой ночью, когда третья стража закончилась восходом алой зари, достопочтенный Ананда поднялся со своего места и, поправив своё одеяние на одном плече, сложил ладони в анджали и сказал: «Достопочтенный, уже далеко за полночь, и третья стража закончилась. Сангха монахов давно ожидает. Пусть Благословенный продекламирует Патимоккху».

«Собрание нечисто, Ананда».

Тогда достопочтенный Махамоггаллана подумал: «Кого же имеет в виду Благословенный?»

И он прочёл своим разумом разум каждого из сидящих в зале монахов. Ему удалось обнаружить одного монаха, который был недобродетельным, исполненным пороков и сладострастия, с грязным умом и дурными привычками, скрытного и не являющегося монахом, хотя и провозглашающим себя таковым, испорченным и омрачённым, который восседал среди Сангхи. Махамоггаллана подошёл к нему и промолвил: «Друг, уходи, ты был распознан Благословенным. Для тебя нет возможности вести святую жизнь в Сангхе монахов».

Когда это было сказано, монах хранил молчание. Когда это было сказано во второй и в третий раз, он продолжал молчать. Тогда Махамоггаллана взял его за руку и вывел из зала, заперев дверь после этого. Он приблизился к Благословенному и сказал:

«Достопочтенный, я изгнал этого человека. Собрание монахов сейчас чисто. Пусть Благословенный продекламирует Патимоккху».

«Это удивительно, это невероятно, Моггаллана, что заблудший человек ждал до тех пор, пока его не вывели за руку».

Затем он обратился к монахам: «Бхиккху, с этого дня я не стану посещать Упосатху. Я не стану декламировать Патимоккху. Отныне вы станете сами собираться на Упосатху и сами зачитывать Патимоккху. Это невозможно, это немыслимо – чтобы Татхагата принимал участие в Упосатхе и декламировал Патимоккху в собрании монахов, которое не является полностью чистым.

Бхиккху, существует восемь чудесных и восхитительных качеств у великого океана, которыми наслаждаются асуры каждый раз, когда наблюдают их. Подобно этому, у этой Дхаммы и Винае существует восемь чудесных и восхитительных качеств, которыми наслаждаются монахи каждый раз, когда наблюдают их.

Какие восемь?

Подобно тому, о бхиккху, как великий океан направляется, склоняется, устремляется постепенно, без внезапного обрыва, – таким же образом в этой Дхамме и Винае постижение окончательного знания происходит посредством постепенного взращивания, постепенной работы, постепенной практики, а не внезапно. Таково первое чудесное и восхитительное качество, которым наслаждаются монахи каждый раз, когда наблюдают их.

Далее, бхиккху, подобно тому, как великий океан устойчив и держится в пределах своих приливов и отливов, не выходя за их границы, – таким же образом в этой Дхамме и Винае сторонятся нарушать любое из правил поведения, которые были установлены мною. Таково второе чудесное и восхитительное качество...

Далее, бхиккху, подобно тому, как великий океан не терпит мёртвого тела, но быстро приносит его к берегу и выбрасывает туда, – таким же образом в этой Дхамме и Винае безнравственный монах, исполненный пороков и сладострастия, с грязным умом и дурными привычками, скрытный и не являющийся монахом, хотя и провозглашающим себя таковым, испорченный и омрачённый, отторгается Сангхой и выбрасывается ею. Он может восседать посреди собрания монахов, но в действительности он далёк от них. Таково третье чудесное и восхитительное качество...

Далее, бхиккху, подобно тому, как великие реки – Ганга, Ямуна, Ачиравати, Сарабху и Махи – достигая великого океана, теряют свои прежние имена и обозначения и считаются просто «великим океаном», – таким же образом в этой Дхамме и Винае выходцы из четырёх варн: брахманы, кхаттии, судды и вессы, с той поры, как они оставили родной дом во имя бездомного скитания, в этой Дхамме и Винае, возвещёнными Татхагатой, утрачивают свои прежние имена и звания, становясь просто бхиккху и сынами сакьев. Таково четвертое чудесное и восхитительное качество...

Далее, бхиккху, подобно тому, как вода впадает в великий океан, а дождь проливается с небес, но невозможно увидеть переполнения или уменьшения великого океана, – таким же образом в этой Дхамме и Винае многие монахи достигают Ниббаны без остатка, однако элемент Ниббаны не уменьшается и не становится переполненным. Таково пятое чудесное и восхитительное качество...

Далее, бхиккху, подобно тому, как великий океан имеет один вкус, вкус соли, – таким же образом эта Дхамма и Виная имеет один вкус – вкус Освобождения. Таково шестое чудесное и восхитительное качество...

Далее, бхиккху, подобно тому, как великий океан содержит много разных ценностей, изобилие ценностей: жемчуг, драгоценные камни, лазурит, перламутр, кварц, кораллы, серебро, золото, рубины, опалы, – таким же образом эта Дхамма и Виная содержат много разных ценностей, изобилие ценностей: четыре основы памятования, четыре совершенных усилия, четыре основы для обретения чудесных сил, пять духовных сил, пять духовных качеств, семь звеньев Пробуждения, Благородный восьмеричный путь. Таково седьмое чудесное и восхитительное качество...

Далее, бхиккху, подобно тому, как великий океан – это пристанище для многих могучих существ таких как тимисы, тимингалы, тимирапингалы, асуры, наги, гандхаббы, для существ в сто йоджан длиной, двести йоджан... триста... четыреста... пятьсот йоджан длиной, – таким же образом эта Дхамма и Виная являются обителями для многих великих существ: для тех, кто практикует во имя обретения плода сотапанны, во имя обретения плода сакадагамина, во имя обретения плода анагамина, во имя обретения плода араханта. Таково восьмое чудесное и восхитительное качество...

Осознав значимость момента, Возвышенный воскликнул:

Дождь заливает то, что скрыто было,
Однако то, что открыто, он залить не в силах;
Открой же спрятанное,
Дабы его не смыло ливнем.

(Вин. Св. 9:1; Уд. 5:5; АН 8:20)

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Так я слышал. Однажды Благословенный пребывал в Саваттхи, где к нему прибыл почтенный Махакассапа, который обратился к нему с таким вопросом: «Почтенный, какова причина, каково объяснение у того, что прежде существовало лишь небольшое количество правил поведения, однако большое количество бхиккху обретали высшее знание и Освобождение? И какова причина, каково объяснение у того, что теперь правил поведения много, однако стало меньше бхиккху, которые обретают высшее знание и Освобождение?»

«Так оно, Кассапа, так оно. Когда существа приходят к своему упадку и славная Дхамма исчезает, правил поведения становится много, однако число бхиккху, которые обретают высшее знание и Освобождение, уменьшается. Славная Дхамма не исчезает из мира до тех пор, пока не возникает фальшивая Дхамма, однако, когда

фальшивая Дхамма возникает в мире, славная Дхамма исчезает. Это подобно тому, как золото существует лишь до той поры, пока не возникает фальшивое золото, и когда фальшивое золото заменяет собою настоящее, то последнее исчезает из мира. Не стихия земли, не стихия огня, не стихия воды, не стихия воздуха заставляют славную Дхамму исчезнуть из мира, однако заблудшие люди приводят к её исчезновению. При этом, исчезновение славной Дхаммы не происходит в один миг, как затопление корабля.

Существует пять злополучных вещей, которые приводят к забвению славной Дхаммы и её исчезновению из мира. Какие пять?

Так, монахи и монахини, миряне и мирянки становятся неуважительными пренебрежительными по отношению к Учителю, к Дхамме, к Сангхе, к обучению и к созерцанию. Однако существуют и пять благих вещей, которые приводят к продолжению славной Дхаммы и её оставлению в мире.

Какие пять? Так, монахи и монахини, миряне и мирянки остаются уважительными и почтительными по отношению к Учителю, Дхамме, Сангхе, к обучению и к созерцанию.

(СН 16:13; см. также в АН 7:56)

Однажды Благословенный пребывал в Весали, в зале с остроконечной крышей в Великом лесу. Бхиккху Ваджипуттака приблизился к нему и, выразив почтение, задал такой вопрос: «Достопочтенный, каждые две недели более ста пятидесяти правил поведения декламируется во время собрания. Достопочтенный, я не способен тренироваться во всех из них».

«Бхиккху, способен ли ты воспитывать себя в трёх видах обучения? А именно – в обучении высшей нравственности, высшему сосредоточению и высшей мудрости?»

«Я способен воспитывать себя так, достопочтенный».

«Тогда, бхиккху, воспитывай себя в этих трёх. Как только ты закончишь это воспитание, приведёшь его к своей кульминации, то чувственное желание, ненависть и заблуждение будут всецело искоренены в тебе. Благодаря этому ты не сможешь совершить ни одного неблагоприятного деяния и совершить какое-либо зло».

Позднее бхиккху закончил своё воспитание, привёл его к кульминации, и чувственное желание, ненависть и заблуждение были всецело искоренены в нём. Благодаря этому он не смог совершить ни одного неблагоприятного деяния или совершить какое-либо зло.

(АН 3:83)

ВТОРОЙ ГОЛОС. Однажды произошёл такой случай. Когда Благословенный пробыл в Раджагахе так долго, сколько сам пожелал, он не спеша направился в

Весали. Странствуя между этими двумя городами, он встретил множество монахов, нагруженных чиварами, несущих целые связки чивар на своих плечах, головах и на бёдрах. Он подумал: «Эти заблудшие люди легко могут вернуться к роскошной жизни, имея так много одеяний. Отчего бы мне не установить ограничение на количество одеяний для каждого монаха?»»

Наконец, Благословенный достиг цели своего странствования – Весали и остановился в святилище Готамака. В это время стоял мороз – так называемые «восемь морозных ночей», однако Благословенный оставался ночью на открытом воздухе лишь в одной чиваре, не чувствуя холода. Когда первая стража ночи подошла к концу, он почувствовал холод и надел вторую чивару, которая согрела его. Во время средней стражи ему вновь стало холодно, и он надел третью чивару и более не чувствовал холода. Когда последняя стража закончилась с багровым рассветом и озарила радостным сиянием небо, Благословенный снова почувствовал холод и накинул на себя четвёртую чивару. Тогда ему пришла в голову мысль: «Даже домохозяева, ушедшие в жизнь монашескую, чувствительные к холоду и боящиеся его, смогут выжить с набором из трёх одеяний. Отчего бы мне не установить ограничение в количестве трёх одеяний для каждого монаха?»»

После этого Благословенный огласил это новое правило всем монахам, сказав, что устанавливает ограничение в количестве трёх одеяний для каждого монаха.

«Монахи, я разрешаю иметь три одеяния: внешнее одеяние из лоскутов двойной толщины, одно внутреннее одеяние и одну ткань на пояс».

(Вин Мхвг. 8:13)

Однажды, когда Благословенный направлялся из Раджагахи в Южные Холмы, он сказал почтенному Ананде: «Ананда, видишь ли ты землю Магадхи, вымощенную квадратами, вымощенную полосами, вымощенную границами, вымощенную поперечными линиями?»»

«Да, достопочтенный».

«Способствуй тому, чтобы одеяния для бхиккху шились бы подобным образом, Ананда».

(Вин Мхвг. 8:12)

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Так я слышал. Однажды Благословенный пребывал в Саваттхи, а достопочтенный Махакаччана жил в стране Аванти, на горе Паватти в Курурагхаре, поддерживаемый мирянином по имени Сона Кутиканна. В один из дней Сона Кутиканна приблизился к почтенному Махакаччане и, выразив ему почтение, сел с одной стороны. Он произнёс: «Достопочтенный, если я верно уяснил суть Дхаммы, поведенной мне Махакаччаной, нелегко, оставаясь дома, вести святую жизнь, полностью совершенную, полностью чистую, словно отшлифованная раковина. Что,

если я обрею свои волосы и бороду, облачусь в жёлтое одеяние и покину родной дом ради бездомного скитания? Позволит ли Махакаччана мне принять монашеское посвящение?»

Достопочтенный Махакаччана отвечал ему так: «Сона, трудно оставаться отшельником до конца своих дней, питаюсь лишь один раз в день и пребывая в одиночестве. Пожалуйста, посвети себя учению Будды, оставаясь в доме, стараясь питаться лишь один раз в день и пребывая в одиночестве».

После этих слов устремление Соны Кутиканны о посвящении в монахи рассеялись. Однако впоследствии он вновь обратился с той же просьбой и получил тот же ответ во второй раз. Тогда он произнёс свою просьбу в третий раз. Достопочтенный Махакаччана ответил согласием. В то время в стране Аванти было очень мало бхиккху, и лишь спустя три года достопочтенный Махакаччана с великими трудностями сумел собрать общину из десяти бхиккху. Сделав это, он дал позволение Соне Кутиканне стать монахом.

После дождей тот оставил своё созерцание и явился к достопочтенному Махакаччане. Он сказал ему: «Достопочтенный, когда я пребывал в созерцании, такое размышление посетило меня: «Я ещё никогда не встречал Благословенного лицом к лицу, но лишь слышал о его качествах. Если мой наставник позволит, я отправлюсь к Благословенному, полностью и в совершенстве Пробуждённому».

«Славно, Сона, славно. Отправляйся к Благословенному, полностью и в совершенстве Пробуждённому. Ты увидишь его, вселяющего веру и убеждённость; того, чьи чувства усмирены, чей ум всецело укрощён, кто обрёл наивысший покой и обуздал себя; слона с бивнями, обладающего непревзойдённым самоконтролем. Увидев его, вырази ему почтение от моего имени, склонившись пред его стопами. Осведомись, здоров ли он, свободен ли от недугов, пребывает ли он в довольстве и благополучии, передав, что это я вопрошаю об этом».

«Да, достопочтенный».

Монах был обрадован и взволнован напутствием достопочтенного Махакаччаны. Он взял свою чашу и верхнее одеяние, отправившись в Саваттхи, где в то время жил Благословенный. Прибыв туда, он достиг рожи Джеты и, выразив почтение Благословенному, передал ему весть от своего наставника.

«Всё ли с тобой хорошо, бхиккху? Всем ли ты удовлетворён? Не было ли в твоём странствии неудач, удавалось ли получать подаяние?»

«Со мной всё хорошо, достопочтенный. Я всем удовлетворён. В моём странствии не было неудач и мне всегда удавалось получить подаяние».

Благословенный обратился к почтенному Ананде: «Ананда, приготовь место для отдыха для прибывшего бхиккху».

Достопочтенный Ананда подумал: «Благословенный сказал мне так потому, что желает быть рядом с прибывшим бхиккху». И он приготовил место для отдыха неподалёку от того, где жил сам Будда.

Благословенный провёл большую часть ночи на открытом воздухе. Потом омыл стопы и вошёл в жилище. Достопочтенный Сона поступил так же. Когда ночь была близка к рассвету, Благословенный поднялся со своего места и обратился к нему:

«Ты можешь продекламировать что-то из Дхаммы, бхиккху?»

«Да, достопочтенный», отвечал бхиккху и продекламировал шестнадцать октетов.

Когда он закончил, Благословенный одобрил: «Хорошо, хорошо, бхиккху. Ты должным образом запомнил шестнадцать октетов⁴⁵; ты знаешь и выучил их наизусть. У тебя превосходный голос, ясное произношение, что хорошо раскрывает смысл сказанного. Как много сезонов дождей у тебя, бхиккху?»

«У меня один сезон дождей, достопочтенный».

«Отчего ты ждал так долго, бхиккху?»

«Я давно узрел изъяны в чувственных уладах, достопочтенный, однако домохозяйская жизнь обременена большим количеством обязанностей и долгов».

Осознав значимость момента, Возвышенный воскликнул:

Узрев изъяны в этом мире,
Познав ту сферу, где рождений больше нет,
Благородный не радуется злу,
Оно не находит места в сердце чистом.

(Уд 5:6; ср. Вин Мхвг. 5:13)

Однажды Благословенный пребывал в Весали, в зале с остроконечной крышей в Великом лесу вместе со множеством старших учеников, наделённых великим опытом; среди них были тхеры: Чала, Упачала, Какката, Калимбха, Никата, Катиссаха и многие другие.

В это время многие известные личчхави вошли в Великий лес, дабы увидеть Благословенного. Они приезжали в царских каретах с фореиторами и сопровождающим экипажем, очень шумные и громкоголосые. Тогда старшие ученики подумали: «Много личчхави пришли посмотреть на Благословенного. Однако им было возвещено, что шум – это шип для созерцания. Отчего бы нам не направиться в саловую рощу Госинга? Там мы сможем пребывать без шума и беспокойств».

⁴⁵ Октеды это Аттхака-Вагга в Сутта-Нипате.

И они направились в саловую рощу Госинга, где стали пребывать без шума и беспокойств.

Благословенный спросил оставшихся монахов: «Бхиккху, где же Чала, Упачала, Какката, Калимбха, Никата, Катиссаха? Куда пропали все старшие монахи?»

Они объяснили, что произошло. Благословенный продолжил: «Славно, славно, бхиккху. Старшие бхиккху были правы, и я действительно указывал на шум как на шип для созерцания. Всего существует десять шипов. Какие десять?»

Любовь к компаниям – это шип для того, кто желает уединения. Склонность к наблюдению красоты – это шип для того, кто решил посвятить себя рассмотрению непривлекательности тела. Наслаждение зрелищами – это шип для того, кто решил охранять двери чувств. Близость с женщиной – это шип для того, кто выбрал вести святую жизнь. Шум – это шип для первой джханы. Размышление и изучение – это шип для второй джханы. Счастье – это шип для третьей джханы. Вдох и выдох – это шип для четвёртой джханы. Чувство и восприятие – это шип для прекращения чувства и восприятия. чувственное желание – это шип, ненависть – это шип, заблуждение – это шип. Пребывайте без шипов, о бхиккху, извлеките все шипы из своего сердца.

О бхиккху, араханты пребывают без шипов, ибо извлекли все шипы из своего сердца».

(АН 10:72)

Однажды Благословенный пребывал в Весаи, в зале с остроконечной крышей в Великом лесу. В это время он наставлял монахов беседой о созерцании непривлекательности тела и всячески восхвалял его, вдохновляя их возвращать такое созерцание. Затем он сказал: «Бхиккху, я намерен уйти в затвор на полмесяца. Я не буду принимать никого за исключением тех, кто станет приносить для меня пищу». «Да, достопочтенный», – отвечали монахи и сделали так, как им было велено.

После этого они стали задумываться о той практике, которую восхвалял Благословенный и стали посвящать себя созерцанию непривлекательности тела, стараясь взрастить в себе это восприятие. Выполняя её, они преисполнились отвращения, стыдливости и неприязни к телу, поэтому использовали нож (чтобы покончить с собой). В течение одного дня десять, двадцать, тридцать монахов использовали нож.

В конце половины месяца Будда оставил своё уединённое пребывание и, вернувшись, обратился к достопочтенному Ананду: «Ананда, отчего Сангха монахов стала столь немногочисленной?»

Тот рассказал ему о произошедшем и попросил Благословенного: «Пусть
достопочтенный провозгласит для Сангхи монахов иной способ созерцания,
который приводит к высшему знанию!»

«В таком случае, Ананда, позови всех монахов, проживающих в Весали, для встречи
в большом зале».

Достопочтенный Ананда исполнил то, что от него требовалось, и известил
Благословенного о том, что все монахи собрались. Тот вошёл в зал и воссел на
приготовленное для него место. После этого он обратился к монахам:

«Бхиккху, памятование о дыхании, будучи возвращённым и развитым, приводит к
покою и к достижению высшего устремления. Оно не запятнано отвращением и
являет собою приятное пребывание здесь и сейчас, которое изгоняет неблагие
качества в тот момент, когда они зарождаются, подобно тому, как пыль и грязь в
последний месяц жары исчезают благодаря мощному ветру и проливному дождю».

(СН 54:9)

Когда Благословенный пребывал в Раджагахе, один бхиккху по имени Тхера имел
обыкновение жить в одиночестве и другим советовал жить в одиночестве; он ходил в
деревню за подаянием один, возвращался один, он сидел один, ходил назад и вперёд
один. Тогда некоторые монахи отправились к Будде и рассказали ему об этом. Он
позвал этого бхиккху и спросил, правда ли то, что говорят о нём другие. Тот
подтвердил.

Благословенный произнёс: «Такая жизнь в уединении существует, Тхера, и я не
говорю, что её не существует. Однако послушай, что такое уединение, достигнувшее
совершенства, и внемли со вниманием».

«Да, достопочтенный», – отвечал монах.

Благословенный продолжил свою речь: «И что же такое уединение, достигнувшее
совершенства? Так, Тхера, когда прошлое было оставлено позади; когда будущее
было отброшено, а чувственное желание и желание по отношению к настоящему –
всецело отринуты, то это и есть уединение, достигнувшее совершенства».

Так говорил Возвышенный. Промолвив это, Учитель добавил:

Мудрец, кто превзошёл и познал всё,
Отринул всё, не запятнал себя ничем –
Освободился через прекращенье жажды,
Его я именую в совершенном уединении живущим.

(СН 21:20)

ВТОРОЙ ГОЛОС. Однажды произошёл такой случай. Благословенный пребывал в Раджагахе, на Пике коршуна в то время, когда Сения Бимбисара, царь Магадхи, правил этими землями и возглавлял восемьдесят тысяч деревень. В ту пору Сона из клана Коливиса проживал в Чампе. Он был сыном очень богатого человека. Сона рос столь изнеженным, что даже на подошвах стоп у него росли мягкие волоски. В один день царь, созвав старейшин от восемьдесят тысяч деревень, отправил весточку Соне из Коливисы: «Пусть Сона придёт. Я хочу, чтобы Сона явился ко мне».

Тогда родители Сона сказали ему: «Царь желает видеть твои ноги, Сона. Дорогой, не протягивай ноги к царю, но сядь перед ним, скрестив ноги, стопами вверх, чтобы он смог видеть их».

Слуги водрузили Сону на носилки и принесли к царю. После того как Сона выразил царю почтение, он сел так, что тот смог увидеть его ноги с волосками, растущими на них. Затем царь наставил старейшин восьмидесяти тысяч деревень о целях текущей жизни, после чего отпустил их, произнеся: «Вы были наставлены мной о целях текущей жизни. Теперь идите и окажите Благословенному почести; он наставит вас о целях будущих жизней».

Старейшины явились на Пик коршуна, где Будда наставил их. Они приняли прибежище в трёх драгоценностях. Вскоре после их ухода Сона приблизился к Будде и попросил о посвящении, которое было ему дано.

Вскоре после принятия в Сангху Сона стал жить в Прохладной роще. Он выполнял медитацию при ходьбе, прохаживаясь назад и вперёд в надежде достичь успеха на пути к Освобождению, однако ноги его стёрлись от этой ходьбы, и вся дорожка оказалась залитой алой кровью. По мере того, как достопочтенный Сона пребывал в уединении, такое раздумье возникло у него в уме: «Я — один из самых усердных учеников Благословенного, однако мой ум не освободился от загрязнений посредством не-цепляния. Моя семья богата, и я мог бы наслаждаться богатством и совершать добрые дела. Отчего бы мне не оставить отшельническую жизнь, возвратившись к жизни домохозяина во имя совершения благих дел?»

Познав своим умом раздумье достопочтенного Сона, Благословенный столь же быстро, как сильный человек может вытянуть свою согнутую руку или согнуть свою вытянутую руку, оказался в Прохладной роще. Он воссел на приготовленное для него место. Достопочтенный Сона, выразив ему почтение, сел с одной стороны. Тогда Благословенный спросил, правда ли то, что тот задумался о возвращении к домохозяйской жизни.

«Да, достопочтенный».

«Сона, когда ты был мирянином, ты умел хорошо играть на лютне?»

«Да, Учитель».

«Как ты думаешь, Сона? Когда струны лютни были слишком сильно натянуты, было ли легко тебе играть на ней?»

«Нет, Учитель».

«А когда струны были слишком ослаблены, было ли легко тебе играть на ней?»

«Нет, Учитель».

«Сона, когда струны лютни не были натянуты ни слишком сильно, ни слишком слабо, было ли легко тебе играть на ней?»

«Да, Учитель».

«Подобно этому, Сона, избыточное усилие приводит тебя к неутомности, а недостаточное усилие – к лени. Поэтому, Сона, сделай свои усилия гармоничными, сделай свои духовные качества одинаково хорошо развитыми. Это сослужит тебе добрую службу».

«Да, Учитель».

(Вин Мхвг. 5:1; ср. АН 6:55)

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Так я слышал. Однажды Благословенный пребывал в Раджагахе в Бамбуковой роще, в Беличьем заповеднике. В это же время там жил прокажённый по имени Суппабудда. Это был нищий и жалкий человек.

Однажды Будда наставлял Дхамме большое собрание, а Суппабудда увидел значительное количество людей вдалеке. Он подумал: «Должно быть, там можно найти что-то для пропитания. Почему бы мне не подойти поближе и не попробовать отыскать себе пищу?»

Он приблизился к собранию и увидел Благословенного, наставлявшего Дхамме. Он понял: «Тут не удастся разжиться пропитанием. Отшельник Готама наставляет людей Дхамме. Почему бы и мне не послушать его наставления?»

Он сел неподалёку, думая: «Я послушаю Дхамму». Благословенный в этот момент познавал своим умом умы собравшихся людей, дабы узнать, способен ли кто-то из них познать Дхамму. Увидев прокажённого Суппабудду, он решил: «Этот человек способен познать Дхамму».

Во имя благоденствия Суппабудды Благословенный наставил его последовательным поучением Дхаммы, то есть беседой о преимуществах даяния и добродетели, о счастье небесных миров; он вразумил его об опасности и обратной стороне чувственных усад и о пользе отречения. Когда он узрел, что ум Суппабудды стал мягким, податливым, свободных от омрачений, преисполненным доверия и восприимчивым, Благословенный дал ему наставление, являющееся особенным для всех Будд: о страдании, причине страдания, прекращении страдания и пути, ведущем к прекращению страдания.

И, подобно тому, как чистая ткань без следов пятен может впитать равномерно краску, в прокажённом, пока он сидел на своём месте, воссияло незапылённое, безупречное видение Дхаммы: «Всё, что имеет природу возникновения, имеет природу прекращения».

«Великолепно, достопочтенный! Великолепно, достопочтенный... Пусть Благословенный примет меня как своего мирского последователя, принявшего прибежище с сегодняшнего дня и до последнего вдоха!»

Когда прокажённый Суппабудда был наставлен, вразумлён и вдохновлён беседой о Дхамме, он поднялся с места и, выразив почтение, удалился, обойдя Благословенного с правой стороны. Вскоре после этого корова с телёнком набросилась на прокажённого Суппабудду и забодала его до смерти.

Многие монахи, узнав об этом, отправились к Благословенному. Они сказали: «Достопочтенный, Суппабудда, прокажённый, которого Благословенный наставлял, погиб. Какова его судьба? Где он возродился?»

«Бхиккху, прокажённый Суппабудда был мудр, он достиг правильного пути в Дхамме и не беспокоил меня бесплодными вопрошаниями. Разрушив три оковы, Суппабудда вошёл в поток; он больше не подвержен попаданию в миры скорби и устремлён к полному Освобождению».

Когда это было сказано, один монах спросил: «Достопочтенный, а в чём причина, что прокажённый Суппабудда был столь нищим и жалким человеком?»

«Бхиккху, в прошлом прокажённый Суппабудда был сыном богатого человека в этой Раджагахе. По пути в рощу он увидел Паччекабудду⁴⁶ Тагарасикхи, который следовал в город за подаянием. Он подумал: «Что за прокажённый тут бродит?» И он плюнул на него, оскорбил его и ушёл. И за этот свой проступок он страдал в аду много лет, много столетий, много тысячелетий.

Из-за созревания этого поступка он родился нищим и жалким прокажённым в Раджагахе в этой жизни. Но благодаря Дхамме и Винае, провозглашёнными Возвышенным, он обрёл веру, добродетель, мудрость и понимание. Из-за созревания этих плодов он возродился на небесном мире среди божеств Тридцати трёх. Там он превосходит других божеств своей красотой и могуществом.

(Уд 5:3)

ВТОРОЙ ГОЛОС. Однажды произошёл такой случай. Два бхиккху по имени Ямелу и Текула были братьями, живущими в Саваттхи. Они происходили из знатного брахманского рода и обладали превосходными голосами и отлично поставленной речью. В один из дней они обратились к Благословенному с такими

⁴⁶ Паччекабудда – это Будда, который сам нашёл путь, но не стал обучать ему других.

словами: «Достопочтенный, в Сангху сейчас вступает много людей из различных сословий, варн и семейств. Они искажают речи Благословенного своими говорами и диалектами. Пусть речи Благословенного будут звучать только на санскрите».

Однако Благословенный укорил их в ответ: «Заблудшие люди, как вы можете говорить такое: «Пусть речи Благословенного будут звучать только на санскрите»? Это не порождает веру в неверующих и не увеличивает веру в верующих; это лишь приносит пагубу неверующим и уменьшают веру в тех, кто прежде имел её». Укорив бхиккху таким образом, Будда позднее, наставляя Дхамме, высказался по этому поводу так: «Бхиккху, речи Будды не должны звучать только на санскрите. Я позволяю вам обучать Дхамме на любом из родных языков. Нарушение этого правила будет считаться проступком».

(Вин Св. 5:3)

Однажды Благословенный, наставляя монахов Дхамме, чихнул. Тут же раздались многочисленные возгласы: «Здоровья Вам, достопочтенный! Здоровья Вам, Учитель!» Эти возгласы помешали лекции о Дхамме. Тогда Будда задал монахам вопрос: «Бхиккху, если человеку, который чихнул, начинают желать здоровья, повлияет ли это в действительности на его жизнь или смерть?»

«Нет, достопочтенный».

«Бхиккху, я запрещаю в будущем вам произносить пожелания здоровья чихнувшему человеку. Нарушение этого правила будет считаться проступком».

После этого, когда монахи чихали в присутствии мирян, а те желали им здоровья и долгой жизни, они никак не отвечали на эти пожелания. Из-за этого миряне становились недовольными, роптали и протестовали: «Отчего же сыны сакьев не могут ответить на пожелания здоровья и долгой жизни?»

Монахи передали это Благословенному. Тот ответил: «Бхиккху, миряне находятся во власти этих суеверий. Я позволяю вам в ответ на пожелания здоровья и долгой жизни отвечать: «И вы будьте здоровы!»

(Вин Св. 5:33)

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Так я слышал. Однажды Благословенный пребывал в Саваттхи, в Восточном парке, во дворце матери Мигары. В один из вечеров он оставил своё созерцание и сидел на крыльце неподалёку от главного входа. К нему прибыл царь Косалы Пасенади и, выразив ему почтение, сел с одной стороны.

В это же время семь нигантхов, семь аскетов со спутанными волосами, семь нагих отшельников, семь одиноких отшельников и семь странников, каждый с длинными волосами и длинными ногтями, облачённые в монашеские одеяния, прошагали неподалёку от Благословенного. Увидев их, царь Пасенади быстро встал со своего

места, накинул на плечо свою одежду и опустился на правое колено. Воздев руки к небу и сложив ладони в анджали, он произнёс своё имя трижды: «Почтенные, я – царь Пасенади».

Когда они ушли, он вернулся к Благословенному и, вновь воздав ему почести, задал такой вопрос: «Достопочтенный, есть ли среди этих отшельников араханты или те, кто находится на пути к арахантству?»

«Великий царь, ты, будучи мирянином, наслаждаешься чувственными уладами и живёшь в доме, полном детей. Ты используешь великолепное сандаловое дерево, украшаешь себя венками, умащаешься благовониями и бальзамами, принимаешь золото и серебро. Нелегко для такого, как ты, узнать, есть ли среди каких-то отшельников араханты или те, кто находится на пути к арахантству.

Добротель человека можно узнать лишь, живя рядом с ним в течение длительного времени и наблюдая внимательно за ним. Чистота человека познаётся посредством беседы с ним. Стойкость человека познаётся посредством прохождения испытаний и превратностей судьбы. Мудрость человека можно узнать лишь, живя рядом с ним в течение длительного времени, наблюдая внимательно за ним и беседуя с ним».

«Чудесно, достопочтенный! Как славно Благословенный всё описал! Существуют люди, которые являются моими лазутчиками, и они после выполнения своей работы по всей стране приходят ко мне, всё ещё одетые как разбойники. С первого взгляда я не понимаю, кто передо мной и обманываюсь, но вскоре начинаю распознавать их. Они сбрасывают свои бороды, смывают с себя пыль и грязь, облачаясь в свои обычные одеяния и возвращаются, как обычно, к наслаждению чувственными удовольствиями».

Осознав значимость момента, Возвышенный воскликнул:

Судить о человеке по его обличью трудно,
Тем паче – бросив беглый взгляд лишь;
И необузданный способен обличье укрощённого принять.

Бывает так, что снаружи он выглядит кротким,
Однако изнутри порочен и негож,
Как камень драгоценный,
Сделанный из меди.

(СН 3:11; УД 6:2)

Так я слышал. Однажды Благословенный странствовал вместе с большой Сангхой монахов и остановился в городе каламов, именуемом Кесапуттой. Каламы из Кесапутты услышали такую весть: «Отшельник Готама, сын сакьев, ушедший из

клана сакьев, избрав бездомную жизнь, прибыл, как говорят, в Кесапутту. Благая весть разнеслась о достопочтенном Готаме: «Поистине, это Благословенный, Арахант, полностью Пробуждённый, совершенный в истинном знании и поведении, обретший благо, знаток мира, непревзойдённый вожак для существ, которых следует обуздать, Учитель богов и людей, Пробуждённый, Благословенный. Познав прямым знанием этот мир с его дэвами, Марой и Брахмой, с отшельниками и брахманами, с божествами и людьми, он открывает это другим. Он обучает Дхамме, которая прекрасна в начале, прекрасна в середине и прекрасна в конце, с точными смыслом и выражениями. Он возвестил святую жизнь, что всецело безукоризненна и чиста. Благодатно лицезреть такого Араханта».

И каламы из Кесапутты приблизились к Благословенному. Иные поклонились ему и присели в стороне; иные обменялись с ним приветствиями и после этих приветствий и вежливых расспросов сели в стороне; третьи почтительно поздоровались и сели в стороне; четвёртые сели в стороне, оставаясь безмолвными. Затем каламы обратились к Благословенному:

— Достопочтенный, некоторые отшельники и брахманы, прибывающие в Кесапутту, разъясняют свои учения, но бранят, развенчивают, оскорбляют и очерняют учения других. После этого другие отшельники и брахманы, прибывающие в Кесапутту, также разъясняют свои учения, но бранят, развенчивают, оскорбляют и очерняют учения других.

Достопочтенный, у нас возникают замешательство и сомнения: кто же из этих славных отшельников и брахманов говорит правду, а кто клеветает?

— Неудивительно, что вы в замешательстве, о каламы, не удивительно, что вы пребываете в сомнениях. Сомнения возникают в вас по отношению к поистине запутанным вещам. Внимайте, о каламы. Не будьте ведомы устной традицией⁴⁷, линией преемственности учений, слухами, священными писаниями, логическими предпосылками, умозрительными заключениями, аргументированными рассуждениями, принятием каких-либо воззрений в результате размышления о них, наставниками, которые кажутся осведомлёнными, или мыслями: «Этот отшельник — наш учитель». Но лишь когда вы сами для себя познаете: «Эти вещи являются неблагими, эти вещи порочны, они достойны порицания мудрых; эти вещи, будучи принятыми и практикуемыми, приводят к пагубе и страданию», — тогда откажитесь от них.

⁴⁷ Если это наставление Будды прочитать как общее предписание игнорировать все советы и инструкции, тогда его было бы невозможно выполнить; ибо его можно было бы выполнить, только не выполняя его (хорошо известная логическая дилемма). Однако другая часть наставления должна пролить свет на его предполагаемый смысл. О вере (*saddhā*) см. главу 11.

Как вы считаете, каламы, — когда в человеке присутствуют алчность, ненависть и заблуждение, это приведёт его к благоденствию или пагубе?

— К пагубе, достопочтенный.

— Каламы, если алчный, злобный и невежественный человек, одержимый такими мыслями, будет отнимать жизнь, брать то, что не дано, совершать прелюбодеяние и лгать, побуждая остальных поступать подобным образом, приведёт ли это его к пагубе и страданию на долгое время?

— Да, достопочтенный.

— Как вы считаете, каламы, — эти вещи благие или неблагие?

— Неблагие, достопочтенный.

— Порочные или беспорочные?

— Порочные, достопочтенный.

— Достойные восхваления или порицания мудрыми?

— Порицания, достопочтенный.

— Будучи принятыми и практикуемыми, приводят ли к пагубе и страданию, как вы видите это?

— Будучи принятыми и практикуемыми, приводят к пагубе и страданию. Так мы видим это.

— По этой причине, каламы, было сказано: не будьте ведомы устной традицией... Внимайте, о каламы. Не будьте ведомы устной традицией, линией преемственности учений, молвой, священными писаниями, логическими предпосылками, умозрительными заключениями, аргументированными рассуждениями, принятием каких-либо воззрений в результате размышления о них, наставниками, которые видятся осведомлёнными, или мыслями: «Этот отшельник — наш учитель». Но лишь когда вы сами для себя познаете: «Эти вещи являются благими, эти вещи беспорочны, они достойны восхваления мудрыми; эти вещи, будучи принятыми и практикуемыми, приводят к благоденствию», — тогда следуйте им.

— Как вы считаете, каламы, — когда в человеке не присутствуют алчность, ненависть и заблуждение, это приведёт его к благоденствию или пагубе?

— К благоденствию, достопочтенный.

— Каламы, если лишённый алчности, ненависти и заблуждения человек, не одержимый такими мыслями, не будет отнимать жизнь, брать то, что не дано, совершать прелюбодеяния и лгать, побуждая остальных поступать подобным образом, приведёт ли это его к благополучию и счастьем на долгое время?

— Да, достопочтенный.

— Как вы считаете, каламы, — эти вещи благие или неблагие?

— Благие, достопочтенный.

— Порочные или беспорочные?

— Беспорочные, достопочтенный.

— Достойные восхваления или порицания мудрыми?

— Восхваления, достопочтенный.

— Будучи принятыми и практикуемыми, приводят ли они к благоденствию и счастью, как вы видите это?

— Будучи принятыми и практикуемыми, они приводят к благоденствию и счастью. Так мы видим это.

— По этой причине, каламы, было сказано: не будьте ведомы устной традицией... Каламы, благородный ученик, лишённый жадности, лишённый злобы, лишённый замешательства, ясно познающий, неизменно памятующий, — пребывает, наполняя одну сторону света умом, пропитанным доброжелательностью, равно как и вторую сторону света, и третью, и четвёртую. Он пребывает с умом, пропитанным доброжелательностью как к самому себе, так и ко всем существам вокруг, наполняя целый мир — снизу и сверху, вдоль и поперёк — умом, пропитанным доброжелательностью, — безбрежным, возвышенным, неизмеримым, отвергнувшим враждебность и неприязнь. Он пребывает, наполняя одну сторону света умом, пропитанным состраданием... сорадованием... равнодушием, равно как и вторую сторону света, и третью, и четвёртую. Он пребывает с умом, пропитанным равнодушием как к самому себе, так и ко всем существам вокруг, наполняя целый мир — снизу и сверху, вдоль и поперёк — умом, пропитанным равнодушием, безбрежным, возвышенным, неизмеримым, отвергнувшим враждебность и неприязнь.

Каламы, когда благородный ученик таким образом освобождает свой ум от враждебности и неприязни, он обретает сразу четыре отрады в этой самой жизни. Первая отрада, которую он обретает, такова: «Если существует иной мир, если добрые и злые деяния приносят свои плоды и дают результаты, то возможно, что с разрушением тела, после смерти я возроюсь в светлом уделе, в небесном мире». Вторая отрада, которую он обретает, такова: «Если не существует никакого иного мира, если добрые и злые деяния не приносят своих плодов и не дают результатов, то уже в этой самой жизни я живу счастливо, освободившись от враждебности и неприязни».

Третья отрада, которую он обретает, такова: «Если зло оборачивается против творящего его, тогда я, не намеревающийся вредить кому-либо, не навлеку на себя никакого мучения, потому что я не совершил тёмных деяний».

Четвёртая отрада, которую он обретает, такова: «Если зло не оборачивается против творящего его, тогда прямо здесь и сейчас я вижу себя очищенным в отношении и того и другого».

(АН 3:65)

Однажды один из монахов заболел расстройством желудка и лежал в постели в собственной моче и испражнениях. В это время Благословенный обходил монашеские жилища вместе с достойным Анандой, и они заглянули к этому монаху. Увидев его лежащим в постели, Благословенный подошёл к нему и спросил: «Что за болезнь у тебя, бхиккху?»

«Это расстройство желудка, достойный».

«Бхиккху, кто-то из собратьев по святой жизни помогает тебе?»

«Нет, достойный».

«Почему так, бхиккху?»

«Я бесполезен для других, достойный, поэтому они не присматривают за мной».

Тогда Благословенный сказал: «Ананда, иди и принеси воды. Нам нужно помыть этого бхиккху».

«Да, достойный», – отвечал тот и принёс воду. Пока Благословенный поливал воду из кувшина, достойный Ананда помыл монаха. После этого Благословенный взял его за голову, а достойный Ананда за ноги, и так они положили его на кровать.

По этому случаю Благословенный созвал Сангху монахов и обратился к ним:

«Бхиккху, есть ли среди вас заболевшие?»

«Да, в одном из жилищ есть больной бхиккху, достойный».

«Чем он болен?»

«Расстройством желудка, достойный».

«Есть ли среди вас те, кто помогает ему и присматривают за ним?»

«Нет, достойный».

«Почему же никто не помогает ему?»

«Он бесполезен для других, достойный, поэтому никто не присматривает за ним».

«Бхиккху, у вас здесь нет ни матери, ни отца, которые могли бы присматривать за вами. Если вы не станете присматривать друг за другом и помогать друг другу, кто же поможет вам самим?»

Отныне пусть тот, кто заботится обо мне, заботится и о заболевших. Если у заболевшего бхиккху есть наставник, он должен помогать ему до тех пор, пока тот не выздоровеет. Его учитель, если он имеется, должен поступать так же; либо его сосед, его ученик, либо тот бхиккху, который имеет того же наставника или того же учителя. Если же у больного бхиккху вообще нет никого из вышеперечисленных, пусть за ним присматривает Сангха.

Невыполнение этого правила будет считаться проступком, который заслуживает порицания⁴⁸».

Бхиккху, если у заболевшего человека есть пять качеств, то его можно назвать тем, за которым тяжело присматривать. Какие пять?

Он делает то, что является неподобающим; он не знает меры в том, что является подобающим; он не принимает снадобья; он не раскрывает подробности своей болезни тому, кто ухаживает за ним, желая ему благополучия и говорит ему о том, как протекает его хворь (лучше, хуже или так же); наконец, он относится к тем людям, которые не в состоянии выносить пронзительные, грубые, неприятные и угрожающие жизни болезненные ощущения в теле.

Когда у заболевшего есть эти пять качеств, его можно назвать тем, за которым тяжело присматривать.

(Вин Мхвг. 8:26)

Когда у того, кто присматривает за заболевшим, есть пять качеств, его можно назвать неподходящим для выполнения таких обязанностей. Какие пять?

Он не умеет приготовить снадобья; он не знает, что является подобающим и неподобающим; он предлагает больному неподобающее и уносит прочь подобающее; он занимается присмотром за больными из корыстных устремлений, а не из-за доброжелательности; он брезгует вытирать мочу, рвоту, слюну и испражнения; он не умеет наставлять, вразумлять и вдохновлять больных беседой о Дхамме в подходящее время.

Когда у того, кто присматривает за больными, есть эти пять качеств, его можно назвать неподходящим для выполнения таких обязанностей.

(Вин Мхвг. 8:26; АН 5:123-24)

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Однажды Благословенный пребывал на открытом воздухе в ночной мгле, окружённый светом масляных лампад. В этот момент огромное количество мотыльков, кружась, упали в лампаду, встретив там свою погибель, разрушение и бедствие.

Осознав значимость момента, Возвышенный воскликнул:

Те, кто ищут вовне – не обретают сути,

Обрекая себя лишь на новые оковы;

Подобные мотылькам, они в огне сгорают,

⁴⁸ Это правило касается только лечения больного монаха другим монахом (или группой). Лечить мирян монахам запрещено.

Захваченные видимым и слышимым.

(У_А 6:9)

Однажды Благословенный взял свою чашу и верхнее одеяние и отправился в Саваттхи за подаянием. По дороге между рощей Джета и Саваттхи он увидел мальчиков, которые мучили пойманную рыбу. Он подошёл к ним и задал вопрос: «Мальчики, вы страшитесь боли? Вам не мила боль?»
«Да, достопочтенный, мы страшимся боли и нам не мила боль».
Осознав значимость момента, Возвышенный воскликнул:

Пусть тот, кто не желает себе боли,
Воздерживается от любого зла;
Творящий зло – открыто или втайне,
Сейчас иль в далёком будущем,
Не сможет избежать его последствий,
Возмездие настигнет и его.

(У_А 5:4)

ДЕКЛАМАТОР 49:

Пусть ищущий успокоенья,
Алкая благоденствия себе, так поступает:
Пусть будет он умелым, честным и открытым,
Лишённым гордости, с умом податливым, внимающим советам;

Пусть будет он довольным малым, в общении лёгким,
Не обременённым многими делами, скромным;
Благоразумным; тем, кто охраняет двери чувств,
Не имея жажды к семьям.

Пусть он и мелкого не совершает зла,

⁴⁹ Эта известная сутта, которую часто декламируют в буддийских монастырях. При этом, она не является напутствием другим, а, скорее, прямой речью человека, который практикует медитацию доброжелательности (itī здесь упущено, но так происходит на пали, когда текст представлен в стихотворной форме). Брахма-вихары – это четыре «безмерных» состояния ума, которые по чистоте равны состояниям ума в божественных мирах. Последние четыре строки указывают на то, что, хотя четыре божественных пребывания ведут на небеса, они не гарантируют достижения Необусловленного, или Ниббаны (прекращение рождения, старения и смерти), если не сочетаются с пониманием изменчивой природы всего, что возникло и обусловлено, будь то сформированное или бесформенное, и включая все формы небесного существования (ср., например, АН 4:125-26).

Которым мудрые могли бы укорить его;
Пусть будут счастливы все живые существа,
Пусть будут пребывать они в покое!

Любые существа: сильны они иль слабы,
Огромны или малы,
Длинные иль короткие,
Те, кто далеко и те, кто близко;

Те существа, которых можно видеть,
И кто невидим,
Те, кто рождён, иль лишь к рождению устремлён.

Пусть будут счастливы все существа,
И пусть никто не вводит в заблуждение других,
Пусть на других не смотрит свысока,
Пусть из-за враждебности не желает никому страдания.

Как мать, которая готова жизнь отдать
За своего сына, единственного сына,
Так следует ко всем живым взрастить
Безмерный ум, дружелюбия исполненный.

Внизу, вверху, повсюду,
Не связанный враждебностью и злостью,
Когда идёшь, стоишь, лежишь, сидишь –
Об этом памятью всегда,
Такое пребыванье обителью Брахмы именуют.

Воззрениям никаким не следуя,
Наделённый добродетелью и прозрением,
Все страсти одолев свои,
Ты больше не окажешься в утробе.

(СнП 1:8)

11. ЛИЧНОСТЬ

Сейчас мы сделаем паузу в описании последовательности событий жизни Будды, потому что на какое-то время их не представляется возможным отследить. Мы уделим время личности самого Будды, чтобы увидеть, что он говорил о себе в Палийском каноне, и что говорили о нём другие люди, которые сталкивались с ним при тех или иных обстоятельствах в разное время.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Так я слышал. Однажды Благословенный пребывал в Саваттхи в роще Джеты, в парке Анатхапиндики, созерцая, как много неблагих качеств в нём были разрушены, и как много благих – возвращены.

Осознав значимость момента, Возвышенный воскликнул:

Что было прежде – не сыскать уж,
Что прежде не было – возникло,
Чего не было и не будет,
Того и не сыскать сейчас⁵⁰.

(У_Д 6:3)

Так я слышал. Однажды Благословенный пребывал в Саваттхи в роще Джеты, в парке Анатхапиндики, созерцая свой отказ от всех видов умственного разрастания⁵¹.

Осознав значимость момента, Возвышенный воскликнул:

Отринувший все разрастания,
Одоловший препятствия любые;
Отшельник такой живёт без страстей,
Боги и люди склоняются пред ним.

(У_Д 7:7)

⁵⁰ Первая строка этой загадки относится к омрачениям, вторая – к добродетелям, третья и четвёртая – к достижению Пробуждения.

⁵¹ *Рарайса*. Для детального знакомства с данным сложным термином можно ознакомиться в работе «Концепции и реальность в раннем буддизме», написанную Бхиккху Ньянанандой (Канди, ВРС, 1971 г.). В частности, на стр. 21 он предлагает альтернативный перевод этого стихотворения и его комментаторское объяснение (Ньянамоли Бхиккху).

«О бхиккху, существуют четыре благородные истины: о страдании, о возникновении страдания, о прекращении страдания, о Пути, ведущем к прекращению страдания. Будда, полностью и в совершенстве Пробуждённый, именуется таковым из-за открытия этих истин в соответствии с тем, какие они есть в действительности».

(СН 56:23)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Будда перечисляет имена шести предыдущих будд, появлявшихся в мире до него.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Девяносто одну каппу назад Будда Випасси, полностью и в совершенстве Пробуждённый, возник в мире. Тридцать одну каппу назад Будда Сикхи, полностью и в совершенстве Пробуждённый, возник в мире. В ту же тридцать одну каппу Будда Весабу, полностью и в совершенстве Пробуждённый, возник в мире. В ту благодатную эпоху также Будда Какусандха, полностью и в совершенстве Пробуждённый, возник в мире. В ту благодатную эпоху также Будда Конагамана, полностью и в совершенстве Пробуждённый, возник в мире. В ту благодатную эпоху также Будда Кассапа, полностью и в совершенстве Пробуждённый, возник в мире. И в ту же благодатную эпоху я, полностью и в совершенстве Пробуждённый, возник в мире.

(ДН 14, с сокращениями)

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. После описания других пробуждённых Будда обычно рассказывал о самом себе следующее.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Я родом из кхаттиев, из благородного клана воинов. Я был рождён в семье кхаттиев. Я – Готама. Продолжительность жизни людей моей эпохи является короткой, она длится недолго и быстро подходит к своему концу; те, кто живут сто лет, уже считаются долгожителями. Я обрёл Пробуждение под корнями баньянового дерева ассатха. Моими главными учениками являются Сарипутта и Моггаллана. Моя Сангха насчитывает 1250 монахов, каждый из которых – арахант. Мой помощник, моя правая рука – это бхиккху Ананда. Моего отца звали Суддоханой, а мою мать – Майей. Царской столицей был город Капилаваттху.

(ДН 14, с сокращениями)

Так было сказано Благословенным и так я слышала.

«Татхагата полностью постиг мир; Татхагата теперь отделён от мира. Татхагата полностью постиг возникновение мира и отринул возникновение мира. Татхагата полностью постиг прекращение мира и познал прекращение мира. Татхагата полностью постиг Путь, ведущий к прекращению мира; он взрастил Путь, ведущий к прекращению мира. В этом мире с его дэвами, с Марой и Брахмой, среди

всех живущих, с отшельниками и брахманами, с дэвами и людьми, Татхагата постиг всё, что видимо, слышимо, ощущаемо, познаваемо, достижимо, желаемо, исследуемо умом; поэтому он зовётся Татхагатой.

С той самой ночи, в которой он полностью пробудился, и до той ночи, в которую он вступит в окончательную Ниббану, всё, что он говорит, излагает и разъясняет, является именно таковым, а не иным; поэтому он зовётся Татхагатой».

(Ити 112; АН 4:23)

О бхиккху, всё в этом мире с его дэвами, Марой и Брахмой, с отшельниками и брахманами, с божествами и людьми, было познано Татхагатой. Всё, что видимо, слышимо, ощущаемо, познаваемо, постигнуто, найдено, осмыслено умом, было познано Татхагатой, однако это знание никогда не было использовано мной для того, чтобы мнить все эти вещи.

О бхиккху, Татхагата зрит то, что должно быть зримо, однако он не мнит⁵² и не измышляет зримое. Он не мнит незримое. Он не мнит подлежащее видению. Он не мнит зрящего.

Он слышит то, что должно быть слышимо, однако он не мнит и не измышляет слышимое. Он не мнит неслышимое. Он не мнит подлежащее слышанию. Он не мнит слышащего.

Он ощущает то, что должно быть ощущимо... Он познаёт то, что должно быть познано...

О бхиккху, Татхагата, будучи таковым в отношении всех явлений, которые могут быть видимы, слышимы, ощущаемы и познаны – он является равностным. И нет кого-либо более равностного, или кого-либо более возвышенного. Так я говорю.

(АН 4:24)

Однажды царь Косалы Пасенади спросил Благословенного: «Достопочтенный, правда ли то, что я слышал: «Отшельник Готама заявляет так: «Не существует какого-либо отшельника или брахмана, который был бы всезнающим и всевидящим, и кто говорил бы, что обладает полным знанием и видением – такого не может быть»».

⁵² Глагол *maññati* (мнить) имеет в суттах аналог в виде существительных: *maññanā* (умозрительная идея) и *māna* (самолюбие). Эти понятия используются в смысле представления: «Это есть это», либо просто: «Это таково», но при этом имеют важное онтологическое значение (см. МН 1 и МН 49) в описании воспринимаемого бытия (*bhava*). Самолюбие «Я есть» описано в главе 12. Когда человек считает себя лучше других, это называется *asmi-māna* (гордыня). Важно понимать все оттенки данных значений и их использование в суттах.

Достопочтенный, правда ли, что так было сказано Благословенным, не выставляют ли другие его в ложном свете такими речами? Говорят ли они то, что согласуется с Дхаммой, либо противоречат ей, заслуживая тем самым порицания?»

«Великий царь, эти люди говорят о том, чего я не заявлял, тем самым искажая мои слова».

«Достопочтенный, могло ли быть так, что Благословенный заявлял нечто иное, но имеющее к вышесказанному отношение, что люди истолковали неверно? Если это так, то какое именно заявление сделал Благословенный?»

«Великий царь, я помню, что в действительности делал такое заявление: «Не существует какого-либо отшельника или брахмана, который знает всё, видит всё одновременно. Это невозможно».

«То, что сказал Благословенный, мне представляется вполне разумным».

(МН 90)

Татхагата обладает этими десятью силами, владея которыми, он провозглашает себя предводителем стада, рычит львиным рыком пред собранием и запускает колесо Брахмы. Какими десятью?

(1) Татхагата ясно понимает возможное как возможное, а невозможное – как невозможное. Это сила Татхагаты, на основании которой он провозглашает себя предводителем стада, рычит львиным рыком пред собранием и запускает колесо Брахмы.

(2) Татхагата ясно понимает плоды деяний, совершённых в прошлом, будущем и настоящем, посредством видения возможностей и причин.

(3) Татхагата ясно понимает, куда ведут все пути.

(4) Татхагата ясно понимает мир с его множеством различных стихий.

(5) Татхагата ясно понимает то, что существа имеют всевозможные склонности, и то, каковы именно эти склонности.

(6) Татхагата ясно понимает характер и способностей других существ.

(7) Татхагата ясно понимает загрязнение, очищение и возникновение в отношении джхан, Освобождения, сосредоточения и достижения.

(8) Татхагата вспоминает свои прошлые воплощения со всеми особенностями и подробностями.

(9) Своим божественным оком, очищенным и превосходящим человеческое, Татхагата видит, как умирают и вновь рождаются существа, высшие и низшие, красивые и уродливые, удачливые и невезучие, и как они пожинают плоды своих деяний.

(10) Познав это для себя с помощью прямого знания, в этой самой жизни, Татхагата входит и пребывает в освобождении ума, освобождении

с помощью мудрости, которая лишена загрязнений и наступает с разрушением всех загрязнений. И это тоже сила Татхагаты, на основании которой он провозглашает себя предводителем стада, рычит львиным рыком перед собранием и запускает колесо Брахмы.

(МН 12; ср. АН 10:21)

Татхагата обладает четырьмя основаниями для уверенности в себе⁵³, владея которыми он провозглашает себя предводителем стада, рычит львиным рыком перед собранием и запускает колесо Брахмы. Какими четырьмя?

Так, я не вижу оснований, по которым какой-либо отшельник или брахман, дэва или Мара, или Брахма, или кто-либо другой в этом мире мог бы, руководствуясь Дхаммой, предъявить мне обвинение: «Ты провозглашаешь себя полностью и в совершенстве Пробуждённым, не будучи полностью и в совершенстве Пробуждённым». Поскольку для таких обвинений нет никаких оснований, я пребываю в безопасности, в бесстрашии и уверенности в себе.

Я не вижу оснований, на которых какой-либо отшельник или брахман... предъявить мне обвинение: «Вы провозглашаете, что полностью уничтожили все загрязнения, однако в действительности не уничтожили их». Поскольку для таких обвинений нет никаких оснований, я пребываю в безопасности, в бесстрашии и уверенности в себе.

Я не вижу оснований, на которых какой-либо отшельник или брахман... предъявить мне обвинение: «Те вещи, которые были названы Вами препятствиями, на самом деле не являются препятствиями для того, кто вовлечён в них». Поскольку для таких обвинений нет никаких оснований, я пребываю в безопасности, в бесстрашии и уверенности в себе.

Я не вижу оснований, на которых какой-либо отшельник или брахман... предъявить мне обвинение: «Когда Вы обучаете кого-то Дхамме, она не ведёт того, когда он практикует её, к полному уничтожению страдания».

Поскольку для таких обвинений нет никаких оснований, я пребываю в безопасности, в бесстрашии и уверенности в себе.

(МН 12)

Так было сказано Благословенным и так я слышала.

«Две мысли часто возникали в полностью и в совершенстве Пробуждённым – мысль о непричинении вреда и мысль об уединении. Благословенный наслаждается и радуется отсутствию бедствий, и ему приходит на ум: «Ведя себя таким образом, я не доставляю бедствий ни одному живому существу: ни смелому, ни робкому».

⁵³ Совершенная уверенность (*vesārajja*)

Благословенный наслаждается и радуется уединению, и ему приходит на ум: «Я пребываю в уединении от всего неблагого».

(Ити 38)

Монахи, не опасайтесь совершать достойные деяния. Достойные деяния – это обозначение счастья: желанного, дорогого, милого, долгожданного. Это известно мне доподлинно, монахи, потому что в течение долгого времени я испытывал желанные, дорогие, милые сердцу и долгожданные последствия того, что я совершал достойные деяния. Возвращаясь семь лет ум, преисполненный доброжелательности, я на протяжении семи эонов разворачивания и сворачивания мира не возвращался в этот мир. Всякий раз, когда эон разворачивался, я возрождался в обители Струящегося сияния, а когда эон сворачивался — я рождался в пустом небесном дворце.

Я становился Брахмой, великим Брахмой, непокорённым победителем, всевидящим и всемогущим. Я тридцать шесть раз становился Саккой, правителем дэвов. Много сотен раз я становился Царём, вращающим колесо, — справедливым, царём праведности, покорителем четырёх сторон света, поддерживающим мир на земле, обладателем семи сокровищ. Что уж говорить об обычных царствах? И я спросил себя: «Какое из моих деяний привело к такому плоду? Какие деяния мои созрели так, что сейчас я наделён таким могуществом и великим достижением?»

И меня осенило: «Это плод трёх видов деяний созрел так, что сейчас я наделён таким могуществом и великим достижением: плод даяния, самообуздания и воздержания».

(Ити 22)

Однажды Благословенный странствовал по дороге между Уккаттхой и Сетавией; брахман Дона странствовал там же. Он увидел в следах, оставляемых Благословенным, отпечаток колеса с тысячью спиц и ободов. Он подумал: «Это чудесно, это невероятно! Конечно, это не может быть простым человеческим следом».

Благословенный оставил дорогу и сел под корнями дерева, скрестив ноги, с прямой спиной, установив памятование возле себя. Брахман Дона, следуя по его следам, увидел его сидящим под корнями дерева. Всем своим обликом Благословенный внушал доверие и даровал вдохновение, черты его лица были ясны, его разум пребывал в состоянии высшего покоя и равности и был всецело обуздан; поистине – слон, достигший самоконтроля и самообладания.

Брахман приблизился к нему и спросил:

«Господин, ты – дэва?»

«Нет, брахман».

«Господин, может быть, ты – дух?»

«Нет, брахман».

«Господин, может быть, ты – яккха?»

«Нет, брахман».

«Господин, может быть, ты – человек?»

«Нет, брахман. Те пороки, которые я бы не отринул и посредством которых можно было бы описать меня как дэва, духа, яккху или человека, в действительности были отринуты мною и срезаны под корень, сделаны подобными обрубку пальмы, уничтожены, так что они более не смогут возникнуть в будущем.

Как лотос белый,
Что рождён в грязи был,
Изящный и благоуханный,
К болоту не прилипнет —

Так Будда в мире был рождён,
И в нём живёт,
Но миром не тревожим,
Как лотос не касается болота.

Поэтому, брахман, запомни меня, как того, кто достиг высшего Пробуждения».

(АН 4:36)

Однажды Благословенный в большой компании монахов, с пятью сотнями монахов, странствовал по стране ведехов. В то же время брахман по имени Брахмайю проживал в Митхиде. Он был стар, убелён сединами и достиг последнего предела своей жизни: ему было уже сто двадцать лет. Он слыл знатоком трёх вед, сведущим о смысле Итихасы – пятых из традиционных брахманских рассказов о прошлом с их литургией, заклинаниями и толкованиями; искущённым в естественных науках и знаниях о знаках великого человека.

Он был наслышан о Благословенном и его качествах, поэтому поспешил отправиться в страну ведехов. У него был ученик, молодой брахман по имени Уттара, который тоже был сведущим в науке о знаках великого человека. Брахман сказал своему ученику: «Уттара, ступай к отшельнику Готаме и выясни, правдива ли молва о нём, которая широко распространилась за пределами страны, и является ли он таковым, как его представляют, или нет. Через тебя и мы узнаем отшельника Готаму».

«Как же я смогу узнать об этом, господин?»

«Мой любезный Уттара, тридцать два знака великого человека полностью описаны в священных текстах. Наделённый ими имеет лишь два предназначения: если он остаётся жить в миру, он становится Царём, вращающим колесо, — справедливым, царём праведности, покорителем четырёх сторон света, поддерживающим мир на земле, обладателем семи сокровищ: колеса-сокровища, слона-сокровища, коня-сокровища, драгоценности-сокровища, женщины-сокровища, домовладельца-сокровища и советника-сокровища. У него будет тысяча сыновей, отважных и неустрашимых, сокрушающих чужие войска; над этой землёй, обрамлённой океаном, он правит без жезла и без оружия, руководствуясь одной лишь справедливостью. Однако, если он оставляет мир, облачается в жёлтое одеяние и покидает родные пенаты во имя бездомного странствования, то становится Татхагатой, полностью и в совершенстве Пробуждённым, отринувшим все печали этого мира. Мой любезный Уттара, я – тот, кто дарует священные тексты, а ты – кто получает их».

«Точно так, господин».

После этого брахман Уттара выразил почтение своему учителю и, обойдя его с правой стороны, направился в сторону того места, где странствовал Благословенный. Когда были закончены приветствия и вежливый разговор, он сел с одной стороны. Сделав так, он стал рассматривать тело Благословенного, желая обнаружить на нём тридцать два знака великого человека. Он увидел, отчётливо или размыто, все тридцать два знака за исключением двух; он пребывал в сомнениях и неопределённости по поводу этих двух знаков и не мог сделать вывод и вынести свой вердикт на их счёт, – это касалось скрытого за одеяниями мужского органа в оболочке, и длины языка Татхагаты.

Его сомнения насчёт двух знаков стали известны Благословенному. Используя свои чудесные способности, он явил взору брахмана свой мужской орган, который был скрыт в оболочке. Затем Благословенный высунул язык и поочерёдно дотронулся им до обеих ушей и обеих ноздрей, а затем покрыл языком весь лоб. Тогда брахман подумал: «Отшельник Готама наделён всеми тридцатью двумя знаками великого человека. Отчего бы мне не остаться с ним и не понаблюдать, как он себя ведёт?» И он следовал, словно тень, за Благословенным, в течение целых семи месяцев, не оставляя его ни на день. По истечении этого срока он оставил страну ведехов и вернулся в Митхилу, где жил брахман Брахмайю. Тот спросил его: «Мой любезный Уттара, выяснил ли ты, правдива ли молва об отшельнике Готаме, которая широко распространилась за пределами страны, и является ли он таковым, как его представляют, или нет?»

«Господин, молва об отшельнике Готаме, которая широко распространилась за пределами страны, правдива, и он является таковым, как его представляют. Отшельник Готама ставит стопу на землю ровно – это знак великого человека.

На подошвах его ступней колёса с тысячами спиц и ободов.
У него выступающие стопы.
Его пальцы на руках и ногах длинные.
Его руки и ноги очень мягкие и нежные.
На ладонях и стопах у него сетчатые линии.
У него изогнутый свод стопы.
Его голени подобны ногам антилопы.
Когда он стоит, не наклоняясь, ладони его рук достают до коленей и касаются их.
Его мужской орган скрыт в оболочке.
Его кожа излучает золотистое сияние.
Его кожа очень утончённая, из-за чего грязь и пыль не прилипают к ней.
Волосы на его теле растут по одному, то есть из каждой поры тела растёт только один волосок.
Кончики его волос направлены вверх, цвет волос – чёрный, как цвет анджаны.
Его тело прямое, как у Брахмы.
На его теле есть семь выпуклых мест.
Его грудь подобна груди льва.
Его грудь широкая.
Его тело пропорциональное, как дерево баньян в объёме: какова длина тела, таково расстояние между вытянутыми руками; каково расстояние между вытянутыми руками, такова и длина тела.
У него ровные шея и плечи.
У него наивысшее качество вкуса.
Его челюсти подобны челюстям льва.
У него сорок зубов.
Его зубы безупречно ровные.
Между зубами у него нет промежутков.
Его зубы белоснежно белые.
Его язык – очень длинный.
Его голос напоминает голос Брахмы и схож с пением птицы Каравики.
Зрачки его глаз – очень чёрные.
Его ресницы длинные, как у быка.
В области межбровья у него растут белые, словно хлопок, волосы.
На макушке его головы имеется выпуклость.
Господин, отшельник Готама наделён этими тридцатью двумя знаками Великого человека.
Когда он ступает, то делает первый шаг с правой ноги. Он ставит стопу не слишком далеко и не слишком близко. Он идёт не слишком быстро и не слишком медленно.

Он ступает так, что колени не касаются друг друга. Он ступает так, что лодыжки не касаются друг друга. Он ступает так, что его бёдра ни поднимаются, ни опускаются, ни сходятся, ни расходятся. Когда он ступает, то только нижняя часть его тела находится в движении, и он не прилагает видимых усилий при ходьбе. Когда он поворачивается, чтобы посмотреть, то делает поворот всем телом. Он не смотрит ни прямо вперёд, ни прямо под ноги. Когда он шагает, он не смотрит по сторонам. Его взор устремлён на землю – на расстояние длины хомута плуга, а за пределами этого он обладает безграничным знанием и видением.

Когда он входит в дверь, то не выпрямляется, не наклоняется, не сгибается, и не клонится вперёд или назад. Садясь, он поворачивается, стоя ни слишком близко к сиденью, ни слишком далеко от него. Садясь, он не опирается рукой на сиденье. Он не падает на него всем своим телом.

Когда он сидит внутри жилища, он не потирает руки в нетерпении. Он не стучит ногами. Он не сидит нога на ногу, или положив лодыжку на лодыжку. Он не подпирает рукой подбородок. Когда он сидит, он не напуган, не встревожен, не трепещет и не взволнован. Поскольку он не напуган, не встревожен, не трепещет и не взволнован, его волосы не встают дыбом, а ум расположен к уединению.

Когда в его чашу наливают воду, он не поднимает чашу слишком высоко и не держит её слишком низко, не наклоняя её вперёд или назад. Он принимает не слишком мало, но и не слишком много воды для чаши. Когда он оmyивает свою чашу, он делает это, не создавая шума и не вращает чашу руками. Он не ставит чашу на пол, чтобы омыть руки, – но, когда он моет руки, он моет и чашу; а когда моет чашу, моет руки. Он сливает воду из чаши не слишком далеко от себя и не слишком близко, не расплёскивая воду.

Когда в его чашу насыпают рис, он не поднимает чашу слишком высоко и не держит её слишком низко, не наклоняя её вперёд или назад. Он принимает не слишком мало, но и не слишком много риса. Он добавляет приправы в рис в должной пропорции: не слишком много и не слишком мало, размером с ложку. Он переворачивает кусочек пищи два или три раза во рту, а затем проглатывает его – ни одно зёрнышко риса не проходит внутрь не разжёванным, ни одного зёрнышка риса не остаётся во рту, когда он кладёт в рот следующий комочек.

Он хорошо ощущает вкус пищи, но не испытывает влечения к нему. Его приём пищи пятеричен: он принимает пищу не ради развлечения, не ради наслаждения, не ради телесного благообразия, но лишь во имя поддержания тела и устранения страдания, что помогает ведению святой жизни. Он размышляет: «Так я изгоняю возникшее чувство голода и не создаю новое чувство, связанное с перееданием. Благодаря этому я остаюсь здоровым, не подверженным порицанию, живя в лёгкости».

Когда он закончил трапезу и принял воду, он не поднимает чашу слишком высоко и не держит её слишком низко, не наклоняя её вперёд или назад. Он принимает не слишком мало, но и не слишком много воды в чашу. Когда он оmyвает свою чашу, он делает это, не создавая шума и не вращая чашу в руках. Он не ставит чашу на пол, чтобы помыть руки, – но, когда он моет руки, он моет чашу; а когда моет чашу, моет руки. Он сливает воду из чаши не слишком далеко от себя, и не слишком близко, не расплёскивая ни капли.

Когда он закончил трапезу, он ставит чашу на пол не слишком далеко и не слишком близко. Он не заботится о чаше чрезмерно, но и не пренебрегает ею.

Когда он закончил трапезу, он некоторое время хранит молчание, но не упускает времени, отведённого на произнесение благословений. Когда он поел и произносит благословения, он не порицает поданную ему пищу и не ожидает никакой иной пищи. Он наставляет, воодушевляет и вдохновляет, радуется слушающих беседой, касающейся только Дхаммы. После этого он поднимается со своего сиденья и удаляется.

Он шагает не слишком быстро и не слишком медленно. Он не выглядит, как человек, который спешит уйти.

Он носит одеяние на своём теле ни слишком высоко, ни слишком низко; одеяние не обтягивает тело и не висит излишне свободно, чтобы ветер не сдувал его. Пыль и грязь никогда не касаются его тела.

Когда он приходит в монастырь, он садится на подготовленное для него сиденье. Сев, он оmyвает стопы, не стремясь при этом сделать их полностью чистыми. Оmyв ноги, он садится, скрестив их, и держит спину прямо, устанавливая памятование перед собой. Когда он восседает, его ум не захвачен размышлениями о причинении пагубы себе, другим, или себе, и другим. Когда он восседает, его ум погружён в раздумья о своём благоденствии, о благоденствии других, о благоденствии и себя, и других, и всего мира.

Когда он приходит в монастырь, он обучает слушающих Дхамме. Он не восхваляет их сверх меры и не порицает чрезмерно. Он наставляет, воодушевляет и вдохновляет, радуется слушающих беседой лишь о Дхамме. Речь, которая изливается из его уст, имеет восемь качеств: она ясная, чёткая, мелодичная, внятная, звонкая, благозвучная, глубокая, яркая. Его голос хорошо слышен для всех, но его звучание не покидает пределы этого жилища. Когда он наставил, воодушевил, вдохновил и обрадовал людей, они встают со своих сидений и уходят, взирая только на него и не думают о чём-либо ином.

«Господин, мы видели, как отшельник Готама ходит. Мы видели, как он стоит; мы видели, как он входит в дверь; мы видели, как он молча сидит в помещении; мы видели, как он ест; мы видели, как он молча сидит после трапезы; мы видели, как он

произносит благословение после принятия пищи; мы видели, как он идёт в монастырь; мы видели, как он сидит молча в монастыре; мы видели, как он в монастыре наставляет слушающих Дхамме. Таков отшельник Готама. Он таков и даже более, чем таков».

Когда так было сказано, брахман Брахмайю поднялся со своего места, накинул своё одеяние на плечо, сложил свои ладони в ту сторону, где находился Благословенный, и три раза воскликнул: «Слава Благословенному, полностью и в совершенстве Пробуждённому!»

(МН 91)

Однажды Благословенный пребывал в Чампе, на берегу озера Гаггара. В полдень домохозяин Ваджиймахита направился из Чампы в то место, где находился Благословенный, чтобы увидеть его. Однако на пути в нём возникли такие размышления: «Сейчас неподходящее время для посещения Благословенного; он находится в уединении. И это неподходящее время для посещения монахов, которые тоже погружены в созерцание в уединении. Отчего бы мне не пойти в парк, чтобы повстречать представителей других учений?»

И он пошёл туда. В парке он встретил представителей других учений, которые вели пустопорожние беседы и создавали вокруг шум и гам. Увидев издали идущего в их сторону домохозяина Ваджиймахиту, они стали утихомиривать друг друга: «Друзья, не шумите. Давайте воздержимся от шума. Домохозяин Ваджиймахита идёт сюда. Он является последователем отшельника Готамы. В Чампе есть облачённые в белое миряне, которые следуют за отшельником Готамой, и он — один из них. Эти достойные люди предпочитают тишину, стараясь не создавать излишнего гомона и советуют другим также не шуметь. Если он увидит, что и мы не создаём шума, то сочтёт нас подходящими для беседы».

Подвижники погрузились в молчание. Домохозяин Ваджиймахита приблизился к ним, и они обменялись любезными приветствиями. Он сел с одной стороны.

Подвижники обратились к нему с таким вопросом: «Домохозяин, правда ли это, что отшельник Готама отрицает аскезу и порицает, осуждает всякого, кто взялся вести суровую аскетическую жизнь?»

«Это не так, почтенные. Будда порицает то, что достойно порицания, и восхваляет то, что достойно восхваления. Делая так, он использует свою пронизательность и не допускает пристрастных суждений».

Тогда один из подвижников высказался так: «Подожди, домохозяин, ведь отшельник Готама проповедует уничтожение и является тем, кто уводит других в сторону. Он не может поступать так, как ты утверждаешь».

«Напротив, почтенные, я утверждаю с полным основанием, что Будда описывает благие вещи – как благие, а неблагие – как неблагие. По этой причине он поступает именно так, как я утверждаю».

Когда это было сказано, подвижники хранили молчание.

(АН 10:94)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Саччака, сын нигантхов, вызвался дискутировать с Буддой в Весали. Будда поведал ему о своём сражении перед Пробуждением, которое привело его к заключению, что самоистязание не является благородным путём.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Иногда я наставляю Дхамме собрание из многих сотен человек.

В ходе этого у каждого из присутствующих возникает такое представление:

«Отшельник Готама даёт наставления о Дхамме специально для меня».

Однако это не следует воспринимать так. Татхагата учит Дхамме во имя того, чтобы передать знание. Когда наставление закончено, я внутренне сосредотачиваю свой разум, умиротворяю его и привожу к состоянию безмолвия, устанавливая памятование на том же образе, на котором мой ум был установлен прежде».

«Так как учитель Готама полностью и в совершенстве Пробуждённый, он, конечно, искущён в этом вопросе. Но бывало ли такое, что учитель Готама ложился спать днём?»

«Я помню, Аггивессана, что в прошлом месяце жаркого сезона, после принятия пищи, вернувшись с ходьбы за подаянием, я, сложив своё верхнее одеяние вчетверо, прилёг на правый бок и заснул, пребывая в памятовании и ясном постижении».

«Иные отшельники и брахманы называют такое пребывание омрачённым и связанным с заблуждением, учитель Готама».

«Не такой мерой следует судить о человеке, что он омрачён заблуждением или не омрачён, Аггивессана. Если в ком-то присутствуют загрязнения, которые оскверняют, ведут к новому бытию, тревожат, имеют страдание в качестве последствий, устремляются к будущему рождению, старости и смерти, – такого человека я нареку омрачённым заблуждением. Однако Татхагата устранил загрязнения, срезал под корень, сделал подобными обрубку пальмы, уничтожил, так что они более не смогут возникнуть в будущем».

Когда так было сказано, Саччака, сын нигантхов, воскликнул:

«Это удивительно, учитель Готама, это поразительно, что когда к учителю Готаме обращаются дерзко и пытаются нападать на него словесными тирадами, цвет его кожи становится ярче, а цвет лица – чище, как и должно быть в случае с тем, кто полностью и в совершенстве пробуждён. Я помню, учитель Готама, как я нападал в дискуссиях на Пурану Кассапу. Он отвечал уклончиво, сбивался с темы, проявлял горечь, желчность и неудовольствие. Я помню, как нападал на Маккхали Госалу...

Аджиту Кесакамбалу... Пакудху Каччаяну... Саньджаю Белаттхипутту... Нигантху Натапутту...

Однако теперь, учитель Готама, нам нужно идти. Мы очень заняты и у нас много дел».

(МН 36)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Следует заметить, что Саччака, сын нигантхов, тем не менее, не был полностью переубеждён Буддой и сохранил свои прежние взгляды.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Однажды Благословенный пребывал в стране сакьев, в Капилаваттху, в парке Нигродха. Он лишь недавно оправился от своей болезни.

Тогда Маханама из сакьев приблизился к Благословенному и задал ему вопрос: «Знание открывается тому, кто пребывает в созерцании – не тому, кто обделён созерцанием. Появляется ли созерцание вначале, а знание следует за ним, или же наоборот: сначала приходит знание, а затем достигается созерцание, достопочтенный?»

Достопочтенный Ананда подумал: «Благословенный лишь недавно оправился от своей болезни, а Маханама из сакьев задаёт ему глубокий вопрос. Отчего бы мне не отвести Маханаму в сторону и не наставить его Дхамме?»

Он сделал так и сказал: «Маханама, Благословенный провозгласил добродетель, созерцание и мудрость у того, кто продолжает обучение (sekka), и у того, кто уже закончил обучение (asekka). Добродетель монаха, который продолжает обучение – это обуздание себя посредством соблюдения Патимоккхи, безупречность в поведении и средствах, видение опасности в мельчайших нарушениях. Созерцание его – это погружение в четыре джхановых поглощения ума. Мудрость его – это знание, что: «Это страдание. Это возникновение страдания. Это прекращение страдания. Это Путь, ведущий к прекращению страдания».

Что касается благородных, которые уже закончили обучение и обладают в совершенстве добродетелью, созерцанием и мудростью, то они познали для себя с помощью прямого знания, в этой самой жизни всё, что нужно было познать.

Они пребывают в освобождении ума, освобождении с помощью мудрости, которая лишена загрязнений и наступает с разрушением всех загрязнений».

(АН 3:73)

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Будда был среднего роста. Такой вывод можно сделать из истории с обменом чиварами с достопочтенным Махакассапой, которая будет представлена позднее, и из следующего случая.

ВТОРОЙ ГОЛОС. Однажды произошёл такой случай. Благословенный пребывал в Саваттхи в роще Джеты, в парке Анатхапиндики. Достопочтенный Нанда, сын тётки

Будды, жил там же в то же время. Он был привлекателен и внушал доверие окружающим своим видом. Ростом он был на четыре пальца ниже Будды, однако носил чивару тех же размеров, что и Возвышенный, и в один из дней монахи, увидев его издалека, ошибочно приняли его за Будду и поднялись со своих мест.

Разглядев его вблизи, они поняли свою ошибку и стали роптать и протестовать:

«Почему бхиккху Нанда носит чивару тех же размеров, что и Возвышенный?»

Они передали эту историю Будде. Тот упрекнул Нанду и установил такое правило: «Бхиккху, который носит чивару тех же размеров, что и Благословенный, совершает проступок, который подлежит признанию. Размер чивары Благословенного таков: девять пядей в длину и шесть пядей в ширину».

(Вин Св. Пач. 92)

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. История Ваккали примечательна тем, что показывает отношение Будды к физическому телу в целом.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Так я слышал. Однажды Благословенный пребывал в Бамбуковой роще, в Беличьем заповеднике, а достопочтенный Ваккали жил в домике гончара. Он был тяжело болен, сражён хворью и испытывал сильные страдания. Он сказал своим помощникам: «Друзья, ступайте к Благословенному и выразите ему почтение от моего имени, приложив свои головы к его стопам и сказав:

«Достопочтенный, бхиккху Ваккали тяжело болен, сражён хворью и испытывает сильные страдания. Он выражает Вам своё почтение». И добавьте: «Было бы славно, если бы Благословенный из сострадания навестил бы бхиккху Ваккали».

«Да, друг», – отвечали монахи. Они явились к Благословенному, выразили ему почтение и передали эту просьбу. Благословенный отвечал молчаливым согласием. Взяв свою чашу и верхнее одеяние, он отправился к достопочтенному Ваккали. Увидев Будду, тот попытался подняться со своего ложа. Благословенный сказал ему: «Не нужно вставать, Ваккали. Здесь есть приготовленное сидение, я использую его».

Он воссел на подготовленное для него сиденье.

«Я надеюсь, что ты выздоравливаешь, Ваккали, и тебе становится лучше. Я надеюсь, что твои болезненные ощущения стихают, а не возрастают, и что можно различить их ослабление, а не усиление».

«Достопочтенный, я не выздоравливаю, и мне не становится лучше. Пронзительные болезненные ощущения мои не стихают, а возрастают, и можно различить их усиление, а не ослабление».

«Есть ли у тебя какие-то беспокойства и сожаления, Ваккали?»

«Достопочтенный, у меня есть беспокойства и сожаления».

«Есть ли у тебя основания испытывать эти беспокойства и сожаления по поводу своей добродетели?»

«Нет, достопочтенный, мне не в чем упрекнуть себя в этом отношении. Однако я так долго мечтал увидеть Благословенного, будучи при этом лишённым сил, чтобы сделать это».

«Довольно, Ваккали. В чём смысл лицезреть это тленное тело? Тот, кто зрит Дхамму – зрит и меня; тот, кто зрит меня – зрит и Дхамму. Как ты считаешь, Ваккали, материальная форма постоянна или непостоянна?»

— Непостоянна, достопочтенный.

— То, что непостоянно, является счастьем или страданием?

— Страданием, достопочтенный.

— Правильно ли рассматривать то, что непостоянно, подвержено страданию и изменению, так: «Это моё, это я, это принадлежит мне»?

— Нет, достопочтенный».

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Далее Будда даёт Ваккали то же наставление, что он давал разным людям, например, отшельникам из группы пяти сразу после своего Пробуждения.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. После того, как Благословенный дал такое наставление достопочтенному Ваккали, тот поднялся со своего места и направился на Пик коршунов.

«Друзья, поднимите меня с этой кровати и отнесите к Чёрной Скале, что на склоне горы Исигили. Как может такой человек, как я, желать умереть в доме?»

«Да, друг», – отвечали монахи. Они подняли его и отнесли его к Чёрной Скале, что на склоне горы Исигили.

Остаток дня и всю ночь Благословенный провёл на Пике коршунов. Когда ночь стала клониться к концу, он обратился к монахам: «Бхиккху, найдите бхиккху Ваккали и передайте ему: «Друг Ваккали, услышь, какую весть дэвы принесли Благословенному. Прошлой ночью два дэва изумительной красоты озарили своим сиянием весь Пик коршунов, и, выразив почтение Благословенному, приблизились к нему. Первый дэва произнёс: «Достопочтенный, ум бхиккху Ваккали настроен на Освобождение». Второй дэва добавил: «Достопочтенный, бхиккху Ваккали непременно скоро обретёт Освобождение!»

Друг, Благословенный говорит тебе: «Не бойся, Ваккали, твоя кончина не будет сопряжена со злом; твоя кончина не будет дурной».

«Да, достопочтенный», – отвечали монахи. Они отыскивали достопочтенного Ваккали и сказали ему: «Друг Ваккали, услышь, какую весть дэвы принесли Благословенному».

Тот велел своим помощникам поднять его с кровати: «Разве я могу слушать весть от Благословенного, лёжа в кровати?»

Они сделали, как им было велено, и передали послание Будды.

Он ответствовал: «Друзья, ступайте к Благословенному и выразите ему почтение от моего имени, приложив свои головы к его стопам и сказав: «Достопочтенный, бхиккху Ваккали тяжело болен, сражён хворью и испытывает сильные страдания. Он выражает тебе своё почтение. И после этого скажите так: «Достопочтенный, бхиккху Ваккали не имеет ни малейших колебаний, что материальная форма, чувства, восприятие, волевые умопостроения и сознание – непостоянны. Он не имеет ни малейших колебаний, что, будучи непостоянными, они тягостны. У него нет желания, жадности и вожделения к тому, что имеет природу непостоянства, страдания; к тому, что подвержено изменениям. В этом он тоже полностью уверен».

«Да, друг», – отвечали монахи. Они удалились. Вскоре после этого достопочтенный Ваккали использовал нож.

Когда монахи прибыли к Благословенному и передали ему слова бхиккху Ваккали, он ответил: «Идёмте к Чёрной Скале, что на склоне горы Исигили. Там бхиккху Ваккали использовал нож».

«Да, Учитель», – ответили монахи. Тогда Благословенный вместе с группой монахов отправился к Чёрной Скале, что на склоне горы Исигили. Он издали увидел бхиккху Ваккали бездыханным, лежавшем на покрывале. Внезапно облако дыма, водоворот тьмы, направился к востоку, затем к западу, затем к северу, затем к югу, вверх, вниз и стал носиться туда и сюда. Благословенный задал вопрос: «Видите ли вы, бхиккху, как облако дыма, водоворот тьмы, направился к востоку, затем к западу, затем к северу, затем к югу, вверх, вниз и стал носиться туда и сюда?»

«Да, Учитель».

«Это Мара, Злой дух, ищет сознание бхиккху Ваккали, недоумевая: «Где же утвердилось сознание бхиккху Ваккали?» Однако тот достиг окончательной Ниббаны, будучи с неутверждённым сознанием».

(СН 22:87)

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. В Палийском каноне можно найти целый ряд историй, в которых монахи сознательно лишали себя жизни. Сам Будда объявлял это «законным» лишь в том случае, если совершающий суицид монах уже был арахантом, то есть свободным от жадности, ненависти и заблуждения; либо же Будда знал, что в момент гибели монах непременно станет таковым, а этот поступок был следствием неизлечимой болезни.

Во всех остальных случаях лишение другого человека жизни или даже совет так поступить, относятся к наиболее тяжким проступкам – в классификации Винаи это

называется параджикой и влечёт немедленное исключение из Сангхи. Всего в разделе параджикки находятся четыре запрета: на сексуальные связи, воровство, лишение жизни или склонение к самоубийству/ убийству, а также ложь о достижении духовных способностей. При этом, сам по себе суицид относится к незначительным проступкам.

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Ранее рассказывалось, как Будда назвал шесть будд прошлого, которые рождались до него. Он также назвал Будду, который станет его преемником в будущем, когда Дхамма, возвещённая Буддой Готамой, исчезнет из мира, как и всякая память о ней.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Когда продолжительность человеческой жизни увеличится до восьмидесяти тысяч лет, Благословенный Меттея, полностью и в совершенстве Пробуждённый, возникнет в мире, безупречный в истинном знании и поведении, обретший благо, знаток мира, непревзойдённый вожак для существ, которых следует обуздать, Учитель богов и людей, Пробуждённый, Благословенный, – такой, как сейчас я. Он познает прямым знанием этот мир, и провозгласит, что обрёл непревзойдённое, совершенное Пробуждение в нём, с его дэвами, Марой и Брахмой, с его отшельниками и брахманами, божествами и людьми, – как я это сделал сейчас. Он станет обучать Дхамме, которая прекрасна в начале, прекрасна в середине и прекрасна в конце, с точными смыслом и выражениями. Он возвестит святую жизнь, что всецело безукоризненна и чиста, – как я это делаю сейчас.

(ДН 26)

Так было сказано Благословенным, полностью и в совершенстве Пробуждённым, и так я слышала:

«О бхиккху, я – брахман, обретший Освобождение, ладони мои открыты; я ношу своё последнее тело, и я являюсь самым высшим лекарем. Будьте моими наследниками в Дхамме. Вы – сыны мои, рождённые из моих уст, рождённые в Дхамме. Пусть вы будете наследниками Дхаммы, но не будете наследниками материальных благ.

Есть два вида даров – дар материальных благ и дар Дхаммы. Из этих двух дар Дхаммы является наивысшим».

(Ити 100)

Если другие люди спросят какого-либо монаха, на основании чего он сделал заключение: «Благословенный — полностью и в совершенстве Пробуждённый, Дхамма славно провозглашена Благословенным, Сангха практикует правильным образом», то для того, чтобы ответить правильно, ему надлежит сказать так:

«Друзья, я приблизился к Благословенному, чтобы услышать Дхамму.

Благословенный обучал меня Дхамме последовательно, на всё более высоком и тонком уровне, показав светлые и тёмные примеры. Когда он обучил меня Дхамме таким образом, то посредством прямого знания я пришёл к заключению по поводу Учения. Я исполнился веры в Учителя: «Благословенный — полностью и в совершенстве Пробуждённый, Дхамма славно провозглашена Благословенным, Сангха практикует правильным образом».

Монахи, когда чья-либо вера в Татхагату была укоренена, возвращена и установлена при помощи таких размышлений, выражений и фраз, основана на доводах, укоренённых в видении, твердая, то она не может быть низвергнута никакими отшельниками или брахманами, дэвами, Марой или Брахмой, или кем-либо другим в мире».

(МН 47)

«Все ли ученики отшельника Готама, которых он наставлял и воодушевлял беседами о Дхамме, достигают наивысшего Пути, который приводит к Ниббане, или кто-то достигает, а кто-то — нет?»

«Кто-то достигает, брахман, а кто-то — нет».

«Отчего же так, учитель Готама? Ведь существует Ниббана, существует Путь, ведущий к ней, и существует учитель Готама».

«Я спрошу тебя в ответ, брахман. Отвечай так, как считаешь нужным. Знакома ли тебе дорога, ведущая в Раджагаху?»

«Она хорошо знакома мне, учитель Готама».

«Вообрази, что человек, желающий попасть в Раджагаху, стал бы расспрашивать тебя о дороге, ведущей к ней. Ты бы сказал: «Друг, вот дорога — следуй по ней некоторое время, и ты увидишь такую-то деревню, потом такой-то город, затем тебе откроется Раджагаха с её садами и рощами, её землями и озёрами». После этого, получив такое напутствие и такие указания, он пошёл бы по неправильному пути и оказался на западе. А потом появился бы второй человек, и, задав тот же вопрос и получив от тебя такое же напутствие и указания, благополучно добрался до Раджагахи. Ведь существует Раджагаха и существует путь, ведущий к ней, а также ты в качестве проводника. Почему же из двух проинструктированных тобой людей один благополучно добрался до города, а другой заплутал и оказался в совершенно ином месте?»

«Что мне с того, учитель Готама? Я лишь указал обоим путь».

«Подобно этому, брахман, существует Ниббана, существует Путь, ведущий к ней, и существую я в качестве Наставника, а также мои ученики. Одни ученики, которых я наставлял и воодушевлял беседами о Дхамме, достигают наивысшего Пути, который

приводит к Ниббанае, а кто-то – нет. Что мне с того, брахман? Я лишь указываю Путь».

(МН 107, с сокращ.)

Однажды последователи других учений, странствующие подвижники, подошли к достопочтенному Анурадхе и задали такой вопрос: «Друг Анурадха, Татхагату, высшего среди существ, полностью и в совершенстве Пробуждённого, следует описывать одним из данных четырёх утверждений: «Татхагата существует после смерти», «Татхагата не существует после смерти», «Татхагата после смерти и существует, и не существует», либо: «Татхагата после смерти ни существует, ни не существует⁵⁴?»

«Друзья, Татхагату, высшего среди существ, полностью и в совершенстве Пробуждённого, следует описывать вне рамок данных четырёх утверждений». Когда так было сказано, подвижники решили: «Этот монах либо новичок, либо опытный монах, но глупый и ничему не научившийся».

Не обрета веры в достопочтенного Анурадху и сочтя его либо новичком, либо опытным, но глупым и ничему не научившимся, они поднялись со своих мест и удалились.

Тогда достопочтенный Анурадха стал размышлять так: «Если меня вновь станут вопрошать эти странствующие подвижники, как мне ответить, чтобы это совпадало с тем, что говорит Благословенный, дабы не исказить слова Благословенного, дабы вещать в соответствии с Дхаммой, не давая повода для порицания моих слов у тех, кто рассуждает в согласии с Дхаммой?»

После этих размышлений он направился к Будде и передал ему беседу с подвижниками.

«Как ты думаешь, Анурадха: форма постоянна или непостоянна?»

«Непостоянна, Учитель».

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. После этого повторяется наставление, которое уже было представлено в этой книге выше. Затем Будда задал следующий вопрос:

«Каково твоё мнение, Анурадха: считаешь ли ты Татхагатой материальную форму?»

«Нет, Учитель».

⁵⁴ "Десять не провозглашённых вопросов" (*avijākata*) (см. главу 12), из которых в этой сутте приведены четыре, предполагают нечто, что подтверждается независимо от того, дан ответ "да" или "нет". Греки обычно спрашивали: "Пользуешься ли ты толстой палкой, когда бьёшь свою жену?", и независимо от того, был ли ответ "да" или "нет", вывод был таким: "Ну, тогда ты действительно бьёшь свою жену".

Причины, по которым Будда отказывается отвечать, смотрите в конце этой главы.

«Считаешь ли ты Татхагатой чувство?»

«Нет, Учитель».

«Считаешь ли ты Татхагатой восприятие?»

«Нет, Учитель».

«Считаешь ли ты Татхагатой волевые умопостроения?»

«Нет, Учитель».

«Считаешь ли ты Татхагатой сознание?»

«Нет, Учитель».

«Каково твоё мнение, Анурадха: Считаешь ли ты, что Татхагата находится в материальной форме? Где-либо ещё, помимо материальной формы? В чувстве? Где-либо ещё, помимо чувства? В восприятии? Где-либо ещё, помимо восприятия? В волевых умопостроениях? Где-либо ещё, помимо волевых умопостроений? В сознании? Где-либо ещё, помимо сознания?»

«Нет, Учитель».

«Каково твоё мнение, Анурадха: Считаешь ли ты, что Татхагата – это совокупность материальной формы, чувства, восприятия, волевых умопостроений и сознания?»

«Нет, Учитель».

«Считаешь ли ты, что Татхагата – это нечто, лишённое материальной формы, чувства, восприятия, волевых умопостроений и сознания?»

«Нет, Учитель».

«Анурадха, если ты не в силах указать на Татхагату как на истину или реальность даже в этой самой жизни, будет ли верным провозглашать: «Друзья, Татхагату, высшего среди существ, полностью и в совершенстве Пробуждённого, следует описывать вне рамок данных четырёх утверждений»

«Нет, Учитель».

«Очень хорошо, Анурадха. Очень хорошо. Как прежде, так и сейчас, я возвещаю лишь то, что такое страдание и прекращение страдания».

(СН 44:2)

И почему Татхагата оставил это не провозглашённым? Потому что задающие такие вопросы пытаются описать Татхагату после смерти в терминах материальной формы.

(СН 44:3)

Потому что подобные вопросы задаются людьми, которые не свободны от чувственных желаний, привязанности, страсти и жажды по отношению к материальной форме.

(СН 44:5)

Потому что подобные вопросы задаются теми, кто упиваются материальной формой (и остальными совокупностями) и не отринули жажды и привязанности к существованию, не зная, как все эти вещи приходят к своему завершению.

(СН 44:6)

Потому что в этом нет пользы, это не является средоточием святой жизни, это не ведёт к разочарованию, к бесстрастию, к прекращению, к покою, к прямому постижению, к Пробуждению, Ниббане.

(МН 72)

Так Ушедший (Татхагата⁵⁵, полностью и в совершенстве Пробуждённый) даже здесь и сейчас непостижим (его сознание нельзя отследить). Когда я возвещаю так, некоторые отшельники и брахманы ошибочно и безосновательно искажают мои речи и заявляют: «Отшельник Готама проповедует уничтожение и является тем, кто уводит других в сторону. Он учит уничтожению, истреблению живых существ». Но я не таков, я не возвещаю этого.

(МН 22)

Существует три вида обретения «я»: грубое обретение «я»; обретение «я», созданного разумом; обретение «я», лишённого формы. Первое обладает материальной формой, состоящей из четырёх великих стихий и поддерживается пищей. Второе имеет форму и обусловлено разумом со всеми его качествами. Третье лишено формы и состоит из чистого восприятия.

... Я возвещаю Дхамму во имя оставления всех обретений, дабы те, кто шествует благородным Путём, смогли очистить все загрязнения ума и взрастить все благие качества, познав это для себя прямым знанием, в этой самой жизни войти и пребывать в наивысшем предназначении святой жизни... Если кто-то считает такое пребывание мучительным, то он заблуждается, – оно спокойно, радостно, исполнено счастья, озарено памятованием и ясным постижением.

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Далее Будда рассказывает, что три вида обретения «я» сменяют друг друга от одного рождения в другое. По этой причине нельзя сказать, что лишь одно из этих сотворений является истинным, а остальные нет.

⁵⁵ Слово «Татхагата» сам Будда впервые использовал вскоре после своего Пробуждения (см. главу 3). Потом его стали так называть ученики-араханты. Комментарий даёт очень развёрнутое (на семь страниц) объяснение данного определения: «потому что он был Так Пришедшим (*tathā-āgato*) благодаря своему вдохновлённому устремлению, которое было и у всех прошлых будд... потому что он был Так Ушедшим (*tathā-gato*) благодаря практике и достижению, которое было и у всех прошлых будд...потому что он *tatha-lakkhaṇaṃ āgato*, пришедший к характеристике реальности, и т.д.

«Когда существует обретение грубого «я», то в это время нет речи об обретении «я», состоящего из разума, и нет речи об обретении «я», лишённого формы, – в это время речь идёт лишь об обретении грубого «я».

Точно так же, от коровы получают молоко, от молока — творог, от творога – свежее масло, от свежего масла – топлёное масло, от топлёного масла – экстракт топлёного масла, и, когда есть молоко, то в это время нет речи о твороге, нет речи о свежем масле, нет речи о топлёном масле, нет речи об экстракте из него, – в это время речь идёт лишь о молоке; а, когда есть творог, то в это время нет речи о молоке... (и так далее). Будда заключает: «Это лишь мирские наименования, мирские выражения, мирские способы обозначения, мирские описания, и Татхагата употребляет эти способы обозначения, не привязываясь к ним».

(ДН 9, с сокращ.)

12. УЧЕНИЕ

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Что же такое Дхамма, славно провозглашённая Великим целителем мира? Это попытка описать мир? Или новая метафизическая система?

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Так я слышал. Однажды Благословенный пребывал в Саваттхи в роще Джеты, в парке Анатхапиндики. Дэва по имени Рохитасса изумительной красоты озарил своим сиянием рощу поздней ночью, приблизился к Благословенному и, выразив ему почтение, спросил: «Достопочтенный, можно ли странствием дойти до края мира, где никто не рождается, не стареет, не хворает, не умирает и не возрождается вновь?»

«Друг, я возвещаю, что странствием нельзя дойти до края мира, где никто не рождается, не стареет, не хворает, не умирает и не возрождается вновь. Однако, не дойдя до края мира, нельзя положить конец страданиям. В этом самом теле, друг, длиною в сажень, наделённом сознанием и восприятием, я провозглашаю мир, возникновение мира, прекращение мира, и путь, ведущий к прекращению мира».

Странствием края мира не достичь,
Однако, не достигнув края,
Конца страданиям положить нельзя.

Мудрец, постигший этот мир,
Достигший его края, святую жизнь прожив,
Он не желает мира никакого,
В покое пребывая высшем.

(СН 2:36; АН 4:46)

Однажды Благословенный пребывал в Косамби в Палисандровой роще. Там Благословенный взял в руку немного листьев палисандры и обратился к монахам: — Как вы считаете, бхиккху, чего больше: листьев, которые я держу в своей ладони, или тех, что растут в этой роще над нашими головами?

— Достопочтенный, листьев, которые Благословенный держит в своей ладони, немного, но те, что растут в этой роще над нашими головами, бесчисленны.

— Подобно этому, вещей, которые я познал прямым знанием, но не стал обучать им вас, бесчисленное множество, в то время как вещей, которым я обучаю вас, немного. И почему же, бхиккху, я не стал обучать такому множеству вещей? Потому что в этом нет пользы, они не являются средоточием святой жизни, не ведут к разочарованию, к бесстрастию, к прекращению, к покою, к прямому постижению, к Пробуждению, Ниббане. Поэтому я не обучал им.

А чему же я обучал вас, бхиккху? Я обучал: «Это страдание». Я обучал: «Это возникновение страдания». Я обучал: «Это прекращение страдания». Я обучал: «Это Путь, ведущий к прекращению страдания». И почему я обучал этому? Потому что в этом есть польза, они являются средоточием святой жизни, ведут к разочарованию, к бесстрастию, к прекращению, к покою, к прямому постижению, к Пробуждению, Ниббане. По этой причине я обучал им. Таким образом, бхиккху, вам следует приложить усилие, чтобы постичь: «Это страдание»...

Вам следует приложить усилие, чтобы постичь: «Это Путь, ведущий к прекращению страдания».

(СН 56:31)

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Таким образом, Дхамма не является попыткой всеобъемлющего описание мира: как внутреннего, так и внешнего. Является ли она метафизической системой, то есть последовательной логической конструкцией? Если да, то на каких предпосылках она основана?

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Однажды Благословенный отправился в Раджагаху за подаянием. К нему подошёл нагой подвижник Кассапа и, поздоровавшись, сказал: «Мне бы хотелось задать вопрос учителю Готама, если он согласился дать ответ».

«Сейчас не время для вопросов, Кассапа; мы среди домов».

Однако Кассапа продолжал настаивать и во второй и третий раз и получил тот же ответ. Тогда он сказал: «Я желаю спросить о малом, учитель Готама».

«Тогда спроси, Кассапа, о том, что тебе угодно».

«Учитель Готама, страдание сотворяется самим человеком?»

«Не говори так, Кассапа».

«Страдание сотворяется другими?»

«Не говори так, Кассапа».
«Стрaдание сотворяется и самим человеком, и другими?»
«Не говори так, Кассапа».
«Стрaдание не сотворяется ни самим человеком, ни другими, но происходит по воле случая?»
«Не говори так, Кассапа».
«Может быть, стрaдания не существует?»
«Это не так, Кассапа, ибо стрaдание существует».
«Может быть, учитель Готама не знает и не видит стрaдания?»
«Это не так, Кассапа, что я не знаю и не вижу стрaдания. Я – тот, кто знает и видит стрaдание».

(СН 12:17)

Однажды странник Уттия навeстит Благословенного и, выразив ему почтение, сел с одной стороны. Он задал такой вопрос: «Учитель Готама, мир вечен – это является истиной, а всё остальное – ложью?»

«Мир вечен» — это я оставил не провозглашённым, Уттия.

«Учитель Готама, мир не вечен – это является истиной, а всё остальное – ложью?»

«Мир не вечен» — это я оставил не провозглашённым, Уттия.

«Учитель Готама, мир конечен – это является истиной, а всё остальное – ложью?»

«Мир конечен» — это я оставил не провозглашённым, Уттия.

«Учитель Готама, мир бесконечен – это является истиной, а всё остальное – ложью?»

«Мир бесконечен» — это я оставил не провозглашённым, Уттия.

«Учитель Готама, душа — это то же самое, что и тело – это является истиной, а всё остальное – ложью?»

«Душа — это то же самое, что тело» — это я оставил не провозглашённым, Уттия».

«Учитель Готама, душа — одно, а тело — это другое – это является истиной, а всё остальное – ложью?»

«Душа — одно, а тело — это другое» — это я оставил не провозглашённым, Уттия».

«Учитель Готама, Татхагата существует после смерти – это является истиной, а всё остальное – ложью?»

«Татхагата существует после смерти» — это я оставил не провозглашённым, Уттия».

«Учитель Готама, Татхагата не существует после смерти – это является истиной, а всё остальное – ложью?»

«Татхагата не существует после смерти» — это я оставил не провозглашённым, Уттия».

«Учитель Готама, Татхагата после смерти и существует, и не существует — это является истиной, а всё остальное — ложью?»

«Татхагата после смерти и существует, и не существует» — это я оставил не провозглашённым, Уттия».

«Учитель Готама, Татхагата после смерти ни существует, ни не существует — это является истиной, а всё остальное — ложью?»

«Татхагата после смерти ни существует, ни не существует» — это я оставил не провозглашённым, Уттия».

«Отчего же учитель Готама отверг все заданные мною вопросы? Каков же его ответ на них?»

«Уттия, я наставляю Дхамме посредством прямого знания и делаю это во имя очищения живых существ, во имя избавления их от скорби и отчаяния, во имя прекращения боли и страдания, во имя достижения высшего предназначения — Ниббаны».

«Учитель Готама, способна ли Дхамма избавить от страдания весь мир, или лишь половину или треть мира?»

В ответ на это Благословенный сохранял молчание.

Тогда достопочтенный Ананда подумал: «У странника Уттии не должно появиться такого пагубного воззрения, что он задаёт отшельнику Готаме конкретный вопрос, но тот не способен ответить на него и поэтому только колеблется и спотыкается.

Такое пагубное воззрение причинит страннику Уттае много вреда и зла».

И он обратился к нему так: «Друг Уттия, я приведу тебе иносказание, посредством которого мудрый человек может понять смысл того, что ему сказано. Вообрази себе царя, который владеет городом, окружённым могучими бастионами, рвами и валами и имеет лишь один вход, охраняемый опытным, умным и прозорливым привратником, который останавливает тех, кого не знает, и допускает только тех, кого знает из-за того, что сам он вдоль и поперёк обходил тропу, опоясывающую город, и не увидел ни щелей в крепостных валах, ни какой-либо дыры, достаточно большой, чтобы через неё могла пройти даже кошка. Из этого он мог бы заключить, что ни одно существо крупнее определённого размера не способно проскользнуть внутрь незамеченным.

Подобно этому, Благословенный не озадачен рассуждениями о том, способна ли Дхамма избавить от страдания весь мир, или его половину, или треть, однако он знает: «Кто бы в прошлом, в настоящем и в будущем ни обрёл избавления от страдания — все они сделали, делают и будут делать это посредством разрушения пяти помех, загрязнений ума, которые ослабляют мудрость (чувственных желаний,

враждебности, лени и сонливости, неутомности и сожалений, а также сомнений), посредством взращивания семь звеньев Пробуждения и посредством установления четырёх основ памятования.

Вопрос, который ты задал Благословенному, был неправильно поставлен. По этой причине он хранил молчание и не отвечал на него».

(АН 10:95)

[Странник Ваччхаготта спросил Благословенного:]

«Учитель Готама, существует ли «я»?»

В ответ на это Благословенный сохранял молчание.

«Может быть, учитель Готама, «я» не существует?»

И во второй раз Благословенный ничего не ответил.

Тогда странник Ваччхаготта поднялся со своего сиденья и удалился. После его ухода достопочтенный Ананда обратился к Благословенному: «Почему, когда странник Ваччхаготта задал вопрос Благословенному, он ничего не ответил?»

«Ананда, если, будучи вопрошённым странником Ваччхаготтой так: «Существует ли «я»?», я бы ответил положительно, то мой ответ стал бы подтверждением воззрений тех отшельников и брахманов, которые проповедуют учение о вечности. Ананда, если, будучи вопрошённым странником Ваччхаготтой так: «Я» не существует?», я бы ответил отрицательно, то мой ответ стал бы подтверждением воззрений тех отшельников и брахманов, которые проповедуют учение об уничтожении.

Ананда, если бы я ответил, что «я» существует, разве это было бы в согласии с моим открытием того, что все вещи лишены «я»?»

«Нет, Учитель».

«Ананда, если бы я ответил, что «я» не существует», то странник Ваччхаготта, будучи сбитым с толку ещё до этого, впал бы в ещё большее замешательство, воображая: «Так выходит, то самое «я», которое у меня было прежде, теперь не существует!»

(СН 44:10)

Однажды Благословенный пребывал в Саваттхи в роще Джеты, в парке Анатхапиндики. В это время собрание из отшельников и брахманов — последователей других учений, проживало неподалёку от Саваттхи. Они придерживались различных воззрений, верований и идей, распространяя всевозможные взгляды. И они ссорились, спорили, пререкались, ранили друг друга ядом своих слов, заявляя: «Дхамма такая, а не такая! Дхамма не такая, а такая!». Тогда несколько монахов прибыли в Саваттхи за подаянием. Вернувшись и приняв пищу, они приблизились к Благословенному, присели в стороне и рассказали ему об увиденном.

Благословенный ответил так:

— Бхиккху, последователи других учений слепы и не видят истины. Они не постигают, что есть благое, а что — неблагое. Они не постигают, что есть Дхамма и что есть не-Дхамма, поэтому они так ссорятся и пререкаются.

Однажды в Саваттхи был царь, который попросил своего подданного привести к нему слепых от рождения людей, живших в этом городе. Когда это было выполнено, царь велел показать этим слепым людям слона. Кого-то из них подвели к голове слона, кого-то — к уху, кого-то — к бивням, телу, ногам, хоботу, хвосту или кисточке на кончике хвоста. И каждому из них было сказано: «Вот слон».

Когда царю доложили о том, что его поручение исполнено, он пришёл к слепцам и задал им вопрос: «Слепцы, расскажите мне, на что похож слон». Те, кому дали потрогать голову слона, ответили: «Ваше величество, слон похож на кувшин с водой». Те, кому дали потрогать ухо, ответили: «Слон похож на корзину для просеивания». Те, кому дали потрогать бивень, ответили: «Слон похож на лемех плуга». Те, кому дали потрогать хобот, ответили: «Слон похож на дышло плуга». Те, кому дали потрогать, ответили: «Слон похож на кладовую». И все остальные описали слона в зависимости от того, какая его часть была им продемонстрирована. И, восклицая: «Слон такой, а не такой! Слон не такой, а такой!» — они стали кидаться друг на друга с кулаками, а царь вдоволь позабавился. Последователи других учений слепы и не видят, поэтому они ссорятся, спорят, пререкаются и ранят друг друга ядом своих слов.

(Уд 6:4)

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Исходя из вышесказанного, было бы неверным называть Учение Будды попыткой полностью описать мир, либо как метафизическую систему, выстроенную с помощью логики. Однако является ли оно некоей этической доктриной, или религией веры, подобной теистическим, либо же просто сводом неких стоических правил поведения? Чтобы дать ответ на эти вопросы, для начала нужно ознакомиться с обзором основных положений Дхаммы.

Тексты, из которых составлены сутты, в действительности, представляют собой скорее фрагменты для карты, из которых каждый должен самостоятельно составить для себя цельный образ. Эти описания граней опыта позволяют человеку оценить свое положение и самостоятельно принимать решения насчёт того, как ему действовать дальше. Зачастую сутты предлагают не просто описания чего-то, но пересекающиеся описания. Пристальное изучение жизни как таковой нередко приводит к тому, что она открывается в виде некоего миража или парадокса, который лежит за этим миражом. Всегда можно найти какое-то несоответствие.

Бесчисленные аспекты, представленные в суттах с бесконечным повторением некоторых из этих граней в различных сочетаниях и контекстах, напоминают собрание аэро и фотоснимков, из которых должны быть сделаны карты. Все аспекты этих бесед предназначены для постижения того, как можно прекратить страдания, и их компасом являются четыре благородные истины.

Давайте же попробуем сделать подобие карты из некоторых канонических текстов. В этом случае (так как начать можно с чего угодно) мы начнём с рождения, которая (как и смерть) для обычного человека является повседневным фактом и одновременно неразрешимой тайной.

Отсутствие постижимого начала

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Возможно ли наличие сознания без прошлого опыта?

Можно ли найти начало у сознания?

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. О бхиккху, у этой сансары нет постижимого начала.

Невозможно узреть самый первый момент, когда охваченные неведением и жаждой существа стали скитаться и блуждать в ней.

(СН 15:1)

О бхиккху, из-за непостижения и непроникновения в четыре благородные истины и я, и вы, блуждали и скитались долгое время в этой сансаре. Каковы эти четыре благородные истины?

Из-за непостижения и непроникновения в Благородную истину о страдании и я, и вы, блуждали и скитались долгое время в этой сансаре. Из-за непостижения и непроникновения в Благородную истину о возникновении страдания и я, и вы, блуждали и скитались долгое время в этой сансаре. Из-за непостижения и непроникновения в Благородную истину о прекращении страдания и я, и вы, блуждали и скитались долгое время в этой сансаре. Из-за непостижения и непроникновения в Благородную истину о Пути, ведущем к прекращению страдания, и я, и вы, блуждали и скитались долгое время в этой сансаре.

(ДН 16)

Четыре благородные истины:

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Вот классическое описание четырёх благородных истин. Такова Благородная истина о страдании: рождение есть страдание, старение есть страдание, болезнь есть страдание, смерть есть страдание; встреча с неприятным есть страдание, и разлучение с приятным есть страдание; не получать того, чего желаешь,

есть страдание; вкратце — пять совокупностей, подверженных цеплянию, есть страдание⁵⁶.

Такова Благородная истина о возникновении страдания: это жажда, что ведёт к возрождению, сопровождающаяся упоением и чувственное желанием, поиск упоения то тут, то там, а именно — жажда чувственных усад, жажда существования, жажда уничтожения.

Что такое зависимое возникновение? С неведением как условием возникают волевые умопостроения; с волевыми умопостроениями как условием, возникает сознание; с сознанием как условием возникают имя-и-форма; с именем-и-формой как условием возникают шесть опор чувств; с шестью опорами чувств как условием возникает контакт; с контактом как условием возникает чувство; с чувством как условием возникает жажда; с жаждой как условием возникает цепляние; с цеплянием как условием возникает становление; со становлением как условием возникает рождение; с рождением как условием возникают старение и смерть, печаль, причитания, боль, уныние и отчаяние. Такова Благородная истина о возникновении всей этой груды страдания.

Такова Благородная истина о прекращении страдания: это отбрасывание без остатка, истребление и прекращение этой самой жажды, отказ, освобождение от неё, нецепляние.

Такова Благородная истина о Пути, ведущему к прекращению страдания: Это Благородный восьмеричный путь, состоящий из: Совершенных воззрений, Совершенных устремлений, Совершенной речи, Совершенных деяний, Совершенных средств к существованию, Совершенных усилий, Совершенного памятования и Совершенного сосредоточения

Благородная истина о страдании должна быть полностью постигнута. Благородная истина о возникновении страдания должна быть полностью отброшена. Благородная истина о прекращении страдания должна быть полностью осуществлена.

Благородная истина о пути, ведущем к прекращению страдания, должна быть полностью развита.

(Из СН 56:11)

⁵⁶ Пять совокупностей, подверженных цеплянию (*pañcupādānakkhandhā*) удобно рассматривать как пять "классов" или категорий, в рамках которых любой возникший феномен опыта (в его широком смысле) может быть сгруппирован для анализа и обсуждения; они не существуют сами по себе, отдельно от феноменов, из которых состоят. Их «представители» также не встречаются отдельно. Кроме того, они взаимозависимы по своей структуре, как стеклянный стакан, сразу подразумевающий наличие материала — собственно, стекла, а также формы и возможности его использования для наливания жидкостей.

Эти Четыре благородные истины реальны – они не ложны; они таковы, каковы они есть.

(Из СН 56:27)

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Вот объяснение четырёх благородных истин в деталях и подробностях.

Благородная истина о страдании

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. В суттах неоднократно говорится, что вкратце истина о страдании заключается в пяти совокупностях, подверженных цеплянию.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Существует пять совокупностей, подверженных цеплянию.

Какие пять? Материальная форма как совокупность, подверженная цеплянию; чувство как совокупность, подверженная цеплянию; восприятие как совокупность, подверженная цеплянию; волевые умпостроения как совокупность, подверженная цеплянию; сознание как совокупность, подверженная цеплянию.

(ДН 22)

И почему она называется материальной формой (gūra)? Потому что она подвергается разрушению (gurrati). Какому именно разрушению? Она подвергается разрушению со стороны жары и холода, жажды и голода, мошек, комаров и пресмыкающихся, ветра и солнца. Поскольку она подвержена разрушению, она называется «формой».

(СН 22:79)

Четыре великие стихии и форма, образованная от этих четырёх великих стихий, — вот что называется формой (gūra).

(СН 22:56)

И что такое стихия земли⁵⁷? Стихия земли может быть внутренней или внешней.

И что такое внутренняя стихия земли? Всё то, что внутри любого человека является твёрдым, отвердевшим и связанным с этим, а именно: волосы на голове, волосы на теле, ногти, зубы, кожа, плоть, сухожилия, кости, костный мозг, почки, сердце, печень, диафрагма, селезёнка, лёгкие, кишечник, брыжейка, желудок, экскременты, и что бы ни было ещё внутри любого человека, являющееся твёрдым, отвердевшим и связанным с этим, — зовётся стихией земли. И внутренняя стихия земли, и внешняя — это всего лишь стихии земли.

⁵⁷ «Земля» означает твёрдость, «вода» - текучесть, «огонь» - температуру и созревание, а «воздух» - растяжение и движение.

И что такое стихия воды? Стихия воды может быть внутренней или внешней. И что такое внутренняя стихия воды? Всё то, что внутри любого человека, что является текучим, водянистым и связанным с этим, а именно: желчь, мокрота, гной, кровь, пот, подкожный жир, слёзы, смазка, слюна, жидкость в носу, суставная жидкость, моча, и что бы ни было ещё внутри любого человека, что является жидкостью, водянистым и связанным с этим, — зовётся стихией воды. И внутренняя стихия воды, и внешняя — это всего лишь стихии воды.

И что такое стихия огня? Стихия огня может быть внутренней или внешней. И что такое внутренняя стихия огня? Всё то, что внутри любого человека является огненным, пламенным и связанным с этим, а именно то, благодаря чему согреваются, стареют, поглощают пищу; то, из-за чего выпитое, съеденное, употреблённое и распробованное полностью перевариваются, и что бы ни было ещё внутри любого человека, что является огненным, пламенным и связанным с этим, — зовётся стихией огня. И внутренняя стихия огня, и внешняя — это всего лишь стихии огня.

И что такое стихия воздуха? Стихия воздуха может быть внутренней или внешней. И что такое внутренняя стихия воздуха? Всё то, что внутри любого человека, что является воздухом, воздушным и связанным с этим, а именно: восходящие и нисходящие ветры, ветры в животе, ветры в кишечнике, ветры, циркулирующие в конечностях, вдохи и выдохи, и что бы ни было ещё внутри любого человека, что является воздухом, воздушным и связанным с этим, — зовётся стихией воздуха.

И внутренняя стихия воздуха, и внешняя — это всего лишь стихия воздуха.

И что такое стихия пространства? Стихия пространства может быть внутренней или внешней. И что такое внутренняя стихия пространства? Всё то, что внутри любого человека является пространством, пространственным и связанным с этим, а именно: отверстия в ушах, ноздрях, ротовая полость и всё, где скапливается съеденное, выпитое, употреблённое, прожёванное, и где оно хранится и откуда выходит наружу снизу, и что бы ни было ещё внутри любого человека, что является пространством, пространственным и связанным с этим, — зовётся стихией пространства.

И внутренняя стихия пространства, и внешняя — это всего лишь стихии пространства.

(МН 62, а также в других суттах)

Любое чувство: прошлое, будущее или настоящее, внутреннее или внешнее, грубое или утончённое, низшее или высшее, далёкое или близкое, сопровождаемое жаждой и вызывающее цепляние, называется совокупностью чувства, подверженной цеплянию.

(СН 22:48)

Почему это называется чувством (*vedanā*)? Потому что оно чувствуется. Что именно чувствуется? Удовольствие или боль, или же ни-удовольствие, ни-боль.

(СН 22:79; МН 43)

Что бы ни ощущалось посредством тела или ума как нечто приятное и дарящее наслаждение, является приятным чувством. Что бы ни ощущалось посредством тела или ума как нечто болезненное и приносящее мучение, является болезненным чувством. Что бы ни ощущалось посредством тела или ума ни как приятное и дарящее наслаждение, ни как болезненное и приносящее мучение, является ни-приятным-ни-болезненным чувством.

Приятное чувство является таковым, когда оно присутствует, и превращается в болезненное, когда изменяется.

Болезненное чувство является таковым, когда оно присутствует, и превращается в приятное, когда изменяется.

Ни-приятное-ни-болезненное чувство является приятным, если есть знание о нём, и болезненно, если такого знания нет.

(МН 44)

Существует шесть видов чувств: чувство, рождённое от контакта глаза; чувство, рождённое от контакта уха; чувство, рождённое от контакта носа; чувство, рождённое от контакта языка; чувство, рождённое от контакта тела; и чувство, рождённое от контакта ума.

(СН 22:48)

Почему это называется восприятием (*sañña*)? Потому что оно воспринимает (распознаёт). Что именно распознаёт? Например, голубое или жёлтое, красное или белое.

(СН 22:79)

Существует шесть видов восприятия: восприятие форм, восприятие звуков, восприятие запахов, восприятие вкусов, восприятие прикосновений, восприятие умственных образов.

(СН 22:56)

Любое восприятие: прошлое, будущее или настоящее, внутреннее или внешнее, грубое или утончённое, низшее или высшее, далёкое или близкое, сопровождаемое

жаждой и вызывающее цепляние, называется совокупностью восприятия, подверженной цеплянию.

(СН 22:48)

Почему это называется волевыми умопостроениями (sankhāra)? Потому что они строят, конструируют те вещи, которые являются составными.

Что именно они конструируют? Материальная форма является составной вещью, которую они конструируют; чувство является составной вещью, которую они конструируют; восприятие является составной вещью, которую они конструируют; волевые умопостроения являются составной вещью, которую они конструируют; сознание является составной вещью, которую они конструируют⁵⁸.

(СН 22:79)

Существует три вида волевых умопостроений: благие (деяния, которые дают плоды в виде счастья), неблагие (деяния, которые дают плоды в виде страдания), и умопостроения, которые дают плоды в виде рождения в мирах, лишённых форм (в них существа не обременены материальной формой и пребывают в состоянии невозмутимости ума).

(ДН 33)

Что такое телесное конструирование? Что такое словесное конструирование? Что такое умственное конструирование?

Вдохи и выдохи – это телесное конструирование. Размышление и изучение – это словесное конструирование. Восприятие и чувство – это умственное конструирование.

Вдохи и выдохи связаны с телом, поэтому относятся к телесному конструированию.

Вначале направив ум к мысли, а затем, удержав на ней, человек начинает говорить, поэтому размышление и изучение относятся к словесному конструированию.

Восприятие и чувство связаны с умом, поэтому относятся к умственному конструированию.

(МН 44; сокр. МН 9)

⁵⁸ «Волевые умопостроения – это всё, что имеет свойство конструироваться, быть собранным воедино. Они имеют характеристику накопления. Функция волевых умопостроений – накапливание. (Висуддхимагга, перевод Ньянамоли Бхиккху, XIV, 131)

Существует шесть видов волевых умопостроений⁵⁹: умопостроения в отношении форм, в отношении звуков, в отношении запахов, в отношении вкусов, в отношении к прикосновениям, в отношении к умственным образам.

(СН 22:56)

Это волевое устремление я именую каммой.

(АН 6:63)

Любое волевое умопостроение: прошлое, будущее или настоящее, внутреннее или внешнее, грубое или утончённое, низшее или высшее, далёкое или близкое, сопровождаемое жаждой и вызывающее цепляние, называется совокупностью волевых умопостроений, подверженной цеплянию.

(СН 22:48)

Почему это называется сознанием (viññāṇa)? Потому что оно сознаёт. Что именно оно осознаёт? Оно сознаёт горькое, кислое, острое, сладкое, солёное...

(СН 22:79)

Что сознаёт это сознание? Оно сознаёт удовольствие, боль, и ни-удовольствие-ни боль.

(МН 43, 140)

Существует шесть видов сознания: сознание глаза, сознание уха, сознание носа, сознание языка, сознание тела, сознание ума.

(СН 22:56)

Сознание определяется на основании того условия, в зависимости от которого оно возникает.

Когда сознание возникает в зависимости от глаза и форм, оно определяется как сознание глаза. Когда сознание возникает в зависимости от уха и звуков, оно определяется как сознание уха. Когда сознание возникает в зависимости от носа и запахов, оно определяется как сознание носа. Когда сознание возникает в зависимости от языка и вкусов, оно определяется как сознание языка. Когда сознание возникает в зависимости от тела и прикосновений, оно определяется как сознание тела.

⁵⁹ *Cetanā* - намерение, волевой импульс, волеизъявление.

Когда сознание возникает в зависимости от ума и умственных образов, оно определяется как сознание ума.

(МН 38)

Чувство, восприятие, сознание – эти вещи соединены, а не разъединены. Невозможно, отделив одно от другого, провести различие между ними. Что человек чувствует, то он воспринимает. Что он воспринимает, то он познаёт.

Чистым сознанием ума, отделённым от пяти органов чувств, можно познать сферу безграничного пространства, как: «пространство безгранично», сферу безграничного сознания, как: «сознание безгранично», сферу отсутствия всего можно познать, как: «здесь ничего нет».

Истину человек распознаёт оком мудрости.

(МН 43)

Сознание возникает обусловлено: в зависимости от глаза и форм возникает сознание глаза...в зависимости от уха и звуков...

(СН 35:93)

Любое сознание: прошлое, будущее или настоящее, внутреннее или внешнее, грубое или утончённое, низшее или высшее, далёкое или близкое, сопровождаемое жадой и вызывающее цепляние, называется совокупностью сознания, подверженной цеплянию.

(СН 22:48)

Эти пять совокупностей, подверженных цеплянию, имеют желание в качестве своего корня. Четыре великие стихии — это причина и условие для проявления совокупности материальной формы. Контакт — это причина и условие для проявления совокупности чувства, совокупности восприятия и совокупности волевых умопостроений. Имя-и-форма — это причина и условие для проявления совокупности сознания.

(МН 109)

Какие бы прошлые жизни ни вспоминали различные отшельники и брахманы, – они вспоминают, так или иначе, лишь пять совокупностей, подверженных цеплянию.

(МН 22:79)

Благородная истина о возникновении страдания:

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Приводим описание Второй благородной истины в деталях.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Пять совокупностей, подверженных цеплянию, укоренены в желании. Является ли цепляние тем же самым, что и эти пять совокупностей, подверженных цеплянию, либо цепляние является чем-то отличным от пяти совокупностей, подверженных цеплянию?

Это цепляние не является ни тем же самым, что и пять совокупностей, подверженных цеплянию, ни чем-то отличным от них. Скорее, в желании и вожделении по отношению к пяти совокупностям — вот в чём заключается цепляние.

(МН 109)

Когда есть это, возникает и то; это возникает в зависимости от того⁶⁰.

(МН 38)

(К беседе о законе зависимого возникновения⁶¹):

Что такое старение? Старение существ в различных уделах бытия, преклонный возраст, разрушенные зубы, поседевшие волосы, морщинистая кожа, угасание жизненной энергии, ослабление всех способностей — вот что называется старением.

Что такое смерть? Уход существ из различных уделов бытия, их конец, распад, исчезновение, умирание, исчерпание их срока жизни, разрушение совокупностей, оставление тела — вот что называется смертью.

Что такое рождение? Рождение существ в различных уделах, их появление на свет, их нисхождение в лоно, их рост, появление у них совокупностей, обретение ими опор чувств — вот что называется рождением.

Что такое становление? Существует три вида становления: становление в мире чувств, становление в мире форм и становление в мире без форм.

Что такое цепляние? Существует четыре вида цепляния: цепляние к чувственным уладам, цепляние к воззрениям, цепляние к правилам и ритуалам⁶², цепляние к воззрению о «я».

Что такое жажда? Существует шесть видов жажды: жажда форм, жажда звуков, жажда запахов, жажда вкусов, жажда прикосновений, жажда умственных образов.

⁶⁰ Речь о необходимом условии.

⁶¹ О зависимом возникновении см. Висуддхимаггу, главу 17.

⁶² *Sīlabbatupādāna* – цепляние, привязанность к ритуалам, обрядам, правилам нравственности.

Что такое чувство? Существует шесть видов чувств: чувство, рождённое от контакта глаза; чувство, рождённое от контакта уха; чувство, рождённое от контакта носа; чувство, рождённое от контакта языка; чувство, рождённое от контакта тела; и чувство, рождённое от контакта ума.

Что такое контакт⁶³? Существует шесть видов контакта: контакт глаза, контакт уха, контакт носа, контакт языка, контакт тела и контакт ума.

Что такое шесть опор чувств? Существует шесть опор чувств: опора глаза, опора уха, опора носа, опора языка, опора тела и опора ума.

Что такое имя-и-форма⁶⁴? Чувство, восприятие, намерение⁶⁵, контакт и внимание — вот что называется именем. Четыре великие стихии и материальная форма, образованная от этих четырёх великих стихий, — вот что называется формой.

Что такое сознание? Есть шесть видов сознания: сознание глаза, сознание уха, сознание носа, сознание языка, сознание тела, сознание ума.

Что такое волевые умопостроения? Есть три вида волевых умопостроений: волевые умопостроения на уровне тела, волевые умопостроения на уровне речи и волевые умопостроения на уровне ума.

Что такое неведение? Отсутствие знания о страдании, отсутствие знания о возникновении страдания, отсутствие знания о прекращении страдания и отсутствие знания о Пути, ведущем к прекращению страдания — вот что называется неведением.

(СН 12:2)

В зависимости от глаза и формы возникает сознание глаза. Встреча трёх — это контакт. С контактом как условием возникает чувство; с чувством как условием возникает жажда; с жаждой как условием возникает цепляние; с цеплянием как условием возникает становление; со становлением как условием возникает рождение; с рождением как условием возникают старение и смерть, печаль, причитания, боль, уныние и отчаяние. Таково возникновение всей этой груды страдания.

⁶³ Контакт – это соприкосновение внутреннего с чем-то внешним (глаз вступает в контакт с формами), что возможно только при наличии сознания (зрительного в данном случае). Контакт, таким образом, является основным фактором сущностной сложности чего-либо возникшего, воспринятого и сформированного, будь то пять дверей чувств или объекты ума.

⁶⁴ Имя-и-форма – это восприятие и воспринимающее одновременно, переживаемое и познаваемое (*nāma*, названное). Это так называемое «образное плюс материальное», которые совместно формируют индивидуальное и заранее субъективное восприятие объектов. В Типитаке в имя-и-форму не включается сознание, благодаря которому такое восприятие становится возможным. Более поздние тексты включают сознание в «имя», предпочитая спорное противопоставление: «мысли и материи».

⁶⁵ Та же *cetanā* - намерение, волевой импульс, волеизъявление.

(Аналогично объясняется в отношении остальных пяти опор чувств).

(СН 12:43)

Захваченный чувственное желанием, распалённый ненавистью, окутанный неведением, которые полностью взяли верх над ними и наводнили его разум, человек совершает такие деяния, которые приводят к пагубе его самого, приводят к пагубе других, приводят к пагубе и его, и других, в результате чего переживает скорбь и несчастье.

(АН 3:55)

Существа являются владельцами своих деяний, наследниками своих деяний, они зарождаются из своих деяний, они связаны со своими деяниями, имея свои деяния в качестве прибежища. Именно деяния разделяют существ на высших и низших.

(МН 135)

Что такое прошлая камма? Шесть опор чувств (глаз, ухо, нос, язык, тело и ум) – это прошлая камма, уже свершившаяся и определённая, чьи последствия можно наблюдать здесь и сейчас. А что такое новая камма? Это любые действия на уровне тела, речи и ума, которые человек совершает в настоящее время.

(СН 35:145)

Это тело не принадлежит вам или кому-то другому. Это прошлая камма, уже свершившаяся и определённая, чьи последствия можно наблюдать здесь и сейчас.

(СН 12:37)

Это волевое устремление я именую каммой. Зародив устремление, человек совершает деяния на уровне тела, речи и ума.

Существует камма, чьи плоды переживаются в аду. Существует камма, чьи плоды переживаются в мире животных. Существует камма, чьи плоды переживаются в мире голодных духов. Существует камма, чьи плоды переживаются в мире людей.

Существует камма, чьи плоды переживаются в небесных обителях. Это называется разнообразием каммы.

И каковы сроки созревания плодов каммы? Плоды каммы, я возвещаю вам, могут созревать в трёх вариантах: в текущей жизни, в следующей жизни, или в одной из будущих жизней (уже после непосредственно следующей за текущей жизнью).

(АН 6:63)

Деяния, совершаемые из вожделения, ненависти или неведения, созревают там, где царит «я». Где бы ни созрели эти действия, там переживается их созревание: в текущей жизни, в следующей жизни или в одной из будущих жизней.

(АН 3:33)

Существует четыре вещи, непостижимые для раздумывания. Тот, кто станет обдумывать их, может либо лишиться рассудка, либо прийти в смятение.

Каковы эти вещи? Это:

Границы познаний и способностей Будды;

Границы джханы;

Результаты каммы;

Мысли о мире.

(АН 4:77)

Этот мир управляется умом.

(СН 1:72)

Благородная истина о прекращении страдания:

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Приводим описание Третьей благородной истины в деталях.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Когда нет этого, нет и того; с прекращением этого прекращается и то.

(МН 38)

В зависимости от глаза и формы возникает сознание глаза. Встреча трёх — это контакт. С контактом как условием возникает чувство, которое является либо приятным, либо болезненным, либо ни-приятным-ни-болезненным.

Если, испытывая приятное чувство, человек не упивается и не наслаждается им, не старается удержать его, тогда скрытая склонность к жажде не зарождается в нём.

Если, испытывая болезненное чувство, он не горюет, не печалится и не впадает в отчаяние, не бьёт себя в грудь и не становится обезумевшим, тогда скрытая склонность к ненависти не зарождается в нём. Если, испытывая ни-приятное-ни-болезненное чувство, он постигает в соответствии с действительностью возникновение и исчезновение, наслаждение, опасность и спасение по отношению к этим чувствам, тогда скрытая склонность к неведению не зарождается в нём.

Благодаря следующему благородный ученик способен полностью положить конец страданию: отринув жажду по отношению к приятному чувству; отринув ненависть по отношению к болезненному чувству, и отринув неведение по отношению к ни-приятному-ни-болезненному чувству. Я возвещаю, что это возможно.

(МН 148)

Если чувственное желание, ненависть и неведение отринуты, человек не совершает деяний, которые приводят к пагубе его самого, приводят к пагубе других, приводят к пагубе и его, и других. Когда всё это отринуто, Ниббана открывается, которая была славно провозглашена Благословенным, видимая здесь и сейчас, не зависящая от времени, приглашающая прийти и увидеть, приводящая к цели, постигаемая мудрыми самостоятельно.

(АН 3:55)

Деяния, совершаемые под влиянием вожделения, ненависти и неведения, были мной полностью разрушены, отринуты, срезаны их под корень, сделаны подобными обрубку пальмы, уничтожены так, что они более не смогут возникнуть в будущем.

(АН 3:33)

Миры, лишённые формы, являются более мирными и возвышенными, чем миры, где форма присутствует, однако Ниббана – это нечто более мирное и возвышенное, чем миры, лишённые формы⁶⁶.

(Ити 73)

О бхиккху, есть такая сфера, где отсутствует земля, вода, огонь и ветер, отсутствует сфера бесконечного пространства, сфера бесконечного сознания, сфера «Ничего нет», сфера ни восприятия, ни не-восприятия.

Там нет ни этого мира, ни другого мира, ни обоих миров, ни сияния солнца, ни бликов луны, ни самой мглы. Там нет ни прихода, ни ухода, ни пребывания, ни исчезновения. Это Неустановленное, Неутверждённое, не имеющее опоры.

Лишь это и ничто иное – это конец страдания.

Как трудно узреть то, что не утверждено,

⁶⁶ Необходимо избежать путаницы бесформенных (*arūpa*) миров как состояния существования (*bhava*) – с Несконструированным и Необусловленным (*asankhata*), в котором отсутствует конструирование (*sankhāra*), то есть с Ниббаной. Бесформенные миры всегда являются сконструированными и обусловленными.

Как трудно истину узреть;
В том жажда разрушена – кто знает,
Для того ничего нет – кто видит.

О бхиккху, существует Нерождённое, Неустановленное, Несотворённое, Необусловленное. Если бы не существовало Нерождённого, Неустановленного, Несотворённого, Необусловленного, не было бы и спасения от всего рождённого, установленного, сотворённого, обусловленного.

Однако поскольку существует Нерождённое, Неустановленное, Несотворённое, Необусловленное, существует и спасение от всего рождённого, установленного, сотворённого, обусловленного.

(Уд 8:1-3)

Существует два элемента Ниббаны. Какие два?

Элемент Ниббаны с остатком и элемент Ниббаны без остатка.

И что такое элемент Ниббаны с остатком? Так, бхиккху является арахантом, чьи загрязнения сокрушены, который прожил святую жизнь, совершил то, что было необходимо совершить, сбросил бремя, достиг своего предназначения, всецело разорвал все оковы существования, полностью освободившись посредством окончательного знания. Однако пять его чувственных способностей остаются не нарушенными, и в зависимости от них он по-прежнему может испытывать приятное и неприятное, чувствовать удовольствие и боль. Именно это сокрушение вожделения, ненависти и заблуждения в нём зовётся элементом Ниббаны с остатком. А что такое элемент Ниббаны без остатка? Так, бхиккху является арахантом... полностью освободившись посредством окончательного знания. Для него в этой самой жизни всё, что чувствуется, поскольку оно уже не доставляет наслаждения, угаснет прямо здесь. Это называется элементом Ниббаны без остатка. Таковы два элемента Ниббаны.

(Ити 44)

Разрушение жажды, ненависти и неведения – вот что именуется Ниббаной.

(СН 38:1)

(Будда):

Как пламя, задутое ветром,

Исчезает и не найти его уже,
Так и мудрец, от сознания освобождённый,
Исчезает, и на него указать нельзя.

(Упасива):

Если сказано: «Человек исчезает»,
Что это значит – он достиг небытия,
Иль существует вечно, без мучений?
Дай ответ мне, о Муни, коли зришь ты истину.

(Будда):

Святой мудрец, достигший края,
Нет для него мерил, чтобы бытие или небытие определить;
Когда исчезли дхаммы все,
Разрушено и описание их.

(СнП 5:7)

Благородная истина о Пути, ведущем к прекращению страдания:

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Четвёртая благородная истина заключается в Пути, состоящем из восьми этапов, каждый из которых требует подробного объяснения.

(1) Совершенные воззрения:

Подобно тому, как первые лучи рассвета предвосхищают восход солнца, так и Совершенные воззрения предвосхищают проникновение в Четыре благородные истины в соответствии с реальностью.

(СН 56:37)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Совершенные воззрения имеют много граней.

Начнём с того, что рассмотрим их с самого начала, то есть с вопроса «созревания плодов всех деяний», что в той или иной степени разделяется также и другими религиями.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Совершенные воззрения следуют впереди⁶⁷. Как это происходит? Человек понимает ложное воззрение – как ложное, а правильное воззрение – как правильное.

И что же такое ложное воззрение? Нет того, что дано, что подарено, что пожертвовано⁶⁸; нет плодов и результатов дурных и хороших деяний; нет ни этого, ни иного мира; нет ни отца, ни матери, ни существ, рождённых спонтанно; нет славных и добронравных отшельников и брахманов, которые постигли прямым знанием и провозгласили этот мир и иной мир. Это ложное воззрение.

И что такое Совершенное воззрение? Совершенное воззрение бывает двух видов: мирским (*lokiya*), и непревзойдённым (*lokuttara*).

Мирское Совершенное воззрение связано с омрачениями ума, с накоплением добрых деяний, созревающих в счастливых уделах бытия. Непревзойдённое Совершенное воззрение – это воззрение благородных личностей, свободных от омрачений; оно ведёт к освобождению от всего мирского.

И каково же мирское Совершенное воззрение, связанное с омрачениями ума? Оно таково: «Есть то, что дано, что подарено, что пожертвовано; есть плоды и результаты дурных и хороших деяний; есть этот и иной мир; есть отец и мать, есть существа, рождённые спонтанно; есть славные и добронравные отшельники и брахманы, которые постигли прямым знанием и провозгласили этот мир и иной мир». Таково мирское Совершенное воззрение, связанное с омрачениями ума.

И что же такое Непревзойдённое совершенное воззрение, свободное от омрачений? Мудрость, качество мудрости, сила мудрости, исследование дхамм как одно из звеньев Пробуждения; Совершенное воззрение того, чей ум благороден и незапятнан, кто обладает знанием благородной личности и возвращает его. Таково непревзойдённое Совершенное воззрение, свободное от омрачений.

(МН 117)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Следующая грань Совершенных воззрений – это воззрение о зависимом возникновении, то есть, о том учении, которое «свойственно буддам» и является первым из открытий при достижении Ниббаны. Зависимое возникновение в своей базовой структуре – это взаимосвязанность всех явлений, ни одно из которых не может возникнуть само по себе, без поддержки других, от которых зависит его существование.

⁶⁷ В описании первых трёх истин до сих пор давались только аналитические подробности. Здесь уже даны описания того, как именно их следует рассматривать.

⁶⁸ Это означает, что не существует ни добра, ни зла, ни их последствий.

Возвышенный поведал нам причины
Явлений, что зависимо возникли;
Он также нам открыл их прекращенье,
Такова Дхамма, возвещённая Великим муни.

(Вин Мхвг.1:23)

Тот, кто зрит зависимое возникновение – зрит Дхамму; тот, кто зрит Дхамму – зрит зависимое возникновение.

(МН 28)

Пребывает в мире Татхагата или нет — это явление всегда сохраняется, эта устойчивость Дхаммы, этот заданный курс Дхаммы, эта особая обусловленность. Эта действительность, эта безошибочность, эта незыблемость, эта особая обусловленность именуется зависимым возникновением. Татхагата пробуждается и прорывается к ней.

(СН 12:20)

«Не будь рождения: в этом мире или ином, можно было бы описать старение и смерть живых существ?»

«Нет, достопочтенный».

«Таким образом, рождение является причиной, источником, условием для старения и смерти».

(Далее повторяются все звенья зависимого возникновения).

(ДН 15)

«Совершенные воззрения, Совершенные воззрения». Как следует понимать это, достопочтенный?

«Каччана, этот мир по большей части зиждется на двух крайностях: на идее о существовании и на идее о несуществовании. Но у того, кто правильной мудростью видит возникновение мира таким, каким оно является в действительности, не возникает идеи о несуществовании по отношению к миру. И у кого, кто правильной мудростью видит прекращение мира таким, каким оно является в действительности, не возникает идеи о существовании по отношению к миру. Этот мир закован в кандалы цепляния, привязанности и вовлечения. Однако обладатель Совершенных воззрений не вовлекается и не цепляется вследствие этих вовлечений и цепляний за умозаключения, за точки зрения, за скрытые склонности; он не занимает ту или иную позицию относительно идей о «я». Он не имеет сомнений, что всё возникающее — это лишь возникающее страдание, а всё

исчезающее — лишь исчезающее страдание. И в этом знании он независим от других.

Именно таким образом, Каччана, следует понимать Совершенные воззрения. «Всё существует» — это одна крайность; «Всё не существует» — это другая крайность. Не склоняясь ни к одной из крайностей, Татхагата обучает Дхамме срединным образом: «С неведением как условием возникают волевые умопостроения...»

(СН 12:15)

Если кто-то измышляет: «Совершающий деяния — это тот же, кто пожинает их плоды», и что одна и та же личность существует с самого начала, совершает деяния и испытывает их результаты, то он впадает в воззрения о вечности.

Однако если он измышляет: «Совершающий деяния — это один человек, а пожинаящий их плоды — другой», и одна личность совершает деяния, а другая испытывает их результаты, то он впадает в воззрение об уничтожении.

Не склоняясь ни к одной из крайностей, Татхагата обучает Дхамме срединным образом: «С неведением как условием возникают волевые умопостроения...»

(СН 12:17)

Все существа зависят от питания.

(ДН 33; АН 10:27, 28; Кхп. 2)

Существует четыре вида питания для поддержки уже рождённых существ и тех, кто только готовится к рождению. Какие четыре?

Материальная пища как питание, грубая или утончённая — первый вид питания, контакт — второй вид, волевые умопостроения — третий, сознание — четвёртый.

(СН 12:63; МН 38)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Главная сущность Совершенных воззрений заключается в понимании четырёх благородных истин, которые охватывают зависимое возникновение, составляя «учение, свойственное буддам». Они были изложены на самой первой проповеди Будды.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. И что такое Совершенные воззрения? Знание о страдании, знание о возникновении страдания, знание о прекращении страдания, знание о Пути, ведущем к прекращению страдания, — вот что называется Совершенными воззрениями.

(СН 45:8; ДН 22)

Четыре ядовитых змеи – вот название для четырёх великих стихий: земли, огня, воды и воздуха.

(СН 35:197)

Комку пены подобно тело,
Чувства – пузырям на воде,
Восприятие подобно миражу,
Волевые умопостроения – стволу бананового дерева⁶⁹,
Трюкам чародея подобно сознание,
Так возвещал Потомок солнца.

(СН 22.95)

Шесть внутренних сфер можно назвать пустой деревней. Если человек, обладающий мудростью, будет исследовать глаз, ухо, нос, язык, тело и ум – они предстанут ему пустыми, полыми, лишёнными сущности.

Шесть внешних сфер можно назвать разбойниками, совершающими набеги на деревню: глаз утомляется от приятных и неприятных зрелищ, ухо – от звуков, нос – от запахов, язык – от вкусов, тело – от прикосновений, а ум – от умственных образов.

(СН 35:197)

Я вижу в этом мире боязливую породу,
Скованную жаждою жизни,
Эти несчастные томятся пред ликом смерти,
Всё ещё лелея надежды на лучшее возрождение.

Взгляни на них:

Как рыба бьётся в иссохшем озере,
Так и они трепещут в постоянном беспокойстве и заботе о "себе".

(СнП 4:2)

Это умиротворённое, это возвышенное, это успокоение всего сконструированного, оставление всех обретений, сокрушение жажды, бесстрастие, прекращение, Ниббана.

(АН 10:60)

⁶⁹ Ствол бананового дерева абсолютно полый и не содержит сердцевины.

Из всех мирских вещей главное обретение – это здоровье,
Ниббана – это величайшее блаженство;
Лучший из всех путей – восьмеричный,
Ведущий к обретению Неумирающего.

(МН 75)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Говоря о гранях Совершенных воззрений, мы вновь приходим к трём характеристикам существования: непостоянстве, страдательности и безличности, которые исчерпывающе выражают то, что представляет собой зависимое возникновение.

Три характеристики стали темой для второй проповеди Будды.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Существуют три характеристики обусловленного⁷⁰: его возникновение очевидно, его разрушение очевидно и его изменение очевидно.

Существуют три характеристики Необусловленного: его возникновение не очевидно, его разрушение не очевидно и его изменение не очевидно.

(АН 3:47)

Тот, кто постигает непостоянство пяти внутренних и пяти внешних сфер, обладает Совершенным воззрением.

(СН 22:51; 35:155)

Всё непостоянно. И что же такое это «всё», что непостоянно?

Глаз непостоянен, формы непостоянны, сознание глаза непостоянно, контакт глаза непостоянен, любое чувство, возникшее на основе контакта глаза как условия, — приятное, болезненное или ни-приятное ни-болезненное — непостоянно. Ухо непостоянно... Нос непостоянен... Язык непостоянен... Тело непостоянно... Ум непостоянен, умственные образы непостоянны, сознание ума непостоянно, контакт ума непостоянен, любое чувство, возникшее на основе контакта ума как условия, — приятное, болезненное или ни-приятное-ни-болезненное — непостоянно.

(СН 35:43)

То, что непостоянно – то является страданием; то, что непостоянно и является страданием, не может считаться «я».

(Повторяется во многих суттах)

⁷⁰ Обусловленное – это *sankhata*, необусловленное – *asankhata* (Ниббана).

Пребывает в мире Татхагата или нет — это явление всегда сохраняется, эта устойчивость Дхаммы, этот заданный курс Дхаммы, эта особая обусловленность: всё составное непостоянно, всё составное является страданием; все вещи лишены «я».

(АН 3:134)

Бхиккху, я не пререкаюсь с миром, но мир пререкается со мной. Постигший Дхамму не способен на споры с кем-либо в мире. Если мудрый человек скажет, что чего-то не существует, то я соглашусь с ним; если мудрый человек скажет, что что-либо существует, то я соглашусь с ним.

Мудрый скажет, что не существует вечной, устойчивой, постоянной формы, не подверженной изменениям, и я соглашаюсь с этим. Мудрый скажет, что существует непостоянная, подверженная изменениям, подверженная страдательности, форма, и я соглашаюсь с ним.

(То же самое говорится в отношении остальных четырёх совокупностей).

(СН 22:94)

Это тело непостоянно, оно сконструировано и возникло обусловлено.

(СН 36:7)

Необученному, заурядному человеку было бы лучше мнить своим «я» это тело, состоящее из четырёх великих стихий, нежели сознание⁷¹. Почему?

Потому что тело может прожить один год, два года, десять лет...сто лет, однако то, что именуют сознанием или умом, непрерывно возникает как одно, а исчезает – как другое в течение дня и ночи, подобно тому, как обезьяна, прыгая по джунглям, опускает одну ветку и хватается за другую.

(СН 12:61)

Сколь бы велико ни было подношение брахмана Веламы, более плодотворным было бы накормить одного-единственного человека, обладающего Совершенными воззрениями... одного-единственного однажды возвращающегося. ...одного-единственного невозвращающегося... одного-единственного араханта...

Паччекабудду... одного-единственного полностью Пробуждённого... накормить Сангху монахов, возглавляемую Буддой, построить монастырь во имя Сангхи в четырёх сторонах света... с умом, полным доверия, принять прибежище в Будде, Дхамме и Сангхе и взять обещание блюсти пять предписаний — воздержание

⁷¹ Citta – ум, сознание, процесс познания.

от отнятия жизни, от взятия того, что не дано, от прелюбодеяния, от лжи и от употребления опьяняющих веществ.

Но, сколь бы великими ни были все эти вещи, более плодотворным было бы, если бы некий человек сумел взрастить ум, наполненный доброжелательностью, даже на то время, которое требуется, чтобы подоить корову.

И всё же, сколь бы великими ни были все эти вещи, более плодотворным было бы, если бы некий человек сумел бы развить восприятие непостоянства, даже на то время, которое требуется, чтобы щёлкнуть пальцами.

(АН 9:20, с сокращ.)

Кто упивается сферой глаза, тот упивается страданием; кто упивается страданием, не будет освобождён от него. Так я возвещаю.

(СН 35:19)

Что такое созревание страдания? Вот человек горюет, печалится, впадает в отчаяние, бьёт себя в грудь и становится обезумевшим. Охваченный страданием, одержимый мукой, он отправляется на поиски вовне: «О, кто же знает мантру в одно слово или в два слова, которая поможет положить конец этому?»

Созревание страдания увенчивается либо потерей рассудка, либо поиском. Так я возвещаю.

(АН 6:63)

Невозможно, чтобы монах, который считает какое-либо обусловленное явление приятным, будет обладать верой... вступит на твёрдый путь ... реализует плод вступления в поток, плод однажды-возвращения, плод не-возвращения или плод арахантства.

(Далее утверждается обратный вариант – что все эти вещи возможны, если монах не считает какое-либо обусловленное явление приятным).

(АН 6:99)

Какая бы ни существовала материальная форма: прошлая, будущая или настоящая, внешняя или внутренняя, грубая или утончённая, возвышенная или низкая, близкая или далёкая, — любую форму следует рассматривать правильной мудростью такой, какой она является в действительности: «Это не моё, это не я, это не принадлежит мне».

Какое бы ни существовало чувство... Какое бы ни существовало восприятие... Какие бы ни существовали волевые умпостроения...

Какое бы ни существовало сознание: прошлое, будущее или настоящее, внешнее или внутреннее, грубое или утончённое, возвышенное или низкое, близкое или далёкое, — любое сознание следует рассматривать правильной мудростью таким, какое оно является в действительности: «Это не моё, это не я, это не принадлежит мне».

(Повторяется во многих суттах)

То в мире, посредством чего люди измышляют мир, и называется «миром» в учении Благородных. Что же это? Шесть опор чувств.

(СН 35:116)

Он распадается (*lujjati*), поэтому он и называется «миром» (*loka*)

(СН 35:82)

Ананда, по причине того, что мир пуст от «я» и от того, что принадлежит «я», было сказано: «Этот мир пуст». И что именно пусто от «я» и от того, что принадлежит «я»?

Ананда, глаз пуст от «я» и от того, что принадлежит «я». Формы пусты от «я» и от того, что принадлежит «я». Сознание глаза пусто от «я» и от того, что принадлежит «я». Контакт глаза пуст от «я» и от того, что принадлежит «я»... любое чувство, возникшее на основе контакта ума как условия, — приятное, болезненное, или ни-приятное-ни-болезненное — пусто от «я» и от того, что принадлежит «я».

Ананда, по причине того, что мир пуст от «я» и от того, что принадлежит «я», было сказано: «Этот мир пуст».

(СН 35:85)

Когда монах пребывает в созерцании непостоянства, его разум отстраняется, отвращается, отказывается от обретений, восхвалений и почитания, подобно тому, как петушиное пёрышко, оказавшись в костре, отстраняется от огня.

Когда монах пребывает в созерцании страдания в том, что непостоянно, его разум устанавливается в состоянии ужаса по отношению к праздности, лености, беспечности, к отсутствию усердия – подобно тому, как обычного человека обуял бы ужас при виде убийцы с отравленным копьём.

Когда монах пребывает в созерцании безличности в том, что страдательно, его разум освобождается от сотворения «я» и «моего» по отношению к этому телу и связанному с ним сознанию.

(АН 7:46)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Идея о «я» сама по себе является и воззрением, и оковами ума, будучи основанной на тонком фундаментальном искажении восприятия, на самоощущении «Я есть», которое является оковами (не воззрением).

Воззрение о «я» может быть фактически сформулированным, а может и не быть; однако оно не может существовать безотносительно пяти совокупностей, подверженных цеплянию. Такие воззрения при описании могут быть сокращены до того, что мы называем воззрением о личности⁷², которое схематически анализируется.

Соттапанна разрушил все воззрения о личности.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Необученный, заурядный человек, который не видел благородных и не был обучен и воспитан в их Дхамме, который не видел великих личностей и не был обучен и воспитан в их Дхамме, рассматривает материальную форму как своё «я», или своё «я» как обладающее формой, или форму как находящуюся в «я», или «я» как находящееся в форме. Он рассматривает чувство как своё «я»... восприятие как своё «я»... волевые конструкции как своё «я»... сознание как своё «я», или своё «я» как обладающее сознанием, или сознание как находящееся в «я», или «я» как находящееся в сознании. Таким образом и возникают воззрения о «я».

(МН 44; МН109)

Необученный, заурядный человек, который не видел благородных и не был обучен и воспитан в их Дхамме, который не видел великих личностей и не был обучен и воспитан в их Дхамме, размышляет так: «Существовал ли я в прошлом? Или я не существовал в прошлом? Кем я был в прошлом? Каким я был в прошлом? Благодаря чему я был таким в прошлом?».

Он также убегает мыслями в будущее, раздумывая: «Стану ли я существовать в будущем? Или я не стану существовать в будущем? Кем я стану в будущем? Каким я стану в будущем? Благодаря чему я стану таким в будущем?».

Он полностью сбит с толку даже в отношении настоящего: «Существую ли я? Или я не существую? Кто я? Каков я? Это существо: откуда оно пришло и куда оно устремится далее?».

И у человека, чьё внимание является столь неумелым, возникает одно из шести воззрений. У него возникает воззрение, которое он мнит истинным и

⁷² *Sakkāyadiṭṭhi* – это воззрения о личности, о самости. Слово *sakkāya* состоит из двух частей: *sa* – это «существующее или собственное», а *kāya* – «тело». Воззрение, которое отождествляет самость с одной или со всеми пятью совокупностями, является ложным и относится к одной из низших оков, которые привязывают существо к круговерти перерождений.

непоколебимым: "У меня есть "Я"; или у него возникает воззрение: "У меня нет "Я"; или у него возникает воззрение: "Собой я распознаю себя"; или у него возникает воззрение: "Собой я распознаю не-себя"; или у него возникает воззрение: "Не-собой я распознаю себя".

У него также может возникнуть такое воззрение: "Вот это моё "я", которое говорит и ощущает, испытывает то здесь, то там последствия своих добрых и дурных деяний, и это моё "я" неизменно, неизблемо, не подвержено изменениям, и так станет пребывать в вечности".

Бхиккху, это именуется умствованием, измышлениями, зарослями воззрений, джунглями воззрений, суматохой взглядов, косностью взглядов, путами воззрений. Я возвещаю вам, что скованный путами воззрений необученный, заурядный человек не освобождается от рождения, старения и смерти, от печали, причитаний, боли, уныния и отчаяния, – он не освобождается от страдания, так я говорю.

(МН 2)

Будучи привержены двум видам воззрений, некоторые дэвы и люди недостаточно усердны, а некоторые — усердствуют сверх меры; и только прозорливые видят ясно. И каким образом некоторые недостаточно усердны? Дэвы и люди упиваются существованием, наслаждаются существованием, радуются существованию. Когда Дхамма возвещается им ради прекращения существования, их разум не склоняется к ней, не обретает уверенности в ней, не воцаряется в ней и не приходит к выводам насчёт неё. Таким образом, некоторые недостаточно усердны.

И каким образом некоторые усердствуют сверх меры? Дэвы и люди отвращаются существованием, встревожены и пристыжены им, находя отраду в небытии, говоря так: «С разрушением тела это самое «я» разрушается, уничтожается и не существует после смерти, друзья, и это покой, это наивысшее, это чудесно!»

Таким образом некоторые усердствуют сверх меры.

И каким образом прозорливые видят ясно? Так, бхиккху видит возникшее как возникшее. Увидев это так, он взращивает устремление для разочарования, для бесстрастия, для прекращения того, что возникло. Таким образом прозорливые видят ясно.

(Ити 49)

«Бхиккху, видите ли вы в этом мире какое-либо обретение, которое было бы постоянным, неизблемым, не подверженным изменениям?»

«Нет, достопочтенный».

«Бхиккху, знаете ли вы какое-либо воззрение о «я», которое не приводило бы к от печали, причитаниям, боли, унынию и отчаянию?»

«Нет, достопочтенный».

«Бхиккху, знаете ли вы какое-либо воззрение о «я», на которое можно было бы опереться и которое не приводило бы к от печали, причитаниям, боли, унынию и отчаянию того, кто решил опереться на него?»

«Нет, достопочтенный».

«Бхиккху, если бы существовало «я», то должно быть и нечто, принадлежащее «я»?»

«Да, достопочтенный».

«Однако, если в реальности невозможно отыскать ни «я», ни нечто, принадлежащее «я», не является ли утверждение в качестве твёрдой и непреклонной истины такой идеи: «Это – мир, а это – «я», и после смерти я буду неизменным, незыблемым, не подверженным изменениям, и так стану пребывать в вечности», – полностью глупым и пустым?»

«Да, достопочтенный, это полностью глупое и пустое утверждение».

(МН 22)

Бхиккху, какие бы отшельники и брахманы ни провозглашали нечто в качестве своей самости, все они провозглашают в качестве таковой лишь пять совокупностей, подверженных цеплянию, либо лишь одну из них.

Необученный, заурядный человек, который не видел благородных и не был воспитан в их Дхамме, который не видел великих личностей и не был воспитан в их Дхамме, рассматривает материальную форму как своё «я», или своё «я» как обладающее формой, или форму как находящуюся в «я», или «я» как находящееся в форме. Он рассматривает чувство как своё «я»... восприятие как своё «я»... волевые конструкции как своё «я»... сознание как своё «я», или своё «я» как обладающее сознанием, или сознание как находящееся в «я», или «я» как находящееся в сознании.

Таким образом, если воззрение о самости не разрушено в нём, то можно увидеть нисхождение пяти внутренних опор (глаза, уха, носа, языка и тела).

О бхиккху, существует ум и умственные качества, существует качество неведения.

Когда необученный, заурядный человек испытывает контакт, порождённый неведением, он начинает измышлять: «Я есть», «Я такой», «Я буду», «Меня не будет», «Я буду состоять из формы», «Я буду бесформенным», «У меня будет восприятие», «У меня не будет восприятия», «Я не буду ни воспринимать-ни не воспринимать».

(СН 22:47)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Обычный человек не осведомлён о наличии тонкого, но очень фундаментального, качества (которое заложено в нём), а именно –

самоощущения «Я есть», которое заставляет его при восприятии чего-либо автоматически распознавать это в понятиях «я», предполагая личностно-ориентированное отношение к восприятию либо как тождественное с ним, либо как содержащееся в нём, либо как отдельное от него или как владеющее им. Это самоощущение исчезает только на стадии достижения арахантства.

(см. МН 1 и МН 49)

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. «Я» является обусловленным, не обусловленным.

Обусловленным чем? Обусловленным формой, сознанием, чувством, восприятием и волевыми умопостроениями.

(СН 22:83)

Если отшельник или брахман мнит форму, сознание, чувство, восприятие и волевые умопостроения, которые непостоянны, страдательны и лишены самости – в качестве основы для измышлений: «Я лучше», или: «Я такой же», или: «Я хуже», то не является ли это слепотой по отношению к тому, каковы вещи на самом деле?

(СН 22:49)

(Спрошенный монахами-друзьями, бхиккху Кхемака объясняет им):

«Благословенный говорил о пяти совокупностях, подверженных цеплянию, а именно: о материальной форме, чувстве, восприятии, волевых конструкциях и сознании. Среди этих пяти совокупностей, подверженных цеплянию, я не считаю что-либо своим «я» или принадлежащим «я», однако я ещё не являюсь арахантом, чьи загрязнения уничтожены. Друзья, сомнение «Я есть» ещё не растворилось во мне в отношении этих пяти совокупностей, подверженных цеплянию, хотя я и не считаю их своим «я».

Я не говорю о материальной форме как о своём «я» и не говорю о «я», которое отделено от материальной формы. Я не говорю о чувстве как о своём «я»...

о восприятии как о своём «я»... о волевых умопостроениях как о своём «я»...

о сознании как о своём «я», и я не говорю о «я», которое отделено от сознания.

Однако, друзья, сомнение «Я есть» ещё не растворилось во мне в отношении этих пяти совокупностей, подверженных цеплянию, хотя я не считаю их своим «я».

Несмотря на то что благородный ученик отринул пять низших оков, в отношении этих пяти совокупностей, подверженных цеплянию, в нём сохраняется остаточное сомнение «Я есть», желание «Я есть» и скрытая склонность к «я», которые ещё не были искоренены.

Однажды он будет пребывать в созерцании возникновения и исчезновения пяти совокупностей, подверженных цеплянию: «Такова материальная форма, таково её

возникновение, таково её исчезновение; таково чувство, таково его возникновение, таково его исчезновение; таково восприятие, таково его возникновение, таково его исчезновение; таковы волевые умопостроения, таково их возникновение, таково их исчезновение; таково сознание, таково его возникновение, таково его исчезновение». И в то время как он будет пребывать в созерцании возникновения и исчезновения пяти совокупностей, подверженных цеплянию, остаточное самомнение «Я есть», желание «Я есть» и скрытая склонность к «я», которые не были искоренены, будут выкорчеваны с корнем».

(СН 22:89)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Наконец, мы приблизились к рассмотрению десяти оков, которые по возрастанию распределены по четырём степеням достижения (благородных плодов).

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Необученный, заурядный человек пребывает с разумом, охваченным и порабощённым воззрением о «я». Он не постигает в соответствии с действительностью спасения от этого воззрения о «я», поэтому оно укореняется и разрастается в нём, становясь оковой.

Он пребывает с умом, охваченным и порабощённым сомнением... цеплянием за правила и ритуалы⁷³... чувственное желанием... недоброжелательностью... поэтому всё это укореняется и разрастается в нём, становясь оковами».

(МН 64)

Пять оставшихся оков – это: жажда к мирам форм, жажда к мирам, лишённых форм, самомнение, неутомность и сожаления, а также неведение.

(ДН 33)

Существуют монахи, которые с разрушением трёх низших оков, стали вступившими в поток, не подверженными низвержению в уделы скорби, устремлёнными к наивысшему Пробуждению.

Существуют монахи, которые с разрушением трёх низших оков и ослаблением жажды, ненависти и неведения, стали однажды возвращающимися, которым уготовано вернуться в мир лишь однажды, после чего они положат конец страданиям.

⁷³ Выше уже объяснялась привязанность к ритуалам и правилам.

Существуют монахи, которые с разрушением пяти низших оков, возрождаются в мире, лишённом форм, откуда не вернуться ни в один из миров, но достигнут окончательной Ниббаны.

Существуют монахи, которые стали арахантами, чьи загрязнения сокрушены, которые прожили святую жизнь, совершили то, что было необходимо совершить, сбросили бремя, достигли своего предназначения, всецело разорвали все оковы существования, полностью освободившись посредством окончательного знания.

(МН 118)

Бхиккху, полное разрушение жажды, ненависти и неведения называется арахатством.

(СН 38:2)

Когда бхиккху странствует по разным местам, люди интересуются и задают ему вопросы. Наиболее сведущие и осведомлённые из них спрашивают так: «Чему наставляет учитель достойного, какое учение он проповедует?»

Правильный ответ будет таким: «Наш Учитель наставляет тому, как избавиться от жажды и вожделения».

«От жажды и вожделения по отношению к чему, достойный?»

«От жажды и вожделения по отношению к материальной форме...сознанию...чувству...восприятию...волевым умопостроениям».

«Достойный, однако, какую же опасность вы видите в форме...волевых умопостроениях?»

Будучи спрошенными так, вы должны ответить на это следующим образом: «Если человек не лишён жажды, вожделения, страсти и любви по отношению к пяти совокупностям, то с их изменением в нём возникают печаль, причитания, боль, уныние и отчаяние».

Если же вас спросят, какие преимущества вы находите в том, чтобы обучаться этому, вам следует сказать так: «Если человек лишён жажды, вожделения, страсти и любви по отношению к пяти совокупностям, то с их изменением в нём не возникают печаль, причитания, боль, уныние и отчаяние».

(СН 22:2)

(2) Совершенные устремления:

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Итак, первый фактор Благородного пути был достигнут. Теперь необходимо развить Совершенные устремления — следующий фактор Благородного восьмеричного пути.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. И что такое Совершенные устремления? Устремление к отречению, устремление к отказу от враждебности, устремление к непричинению вреда — вот что называется Совершенными устремлениями.

Когда благородный ученик постигнет и узрит с ясной мудростью, в соответствии с действительностью, как мало счастья приносят чувственные улады и сколь велика угроза, исходящая из них; сколь обильно горе и отчаяние, приносимое ими, то он обретёт счастье и радость, которые не связаны с чувственными уладами и неблагоприятными состояниями; или же нечто превосходящее это, поэтому он отринет всю страсть к чувственным уладам.

(МН 14)

Даже если разбойники станут со всей лютостью отрезать вам конечности одну за другой двуручной пилой, то зародивший враждебность к ним станет считаться тем, кто не следует моей Дхамме.

(МН 21)

Он не действует во имя причинения пагубы для себя, для других, или для обоих.

(МН 13)

(3) Совершенная речь:

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК.

Предыдущие два фактора (Совершенные воззрения и Совершенные устремления) составляют совместно фактор мудрости (раһи́я). Далее следует третий фактор — Совершенная речь.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. И что такое Совершенная речь? Воздержание от лживой речи, воздержание от злонамеренной речи, воздержание от грубой речи, воздержание от пустой болтовни — вот что называется Совершенной речью.

(СН 45:8; ДН 22)

Бхиккху, отказавшись от лжи, воздерживается от лживой речи, будучи вызванным в зал суда, на встречу, на гильдию; он не лжёт в присутствии родных, в присутствии царской семьи и будучи допрашиваемым в качестве свидетеля так: «Добрый человек, поведай нам о том, что ты знаешь», — когда, не зная, он объявляет: «Я не знаю», или, зная, он объявляет: «Я знаю», или, не видя, он говорит: «Я не вижу», или, видя, он говорит: «Я вижу».

Будучи полностью осознанным, он не произносит лживые заявления во имя собственной выгоды, во имя чужой выгоды или во имя ничтожной мирской выгоды. Отказавшись от злонамеренной речи, он воздерживается от злонамеренной речи:

услышав что-то там, он не пересказывает это здесь, чтобы не рассорить тех и этих людей; и услышав что-то здесь, он не пересказывает это там, чтобы не рассорить этих и тех людей.

Он стремится к тому, чтобы воссоединить тех, кто прежде пребывал в раздоре; он — сторонник мира, который радуется миру, наслаждается согласием, произнося речи, которые порождают согласие.

Отказавшись от грубой речи, он воздерживается от грубой речи; он произносит слова, которые нежны, приятны для других, мягки; слова, которые исцеляют сердце, которые приятны слуху, желанны и милы для многих.

Отказавшись от пустой болтовни, он воздерживается от пустой болтовни; он говорит в правильное время; говорит о том, что соответствует действительности, о том, что полезно; о том, что вступает в согласие с Дхаммой и Винаей; в правильное время он произносит слова, которые достойны запоминания, рассудительны, умеренны, полезны».

(МН 41)

(4) Совершенные деяния:

Четвёртый фактор Благородного восьмеричного пути – это Совершенные деяния. ПЕРВЫЙ ГОЛОС. И что такое Совершенные деяния? Воздержание от убийства, воздержание от взятия того, что не дано, воздержание от неправильного сексуального поведения, — вот что называется Совершенными деяниями.

(СН 45:8; ДН 22)

Если мирской последователь наделён пятью вещами, он пребывает в уверенности, живя дома, а после смерти возродится в счастливом мире, как если бы его взяли из этого мира и направили прямо туда.

Какими пятью вещами? Он воздерживается от убийства; он воздерживается от взятия того, что не дано; он воздерживается от неправильного сексуального поведения; он воздерживается от лживых речей; он воздерживается от употребления опьяняющих и вызывающих беспечность напитков.

(АН 5:172-73)

(5) Совершенные средства к существованию:

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Совершенные средства к существованию является пятым фактором Благородного пути.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Что такое Совершенные средства к существованию? Вот, благородный ученик, отказавшись от получения неправильных средств к

существованию, зарабатывает себе на жизнь при помощи безукоризненных способов — вот что называется Совершенными средствами к существованию.

Стремление к наживе посредством хитросплетений, пустой болтовни, намёков, принижения других, — это называется неправильными средствами к существованию (для монаха).

(МН 117)

Существует пять видов торговли, в которые не должен вовлекаться мирской последователь. Какие пять? Торговля оружием, торговля живыми существами, торговля мясом, торговля опьяняющими напитками и торговля ядами.

(АН 5:177)

(6) Совершенные усилия:

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Три предыдущих фактора (Совершенная речь, Совершенные деяния и Совершенные средства к существованию) составляют фактор добродетели (sīla). Они известны как вступительная или начальная стадия. Сейчас мы рассмотрим шестой фактор — Совершенные усилия.

Что такое Совершенные усилия? Так, бхиккху возвращает желание для невозникновения ещё не возникших злых и неблагих состояний; он прилагает усилие, вызывает энергию, склоняет свой ум и создаёт такое устремление. Он возвращает желание для разрушения уже возникших злых и неблагих состояний... Он возвращает желание для возникновения ещё не возникших благих состояний... Он возвращает желание для продолжения уже возникших благих состояний, их неубывания, возрастания, расширения и осуществления через возвращение; он прилагает усилие, вызывает энергию, склоняет свой ум и создаёт устремление. Вот что называется Совершенными усилиями.

(СН 45:8; ДН 22)

(7) Совершенное памятование:

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Итак, седьмым фактором является Совершенное памятование.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Что такое Совершенное памятование? Так, бхиккху пребывает, созерцая тело как тело, будучи старательным, бдительным, памятующим, отринув чувственное желание и печаль по отношению к миру.

Он пребывает, созерцая чувства как чувства, будучи старательным, бдительным, памятующим, отринув чувственное желание и печаль по отношению к миру.

Он пребывает, созерцая ум как ум, будучи старательным, бдительным, памятующим, отринув чувственное желание и печаль по отношению к миру.

Он пребывает, созерцая умственные образы как умственные образы, будучи старательным, бдительным, памятующим, отринув чувственное желание и печаль по отношению к миру.

Вот что называется Совершенным памятованием.

(СН 45:8; ДН 22)

[Созерцание тела]

И как монах пребывает, созерцая тело как тело? Он, уйдя в лес, к подножию дерева или в пустую хижину, садится, скрещивает ноги, выпрямляет своё тело и устанавливает памятование перед собой; памятуя, он делает вдох⁷⁴, памятуя, он делает выдох. Делая долгий вдох, он осознаёт: «Я делаю долгий вдох»; делая долгий выдох, он осознаёт: «Я делаю долгий выдох». Делая короткий вдох, он осознаёт: «Я делаю короткий вдох»; делая короткий выдох, он осознаёт: «Я делаю короткий выдох».

Он обучает себя таким образом: «Ощущая всё тело, я буду вдыхать»; он обучает себя таким образом: «Ощущая всё тело, я буду выдыхать». Он обучает себя таким образом: «Умиротворяя телесное конструирование, я буду вдыхать»; он обучает себя таким образом: «Умиротворяя телесное конструирование, я буду выдыхать».

Подобно тому как умелый ремесленник или его подмастерье, делая длинное движение резцом, понимают: «Я делаю длинное движение резцом», а делая короткое движение резцом, понимают: «Я делаю короткое движение резцом», — так и монах, делая долгий вдох, осознаёт: «Я делаю долгий вдох».

Он обучает себя таким образом: «Умиротворяя телесное конструирование, я буду вдыхать»; он обучает себя таким образом: «Умиротворяя телесное конструирование, я буду выдыхать». Именно так он пребывает, созерцая тело как тело внутренне; пребывает, созерцая тело как тело внешне; или он пребывает, созерцая тело как тело внутренне и внешне⁷⁵. Он пребывает, созерцая в теле

⁷⁴ Описанное упражнение предназначено для наблюдения за дыханием, а не для укрепления тела или контроля над дыханием, как в хатха-йоге. Сатипаттхана сутту сегодня часто читают как основу для медитации. Её тема (установление памятования) составляет краеугольный камень наставлений Будды.

⁷⁵ Согласно комментариям, под внутренним и внешним понимается своё тело и чужие (однако, возможно, речь просто о «чистой объективности», которая наблюдается в собственном теле); первый абзац подчёркивает важность сосредоточения. Во второй части речь идёт уже о возникновении и исчезновении, то есть о практике прозрения. Третья часть повествует о состоянии ума человека, который уже достиг высшего знания.

природу возникновения; пребывает, созерцая в теле природу исчезновения; или он пребывает, созерцая в теле природу возникновения и исчезновения⁷⁶. Памятование «это — тело» устанавливается в нём в той мере, в какой это необходимо для чистого знания и постоянной бдительности. И он пребывает независимым, не цепляясь ни к чему в этом мире. Вот как монах пребывает, созерцая тело как тело.

Когда он идёт, он осознаёт: «Я иду»; когда стоит, он осознаёт: «Я стою»; когда сидит, он осознаёт: «Я сижу»; когда лежит, он осознаёт: «Я лежу»; либо он осознаёт любое иное положение, которое принимает его тело. Именно так он пребывает, созерцая тело как тело внутренне; пребывает, созерцая тело как тело внешне; или он пребывает, созерцая тело как тело внутренне и внешне. И он пребывает независимым, не цепляясь ни к чему в этом мире. Вот как ещё пребывает монах, созерцая тело как тело.

Он действует с ясным постижением, когда он идёт вперёд и возвращается назад; действует с ясным постижением, когда он глядит вперёд и по сторонам; действует с ясным постижением, когда он сгибает и разгибает свои конечности; действует с ясным постижением, когда он носит своё одеяние и держит верхнюю накидку и чашу; действует с ясным постижением, когда он ест, пьёт, жуёт, пробует вкус; действует с ясным постижением, когда он мочится и испражняется; действует с ясным постижением, когда он идёт, стоит, сидит, погружается в сон, просыпается ото сна, разговаривает и хранит молчание.

Именно так он пребывает...не цепляясь ни к чему в этом мире...

Опять же, монах рассматривает это самое тело снизу-вверх: от подошв стоп до макушки головы, связанное кожей, наполненное множеством нечистот, таким образом: «В этом теле есть волосы на голове, волосы на теле, ногти, зубы, кожа, плоть, сухожилия, кости, костный мозг, почки, сердце, печень, диафрагма, селезёнка, лёгкие, кишечник, брыжейка, желудок, фекалии, желчь, мокрота, гной, кровь, пот, жир, слёзы, сало, слюна, слизь, суставная жидкость и моча».

Подобно тому как здесь стояла бы открытая с обоих концов корзина, наполненная разными сортами зерна — горным рисом, красным рисом, фасолью, горохом, пшеном и белым рисом, и человек с хорошим зрением мог бы заглянуть туда и рассмотреть: «Это горный рис, это красный рис, это фасоль, это горох, это пшено, это белый рис», — так и монах рассматривает это самое тело... наполненное множеством нечистот, таким образом: «В этом теле есть волосы на голове... и моча».

Именно так он пребывает...не цепляясь ни к чему в этом мире...

⁷⁶ Согласно комментариям, "переживание всего тела (вдохов)" означает полное осознание всего процесса вдоха и выдоха. При этом дыхание становится всё более тонким и спокойным.

Опять же, монахи, монах рассматривает это самое тело, где бы и в каком положении оно ни находилось, как состоящее из различных стихий таким образом: «В этом теле есть стихия земли, стихия воды, стихия огня и стихия воздуха».

Подобно тому как умелый мясник или его подмастерье зарезали бы корову и, сидя на перекрёстке, разделили её тело на части, — так и монах рассматривает это самое тело, как состоящее из различных стихий таким образом: «В этом теле есть стихия земли, стихия воды, стихия огня и стихия воздуха».

Вот как ещё пребывает монах, созерцая тело как тело. Как будто увидев выброшенный на кладбище труп двух- или трёхдневной давности, раздувшийся, иссиня-бледный, разлагающийся, он сравнивает своё тело с ним таким образом: «Это тело имеет такую же природу, оно станет таким же, оно не избегнет подобной участи».

...так он пребывает, созерцая тело как тело внутренне... не цепляясь ни к чему в этом мире.

Опять же, как будто увидев выброшенный на кладбище труп, пожираемый воронами, ястребами, коршунами, собаками, шакалами и всевозможными видами червей, монах сравнивает своё тело с ним таким образом: «Это тело имеет такую же природу, оно станет таким же, оно не избегнет подобной участи». . . . Вот как ещё пребывает монах, созерцая тело как тело.

Опять же, как будто увидев выброшенный на кладбище труп... в виде скелета с плотью и кровью, стянутого сухожилиями... в виде скелета без плоти, испачканного кровью, стянутого сухожилиями... в виде скелета без плоти и без крови, стянутого сухожилиями... в виде разбросанных по всем сторонам костей — вот кость от руки, вот кость от ноги, вот кость от бедра, вот позвоночник, вот ребро, вот череп, — монах сравнивает своё тело с ним таким образом: «Это тело имеет такую же природу, оно станет таким же, оно не избегнет подобной участи». . . . Вот как ещё пребывает монах, созерцая тело как тело.

Опять же, как будто увидев выброшенный на кладбище труп с побелевшими костями цвета морской раковины... с костями, собранными в кучу... с костями, которым много лет, истлевшими и превратившимися в труху, монах сравнивает своё тело с ним таким образом: «Это тело имеет такую же природу, оно станет таким же, оно не избегнет подобной участи».

...так он пребывает, созерцая тело как тело внутренне... не цепляясь ни к чему в этом мире.

[Созерцание чувств]

И как монах пребывает, созерцая чувства как чувства? Испытывая приятное чувство, он осознаёт: «Я испытываю приятное чувство»; испытывая болезненное чувство, он

осознаёт: «Я испытываю болезненное чувство»; испытывая чувство, которое является ни-приятным-ни-болезненным, он осознаёт: «Я испытываю чувство, которое является ни-приятным-ни-болезненным». Испытывая плотское⁷⁷ приятное чувство, он осознаёт: «Я испытываю плотское приятное чувство»; когда он испытывает неплотское приятное чувство, он осознаёт: «Я испытываю неплотское приятное чувство»; испытывая плотское болезненное чувство, он осознаёт: «Я испытываю плотское болезненное чувство»; когда он испытывает неплотское болезненное чувство, он осознаёт: «Я испытываю неплотское болезненное чувство»; испытывая плотское чувство, которое является ни-приятным-ни-болезненным, он осознаёт: «Я испытываю плотское чувство, которое является ни-приятным-ни-болезненным»; испытывая неплотское чувство, которое является ни-приятным ни-болезненным, он осознаёт: «Я испытываю неплотское чувство, которое является ни-приятным-ни-болезненным».

...Так он пребывает, созерцая чувства как чувства внутренне... не цепляясь ни к чему в этом мире.

[Созерцание ума]

И как монах пребывает, созерцая ум как ум?

Вот, монах осознаёт ум с чувственное желанием — как ум с чувственное желанием, а ум, лишённый вожделения — как ум, лишённый вожделения; ум с ненавистью — как ум с ненавистью, а ум, лишённый ненависти, — как ум, лишённый ненависти; ум с заблуждением — как ум с заблуждением, а ум, лишённый заблуждения, — как ум, лишённый заблуждения; собранный ум — как собранный ум, а рассеянный ум — как рассеянный ум; возвышенный ум — как возвышенный ум, а не возвышенный ум — как не возвышенный ум⁷⁸; ум, который можно превзойти, — как ум, который можно превзойти, а непревзойдённый ум — как непревзойдённый; сосредоточенный ум — как сосредоточенный ум, а не сосредоточенный ум — как не сосредоточенный; освобождённый ум — как освобождённый ум, а не освобождённый ум — как не освобождённый.

...Так он пребывает, созерцая ум как ум внутренне... не цепляясь ни к чему в этом мире.

⁷⁷ Плотское (*āmisa*) чувство связано с материальными вещами.

⁷⁸ Не возвышенный ум — это тот, в котором присутствуют помехи и загрязнения, а возвышенный ум — который покинул сферу чувственности и перешёл в состояние медитации.

[Созерцание умственных образов]

[Пять помех⁷⁹]

И как монах пребывает, созерцая умственные образы как умственные образы? Вот, монах пребывает, созерцая пять умственных помех. Когда в нём присутствует чувственное желание, он осознаёт: «Во мне присутствует чувственное желание»; а когда в нём нет вожделения, он осознаёт: «Во мне нет чувственного желания»; и он осознаёт, как возникает ещё не возникшее чувственное желание, и как исчезает уже возникшее чувственное желание, и как исчезнувшее чувственное желание уже не возрождается в будущем. Когда в нём присутствует враждебность... Когда в нём присутствуют вялость и сонливость... Когда в нём присутствуют беспокойство и сожаления... Когда в нём присутствует сомнение, он осознаёт: «Во мне присутствует сомнение»; а когда в нём нет сомнения, он осознаёт: «Во мне нет сомнения»; и он осознаёт, как возникает ещё не возникшее сомнение, и как исчезает возникшее сомнение, и как исчезнувшее сомнение уже не возрождается в будущем. ...Так он пребывает, созерцая умственные образы как умственные образы в отношении пяти помех внутренне... не цепляясь ни к чему в этом мире.

[Пять совокупностей]

Опять же, монах пребывает, созерцая умственные образы как умственные образы в отношении пяти совокупностей, подверженных цеплянию. Вот, монах осознаёт: «Такова форма, таково её возникновение, таково её исчезновение; таково чувство, таково его возникновение, таково его исчезновение; таково восприятие, таково его возникновение, таково его исчезновение; таковы волевые умопостроения, таково их возникновение, таково их исчезновение; таково сознание, таково его возникновение, таково его исчезновение».

...Так он пребывает, созерцая умственные образы как умственные образы в отношении пяти совокупностей внутренне... не цепляясь ни к чему в этом мире.

[Шесть опор чувств]

Он пребывает, созерцая умственные образы как умственные образы в отношении шести внутренних и внешних опор чувств. Монах распознаёт глаз, распознаёт формы, распознаёт оковы, возникающие в зависимости от них обоих; он распознаёт, как возникают ещё не возникшие оковы, и как исчезают уже возникшие оковы, и как возникшие оковы уже не возрождаются в будущем.

⁷⁹ Пять помех уместнее рассматривать в качестве изгороди, которая удерживает человека в потоке похоти, ненависти и заблуждений, а не в качестве препятствия, преграждающего путь.

Он распознаёт ухо, распознаёт звуки... Он распознаёт нос, распознаёт запахи... Он распознаёт язык, распознаёт вкусы... Он распознаёт тело, распознаёт осязаемые объекты... Он распознаёт ум, распознаёт мысли, распознаёт оковы, возникающие в зависимости от них обоих; он распознаёт, как возникают ещё не возникшие оковы, и как исчезают уже возникшие оковы, и как возникшие оковы уже не возрождаются в будущем.

...Так он пребывает, созерцая умственные образы как умственные образы в отношении шести опор чувств... не цепляясь ни к чему в этом мире.

[Семь факторов Пробуждения]

Монах пребывает, созерцая умственные образы как умственные образы в отношении семи факторов Пробуждения.

Когда в нём присутствует памятование как фактор Пробуждения, он осознаёт: «Во мне присутствует памятование как фактор Пробуждения»; а когда в нём отсутствует памятование как фактор Пробуждения, он осознаёт: «Во мне отсутствует памятование как фактор Пробуждения»; и он осознаёт, как возникает ещё не возникшее памятование как фактор Пробуждения и как возникшее памятование как фактор Пробуждения достигает своей кульминации посредством взращивания. Когда в нём присутствует различение феноменов как фактор Пробуждения... Когда в нём присутствует усердие как фактор Пробуждения... Когда в нём присутствует восторг как фактор Пробуждения... Когда в нём присутствует безмятежность как фактор Пробуждения... Когда в нём присутствует сосредоточение как фактор Пробуждения... Когда в нём присутствует равностность как фактор Пробуждения, он осознаёт: «Во мне присутствует равностность как фактор Пробуждения»; а когда в нём отсутствует равностность как фактор Пробуждения, он осознаёт: «Во мне отсутствует равностность как фактор Пробуждения»; и он осознаёт, как возникает ещё не возникшая равностность как фактор Пробуждения и как возникшая равностность как фактор Пробуждения достигает своей кульминации посредством взращивания.

...Так он пребывает, созерцая умственные образы как умственные образы в отношении семи факторов Пробуждения внутренне... не цепляясь ни к чему в этом мире.

[Четыре благородные истины]

Монах пребывает, созерцая умственные образы как умственные образы в отношении четырёх благородных истин. И как он пребывает, созерцая умственные образы как умственные образы в отношении четырёх благородных истин? Вот, монах постигает

в соответствии с действительностью: «Это страдание. Это возникновение страдания. Это прекращение страдания. Это путь, ведущий к прекращению страдания».

...Так он пребывает, созерцая явления как явления в отношении четырёх благородных истин внутренне... не цепляясь ни к чему в этом мире..

[Заключение]

Если бы кто-то возвращал установление четырёх видов памятования таким образом в течение семи лет, то он мог бы ожидать одного из двух плодов: или окончательного знания здесь и сейчас, или, если ещё остались следы цепляния, то состояния невозвращения. Но не будем говорить о семи годах, о бхиккху. Если бы кто-то возвращал это установление четырёх видов памятования таким образом в течение шести лет... пяти лет... четырёх лет... трёх лет... двух лет... одного года, ...семи месяцев... шести месяцев... пяти месяцев... четырёх месяцев... трёх месяцев... двух месяцев... одного месяца... половины месяца, то он мог бы ожидать одного из двух плодов: или окончательного знания здесь и сейчас, или, если ещё остались следы цепляния, то состояния невозвращения. Но не будем говорить о половине месяца, о бхиккху. Если бы кто-то возвращал это установление четырёх видов памятования таким образом в течение семи дней, то он мог бы ожидать одного из двух плодов: или окончательного знания здесь и сейчас, или, если ещё остались следы цепляния, то состояния невозвращения.

(ДН 22, МН 10)

Я поведаю вам о возникновении и исчезновении четырёх основ памятования. Телу для возникновения требуется питание, и с прекращением питания происходит прекращение тела; чувству для возникновения требуется контакт, и с прекращением контакта происходит прекращение чувства; сознанию для возникновения требуется «имя-и-форма», и с прекращением «имени-и-формы» происходит прекращение сознания; умственным образам для возникновения требуется внимание, и с прекращением внимания происходит прекращение умственных образов.

(СН 47:42)

Все вещи укоренены в желании; они проявляют себя благодаря вниманию; они возникают посредством контакта; место их встречи – это чувство; сосредоточение – их предводитель; памятование возглавляет их; мудрость превыше всего среди всех вещей; их сердцевина – это Освобождение.

(АН 8:83)

Тому, кто желает охранять себя, следует возвращать четыре основы памятования; тому, кто желает охранять других, следует возвращать основы памятования. Кто охраняет себя – охраняет и других; кто охраняет других – охраняет и себя.

(СН 47:19)

(8) Совершенное сосредоточение:

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Мы приблизились к последнему, восьмому, фактору – Совершенному сосредоточению.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Что такое Совершенное сосредоточение? Отстранившись от чувственных услад, отстранившись от неблагих состояний, монах входит и пребывает в первой джхане, которая сопровождается размышлением и изучением, наполнившись восторгом и счастьем, рождёнными уединением.

(ДН 2; ДН 22; МН 39; СН 45:8)

Подобно тому как умелый банщик или его подмастерье, положив шар из порошка для купания в металлический тазик и постепенно орошая его водой, замешивает порошок до тех пор, пока влага не напитает шар из порошка для купания, замачивает его и наполняет изнутри и снаружи, пока шар не начнёт сочиться, — так и монах заливает, пропитывает, заполняет, пронзает всё своё тело этими восторгом и счастьем так, что ни одна клеточка в нём не остаётся не залитой и не пропитанной восторгом и счастьем, рождёнными уединением.

(МН 39; ДН 2)

С утиханием размышления и исследования он входит и пребывает во второй джхане, в которой присутствуют внутренняя уверенность и собранность ума без размышления и исследования, и где присутствуют восторг и счастье, рождённые сосредоточением.

(ДН 2; ДН 22; МН 39; СН 45:8)

Подобно тому, как озеро, наполняемое только бьющими со дна ключами и не имеющее притоков с востока, запада, севера и юга, и не пополняемое время от времени даже дождевой водой так, что бьющие со дна источники прохладной воды заливали бы, пропитывали, заполняли и пронзали это озеро так, что в нём не оставалось бы ни одной части, не пропитанной прохладной водой, — так и монах заливает, пропитывает, заполняет, пронзает всё своё тело этими восторгом и счастьем, рождёнными сосредоточением, так, что ни одна клеточка в нём не остаётся не залитой и не пропитанной восторгом и счастьем, рождёнными сосредоточением.

(МН 39; ДН 2)

С утиханием восторга он пребывает в равностности, памятовании и ясном постижении, испытывая счастье во всём теле; он входит и пребывает в третьей джхане, о которой благородные заявляют: «Равностный и памятующий, он тот, кто пребывает в счастье.

(ДН 2; ДН 22; МН 39; СН 45:8)

Подобно тому как в пруду с голубыми, красными или белыми лотосами некоторые из цветов рождены и растут в воде, расцветают, будучи погружёнными в воду, и никогда не поднимаются над её поверхностью, а прохладная вода заливает, пропитывает, заполняет, пронзает их до кончиков корней так, что в них не остаётся ни одной части, не пропитанной прохладной водой, — так и монах заливает, пропитывает, заполняет, пронзает всё своё тело этим счастьем, лишённым восторга, так, что ни одна клеточка в нём не остаётся не залитой и не пропитанной счастьем, лишённым восторга.

(МН 39; ДН 2)

С оставлением удовольствия и боли, как и с предыдущим угасанием радости и горя, он входит и пребывает в четвёртой джхане, в которой нет ни болезненных, ни приятных ощущений, но присутствует чистая равностность.

(ДН 2; ДН 22; МН 39; СН 45:8)

Подобно человеку, с ног до головы укутанному в белое полотно так, что ни одна часть его тела не осталась бы не покрытой белым полотном, — так и монах пребывает, заливая всё своё тело сиянием чистого и светлого ума так, что ни одна клеточка в нём не остаётся не залитой этим чистым и светлым умом.

(МН 39; ДН 2)

Что такое Совершенное сосредоточение благородных, каковы его причины и опоры? Это единение ума, снабжённое остальными семью факторами Пути. Совершенные воззрения идут первыми: человек понимает неправильные воззрения, неправильные устремления, неправильную речь, неправильные деяния, неправильные средства к существованию, неправильные усилия, неправильное памятование и неправильное сосредоточение – как неправильные. Он понимает Совершенные воззрения, Совершенные устремления, Совершенную речь, Совершенные деяния, Совершенные средства к существованию, Совершенные усилия, Совершенное памятование, Совершенное сосредоточение – как совершенные, причём каждый из

факторов понимается как мирской, связанный с омрачениями ума, с накоплением добрых деяний, созревающих в счастливых уделах бытия; и как непревзойдённый, ведущий к освобождению от всего мирского.

Он прилагает усилие, чтобы отринуть неправильные воззрения и утвердиться в Совершенных воззрениях – это Совершенное усилие. Обладая памятованием, он оставляет всё зло и утверждает в правильном направлении; это и есть Совершенное памятование.

(Из МН 117)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Три последних фактора пути (Совершенные усилие, Совершенное памятование и Совершенное сосредоточение) составляют Совершенное сосредоточение. Когда к восьми факторам добавляется знание и Освобождение, они называются «десятью совершенствами», из которых состоит уверенность в них, обретаемая на пути вхождения в поток.

Прежде чем оставить тему сосредоточения, следует добавить, что существует ещё четыре вида джханового поглощения ума, называемые нематериальными джханами. Это некие «добавочные» по отношению к четвёртой джхане утончённые медитативные состояния.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. С полным преодолением восприятия форм, с исчезновением чувственного восприятия, не уделяя внимания разнообразию, осознавая: «Пространство безгранично», монах входит и пребывает в сфере безграничного пространства.

С полным преодолением сферы безграничного пространства, осознавая: «Сознание безгранично», монах входит и пребывает в сфере безграничного сознания.

С полным преодолением сферы безграничного сознания, осознавая: «Здесь ничего нет», монах входит и пребывает в сфере отсутствия всего.

С полным преодолением сферы отсутствия всего монах входит и пребывает в сфере ни-восприятия-ни-невосприятия.

С полным преодолением сферы ни восприятия-ни-невосприятия монах входит и пребывает в сфере прекращения восприятия и чувствования.

Первые четыре джханы не именуется стиранием в Учении благородных; они именуется приятным пребыванием здесь и сейчас. Четыре нематериальные джханы не именуется стиранием в Учении благородных; они именуется лишь умиротворённым пребыванием здесь и сейчас.

(МН 8)

Монах, пребывающий в восьми джханах – это тот, кто ослепил Мару и его войско, завязал ему глаза повязкой, став невидимым для любого зла.

(МН 25)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Ни одна из восьми джхан (как и четыре божественные обители) не является уникальной только для Учения Будды. Их практика сама по себе приводит к рождению в высших мирах, но не к достижению Ниббаны. Учение, которое действительно является уникальным для всех будд – это Четыре благородные истины.

Девятое достижение (nirodhasamāpatti), или достижение прекращения, доступно только анагаминам и арахантам, поэтому оно присутствует только в Дхамме, открытой Буддой.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. С полным преодолением сферы ни восприятия-ни-невосприятия монах входит и пребывает в сфере прекращения восприятия и чувствования, а его оковы оказываются полностью разрушенными посредством видения и постижения. Он ослепил Мару и его войско, завязал ему глаза повязкой, став невидимым для любого зла и всецело пресёк всё влечение к миру.

(МН 25)

Мудрец, в добродетели утвердившись,
Взрастив понимание и прозрение;
Проницательный, усердный,
Он сможет разрубить сей узел.

(СН 1:23)

Если бы один - единственный человек скитался бы и блуждал в сансаре в течение цикла существования мира, то он оставил бы позади себя груды костей, размером с эту гору Вепулла – если бы кто-либо смог собрать их, и если бы эти собранные кости не разрушались бы.

(Ити 24)

О бхиккху, представьте себе слепую черепаху, которая плавает в океане. Она погружается в воду этого бездонного океана и плавает в любом направлении, как ей хочется. В океане также есть некое ярмо от повозки с единственным отверстием, плавающее туда и сюда, уносимое во всех направлениях приливами, течением и ветром. Так и плавают эти двое на протяжении несчётного количества времени.

В один момент может совпасть так, что черепаха и ярмо окажутся близко друг к другу, и черепаха поднимет свою голову и просунет её в ярмо. Возможно ли такое совпадение?»

«Да, достопочтенный, но только спустя очень долгое время».

«О бхиккху, скорее слепая черепаха просунет свою голову в ярмо с единственным отверстием, чем злочинец, однажды попавший в низшие миры, сможет вернуться в мир людей».

(МН 129)

О бхиккху, эта Дхамма хорошо разъяснена мной; она ясна, открыта, очевидна, лишена путаницы. В этой Дхамме, хорошо разъяснённой мной, ясной, открытой, очевидной, лишённой путаницы, те, кто имеет достаточную веру в меня, достаточную любовь ко мне, — все они обретут небесные обители в качестве своего предназначения.

(МН 22)

Что следовало сделать сострадательному учителю, движимому сочувствием, ищущему благополучия для своих учеников, то я сделал для вас. Вот корни деревьев, о бхиккху, вот пустые хжины. Созерцайте, не будьте беспечны, дабы потом не сожалеть об этом. Таково моё напутствие вам.

(МН 8; МН 152)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Так заканчивается описание Благородного восьмеричного пути. Однако, как же на практике следовать ему?

Благородный восьмеричный путь на практике

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Однажды достопочтенный Ананда оделся и, взяв свою чашу и верхнее одеяние, отправился в Саваттхи за подаянием. По пути он встретил брахмана Джанусони, выезжающего из Саваттхи на колеснице, запряжённой четырьмя белоснежными лошадьми; белоснежным было всё – сама колесница, упряжь, обивка, одежда и даже всер, которым обмахивали брахмана. Люди, видя это, восклицали: «Какая божественная колесница! Это напоминает божественную колесницу!»

Достопочтенный Ананда, вернувшись с подаяния, рассказал эту историю Благословенному, и задал ему вопрос: «Достопочтенный, можно ли наречь Дхамму и Винаю божественной колесницей?»

«Это возможно, Ананда, – отвечал Благословенный. – Божественная колесница – это название для Благородного восьмеричного пути; это колесница Дхаммы, это

несравненная победа в бою; вершина пути – полное разрушение жажды, ненависти и неведения».

(СН 45:4)

Когда ребёнок зарождается в утробе, покидает её и постепенно набирает силу, его органы чувств становятся зрелыми, и он наделяется пятью нитями чувственных услад. Это: формы, познаваемые глазом: желанные, вожделенные, милые, приятные, сопровождаемые чувственным влечением, вызывающие чувственное желание. Звуки, познаваемые ухом... Запахи, познаваемые носом... Вкусы, познаваемые языком... Прикосновения, познаваемые телом: желанные, вожделенные, милые, приятные, сопровождаемые чувственным влечением, вызывающие чувственное желание.

Таковы пять видов чувственных услад.

Видя форму глазом, слыша ухом звук... обоняя носом запах... пробуя языком вкус... ощущая телом прикосновения... познавая умом образы, он захватывается ими, если они приятны, и отвращается от них, если они неприятны. Он пребывает без памятования и ясного постижения, с ограниченным умом, не постигая освобождения посредством мудрости от этих неблагих, пагубных состояний ума и не ведая состояния, где они прекращаются без остатка.

Будучи вовлечённым во влечение и отторжение, он захватывается приятными чувствами, неприятными чувствами, ни-приятными ни-болезненными чувствами, погрязая в них. Он наслаждается чувствами, а любое наслаждение – это цепляние. С цеплянием как условием возникает становление; со становлением как условием возникает рождение; с рождением как условием возникают старение и смерть, печаль, причитания, боль, уныние и отчаяние. Таково возникновение всей этой груды страдания.

Однажды в мир является Татхагата, Арахант, полностью Пробуждённый, совершенный в истинном знании и поведении, обретший благо, знаток мира, непревзойдённый вожак существ, которых следует обуздать, Учитель богов и людей, Пробуждённый, Благословенный. Познав прямым знанием этот мир с его дэвами, Марой и Брахмой, с отшельниками и брахманами, с божествами и людьми, он открывает это другим. Он обучает Дхамме, которая прекрасна в начале, прекрасна в середине и прекрасна в конце, с точными смыслом и выражениями. Он возвещает святую жизнь, что всецело безукоризненна и чиста.

Домохозяин, или сын домохозяина, или кто-то, рождённый в другом клане, слышит Дхамму. Слыша Дхамму, он обретает веру в Татхагату. Обладая верой, он раздумывает: «Жизнь домохозяина пыльная и тесная, а отшельническая — как бескрайние просторы. Нелегко, оставаясь дома, вести святую жизнь, полностью совершенную, полностью чистую, как отшлифованная раковина. Что, если я обрею

свои волосы и бороду, облачусь в жёлтое одеяние и покину родной дом ради бездомного скитания?»».

Позже, отринув небольшое или значительное состояние, отринув малый или обширный круг родственников, он обривает свои волосы и бороду, облачается в жёлтое одеяние и покидает родной дом ради бездомного скитания.

Уйдя в бездомное скитание, он возвращает монашеские практику и образ жизни: отказавшись от уничтожения жизни, он воздерживается от уничтожения жизни; он отбрасывает оружие и дубину, совестливый, милосердный, он испытывает сострадание ко всем существам. Отказавшись от взятия того, что не дано, он воздерживается брать то, что не дано, беря только то, что дано, и, отринув воровство, он пребывает в чистоте. Отказавшись от практики соития, он соблюдает целомудрие, живёт отдельно, воздерживается от грубой практики соития. Отказавшись от лжи, он воздерживается от лжи; он произносит слова, которые правдивы; он приверженец истины, благонадёжный и заслуживающий доверия; тот, кто не вводит мир в заблуждение. Отказавшись от злонамеренной речи, он воздерживается от злонамеренной речи; он не повторяет в другом месте то, что он слышал здесь, чтобы рассорить [тех людей] и этих, и не повторяет здесь то, что он слышал в другом месте, чтобы рассорить [этих людей] и тех. Таким образом, он тот, кто воссоединяет тех, кто прежде пребывал в раздоре; тот, кто способствует дружбе, кто наслаждается согласием, радуется согласию, восхищается согласием; кто произносит речи, способствующие согласию. Отказавшись от грубой речи, он воздерживается от грубой речи; он произносит слова, которые нежны, приятны для других, мягки; слова, которые исцеляют разум, которые приятны слуху, желанны и милы для многих. Отказавшись от пустой болтовни, он воздерживается от пустой болтовни; он говорит в нужное время; говорит о том, что соответствует действительности, о том, что полезно; говорит о Дхамме и Винае; в нужное время он произносит слова, которые достойны запоминания, рассудительны, умеренны, полезны⁸⁰.

Он воздерживается от причинения вреда семенам и растениям. Он принимает пищу только один раз в день, воздерживаясь от приёма пищи ночью и в неподходящее время.

Он воздерживается от танцев, пения, музыки, от посещения неподобающих зрелищ. Он воздерживается от украшения себя гирляндами, от умощения благовониями и мазями. Он воздерживается от использования высоких и роскошных кроватей. Он воздерживается от принятия золота и серебра. Он воздерживается от принятия необработанного зерна. Он воздерживается от принятия сырого мяса. Он воздерживается от принятия девушек и женщин. Он воздерживается от принятия

⁸⁰ См. объяснение Совершенной речи выше.

рабов и рабынь. Он воздерживается от принятия коз и овец. Он воздерживается от принятия птиц и свиней. Он воздерживается от принятия слонов, рогатого скота, коней и кобыл. Он воздерживается от принятия полей и земли. Он воздерживается от выполнения поручений и передачи посланий. Он воздерживается от покупок и продаж. Он воздерживается от использования фальшивых весов, фальшивых металлов и фальшивых мерил. Он воздерживается от подкупа, от введения в заблуждение, от плутовства и жульничества. Он воздерживается от нанесения ранений, от отнятия жизни, от связывания, от разбоя, от расхищения, от учинения расправ.

Он довольствуется теми монашескими одежаниями, которые прикрывают его тело, и едой с подаяния, поддерживающей его желудок, и куда бы он ни направлялся, он берёт с собой только это. Подобно тому как птица, куда бы она ни летела, несёт с собой лишь свои крылья, так и монах довольствуется теми одежаниями, которые прикрывают его тело, и едой с подаяния, поддерживающей его здоровье, и куда бы он ни направлялся, он берёт с собой только это. Обладая этой благородной добродетелью, он испытывает блаженство безупречности.

Видя форму глазом, он не хватается за её признаки и особенности. Если он оставит эту способность глаза неохраваемой, злые и неблагие состояния вожеления и уныния смогут ворваться в его разум и воцариться в нём, поэтому он возвращает путь сдержанности, охраняя способность глаза, и берётся за обуздание способности глаза. Слыша ухом звук... Обоняя носом запах... Пробуя языком вкус... Ощущая телом прикосновения... Познавая умом образы, он не хватается за их признаки и особенности. Если он оставит эту способность ума неохраваемой, пагубные и неблагие состояния вожеления и уныния смогут ворваться в его разум и воцариться в нём, поэтому он возвращает путь сдержанности, охраняя способность ума, и берётся за обуздание способности ума. Обладая этой благородной сдержанностью чувств, он испытывает блаженство незапятнанности.

Он становится тем, кто действует с памятованием и ясным постижением⁸¹, когда идёт вперёд и возвращается; кто действует с ясным постижением, когда смотрит вперёд и назад; кто действует с ясным постижением, когда сгибает и разгибает свои конечности; кто действует с ясным постижением, когда надевает своё одеяние и несёт внешнее одеяние и чашу; кто действует с ясным постижением, когда ест, пьёт, жуёт, пробует на вкус; кто действует с ясным постижением, когда мочится и испражняется; кто действует с ясным постижением, когда идёт, стоит, сидит, засыпает, просыпается, беседует и хранит молчание.

⁸¹ О Совершенном памятовании см. выше.

Обладая этой благородной добродетелью, этой благородной сдержанностью чувств и этими благородными памятованием и ясным постижением, он отправляется в уединённое, безлюдное место — в лес, к корням деревьев, в горы, ущелье, пещеру на склоне горы, на кладбище, в джунгли, на открытое пространство или к стогу соломы.

Вернувшись со сбора подаяния, после принятия пищи, он садится, скрещивает ноги, выпрямляет спину и устанавливает памятование перед собой. Отринув чувственное желание к миру, он пребывает с разумом, свободным от чувственных желаний; он очищает разум от вожделения.

Отринув враждебность, он пребывает с разумом, свободным от враждебности, исполненный сострадания ко всем существам, желая им счастья; он очищает разум от враждебности и ненависти. Отринув вялость и сонливость, он пребывает с разумом, свободным от вялости и сонливости, настроившись на восприятие света, памятующий и ясно постигающий; он очищает разум от вялости и сонливости.

Отринув беспокойство и сожаления, он пребывает в свободе от них, с разумом, погружённым во внутренний покой; он очищает разум от беспокойства и сожалений.

Отринув сомнения, он пребывает, выйдя за пределы сомнений, не имея замешательства в отношении благих состояний; он очищает разум от сомнений.

(МН 38)

Представьте себе человека, залезшего в долги ради открытия своего дела, которое позже стало таким успешным, что он смог не только рассчитаться со старым долгом, но и имеет достаточно денег, чтобы содержать свою жену; размышляя об этом, он был бы преисполнен радости и воодушевления.

Или представьте себе больного, измученного, страдающего человека, который не мог принимать пищу и чьё тело утратило свою силу, но который позже смог оправиться от болезни, начал нормально питаться и смог вернуть силу своему телу; размышляя об этом, он был бы преисполнен радости и воодушевления.

Или представьте себе узника, заточённого в тюрьму, который смог бы освободиться, обрести волю и оказаться в безопасности, не потеряв своего имущества; размышляя об этом, он был бы преисполнен радости и воодушевления.

Или представьте себе раба, не принадлежащего самому себе, полностью зависимого от других, не способного пойти, куда он пожелает, который смог бы спастись от рабства, обретя свободу и независимость, превратившись в человека, который может идти, куда пожелает; размышляя об этом, он был бы преисполнен радости и воодушевления.

Или представьте себе зажиточного человека, имеющего богатство и имущество, вступившего на дорогу, идущую сквозь пустыню, который позже смог пересечь её

в целостности и сохранности, не потеряв своего имущества; размышляя об этом, он был бы преисполнен радости и воодушевления.

Подобно этому монах, всё ещё не отринувший пяти умственных помех, видит их как долг, как болезнь, как тюрьму, как рабство, как дорогу через пустыню. Однако, когда он смог отбросить в себе эти пять препятствий, он воспринимает это как свободу от долгов, исцеление от болезни, освобождение из тюрьмы, свободу от рабства, как безопасную землю.

(МН 39)

Отринув пять помех, загрязняющих разум и ослабляющих мудрость, отстранившись от чувственных услад, отстранившись от неблагих состояний, монах входит и пребывает в первой джхане...в четвёртой джхане.

Видя форму глазом, слыша ухом звук... обоняя носом запах... пробуя языком вкус... ощущая телом прикосновения... познавая умом образы, он не захватывается ими, если они приятны, и не отвращается от них, если они неприятны. Он пребывает, наделённый памятованием и ясным постижением, с безграничным умом, постигая освобождение посредством мудрости от всех неблагих, пагубных состояний ума и достигнув состояния, где они прекращаются без остатка. Не будучи вовлечённым во влечение и отторжение, он не захватывается приятными чувствами, неприятными чувствами, ни-приятными ни-болезненными чувствами, и не погрязает в них. Он не наслаждается чувствами, ведь любое наслаждение – это цепляние. Без цепляния как условия не возникает становление; без становления как условия не возникает рождение; без рождения как условия не возникают старение и смерть, печаль, причитания, боль, уныние и отчаяние. Таково прекращение всей этой груды страдания.

(МН 38)

Значение

Предположим, что один человек пожелал бы поймать змею и отправился на её поиски. Увидев большую змею, он схватил бы её за хвост или за кольца, а она обернулась бы к нему и укусила его, в результате чего он повстречал бы смерть или смертельные мучения. По какой причине? По причине того, что он пытался поймать змею неправильно.

Подобно этому, некоторые невежественные люди изучают Дхамму, не утруждая себя исследованием глубокого смысла её учений с мудростью, не вдаваясь в самую суть. Вместо этого они изучают Дхамму во имя придинок и победы в словесных перепалках, упуская то благо, которое она могла бы принести им. Неправильное схватывание Дхаммы приводит их к пагубе и страданиям на долгое время.

Предположим, что другой человек пожелал бы поймать змею и тоже отправился на её поиски. Увидев большую змею, он схватил бы её при помощи раздвоенной палки за шею, и сколько бы она ни извивалась, стараясь обернуть свои кольца на его руки, ноги и другие части тела, он не повстречал бы смерть или смертельные мучения. По какой причине? По причине того, что он поймал змею правильно. Подобно этому, мудрые люди изучают Дхамму, утруждая себя исследованием глубокого смысла её учений с мудростью, вдаваясь в самую суть. Они не изучают Дхамму во имя придирок и во имя победы в словесных перепалках, поэтому не упускают своё благо. Правильное схватывание Дхаммы приводит их к благоденствию и счастью на долгое время.

«О бхиккху, вообразите себе путника, который встретил бы на своём пути большое озеро, огромное водное пространство, ближний берег которого наводил ужас и смятение, а дальний – выглядел мирно и безмятежно. Однако вблизи не было ни паромы, ни лодки, на которых можно было бы перебраться на дальний берег. Обдумав всё, путник собрал бы вместе брёвна, листья, ветки и соорудил бы из них плот, благодаря которому, помогая себе руками и ногами, он бы благополучно добрался до дальнего берега. Переправившись, он стал бы рассуждать так: «Этот плот оказал мне неоценимую помощь, отчего бы мне не взвалить его себе на плечи, привязав к голове, и затем пойти, куда мне вздумается?»

Как вы считаете бхиккху: разумными ли были размышления путника в отношении этого плота?»

«Нет, достопочтенный».

«Что же следовало сделать с этим плотом? Его следовало бы вытащить из воды на сушу, либо отправить вниз по течению, а затем пойти туда, куда вздумается. Бхиккху, я дал вам наставления о плоту, дабы указать вам, что Дхамма подобна этому плоту – она нужна не для того, чтобы цепляться за неё, но чтобы переправиться на Тот берег. Поняв аналогию с плотом, вы сможете осознать, что следует оставить даже Дхамму, не говоря о тех учениях, которые вступают с ней в противоречие».

(МН 22, с сокращ.)

Сокрушение жажды, ненависти и неведения... Необусловленное...
Незапятнанное... Истина... Дальний берег... Утончённое... То, что трудно узреть...
Неувядающее... Неизменное... Неразрывное... Непроявленное... Не
распространяющееся... Мирное... Неумирающее... Возвышенное... Благоприятное...
Безопасное... Прекращающее чувственное желание... Чудесное... Удивительное...
Безболезненное... Свободное от страдания... Бесстрастное... Очищенное... Свобода...
Непривязанность... Остров... Укрытие... Пристанище... Прибежище...

(СН 43:1-44)

13. ДЭВАДАТТА

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Дэвадатта был одним из двоюродных братьев Будды. Его попытка захвата власти в монашеской общине состоялась, согласно традиции, на тридцать седьмой год после достижения Буддой Ниббаны, когда Будде было семьдесят два года.

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Вот случай, описанный в Винае-Питаке.

ВТОРОЙ ГОЛОС. Однажды произошёл такой случай. Дэвадатта пребывал в уединении, и такое размышление посетило его: «Чью благосклонность следует завоевать мне во имя обретений, восхвалений и почитания?» И его осенило: «Мне нужно завоевать благосклонность принца Аджасатту. Он молод, его ожидает блестящее будущее. Отчего бы мне не постараться войти ему в доверие? Тогда я обрету много обретений, восхвалений и почитания».

Дэвадатта заправил свою постель, и, взяв свою чашу и верхнее одеяние, отправился в Раджагаху, куда и прибыл со временем. Там он отбросил своё настоящее обличье и обернулся юношей с поясом из змей и в таком виде оказался на коленях у принца Аджасатты. Принц был очень напуган, встревожен, озадачен и обеспокоен.

«Ты страшишься меня, принц?» – спросил Дэвадатта.

«Да, страшусь. Кто ты?»

«Я – Дэвадатта, принц».

«Если ты Дэвадатта, господин, прими, пожалуйста, своё обычное обличье».

Дэвадатта отбросил обличье юноши и предстал перед принцем в своём обычном виде, в залатанной монашеской чиваре и с чашей в руках. Принц Аджасатту проникся глубоким доверием к Дэвадатте и его чудесным способностям. Он стал поджидать его днём и вечером в окружении пяти сотен повозок и с пятью сотнями подношений в виде риса и молока. Дэвадатта был ошеломлён свалившимися на него обретениями, восхвалениями и почитанием. Гордыня всецело завладела им, и такое побуждение возникло в его уме: «Я стану управлять Сангхой монахов!»

Одновременно с этим побуждением его чудесные способности исчезли.

(Вин Члвг. 7:2; ср СН 17:36)

Когда Благословенный пробыл в Косамби так долго, как сам пожелал, он направился в Раджагаху, куда и прибыл согласно своему расчёту. Он остановился в Бамбуковой роще, в Беличьем заповеднике. Там к нему пришли монахи и доложили:

«Достопочтенный, принц Аджасатту постоянно поджидает Дэвадатту днём и вечером в окружении пяти сотен повозок и пятью сотнями подношений в виде риса и молока».

«Бхиккху, не завидуйте Дэвадатте, его обретениям, восхвалениям и почитанием. Подобно тому, как если кто-то разорвёт желчный пузырь прямо под носом у бешеной собаки, и она станет ещё более свирепой, так и принц Аджасатту, постоянно поджидающий Дэвадатту с подношениями, способствует уменьшению благих качеств в его уме, а не их увеличению. Так же, как пальма приносит плоды, вызывая тем самым собственную погибель и разрушение, так и обретения, восхваления и почитание Дэвадатты приведут его к погибели и разрушению».

(Вин Члвг 7:2; ср. СН 17:35-36, АН 4:68)

Однажды произошёл такой случай. Благословенный наставлял Дхамме, окружённый большой компанией людей, включая царя. Дэвадатта поднялся со своего места, поправил своё верхнее одеяние и, сложив ладони в анджали, обратился к Благословенному: «Благословенный достиг преклонных лет, он обременён своими годами, подошёл к последней стадии своей жизни. Пусть Благословенный уйдёт на покой. Пусть он благоденствует, живя счастливо прямо сейчас. Пусть он передаст управление Сангхой в мои руки. Я возглавляю Сангху монахов».

«Довольно, Дэвадатта. Не стремись возглавить Сангху монахов».

Во второй раз Дэвадатта повторил свою просьбу и получил тот же ответ. Когда он произнёс её в третий раз, Благословенный промолвил: «Я не позволяю возглавить Сангху даже Сарипутте и Моггаллане. Как же я позволю это сделать столь никудышному человеку, как ты, недостойному даже плевка?»

Тогда Дэвадатта подумал: «Благословенный осрамил меня в присутствии большой компании людей, включая царя, назвав меня недостойным даже плевка, никудышным человеком и превознеся Сарипутту и Моггаллану». Он был вне себя от злости и негодования. Он выразил Будде почтение и обошёл его с правой стороны. Это был первый случай открытого недовольства и обиды Дэвадатты по отношению к Благословенному.

Благословенный обратился к монахам: «Бхиккху, позвольте Сангхе провести церемонию осуждения Дэвадатты в Раджагахе таким образом: «Прежде Дэвадатта имел один нрав, сейчас он имеет другой нрав. Что бы ни совершил Дэвадатта словом или делом, ни Благословенный, ни Сангха монахов не должны принимать в этом участие, – только он сам несёт ответственность за свои деяния».

После этого он обратился к Сарипутта: «Сарипутта, ты должен избличить Дэвадатту в Раджагахе».

«Но, достопочтенный, прежде, отзываясь о Дэвадатте, я хвалил его и отдавал должное его могуществу. Как я могу избличить его в Раджагахе?»

«Говорил ли ты правду, когда хвалил Дэвадатту, Сарипутта?»

«Я говорил правду, достопочтенный».

«Тогда теперь тебе тоже следует сказать правду, чтобы изобличить его».

«Да, достопочтенный», – отвечал тот.

Будучи уполномоченным от Сангхи, достопочтенный Сарипутта прибыл в Раджагаху в компании монахов и публично изобличил Дэвадатту. Тогда люди, обделённые верой, немудрые и неблагоразумные, заявили так: «Эти монахи, сыны сакьев, просто завидуют обретениям, восхвалениям и почитанию Дэвадатты!»

Однако те люди, которые имели веру, мудрые и благоразумные, решили так: «Это необычно для Благословенного – что он повелел изобличить Дэвадатту».

В это время Дэвадатта пришёл к принцу Аджасатту и сказал ему так: «В былые времена люди имели долгую жизнь, сейчас же жизнь очень коротка. Ты можешь умереть, так и оставаясь лишь принцем – отчего бы тебе не лишиться жизни своего отца и не стать царём? А я убью Благословенного и займу его место».

Принц Аджатасатту подумал: «Господин Дэвадатта сильный и могущественный; ему лучше знать».

Он привязал кинжал к своему бедру, и потом среди бела дня, испуганный, взволнованный, мятущийся, растерянный, он попытался проскользнуть во внутренний дворец. Царские стражники у входа во внутренний дворец увидели его и остановили, а при обыске нашли кинжал. Они спросили его: «Что ты хотел сделать, принц?»

«Я хотел убить своего отца».

«Кто подвигнул тебя к этому, принц?»

«Почтенный Дэвадатта».

Некоторые прислужники царя высказали мнение, что из-за содеянного принц должен быть казнён вместе с Дэвадаттой и с другими монахами. Иные высказались в пользу того, что казнить следует только принца, а монахи не сделали ничего дурного. Третьи считали, что никого не нужно казнить, но требуется доложить о произошедшем царю.

Когда принца Аджасатту привели к царю Магадхи, Сении Бимбисаре, он осведомился о мнениях своих прислужников. Ему рассказали об этом. Он ответил на это: «Какое отношение ко всему этому имеет Будда и Сангха монахов? Разве Благословенный не изгнал Дэвадатту в Раджагахе?»

И он велел прекратить выплачивать жалование тем из своих прислужников, которые хотели казнить принца, Дэвадатту и других монахов. Он также понизил в должности тех, кто считал, что казнить следует только принца, а монахи не сделали ничего дурного. Тех же, кто не хотел никого казнить, но желал лишь доложить о произошедшем царю, он вознаграждал.

Он обратился с вопросом к принцу:

«Почему ты пожелаешь убить меня, принц?»

«Я хотел получить царство, господин».

«Если так, то царство отныне твоё, принц».

И он отдал принцу Аджасатту царство. Дэвадатта посетил новоявленного правителя и сказал ему: «Великий царь, пошли своих заместников, которые лишат отшельника Готама жизни».

Принц Аджасатту велел своим прислужникам сделать так, как просит Дэвадатта. Тот сказал одному из мужчин: «Ступай, друг; отшельник Готама живёт в таком-то месте. Возьми его жизнь и вернись таким-то и таким-то путём».

Затем он отправил в том же направлении других двух мужчин, приказав им:

«Возьмите жизнь человека, который пойдёт по той дорожке и вернётся по этой тропе». Затем он направил четырёх человек на тот путь... восьмерых... шестнадцать человек на том пути. Один из них взял щит и меч, натянул стрелы лука и отправился туда, где был Благословенный. Однако, когда он приблизился к нему, его обуял ужас. Он оцепенел, не в силах двинуться с места. Благословенный увидел его и произнёс: «Иди сюда, друг, не бойся».

Тот бросил свой щит и меч и пал ниц перед стопами Благословенного со словами:

«Господин, я совершил зло, словно глупец, который был сбит с толку и споткнулся; я явился сюда с дурным замыслом, желая отнять Вашу жизнь. Пусть Благословенный простит это злодеяние во имя моего исправления в будущем!»

«Да, друг, ты действительно совершил зло, словно глупец, который был сбит с толку и споткнулся; ты явился сюда с дурным замыслом, желая отнять мою жизнь. Однако, поскольку ты осознал свой проступок – как проступок, то это осознание созвучно Дхамме, и мы прощаем тебя. В Дхамме это считается благим деянием во имя исправления в будущем».

Благословенный дал ему последовательное наставление о Дхамме...В нём воссияло незапылённое, безупречное видение Дхаммы...

«Великолепно, достопочтенный... Пусть Благословенный примет меня как своего мирского последователя...»

Благословенный предупредил его: «Друг, не следуй этой дорогой, выбери для возвращения другой путь». И он показал, какой дорогой тому следует идти.

В то время остальные двое мужчин подумали: «Долго же нет нашего товарище». И они отправились на его поиски, пока не увидели Благословенного, сидящего под корнями деревьев. Они приблизились к нему и, выразив почтение, сели с одной стороны. Благословенный дал им последовательное наставление о Дхамме...

«Великолепно, достопочтенный... Пусть Благословенный примет нас как своих мирских последователей...»

После этого Будда так же направил их идти другой дорогой. Та же история повторилась с другими четырьмя...восемью...шестнадцатью людьми.

Один из них подошёл к Дэвадатте и произнёс: «Я не смог лишить Благословенного жизни, господин. Он слишком силён и могуществен».

«Довольно, друг; не совершай более попыток лишить жизни отшельника Готама. Я сделаю это своими руками».

В этот момент Благословенный прогуливался вперёд и назад в тени скалы Пика коршуна. Дэвадатта забрался на эту скалу и сбросил оттуда огромный камень, думая: «Тем самым я лишу жизни отшельника Готама».

Два отрога скалы сошлись и зацепились за камень, однако осколок от камня задел ногу Благословенного, и из неё хлынула кровь. Он поднял глаза и сказал Дэвадатте: «Много зла ты принёс себе, глупец, ибо с нечистым умыслом вознамерился лишить жизни Татхагату; ты пролил кровь Возвышенного».

Потом Благословенный обратился к монахам так: «Бхиккху, это первое деяние Дэвадатты, влекущее за собой немедленное воздаяние в виде перерождения в аду; Дэвадатта с нечистым умыслом вознамерился лишить жизни Татхагату; он пролил кровь Возвышенного».

(Вин Члвг 7:3)

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. После ранения осколком Будда испытывал мучительные телесные чувства: резкие, грубые, нестерпимые, болезненные ощущения, нежелательные и неприятные. Он сносил их, пребывая в памятовании и ясном постижении, без негодования и досады. Раскинув на землю свою сотканную из обрывков тканей чивару, он прилёг на правый бок, подобно льву, царю зверей с одной ногой, перекрёщённой с другой, пребывая в памятовании и ясном постижении.

Тогда Мара, Злой дух, явился к нему с такими строфами:

Отчего ты, безвольный, возлежишь,
Витая в облаках и сочиняя стихи, должно быть;
Разве лишён ты устремлений, которых надобно достичь?
Ты же лежишь, мечтаешь в уединённом этом месте!

(Будда):

Я не безвольный, когда я возлежу,
В облаках, стихи сочиняя, я не витаю;
Я устремлений всех достиг уже, скорбь всю оставив позади,

Я в уединённом месте пребываю,
Во имя благоденствия существ на свете.

(СН 4:13)

ВТОРОЙ ГОЛОС. Монахи узнали о том, что Дэвадатта совершил покушение на Будду. Они стали ходить вокруг жилища Благословенного туда и сюда, создавая много шума и суеты и распевая защитные тексты, дабы защитить его. Услышав это, он спросил Ананду:

«Что это за шум, суета, распевания здесь происходят, Ананда?»

«Достопочтенный, монахи узнали о том, что Дэвадатта намеревался лишить жизни Благословенного», – и он рассказал, чем они занимаются.

«Ананда, позови их от моего имени, сказав: «Учитель зовёт вас к себе».

«Да, достопочтенный», – отвечал тот и позвал монахов, сказав им: «Учитель зовёт вас к себе».

«Так точно», – промолвили они и явились к Благословенному. Он обратился к ним: «Бхиккху, это невозможно, об этом не может быть и речи, что кто-либо сможет лишить Татхагату жизни посредством насилия. Когда Татхагата достигает Ниббаны, он делает это путём, который не приемлет насилия. Ступайте к себе, бхиккху, татхагаты не нуждаются в защите».

В то время в Раджагахе обитал дикий слон по имени Налагири, убивающий людей. Дэвадатта пришёл к слоновьему питомнику и сказал погонщикам: «Мы известны даже царям и обладаем большим влиянием. Мы способны сделать так, чтобы люди из бедных мест получали бы еду и увеличивали своё жалованье. Когда отшельник Готама проследует по этой дороге, освободите слона Налагири».

«Да, достопочтенный», – отвечали погонщики.

Утром Благословенный оделся и, взяв свою чашу и верхнее одеяние, направился в большой компании монахов в Раджагаху за подаянием. Когда он вышел на дорогу, погонщики, увидев его, отпустили слона Налагири. Слон при виде Благословенного задрал свой хвост, поднял уши и хобот и бросился ему навстречу. Монахи увидели бегущего слона и сказали Благословенному: «Достопочтенный, слон Налагири свиреп и жесток, он нападает на людей, а сейчас без привязи мчится по дороге. Пусть Возвышенный вернётся назад, пусть Возвышенный свернёт с этой дороги!»

«Не бойтесь, бхиккху, идите. Это невозможно, об этом не может быть и речи, что кто-либо сможет лишить Татхагату жизни посредством насилия. Когда Татхагата достигает Ниббаны, он делает это путём, который не приемлет насилия».

Во второй и в третий раз монахи повторили свою просьбу, но каждый раз получали тот же ответ.

В эти минуты во дворцах, домах и хижинах воцарилось тревожное ожидание. Люди, обделённые верой, немудрые и неблагоприятные, заявили так: «Великий отшельник будет изувечен диким слоном» Однако те люди, которые имели веру, мудрые и благоприятные, решили так: «Слон вступит в битву со слоном».

Между тем, Благословенный осенил дикого слона Налагири добротой и любовью. Тот опустил свой хобот и, приблизившись к нему, смиренно встал перед ним. Благословенный прикоснулся к голове слона своей рукой и обратился к нему с такими строфами:

О слон, не нападай ты на слона среди людей,
Кто поступает так – лишится счастья
И тут, и после смерти;
Не будь свирепым и не будь беспечным,
Делай лишь то, что к счастью тебя ведёт.

Тогда слон Налагири, собрав хоботом пыль со стоп Благословенного рассыпал её по своей голове, повернулся и пошёл назад с места, где увидел Благословенного. Вернувшись в питомник, он встал на своё место. Он был полностью укрощён. Люди вокруг придумали такое стихотворение об этом:

Иные усмиряются кнутами,
Иные – палками и хлыстами;
Однако слон Великим мудрецом был усмирён
Без палки и без наказания.

(Вин Члвг 7:3)

Отныне слава Дэвадатты поблекла, и он вместе со своими последователями приходили за пропитанием в семьи, при этом заранее извещая, что именно они желали бы получить. Из-за этого миряне становились недовольными, роптали и протестовали: «Отчего же монахи, сыны сакьев, приходя за пропитанием в семьи, заранее извещают, что именно они желали бы получить? Кому не по нраву красивые вещи? Кто не любит приятные вещи?»

Монахи, которым доставалось слишком мало, также высказывали недовольство и доложили об этом Благословенному. Тот спросил Дэвадатту:

«Это правда, что ты поступаешь так, Дэвадатта?»

«Это правда, достопочтенный».

Благословенный выразил ему порицание, а во время наставления монахов беседой о Дхамме обратился к ним так: «Бхиккху, отныне я разрешаю бхиккху собираться в

семьях на трапезу в количестве не более трёх человек. Это делается по трём причинам: во имя укрощения злонамеренных людей и во имя благополучия благонравных; во имя того, чтобы злонамеренные люди не объединялись ради сеяния раздоров и сотворения раскола в Сангхе; во имя сострадания к семьям. Однако трапеза в группах должна происходить согласно уже установленным правилам».

(Вин Члвг 7:3; Вин Св Пач. 32)

Дэвадатта отправился к Кокаликке, Катамораку-Тиссе, Кхандадейпутте, и Самуддадатте, сказав: «Друзья, давайте посеём раздор, сотворим раскол и нарушим согласие в Сангхе отшельника Готама».

Кокалика ответил: «Отшельник Готама силён и могущественен, друг. Как нам сделать это?»

«Пойдёмте, друзья, к отшельнику Готаме и потребуем от него пяти вещей так: «Достопочтенный, Благословенный восхвалял тех монахов, которые имеют мало желаний, довольны, преданы возвращению ума, щепетильны, старательны, склонны к избавлению от всех привязанностей, усердны. Вот пять пунктов, ведущих к этим состояниям.

Достопочтенный, было бы славно, если бы бхиккху жили бы в лесу в течение всей жизни и любой, кто ушёл жить в деревне, порицался; если бы они собирали подаяние и любой, кто принимал приглашение от семьи на трапезу, подвергался порицанию; если бы они носили одеяние только из выброшенных на кладбище тряпок, а тот, кто носит одежду, пожалованную домохозяевами, порицался бы; если бы обитали под корнями деревьев, а тот, кто живёт в жилищах, порицался бы; если бы они не ели рыбу или мясо, и любой, кто это делает, подвергался бы порицанию⁸²».

«Отшельник Готама никогда не согласится с этим. Мы, тем временем, поведаем всем о пяти вещах. Обычно люди восхищаются самоотверженностью, поэтому тем самым нам удастся посеять раздор, сотворить раскол и нарушить согласие в Сангхе отшельника Готама».

После этого Дэвадатта вместе со своими последователями отправился к Благословенному и, выразив ему почтение, сел с одной стороны. Он заговорил: «Достопочтенный, Благословенный восхвалял тех монахов, которые имеют мало желаний, довольны, преданы возвращению ума, щепетильны, старательны, склонны к избавлению от всех привязанностей, усердны. Вот пять пунктов, ведущих к этим состояниям.» (Он перечислил их).

⁸² Такие аскетические практики были широко распространены среди нигантов (джайнов).

«Довольно, Дэвадатта. Пусть тот, кто желает жить в лесу, живёт в лесу, а тот, кто хочет жить в деревне – в деревне. Пусть тот, кто собирает подаяние – продолжает это делать, а тот, кто принимает приглашения от семей на трапезу – продолжает принимать. Пусть тот, кто носит одеяние из выброшенных на кладбище тряпок – носит только его, а тот, кто носит одежду, пожалованную домохозяевами – продолжает его носить. Я позволяю бхиккху жить под корнями деревьев восемь месяцев в году, но не в дождливый сезон. Я позволяю бхиккху питаться рыбой и мясом при соблюдении трёх условий – когда они не видели, не слышали и не подозревают, что рыба или животное были убиты специально для них».

Дэвадатта был счастлив и воодушевлён: «Благословенный не разрешил мне эти пять вещей!» Он поднялся со своего места и, выразив почтение Будде и обойдя его с правой стороны, удалился.

Он прибыл в Раджагаху и стал рассказывать всем встречным: «Друзья, мы посетили отшельника Готама и предложили ему принять пять вещей... Однако он отказал нам. Что касается нас самих, то мы обязуемся блюсти их».

Люди, обделённые верой, немудрые и неблагоразумные, заявили так: «Эти монахи, сыны сакьев, так усердны в одолении своих омрачений; отшельник Готама же погрузился в роскошество, стал предан роскошеству». Однако те люди, которые имели веру, мудрые и благоразумные, становились недовольными, роптали и протестовали: «Как смеет Дэвадатта стараться посеять раздор, сотворить раскол и нарушить согласие в Сангхе отшельника Готамы?»

Монахи узнали про недовольство людей. Те из них, которые были скромны и имели мало желаний, также испытали недовольство и передали эту историю

Благословенному. Он спросил Дэвадатту: «Правда ли, Дэвадатта, что ты стремишься посеять раздор, сотворить раскол и нарушить согласие в Сангхе монахов? Довольно, Дэвадатта. Не пытайся посеять раздор, сотворить раскол и нарушить согласие в Сангхе монахов. Тот, кто делает это, пожнёт горькие плоды ещё в этой самой жизни; после этого он низвергнется в ад. Но тот, кто воссоединяет уже расколотую Сангху, получает плоды в виде счастья и возродится на небесах.

Довольно, Дэвадатта. Не пытайся посеять раздор, сотворить раскол и нарушить согласие в Сангхе монахов. Это тяжкий проступок».

(Вин Члвг 7:3: Вин Св Сангх. 10)

Однажды утром достопочтенный Ананда оделся и, взяв свою чашу и верхнее одеяние, направился в Раджагаху за подаянием. Дэвадатта увидел его и, подойдя, произнёс: «Друг Ананда, отныне я буду проводить священную Упосатху и создавать новые предписания отдельно от Благословенного и его Сангхи».

Вернувшись, достопочтенный Ананда рассказал обо всём Благословенному.

Осознав значимость момента, Возвышенный воскликнул:

Легко вершить добро тому, кто сердцем добр,
Порочному добро не мило;
Порочным трудно сотворение добра,
Но благородный не способен на дурное.

На следующий день Упосатхи Дэвадатта спросил: «Друзья, мы навестили Благословенного и предложили ему ввести в качестве правил пять вещей. Он отверг наше предложение. Мы же обязуемся блюсти их. Пусть каждый из почтенных монахов, который поддерживает эти пять вещей, отдаст за них свой голос». В то время здесь было пятьсот монахов из Весали, сыны вадджиянов. Они были новичками, недавно принявшими посвящение и не обладали достаточным благоразумием. Думая: «Такова Дхамма, такова Виная, таково учение Татхагаты», они отдали свои голоса за предложение Дэвадатты.

Создав таким образом раскол в Сангхе, Дэвадатта покинул Гаясису с пятью сотнями монахов».

(Вин Члвг 7:3; Уд. 5:8)

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Благословенный пребывал в Раджагахе, на Пике коршуна. Это было вскоре после ухода Дэвадатты. По истечению ночи четыре Брахма Сахампати, прекрасный своим обличем, озарив своим сиянием всю рощу, приблизился к Благословенному и выразил ему своё почтение, встал перед ним. Затем он обратился к нему такими строфами:

Как пальма, бамбук и тростник,
Плодясь, самим себе несут погибель;
Так слава портит человека, кто никчѐмен,
Как детѐныш мула при рождении убивает свою мать.

(СН 6:12; ср. А. 4:68)

ВТОРОЙ ГОЛОС. Тхеры Сарипутта и Моггалана пришли к Благословенному. Они сказали ему: «Достопочтенный, Дэвадатта совершил раскол в Сангхе и увѐл с собой пять сотен монахов из Гаясисы».

«Разве у вас обоих нет сострадания к этим монахам? Ступайте и образумьте их, пока они не пришли к собственной погибели».

«Да, достопочтенный», – отвечали они и вскоре покинули Гаясасису. После этого компания монахов, стоявшая неподалёку от Благословенного, стала рыдать. Он спросил их: «Бхиккху, почему вы рыдаете?»

«Достопочтенный, главные ученики Благословенного отправились к Дэвадатте и вскоре попадут под его влияние, станут следовать его учению».

«Это невозможно, бхиккху, этого не может произойти, чтобы Сарипутта и Моггалана попали под влияние Дэвадатты и стали следовать его учению. Напротив, они образумят всех ушедших бхиккху».

Дэвадатта сидел в окружении большого количества монахов, наставляя их Дхамме. Он на расстоянии увидел идущих Сарипутту и Моггалану. Увидев их, он промолвил: «Смотрите, бхиккху, как славно мною провозглашена Дхамма. Даже главные ученики отшельника Готамы приходят ко мне, чтобы следовать моему учению».

Когда так было сказано, Кокалика предупредил Дэвадатту: «Друг Дэвадатта, не доверяйся им. Они находятся во власти злых намерений».

«Довольно друг; я приветствую их, раз они пришли послушать мою Дхамму». Затем Дэвадатта предложил достопочтенному Сарипутте половину своего места:

«Подойди, друг Сарипутта, сядь здесь».

«Довольно, друг», — отвечал тот и, взяв подушку, сел сбоку. Достопочтенный Моггалана сделал то же самое. Дэвадатта наставлял, побуждал, воодушевлял и монахов беседами о Дхамме на протяжении большей части ночи, а затем сказал: «Друг Сарипутта, Сангха монахов по-прежнему лишена усталости и сонливости. Возможно, ты мог бы наставить их беседой о Дхамме. Моя спина болит, и я мог бы отдохнуть».

«Да, друг», – отвечал достопочтенный Сарипутта. Тогда Дэвадатта сложил свою верхнюю чивару, сотканную из кусков выброшенных тряпок, вчетверо, прилёг на правый бок, подобно льву, царю зверей, с одной ногой, перекрещённой с другой. Однако он устал и заснул, потеряв своё памятование и ясное постижение.

В это время достопочтенный Сарипутта наставлял и увещевал монахов беседой о Дхамме, используя чудесную способность читать умы других людей, и достопочтенный Моггалана тоже наставлял и увещевал монахов беседой о Дхамме, используя чудесную способность читать умы других людей, до тех пор, пока в монахах не воссияло незапылённое, безупречное видение Дхаммы: «Всё, что имеет природу возникновения, — имеет природу прекращения».

После этого достопочтенный Сарипутта обратился к монахам: «Бхиккху, мы возвращаемся к Благословенному. Кто из вас действительно следует Дхамме, им возвещённой, пусть идёт с нами». Так достопочтенные Сарипутта и Моггалана увели пять сотен монахов обратно в Бамбуковую рощу.

Кокалика разбудил Дэвадатту: «Просыпайся, друг! Монахи были уведены обратно Сарипуттой и Моггалланой! Разве я не предупредил тебя, что у них злые помыслы и намерения?»

От этой вести у Дэвадатты пошла горлом кровь.

Достопочтенные Сарипутта и Моггаллана прибыли к Благословенному, сказав: «Достопочтенный, было бы справедливо, если бы бхиккху, вставшие на сторону раскольника Сангхи, приняли бы повторное посвящение».

«Довольно, не настаивайте, чтобы бхиккху, вставшие на сторону раскольника Сангхи, приняли бы повторное посвящение. Пусть они сделают признание в тяжком проступке. Однако, поведайте мне: как же вёл себя Дэвадатта?»

«Достопочтенный, он вёл себя в точности, как Возвышенный: наставлял, воодушевлял и пробуждал монахов беседой о Дхамме на протяжении большей части ночи, а затем сказал мне: «Друг Сарипутта, Сангха монахов по-прежнему лишена усталости и сонливости. Возможно, ты мог бы наставить их беседой о Дхамме. Моя спина болит, и я мог бы отдохнуть».

Тогда Благословенный произнёс: «Однажды, бхиккху, несколько слонов жили в лесу неподалёку от большого пруда. Они заходили в пруд и выдёргивали хоботами стебли лотоса и мыли их так, что те становились совершенно чистыми. После этого они жевали их и глотали, потому что на стеблях не оставалось грязи. Это было хорошо для их здоровья и внешнего вида, и это не приводило их ни к смерти, ни к смертельным мучениям. Однако однажды молодые, необученные, слонята тоже вошли в пруд и выдернули своими хоботами стебли лотоса стволы; но вместо того, чтобы вымыть их дочиста, они прожевали их и проглотили их вместе с грязью. Такое поступок не только не принёс им пользы для здоровья и внешнего вида, но привёл их к смерти и смертельным мучениям. Подобно им, Дэвадатта погибнет жалкой смертью, подражая мне».

Мне подражая, он погибнет в муках,
Словно слонёнок, поедающий грязь,
Что подражает взрослому слону,
Который бдительный и смыл всю грязь.

(Вин Члвг 7:4)

Бхиккху считается подходящим для проповедования Дхаммы, если обладает восемью качествами. Какими восемью?

Так, он является тем, кто слушает (1) и кто даёт слушать другим (2); кто учится сам (3) и способствует обучению других (4); кто понимает склонности других людей (5);

кто знает, что является существенным, а что – несущественным (6); кто обладает хорошей памятью (7); кто не склонен к распрям (8).

Пред собраньем знатным не трепещет,
Он не теряет своей речь суть
И не скрывает ничего внутри;
Он говорит уверенно,
Не сбиваясь с толку вопрошаньями.
Таков он, бхиккху,
Кто проповедовать готов.

(Вин Члвг 7:4; АН 8:16)

Бхиккху, Дэвадатта всецело сбит с толку, а его разум охвачен восемью неблагими вещами, из-за которых ему суждено низвергнуться в мир скорби, в ад, и оставаться там в течение целой каппы. Что это за восемь неблагих вещей?

Это: обретение и утрата обретения, слава и утрата славы, почтение и утрата почтения, злые желания и дурные друзья. Из-за этих одержимости этими восемью вещами Дэвадатте суждено низвергнуться в мир скорби, в ад, и оставаться там в течение целой каппы.

Бхиккху, вам следует преодолевать, побеждать каждую из этих восьми вещей, как только она начинает зарождаться в вашем разуме. Какой же смысл, какие преимущества даёт вам победа над ними? Знайте, что в том, кто не побеждает постоянно эти восемь вещей, могут возникнуть пороки и омрачения, а в том, кто побеждает – этих пороков и омрачений не может возникнуть.

О бхиккху, воспитывайте себя так: «Мы будем преодолевать, побеждать каждую из этих восьми вещей, как только она начинает зарождаться в нашем разуме.

Дэвадатта всецело сбит с толку, а его разум охвачен ещё тремя неблагими вещами, из-за которых ему суждено низвергнуться в мир скорби, в ад, и оставаться там в течение целой каппы. Что это за три не благие вещи? Это: злые желания, дурные друзья и остановка на полпути после достижения мирских чудесных способностей».

(Вин Члвг. 7:4; АН 8:7; Ити 89)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. В Палийском каноне не описаны подробности смерти Дэвадатты. Комментарий утверждает, что земля разверзлась и поглотила его, и он провалился в самые глубины ада, чтобы остаться там до разрушения этого ада в связи с концом мирового цикла.

Комментарий также свидетельствует о том, что после добровольного отказа царя Бимбисары от власти Аджасатту заточил отца в темницу, а затем казнил. Воцарение

честолюбивого Аджасатту ознаменовалось войной между двух влиятельных государств – Магадхи и Косалы, где дядя вступил в конфликт со своим племянником.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Так я слышал. Однажды Благословенный пребывал в Саваттхи. В то время Аджатасатту Ведехипутта, царь Магадхи, собрал четырёхчастное войско со слонами, кавалерией, колесничими и пехотой, направив её в страну Каси против Пасенади, царя Косалы. Царь Пасенади услышал об этом и сам, собрав четырёхчастное войско, двинулся в Каси, чтобы вступить в бой с царём Аджатасатту. Два царя вступили в поединок. Аджатасатту удалось победить царя Пасенади, который был вынужден отступить к своей столице, Саваттхи.

Монахи ходили за подаянием в Саваттхи и услышали об этом, после чего передали всё Благословенному. Он сказал: «Аджатасатту Ведехипутта, царь Магадхи, имеет дурных друзей, дурных соратников, дурных близких; Пасенади, царь Косалы, имеет хороших друзей, хороших соратников, хороших близких. Однако царь Пасенади проведёт эту ночь в скорби, как тот, который потерпел поражение».

Победа порождает недругов,
А побеждённый пребывает в скорби;
Тот, кто спокоен – живёт в мире,
Нет поражения и победы для него.

Через некоторое время сражения возобновились. На этот раз царю Пасенади удалось пленить царя Аджасатту живым. Внезапно царю Пасенади пришло на ум такое размышление: «Аджатасатту Ведехипутта, царь Магадхи, напал на меня, хотя я не нападаю на него, но всё же он мой племянник. Отчего бы мне не забрать всех его слонов, коней, боевую пехоту, и не отпустить его с миром, сохранив ему жизнь?»

Монахи, собирающие в Саваттхи подаяние, узнали об этом и передали Благословенному.

Осознав значимость момента, Возвышенный воскликнул:

Добро он похищает у других,
Покуда не ограбят самого его,
Ограбленный, он продолжает обирать других до нитки.

Глупец себя везучим мнит,
Покуда плоды злочинств его не стали зрелы;
Когда они созреют,
Он будет горевать, платя за прошлое своё.

Кто убивает – будет сам убит,
Кто завоёвывал других – сам будет завоёван,
Кто сквернословит – встретит брань в свой адрес,
Вращается так каммы колесо,
Ограбленным в конце окажется грабитель.

(СН 3:14-15)

14. ПРЕКЛОННЫЕ ГОДЫ

В Саваттхи, в середине дня, царь Косалы Пасенади приблизился к Благословенному, выразил ему своё почтение и сел рядом. Тогда Благословенный спросил его:

— Откуда ты пришёл в середине дня, Великий царь?

— Достопочтенный, прямо сейчас я вовлечён в различные дела, обычные для царей, опьянённых владычеством, охваченных жадой чувственных наслаждений, достигших стабильного контроля над своей страной; привычные дела для тех, кто правит, захватив огромные земли.

— Что ты думаешь, Великий царь? Предположим, что надёжный, заслуживающий доверия человек с востока, пришёл бы к тебе и доложил: «Безусловно, о владыка, ты должен быть осведомлён об этом: я приехал с востока, и там я видел огромную гору величиной с облако, которая следует этим путём и сметает на нём всех живых существ. Поступай, как считаешь нужным, великий царь».

Затем второй человек пришёл бы к тебе с запада... третий с севера... четвёртый надёжный, заслуживающий доверия человек, пришёл бы к тебе с юга и доложил: «Безусловно, о владыка, ты должен быть осведомлён об этом: я приехал с юга, и там я видел огромную гору величиной с облако, которая следует этим путём и сметает всех живых существ. Поступай, как считаешь нужным, великий царь». Если бы, Великий царь, столь непомерная опасность возникла бы, столь нещадное уничтожение человеческой жизни — жизни, которую так сложно обрести, то что следовало бы сделать?

— Если бы, достопочтенный, столь непомерная опасность возникла бы, столь нещадное уничтожение человеческой жизни — жизни, которую так сложно обрести, то следовало ли бы делать нечто иное, нежели жить в соответствии с Дхаммой, жить правильно, творя благие и полезные дела?

— Я возвещаю тебе, Великий царь, я заявляю: старение и смерть подкрадываются к тебе. Когда старение и смерть подкрадываются к тебе, что следует сделать?

— Если старение и смерть подкрадываются ко мне, то следует ли мне делать нечто иное, нежели жить в соответствии с Дхаммой, жить правильно, творя благие полезные дела? Достопочтенный, цари, опьянённые владычеством, охваченные

жаждой чувственных наслаждений, достигшие стабильного контроля над своей страной, и те, кто правит, захватив огромные земли, — все они одержали победу при помощи воинов, сражавшихся на слонах, сражавшихся на конях, сражавшихся на колесницах и сражавшихся в пешем строю; но нет ни единой надежды на победу при помощи таких битв, нет шанса на успех, когда старение и смерть подкрадываются к тебе. При этом царском дворе, достопочтенный, существуют советники, способные при помощи хитрых уловок рассорить врагов, которые явятся сюда, но все они бессильны, когда старение и смерть подкрадываются к тебе. При этом царском дворе, достопочтенный, существуют несметные запасы золота, спрятанного в подвалах и хранилищах, с помощью которого мы можем умиловить пожаловавших недругов, но нет надежды на победу с помощью богатства, нет шансов на успех, когда старение и смерть подкрадываются к тебе.

Когда старение и смерть подкрадываются, то следует ли сделать нечто иное, нежели жить в соответствии с Дхаммой, жить правильно, творя благотворные и полезные дела?

— Так это, так это, Великий царь! Если старение и смерть подкрадываются к тебе, то следует ли сделать нечто иное, нежели жить в соответствии с Дхаммой, жить правильно, творя благотворные и полезные дела?

(СН 3:25)

Однажды Благословенный пребывал в Саваттхи, Восточном монастыре, дворце матери Мигары. Оставив своё созерцание вечером, он сидел в лучах заходящего солнца, которое грело ему спину. Достопочтенный Ананда приблизился к нему и выразил своё почтение. Растирая тело Благословенного, он воскликнул: «Это удивительно, достопочтенный, это поразительно! Ведь цвет лица Возвышенного потерял свою яркость, члены его стали вялыми и испещрёнными морщинами, его тело сторбилось, а способности органов чувств ослабли и претерпели изменения». «Так оно, Ананда, так оно. Юность клонится к увяданию, здоровье сменяется хворью, жизнь заканчивается смертью. Мой цвет лица потерял свою яркость, члены моего тела стали вялыми и испещрёнными морщинами, тело сторбилось, а способности органов чувств ослабли и претерпели изменения».

Так говорил Возвышенный. Сказав это, Учитель добавил:

Позор тебе, старость жалкая,
Уродства создательница;
Растоптала старость форму,
Что некогда красой блистала.

Пусть целый век человек проживёт тут,
Но смерть его настигнет;
Никого не пожалеет она,
Всех заберёт с собою.

(СН 48:41)

Однажды Благословенный пребывал в Самагаме, в стране сакьев. Это было вскоре после смерти Нигантхи Натхапутты, который закончил свои дни в Паве. Все нигантхи сразу разделились на две противоборствующие группы, которые ссорились, спорили, пререкались, ранили друг друга ядом своих слов, заявляя: «Ты не знаешь этой Дхаммы и Винаи! Как ты можешь понять эту Дхамму и Винаю? Твой путь неверный! Мой путь – верный! Ты непоследовательный! Я – последовательный! То, что следовало сказать в начале, ты говоришь в конце. То, что следовало сказать в конце, ты говоришь в начале. Всё, что ты утверждал – было вывернуто наизнанку. Твоё учение было опровергнуто. Ты – никчёмен! Иди и учись, постарайся образумиться, если ещё способен на это!»

Такая междоусобица воцарилась между нигантхами. Их мирские последователи чувствовали себя разочарованными, удручёнными, обманутыми, потому что оказались ведомы дурно провозглашёнными Дхаммой и Винаей, которых трудно постичь, но которые никуда не ведут, не даруют покоя и возвещены не тем, кто действительно пробудился к истине. Их алтарь был разбит вдребезги, а они сами остались без прибежища.

Тогда послушник Чунда, который проводил сезон дождей в Паве, отправился к достопочтенному Ананде и поведал ему о случившемся. Они вместе пришли к Благословенному и передали ему эту историю. Послушник Чунда добавил: «Достопочтенный, мне пришло на ум: «Пусть здесь не будет раздоров, когда Благословенный оставит этот мир. Раздоры в Сангхе могут стать пагубой и несчастьем для многих; могут навлечь бедствие, утрату и страдания на людей и божеств».

«Ананда, то учение, которое я открыл и которое поведал тебе, а именно: четыре основы памятования, четыре основы духовных сил, пять духовных способностей, пять сил, семь факторов Пробуждения, Благородный восьмеричный путь, – видишь ли ты хотя бы двух бхиккху, которые обучали бы этим темам вразной?»

«Нет, достопочтенный, но, возможно, что есть люди, живущие в послушании Благословенному сейчас, но способные после его ухода затеять споры о своде монашеских правил. Раздоры в Сангхе могут стать пагубой и несчастьем для многих».

«Спор про образ жизни или о своде монашеских правил не так важны, Ананда. Но если в Сангхе возникнут споры о сути Учения и о Благородном пути, то они действительно могут стать пагубой и несчастьем для многих».

(МН 104)

Однажды Благословенный пребывал в Весали, в роще на западе от города. В то время Сунаккхатта, сын личчхави, оставил Дхамму и Винаю и делал в Весали такие заявления: «У отшельника Готама нет никаких сверхчеловеческих достижений, которыми наделены благородные, имеющие знание и видение. Отшельник Готама обучает Дхамме, основанной на его собственных размышлениях, следуя исследованию, которое открывается ему; и когда кто-либо следует Дхамме, проповеданной отшельником Готамой, это приводит его к полному уничтожению всех страданий».

Достопочтенный Сарипутта узнал об этом и передал Благословенному. Тот ответил: «Этот заблудший человек зол, и его слова произносятся из побуждений злобы. Воображая, что порицает меня, в действительности он меня восхваляет, заявляя: «Когда кто-либо следует Дхамме, проповеданной отшельником Готамой, это приводит его к полному уничтожению всех страданий».

«Сарипутта, я был подвижником, который на собственном опыте познал святую жизнь, наделённую четырьмя факторами. Я тренировался в исключительном подвижничестве, в суровом подвижничестве, в тщательном подвижничестве и в уединении.

Я везде ходил обнажённым, отвергая условности, я облизывал руки, не подходил, когда меня звали, не останавливался, когда меня просили; я не принимал приготовленной для меня пищи, ни иных вещей, ни приглашений на трапезу. Я ничего не принимал из горшка, из чаши, через порог, через палку, через пестик. Я не принимал подаяния от двух людей, которые принимали пищу вместе, от беременных женщин, от женщин, кормящих грудью, от женщин, живущих с мужчиной. Я не принимал подаяния в местах, где раздавали еду, где были собаки, где летали мухи. Я не ел ни рыбы, ни мяса, я не пил опьяняющих напитков. Во время сбора подаяния я заходил только в один дом и принимал только один кусочек пищи; в два дома... три дома... в семь домов и принимал только семь кусочков пищи. Я ел лишь одну маленькую ложку еды... семь ложек в день. Я принимал пищу один раз в день, один раз в два дня... один раз в семь дней; и так, до одного раза в две недели. Я придерживался установленных промежутков времени для приёма пищи. Я питался травой, просом, диким рисом, мхом, рисовыми отрубями, кунжутной мукой, коровьим навозом; я питался лесными кореньями и плодами.

Я носил одеяния из пеньки, из парусины, из савана, из выброшенного тряпья, из коры, из шкуры антилопы, из ткани травы куса, из ткани из коры, из шерсти животных, из совиных крыльев. Я вырывал свои волосы и бороду, придерживаясь практики выдёргивания волос и бороды. Я был тем, кто постоянно стоял, отказываясь от сидений. Я был тем, кто постоянно сидел на корточках. Я был тем, кто использовал матрас из шипов; я сделал матрас из шипов для своей постели. Я купался в воде три раза в день, включая время, близкое к ночи. На самом деле, я жил, занимаясь многими практиками умерщвления плоти и истязания своего тела. Таково было моё подвижничество.

Суровость моего подвижничества

Как ствол дерева тиндука, разрастаясь с годами, отслаивается, так и пыль и грязь, накапливаясь годами, оседая на моем теле, отслаиваясь. Но мне даже не приходило на ум: «О, пусть я сотру эту пыль и грязь рукой, или пусть другой сотрёт с меня рукой эту пыль и грязь». Я был лишён таких размышлений.

Такова была суровость моего подвижничества.

Тщательность моего подвижничества

Я всегда пребывал в памятовании, когда ходил туда и сюда. Я имел сострадание даже к каплям воды таким образом: «Пусть я не причиню вреда крошечным существам, обитающих в расщелинах земли».

Такова была щепетильность моего подвижничества.

Уединение

Я уходил в лес и оставался там. Подобно тому, как лесной олень, увидев людей, бежит от из рощи в рощу, из чащи в чащу, от холма к холму, то и я, завидев пастуха или собирателя травы и палок, убегал из рощи в рощу, из чащи в чащу, из холма к холму. Почему? Чтобы они не видели меня, и чтобы я не увидел их. Таково было моё уединение.

Я полз на четвереньках к хлеву, когда пастухи оставляли там скот и питался навозом молодых телят. Если у меня были собственные экскременты и моча, я питался ими.

Такова была моя практика поедания нечистот.

Я удалялся во внушающий ужас и трепет лес и оставался там. Этот лес был столь страшен, что у человека, не лишённого страстей, волосы на голове вставали бы дыбом. Во время обильного восьмидневного снегопада я оставался ночью на открытой местности, а днём – в лесу. В последний месяц жаркого сезона я пребывал

днём на открытой местности, а ночью – в лесу. В то время мне на ум пришли такие строфы:

Заледневший ночью и опалённый зноем днём,
Один в лесу, который внушает ужас;
Нагой, огня лишённый,
Отшельник продолжает искания свои.

Я соорудил себе ложе на кладбище из костей мертвецов в качестве подушки. В это время мальчики-пастухи подходили и плевали на меня, мочились на меня, бросали на меня грязь и тыкали палочками мне в уши. Но я не зародил по отношению к ним ни единой мысли о враждебности. Такова была моя равностность.

Есть некоторые отшельники и брахманы, которые утверждают, что очищение человека происходит посредством питания. Они заявляют: «Будем питаться только фруктами колы», и они едят фрукты колы, они едят порошок из фруктов колы, они пьют воду из фруктов колы, они делают много видов отваров из фруктов колы. Что касается меня, то я ел только один фрукт колы в день. Сарипутта, может быть, ты думаешь, что фрукты колы в то время были крупнее, но не следует думать так. Они тогда были в лучшем случае такого же размера, как сейчас.

Из-за того, что я ел только один фрукт колы в день, моё тело достигло крайней степени измождения. Опять же, есть некоторые монахи и брахманы, которые утверждают и верят, что очищение приходит посредством питания, и они заявляют: «Будем питаться бобами», «Будем питаться кунжутом», «Будем питаться рисом». В те времена я съедал лишь одну фасолину в день... одно семя кунжута... одно зёрнышко риса... Однако при помощи такого подвижничества, исполнения таких ритуалов, такой практики и трудных подвигов я не приобрёл никаких сверхчеловеческих достижений, которыми наделены благородные, имеющие знание и видение.

Почему? Потому что я не достиг благородного понимания, которое, будучи достигнутым, приводит к полному истощению страданий того, кто практикует его, принадлежащему к благородному состоянию и уводящему вперёд (от мира). Есть некоторые отшельники и брахманы, которые утверждают, что очищение происходит через определённый круг перерождений. Однако невозможно найти тот круг перерождений, которого у меня еще не был пройден в этом долгом сансарном странствии, за исключением Чистых обителей⁸³. Если я бы возродился в Чистых обителях, я бы уже не вернулся в этот мир.

⁸³ Чистые обители – это часть обителей Брахмы, в которой могут родиться только анагамины, то есть те, кто после пребывания здесь достигнут Ниббаны, не возвращаясь ни в один из миров.

Есть некоторые отшельники и брахманы, которые утверждают, что очищение происходит посредством жертвоприношения. Однако невозможно найти жертвоприношение, которое бы не совершалось мной в течение этого долго сансарного странствия, когда я был либо помазанным на царство благородным царём, либо богатым брахманом.

Есть некоторые отшельники и брахманы, которые утверждают, что очищение происходит посредством поклонения огню. Однако невозможно найти такое поклонение огню, которое бы не совершалось бы мной в течение этого долгого сансарного скитания, когда я был либо помазанным на царство благородным царём, либо богатым брахманом.

Есть некоторые отшельники и брахманы, которые утверждают: «Пока этот славный человек ещё молод, пока он – черноволосый юноша, одарённый благословением молодости, в самом расцвете лет, – он совершенен в своей мудрости и ясности ума. Но когда он стар, достиг преклонного возраста, согбен годами, прожил жизнь, подошёл к её краю, будучи в возрасте восьмидесяти, девяноста или сто лет, то его мудрость и ясность ума исчезают. Но не следует так считать. Сейчас я стар, достиг преклонного возраста, согбен годами, прожил жизнь, подошёл к её краю: мне исполнилось восемьдесят. Вообрази себе, что у меня было бы четыре ученика, совершенных в памятовании, обладающих блестящей памятью, мудростью и ясностью ума, и срок жизни каждого составлял бы сто лет. Подобно тому, как если бы умелый лучник – обученный, искусный, опытный, – мог бы без труда выпустить по тени банановой пальмы стрелу, то вообрази, что эти четыре моих ученика обладали бы совершенным памятованием, блестящей памятью, мудростью и ясностью ума. Представь, что все они непрерывно задавали бы мне вопросы о четырёх основах памятования, и, будучи спрошенным, я отвечал им, и они бы запоминали каждый мой ответ и никогда бы не задавали иных вопросов и останавливались бы лишь на сон, еду, посещение отхожего места и отдых, чтобы устранить сонливость и усталость. И даже в этом случае изложение Татхагаты Дхаммы, его объяснение факторов Дхаммы и его ответы на вопросы не подошли бы к концу, а эти четыре моих ученика со сроком жизни в сотню лет скончались бы по истечении этих ста лет. Сарипутта, даже если бы тебе пришлось носить меня на руках, чтобы уложить на постель, всё равно не было произошло бы никаких изменений в мудрости и ясности ума Татхагаты.

(МН 12)

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. В последние годы жизни Будды произошёл ряд досадных событий. Точнее, они были досадными с точки зрения обычного взгляда на жизнь.

Мы рассказали выше, как бывший бхиккху Сунакхатта (когда-то личный слуга Будды) отрёкся от него и публично выступил против, умаляя его чудесные способности, после чего Будда издал свой «львиный рык», или заявление о том, что не было такой аскетической практики, которую он бы не попробовал и того метода очищения ума, что он не практиковал.

Теперь ему предстоит потерять двух своих главных учеников. При этом царь Косалы Пасенади, преданный Будде в течение более сорока лет, всё сильнее вовлекался в различные политические интриги.

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Царь Пасенади был ровесником Будды, соответственно, в описываемые нами времена ему было уже восемьдесят лет. Он был втянут в бесплодные и изматывающие войны со своим племянником, царём Магадхи Аджасатту, а также периодически вспыхивающими волнениями внутри своего царства. В результате дворцовых происков глава его войска, генерал Бандхула, был обвинён в покушении на царя и казнён за это. Однако впоследствии царь узнал, что генерал был невиновен. Угрызения совести стали мучить его. Чтобы как-то загладить свою вину, он назначил на пост казнённого генерала его племянника Дигху Караяна.

(Из комментариев к ДН 16 и МН 89)

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. В один из дней царь Пасенади пришёл к Будде за советом. Царица Маллика, его верная супруга, скончалась, что оказало на царя тяжелейшее впечатление и погрузило в глубокое уныние. За утешением он обратился к Будде, жившему тогда в Саваттхи.

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Царский дворец и великолепная столица больше не доставляли ему никакой радости. Он стал странствовать с места на место с большой свитой, не имея особого плана.

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Во время своего беспокойного странствия по старым местам, с которым у царя Пасенади было связано множество воспоминаний, его пути иногда пересекались с Буддой, и он навещал его. Его смерть не описана в Типитаке; но одна речь помещена комментарием среди событий, непосредственно этому предшествовавших.

Вот эта история.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Так я слышал. Однажды Благословенный пребывал в стране сакьев, в городе сакьев под названием Медалумпа. Царь Косалы Пасенади прибыл в то время в Нагараку по какому-то делу. Там он сказал Дигхе Караяне:

«Друг мой, подготовьте царские колесницы. Пойдёмте в парк развлечений, чтобы посмотреть на приятные виды».

«Да, повелитель», — ответил Дигха Караяна. Когда колесницы были готовы, он известил царя: «Повелитель, царские колесницы готовы. Теперь вы можете делать то, что пожелаете».

Царь Пасенади воссел на свою роскошную колесницу и со всем царским блеском и пышностью отправился в сторону парка. Колесница довезла его так далеко в парке, насколько это было возможно, а потом он пошёл пешком. Пока он прогуливался туда и сюда, он увидел место, которое зародило в нём доверие и интерес — это были тихое место, где росли деревья, которое находилось вдали от шума и гомона, тихое и подходящее для уединённого созерцания. Всё это напомнило царю о Будде. Он молвил: «Дигха Караяна, мой друг, эти корни деревьев выглядят точно так же, как те, где мы выражали почтение Благословенному, полностью и в совершенстве Пробуждённому. Где он проживает сейчас, Благословенный, полностью и в совершенстве Пробуждённый?»

«Великий царь, есть такой город в стране сакьев под названием Медалумпа. Благословенный, полностью и в совершенстве Пробуждённый сейчас проживает там».

«Как далеко от Нагараки до Медалумпы?»

«Недалеко, Великий царь, где-то три лиги. Мы сможем доехать туда засветло».

«Тогда приготовьте колесницы, мой друг. Давайте навестим Благословенного, полностью и в совершенстве Пробуждённого».

«Да, Великий царь», — отвечал Дигха Караяна. И царь отбыл из Нагараки в город сакьев Медалумпа, прибыв туда засветло. Колесница довезла его так далеко в парке, насколько это было возможно, а потом он пошёл пешком, отпустив колесницу. Ему встретились на пути несколько монахов, которые прогуливались назад и вперёд на открытом воздухе. Он приблизился к ним и задал вопрос: «Почтенные, где можно найти Благословенного, полностью и в совершенстве Пробуждённого? Мы должны навестить его».

«Вот его жилище, Великий царь, с закрытой дверью. Подойди к крыльцу тихо и не спеша; затем покашляй и коснись засова. Благословенный откроет тебе дверь».

Царь Пасенади вынул свой меч из ножен и отдал его Дигхе Караяне вместе со своей царской короной. Тот подумал: «Видимо, у царя какая-то секретная встреча, мне следует оставаться здесь и ждать его».

Царь пошёл к жилищу Благословенного, как ему было наказано. Он тихо и не спеша приблизился к крыльцу, кашлянул и коснулся засова. Благословенный отворил ему дверь. Зайдя, царь простёрся ниц пред ним, осыпал его стопы поцелуями и погладил их руками, произнеся три раза: «Достопочтенный, я Пасенади, царь Косалы! Достопочтенный, я Пасенади, царь Косалы! Достопочтенный, я Пасенади, царь Косалы!»

«Великий царь, какую пользу ты зришь в том, чтобы воздавать столь большие почести этому телу и выказывать такое добродушие?»

«Я верю, достопочтенный, в то, что это правда: что Благословенный – полностью и в совершенстве Пробуждённый; что Дхамма славно возвещена им; что Сангха учеников Благословенного следует верным путём. Достопочтенный, я вижу различных отшельников и брахманов, которые ведут святую жизнь на протяжении десяти, двадцати, тридцати, сорока лет, однако после этого я замечаю их, услаждающих себя всеми пятью нитями чувственных услад. Здесь, однако, я вижу монахов, которые ведут безупречную во всех отношениях святую жизнь так долго, сколько длится их дыхание. Воистину, достопочтенный, мне не довелось нигде больше лицезреть столь чистую жизнь, как в Сангхе Благословенного. Вот почему я верю, в то, что это правда: что Благословенный – полностью и в совершенстве Пробуждённый; что Дхамма славно возвещена им; что Сангха учеников Благословенного следует верным путём.

Опять же, достопочтенный, цари ссорятся с царями, кхаттии с кхаттиями, брахманы с брахманами, домохозяева с домохозяевами, мать ссорится с сыном, сын с матерью, отец с сыном, сын с отцом, брат ссорится с братом, брат с сестрой, сестра с братом, друг ссорится с другом. Однако здесь я вижу монахов, которые живут в полном согласии и сплочённости, словно молоко и вода, взирая друг на друга очами, исполненными доброты. Воистину, достопочтенный, мне не довелось нигде больше лицезреть такого согласия, как в Сангхе Благословенного. Вот почему я верю...

Опять же, достопочтенный, прогуливаясь из парка в парк, из сада в сад, я встречал множество отшельников и брахманов, которые были измождёнными, неказистыми, с жёлтыми лицами, с венами, которые выступали на теле, словом, в таком виде, что их не хочется видеть вновь. Мне пришло на ум: «Эти почтенные ведут святую жизнь, будучи несчастными, или же они совершили какое-то преступление и вынуждены скрываться тут». Когда я приблизился к ним и спросил о том, что с ними случилось, они ответили, что это семейная болезнь. Однако здесь я вижу монахов, которые счастливы, веселы, искренне довольны, спокойны и невозмутимы, сияют свежестью, живя на подаяния от других и имеют ум, подобный уму дикого оленя. Я думаю: «Безусловно, эти достопочтенные обрели превосходное различение в учении Благословенного, раз они выглядят таким образом». Вот почему я верю...

Опять же, достопочтенный, я, будучи помазанным на царство благородным царём, способен наказать того, кого следует наказать; наложить взыскание на того, на кого следует наложить взыскание; и изгнать того, кого следует изгнать. И, несмотря на это, когда я восседаю на собрании, мои подданные то и дело перебивают меня. Я прошу их: «Господа, не перебивайте меня, пока я не завершу свою речь», но они всё равно делают это.

Однако здесь я наблюдаю, как Благословенный наставляет Дхамме большое количество монахов, и в это время невозможно услышать даже шороха, даже одного покашливания, среди его последователей. Однажды во время наставления Благословенным сотен монахов один из них позволил себе прочистить горло, но тут же был одёрнут своими собратьями: «Друг, пожалуйста, не шуми, когда Благословенный наставляет Дхамме». И я подумал: «Это чудесно, это удивительно! Ученики Благословенного были так славно воспитаны безо всякого насилия и без палки». Воистину, достопочтенный, мне не довелось нигде больше лицезреть такого воспитанного собрания, как здесь. Вот почему я верю...

Опять же, достопочтенный, я видел здесь образованных и знатных людей — умных, знающих об учениях других; с умами острыми, как стрела, пронзающая волосок; они странствовали тут и там, разбивая в пух и прах воззрения других при помощи остроты своих умов. Слыша, что отшельник Готама посетит такую-то деревню или город, они замышляли так: «Мы придём к отшельнику Готаме и зададим ему этот вопрос. Если, будучи спрошен так, он ответит так, то мы опровергнем его учение таким образом; а если, будучи спрошенным так, он ответит эдак, мы опровергнем его учение другим образом». И они слышали, что отшельник Готама посетил такую-то деревню или город. Они шли к нему, и отшельник Готама наставлял, побуждал, воодушевлял и радовал их беседой о Дхамме. И после того, как они были наставлены, побуждены, воодушевлены и обрадованы беседой о Дхамме отшельника Готамы, они не смели даже задать ему вопрос, не говоря о том, чтобы опровергнуть его учение. В действительности, они становились его последователями. Вот почему я верю...

Опять же, достопочтенный, есть два плотника — Исидатта и Пурана, которые принимают от меня пропитание и живут на моём содержании, чья репутация и жизнь полностью зависит от моего благоволения. Однако они относятся ко мне с меньшим почтением, чем к Благословенному. Однажды, когда моё войско проводило манёвры, я решил проверить этих плотников и поместил их в очень тесное жилище. Оказалось, что они провели всю ночь, беседуя о Дхамме, а затем, укладываясь спать, легли головами к тому месту, где находился Благословенный и ногами в мою сторону. И я подумал: «Это чудесно, это удивительно! Безусловно, эти славные товарищи обрели превосходное различие в учении Благословенного».

И это тоже — причина, почему я верю, что Благословенный — полностью и в совершенстве Пробуждённый; что Дхамма славно возвещена им; что Сангха учеников Благословенного следует верным путём.

Опять же, достопочтенный, Благословенный является благородным воином, и я являюсь благородным воином; Благословенный из знатного рода, и я из знатного рода; Благословенному восемьдесят и мне тоже восемьдесят. Вот какую пользу я вижу в том, чтобы воздавать столь большие почести телу Благословенного и

выказывать такое добродушие. А сейчас нам пора идти. Мы очень заняты и у нас много дел».

«Ступай, Великий царь, если считаешь нужным».

Царь Пасенади поднялся со своего места, и, выразив почтение, обошёл справа Благословенного и удалился.

Вскоре после его ухода Благословенный обратился к монахам: «Бхиккху, этот царь Пасенади воздвиг настоящий литературный памятник Дхамме, прежде чем подняться со своего места и удалиться. Выучите этот наизусть, ибо это приводит к благоденствию и является основой для святой жизни».

Так было сказано Благословенным. Монахи были довольны и обрадованы его словами.

(МН 89)

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. То, что произошло с царём Пасенади после встречи с Буддой описано только в комментариях.

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Когда царь зашёл в жилище Будды, оставив свои царские принадлежности Дигхе Караяне, последний начал испытывать волнение и подозрительность. Он стал раздумывать о том, что его дядя генерал был казнён вскоре после беседы Будды с царём, и стал бояться, что его ожидает та же участь сейчас. По этой причине вскоре после того, как за царём закрылась дверь, он взял царские принадлежности и вернулся к тому месту, откуда он явился вместе с царём. Он пришёл к царскому сыну, принцу Видудабхе, предложив ему немедленно занять трон, либо, если он не послушается, то Дигха Караяна пригрозил сделать это сам. Принц согласился. Тогда, оставив позади одну лошадь, щит и одну наложницу из гарема, Дигха Караяна и вся остальная свита заторопились в Саваттхи, велев наложнице передать царю не следовать за ними, если ему дорога жизнь. Царь тем временем покинул жилище Будды и, вернувшись на стоянку, не застал там никого, кроме одной наложницы. Она рассказала ему, что произошло.

Он решил обратиться за помощью к своему племяннику, принцу Аджасатту. Во время долгого странствия в Раджагахе ему пришлось питаться грубой пищей, которую он прежде никогда не пробовал, и пить много воды. Он прибыл в Раджагаху поздним вечером, когда ворота уже были закрыты, и царь был вынужден переночевать в обычной ночлежке. Ночью царя одолела жестокая болезнь, а к утру он скончался. Его наложница, на руках которых он умер, стала причитать: «Мой господин, царь Косалы, который правил двумя царствами, закончил свои дни в жалкой ночлежке, словно нищий, и теперь лежит на чужбине, бездыханный!»

Весть скоро долетела до царя Аджасатту, который распорядился организовать достойные похороны. После них он явил окружающим сцену негодования, пригрозив нанести удар возмездия по своему двоюродному брату, ныне царю Видудабхе. Однако его подданные убедили его, что царь уже мёртв, поэтому удар будет бессмысленным и опасным, и он должным образом признал легитимность своего двоюродного брата.

15. ПОСЛЕДНИЙ ГОД

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Описанные ниже события произошли в течение года перед достижением Буддой Ниббаны без остатка. Все эти события, за исключением истории о смерти двух главных учеников, содержатся в одном тексте, точнее, в одной сутте. Фактически только сейчас в Типитаке возобновляется хронологическая связь между событиями.

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Так я слышал. Однажды Благословенный пребывал в Раджагахе, на Пике коршуна. В то время царь Аджасатту Ведехипутта из Магадхи возжелал напасть на вадджиянов. Он объявил:

— Я сокрушу вадджиянов, что так могучи и сильны, я разрушу и разобью их, я приведу их к гибели и истреблению!

Царь Аджасатту отдал распоряжению своему главному министру, брахману Вассакаре:

— Брахман, ступай к Благословенному, преклони свою голову к его стопам от моего имени; спроси, не поразил ли его какой-либо недуг, бодр ли он, живёт ли он в лёгкости и благополучии. Затем скажи: «Господин, царь Аджасатту Ведехипутта из Магадхи возжелал напасть на вадджиянов. Он заявил: «Я сокрушу вадджиянов... я приведу их к гибели и истреблению!» И, что бы ни возвестил тебе Благословенный, передай мне это неукоснительно, ведь Татхагаты никогда не вводят в заблуждение.

— Хорошо, Ваше величество, — ответил Вассакара и отправился на одной из запряжённых повозок из Раджагахи на Пик коршуна. Он доехал на ней так далеко, как позволяла дорога, а затем поднялся пешком до места, где находился Благословенный. Он обменялся с Благословенным любезными приветствиями, затем присел в стороне и передал ему царское послание.

Достопочтенный Ананда тем временем стоял позади Благословенного, обмахивая его опахалом. Благословенный обратился к нему:

— Ананда, слышал ли ты о том, что вадджияны регулярно и часто проводят собрания?

— Я слышал, достопочтенный, что они делают это.

— Ананда, пока вадджияны будут регулярно и часто проводить собрания — до тех пор можно ожидать их процветания, а не упадка. Слышал ли ты, что вадджияны встречаются в согласии, расходятся в согласии и ведут свои дела в согласии?

— Я слышал, достопочтенный, что они делают это.

— Ананда, пока вадджияны будут встречаться в согласии, расходиться в согласии и вести свои дела в согласии — до тех пор можно ожидать их процветания, а не упадка. Слышал ли ты, что вадджияны не разрешают того, что не было разрешено, и не упраздняют того, что уже было разрешено, но лишь следуют тому, что было разрешено древними традициями?

— Я слышал, достопочтенный, что они делают это.

— Слышал ли ты, что они почитают, уважают и воздают хвалу своим старейшинам и считают их достойными того, чтобы слушаться их? Что они не похищают чужих жён и не принуждают их жить с ними? Что они почитают, уважают и воздают хвалу своим ваджийским святыням дома и в других местах, продолжая ухаживать за ними, как ухаживали их предки? Что для безопасности арахантов созданы все надлежащие условия, дабы они в будущем смогли жить здесь, а те, кто уже здесь, жили бы в комфорте?

— Я слышал, достопочтенный, что они делают это.

— Ананда, пока вадджияны будут создавать все надлежащие условия... до тех пор можно ожидать их процветания, а не упадка.

Тогда Благословенный сказал брахману Вассакаре:

— Однажды, брахман, будучи в святилище Сарандада в Весали, я обучал вадджиянов этим семи основам устойчивости, дабы предотвратить их упадок. И до тех пор, пока вадджияны будут соблюдать их, можно ожидать их процветания, а не упадка.

Вассакара отвечал на это:

— Учитель Готама, если вадджияны будут соблюдать хотя бы одну из этих основ, можно ожидать их процветания, а не упадка, — что уж говорить о семи? Бесспорно, вадджияны никогда не будут сокрушены царём Аджасаттой силой его войска, но только лишь введением в заблуждение и натравливанием их друг на друга. Учитель Готама, я должен отбыть. Я занят, и у меня много дел.

— Поступай, как считаешь нужным, брахман.

Обрадованный и довольный словами Благословенного, брахман Вассакара поднялся со своего места и отбыл. Вскоре после ухода Вассакары Благословенный велел достопочтенному Ананде:

— Ананда, собери всех монахов, которые живут в Раджагахе и окрестностях, и пусть они прибудут в зал для собраний.

— Да, достопочтенный, — отвечал тот и сделал то, что ему было велено. Тогда он приблизился к Благословенному, поприветствовал его, стоя в стороне, и промолвил:

— Достопочтенный, Сангха монахов собралась. Сейчас подходящее время для Благословенного сделать всё, как он полагает нужным.

Благословенный поднялся со своего места, прибыл в зал для собраний, воссел на приготовленное для него сиденье и начал говорить:

— Бхиккху, я буду обучать вас семи вещам, которые приводят к благоденствию.

Слушайте и внимайте с бдительностью, я буду говорить.

— Да, достопочтенный, — отвечали монахи.

И Благословенный произнёс:

— Пока бхиккху будут регулярно и часто проводить собрания — до тех пор можно ожидать их процветания, а не упадка. Пока бхиккху будут встречаться в согласии, расходиться в согласии и вести свои дела в согласии — до тех пор можно ожидать их процветания, а не упадка.

Пока бхиккху не будут разрешать того, что не было разрешено, и не упразднять того, что уже было разрешено, но лишь следовать тому, что было разрешено правилами дисциплины... Пока они будут почитать, уважать и воздавать хвалу старейшинам, которые приняли постриг давно, отцам и вожакам Сангхи... Пока они не позволят себе пасть жертвой жажды, возникающей в них и влекущей к возрождению... Пока они будут устремляться к жизни в лесных обителях... Пока они будут оберегать памятование о теле, чтобы благочестивые товарищи могли приходить к ним, а те, кто уже находится с ними, чувствовали себя легко...

До тех пор, пока эти семь вещей будут присутствовать — до тех пор можно ожидать процветания Сангхи, а не её упадка.

А вот еще семь вещей, которые приводят к процветанию Сангхи, а не к упадку. До тех пор, пока бхиккху избегают наслаждаться и получать удовольствие от того, чтобы быть занятыми; от того, чтобы вовлекаться в пустую болтовню; от того, чтобы много спать; от того, чтобы радоваться компании (а не уединению); до тех пор, пока у них нет дурных устремлений и они не поддаются под их чары; до тех пор, пока у нет дурных друзей и они не поддаются под их влияние; до тех пор, пока они не останавливаются на полпути обретением лишь мирских чудесных способностей — до тех пор можно ожидать их процветания, а не упадка.

А вот еще семь вещей, которые приводят к процветанию Сангхи, а не к упадку. До тех пор, пока бхиккху будут наделены верой, чувством стыда и боязни совершить проступок, будут образованными, усердными, обладающими памятованием, прозрением — до тех пор можно ожидать их процветания, а не упадка.

А вот еще семь вещей, которые приводят к процветанию Сангхи, а не к упадку. До тех пор, пока у бхиккху присутствует памятование как фактор Пробуждения, присутствует различение феноменов как фактор Пробуждения... усердие... восторг

...безмятежность как фактор ...сосредоточение, равенность — до тех пор можно ожидать их процветания, а не упадка.

А вот еще семь вещей, которые приводят к процветанию Сангхи, а не к упадку. До тех пор, пока бхиккху возвращают восприятие непостоянства, непривлекательности тела, опасности чувственных усад, отказа от жажды, разрушения жажды, прекращения жажды, — до тех пор можно ожидать их процветания, а не упадка.

(ДН 16; АН 7:20)

Существуют шесть вещей, помогающих предотвратить упадок: до тех пор, пока монахи возвращают доброту по отношению друг к другу на публике и наедине словом, мыслью и действием; пока они делятся со своими товарищами праведным образом полученными вещами, включая пищу с подаяния, делая это справедливо и не обделяя никого; пока монахи живут (и на публике, и наедине с собою), обладая добродетелями, которые дороги благородным, — нерушимыми, неразрывными, незапятнанными, не имеющими изъянов, освобождающими, восхваляемыми мудрыми, светлыми, ведущими к сосредоточению; пока монахи обладают Совершенными воззрениями, уводящими прочь от круговерти перерождений и избавляющими ото всех страданий — до тех пор можно ожидать их процветания, а не упадка.

Таковы шесть вещей, которые приводят к процветанию Сангхи, а не к упадку. Пребывая в Раджагахе, на Пике коршуна, Благословенный часто давал наставления Сангхе таким образом: «Такова добродетель; таково сосредоточение; такова мудрость. Великим становится плод, велика польза от сосредоточения, когда оно зиждется на добродетели; великим становится плод, велика польза от мудрости, когда она зиждется на сосредоточении; полностью развитый в мудрости ум освобождается от всех влечений к чувственным усадам, от влечения к становлению, и от влечения к неведению».

Когда Благословенный пробыл в Раджагахе так долго, сколько сам пожелал, он обратился к достопочтенному Ананде: «В путь, Ананда, отправимся в Амбалаттхику!»

«Да будет так, достопочтенный», — отвечал Ананда. Тогда Благословенный, окружённый большой общиной монахов, отправился в Амбалаттхику.

«Такова добродетель; таково сосредоточение; такова мудрость. Великим становится плод, велика польза от сосредоточения, когда оно зиждется на добродетели; великим становится плод, велика польза от мудрости, когда она зиждется на сосредоточении; полностью развитый в мудрости ум освобождается от всех влечений к чувственным усадам, от влечения к становлению, и от влечения к неведению».

Когда Благословенный пробыл в Амбалаттхике так долго, сколько сам пожелал, он обратился к почтенному Ананде:

«В путь, Ананда, отправимся в Наланду!»

«Да будет так, достопочтенный», – отвечал тот.

Тогда Благословенный, окружённый большой общиной монахов, отправился в Наланду и остановился в Манговой роще.

(ДН 16)

Достопочтенный Сарипутта приблизился к Благословенному, выразил ему своё почтение, присел в стороне и промолвил:

— Достопочтенный, я имею столь сильную уверенность в Благословенном, и верю в то, что никогда не было, никогда не будет и сейчас нет иного отшельника и брахмана, который был бы более осведомлённым, чем Благословенный, в отношении Пробуждения.

— Поистине величаво твоё изречение, Сарипутта; решительный львиный рык издал ты. Однако, объял ли ты, Сарипутта, своим умом умы всех арахантов, полностью и в совершенстве пробуждённых, которые появлялись в прошлом, и познал ли: «Эти благословенные обладали такой-то нравственностью, такими-то качествами, или такой-то мудростью, или таким-то сосредоточением, или таким-то освобождением»?

— Нет, достопочтенный.

— Тогда объял ли ты, Сарипутта, своим умом умы всех арахантов, полностью и в совершенстве пробуждённых, которые появятся в будущем, и познал ли: «Эти благословенные будут обладать такой-то нравственностью, такими-то качествами, или такой-то мудростью, или таким-то сосредоточением, или таким-то освобождением»?

— Нет, достопочтенный.

— Тогда объял ли ты, Сарипутта, своим умом мой ум — ведь в настоящее время я арахант, полностью и в совершенстве Пробуждённый, — и познал ли: «Этот Благословенный обладает такой-то нравственностью, такими-то качествами, или такой-то мудростью, или таким-то сосредоточением, или таким-то освобождением»?

— Нет, достопочтенный.

— Сарипутта, если у тебя нет знания умов арахантов, полностью и в совершенстве пробуждённых, прошлого, будущего и настоящего, отчего же ты издал этот решительный львиный рык: «Достопочтенный, я имею столь сильную уверенность в Благословенном, что верю в то, что никогда не было, никогда не будет и сейчас нет иного отшельника и брахмана, который был бы более осведомлённым, чем Благословенный, в отношении Пробуждения»?

— Достопочтенный, я действительно не познал умы арахантов, полностью и в совершенстве пробуждённых, прошлого, будущего и настоящего, однако я пришёл к этому умозаключению на основании Дхаммы. Положим, достопочтенный, у царя имелся бы приграничный город с крепкими валами, стенами, арками и с одним-единственным входом, который охранял бы мудрый, опытный и рассудительный привратник, впускающий только знакомых и не позволял пройти незнакомцам. Идя по тропе, огибающей город, он не пропустил бы ни единой лазейки, расселины или отверстия в стене, и даже кошка не смогла бы проскользнуть в город незамеченной. И он подумал бы: «Какие бы существа ни входили в этот город и ни выходили из этого города, все они делают это через один-единственный вход».

Подобно этому, достопочтенный, я пришёл к пониманию на основании Дхаммы: какие бы араханты, полностью и в совершенстве пробуждённые, ни появлялись в прошлом, все эти благословенные поначалу отбрасывали пять помех, загрязнений ума, которые ослабляют мудрость; затем, установив свои умы на четырёх основах памятования и правильно возвращая семь факторов Пробуждения, пробуждались таким образом в непревзойдённое высшее Освобождение. Какие бы араханты, полностью и в совершенстве пробуждённые, ни появлялись в будущем, все эти благословенные поначалу отбросят пять помех, загрязнений ума, которые ослабляют мудрость; и затем, установив свои умы на четырёх основах памятования и правильно возвращая семь факторов Пробуждения, пробудятся таким образом в непревзойдённое высшее Освобождение. И Благословенный, арахант настоящего времени, полностью и в совершенстве Пробуждённый, сделал то же самое.

(ДН 16; СН. 47:12)

Пока Благословенный жил в Манговой роще в Наланде, он часто наставлял монахов беседой о Дхамме так: «Такова добродетель; таково сосредоточение; такова мудрость. Великим становится плод, велика польза от сосредоточения, когда оно зиждется на добродетели; великим становится плод, велика польза от мудрости, когда она зиждется на сосредоточении; полностью развитый в мудрости ум освобождается от всех влечений к чувственным уладам, от влечения к становлению, и от влечения к неведению».

Когда Благословенный пробыл в Наланде так долго, сколько сам пожелал, он обратился к Ананде:

«В путь, Ананда, отправимся в Паталигаму!»

«Да будет так, достопочтенный», – отвечал тот.

Тогда Благословенный, окружённый большой общиной монахов, отправился в Паталигаму. Последователи из этих мест услышали: «Кажется, Благословенный прибыл в Паталигаму». Затем они подошли к Благословенному и,

воздав ему почести, сели в стороне. Сделав так, они произнесли: «Пусть Благословенный примет от нас жилище для отдыха».

Благословенный ответил молчаливым согласием. Видя, что он согласен, они поднялись со своих мест и, выразив ему почтение, обошли его с правой стороны и отправились в дом, который стали готовить для отдыха Учителя. Они полностью застелили его покрывалами, приготовили сиденья, поставили большой сосуд для воды и повесили масляную лампу. Затем они рассказали Благословенному о том, что они сделали, добавив: «Наступило время для Благословенного поступить, как он считает нужным».

Затем Благословенный оделся и, взяв свою чашу и верхнюю одеяние, направился в подготовленное жилище. Омыв стопы, он зашёл и сел у центральной колонны лицом на восток. Несколько бхиккху, тоже омыв стопы, вошли в жилище и сели у западной стены лицом к востоку вместе с Благословенным. И последователи из Паталигамы, омыв стопы, вошли в дом и сели у восточной стены лицом к западу. Благословенным оказался перед ними. Он обратился к последователям из Паталигамы таким образом:

«Домохозяева, пять бед поджидают недобродетельного человека, который утратил свою нравственность. Какие пять?

Во-первых, он сталкивается с утратой богатства из-за своей беспечности. Во-вторых, он сталкивается с потерей своего доброго имени. В-третьих, с каким бы собранием ему ни приходилось общаться: с кхаттиями, брахманами, домохозяевами или отшельниками, он чувствует себя неуверенно, он в замешательстве. В-четвёртых, он встречает свою смерть, будучи в смятении. В-пятых, после разрушения тела, после смерти он рождается в горестном состоянии, в дурном уделе, в низшем мире, в аду. Однако добродетельного человека, наделённого нравственностью, ожидает пять обретений.

Во-первых, он стяжает богатство праведным путём. Во-вторых, его везде сопровождает добрая молва. В-третьих, с каким бы собранием ему ни приходилось общаться: с кхаттиями, брахманами, домохозяевами или отшельниками, он чувствует себя уверенно, не смущается. В-четвёртых, он встречает свою смерть со спокойным умом. В-пятых, после разрушения тела, после смерти он рождается в светлом уделе, в небесном мире».

Благословенный наставляя, воодушевляя и пробуждал беседой о Дхамме большую часть ночи последователей из Паталигамы, а затем отпустил их со словами:

«Домохозяева, большая часть ночи закончена; теперь вы вольны делать то, что посчитаете нужным».

«Да, достопочтенный», – отвечали они. Они поднялись со своих мест и, выразив Благословенному почтение, обошли его с правой стороны. Люди ушли, а он остался один в пустой комнате.

В это время Сунидха и Вассакара, главные советники в Магадхе, возводили крепость в Паталигаме, чтобы отразить атаки вадджиянов. Тысячи божеств взяли под свой контроль местность Паталигамы. Там, где верховодили божества высшей силы, они заставили самых могучих царей и их прислужников возводить сооружения. Там, где верховодили божества средней и меньшей силы, заставили царей рангом пониже тоже возводить сооружения.

Своим божественным оком, очищенным и превосходящим человеческое, Татхагата узрел всех этих божеств. Когда ночь почти закончилась, он поднялся и задал вопрос Ананде: «Ананда, кто возводит сооружения в Паталигаме?»

«Сунидха и Вассакара делают это, достопочтенный».

«Похоже, Ананда, что божества небес Тридцати трёх надоумили Сунидху и Вассакару». После этих слов Благословенный рассказал о том, что увидел божественным оком. Он добавил: «Ананда, среди обителей благородных и с укреплением торговых связей Паталипутта⁸⁴ будет превосходнейшим из городов, подобному сундуку с сокровищами. Лишь три угрозы будут нависать над ним: угроза от огня, угрозы от воды и угроза от раздоров».

И вот Сунидха и Вассакара, первые советники в Магадхе, пригласили Благословенного на трапезу на следующий день. Тот ответил молчаливым согласием. На следующий день, когда с едой было покончено и у Благословенного опустела чаша, советники заняли низкие места. Он произнёс такие строфы:

Какие обители бы мудрый ни выбрал для себя,
Пусть он питание подносит тем,
Кто добродетелью украшен, осознан, жизнь ведёт святую;
Пусть он дары подносит местным божествам,
Пусть почитает их,
За это и они почтут его и воздадут почтение.
Приязнь богов подобна матери любви к её кровинке –
Обласканный богами, судьбу благую обретёт он.

Затем Благословенный поднялся со своего места и удалился. Сунидха и Вассакара последовали за Благословенным, думая так: «Те врата, через которые ныне выходит

⁸⁴ Паталигама после постройки нового города сменила название на Паталипутту (сейчас она называется Патна). Позже она получит широкую известность в качестве столицы империи царя Асоки, выросшей из царства Магадхи.

отшельник Готама, станут называться вратами Готамы, и тот плот, на котором переплывёт реку отшельник, станет называться плотом Готамы». И с той поры врата, через которые вышел Благословенный, стали именоваться вратами Готамы.

Когда он приблизился к реке Гангу, она была наполнена водою до краёв так, что вороны могли пить из неё. Некоторые люди, желавшие перебраться на другой берег, стали искать лодки, другие искали паром, а третьи связывали тростник вместе, чтобы соорудить плот. И столь же быстро, как сильный человек может вытянуть свою согнутую руку или согнуть свою вытянутую руку, Благословенный исчез со своими учениками с одного берега и оказался на другом берегу. Там он узрел людей, желавших перебраться на другой берег, которые искали лодки или паром, а третьи связывали тростник вместе, чтобы соорудить плот.

Осознав значимость момента, Возвышенный воскликнул:

Кто пересекает этот поток,
Преодолев все подводные мели,
Достигнув берега иного,
Пока суетливые вьют плот из тростника.

(ДН 16; Уд 8:6; Вин Мхвг. 6:28)

Однажды Благословенный обратился к Ананде:

«Ананда, собирайся, давай отправимся в Котигаму».

«Да, достопочтенный», – отвечал тот.

И Благословенный отправился в Котигаму с большой компанией монахов. Там Благословенный обратился к монахам так:

«О бхиккху, из-за непостижения и непроникновения в Четыре благородные истины и я, и вы блуждали и скитались долгое время в сансаре. Каковы эти четыре?»

Из-за непостижения и непроникновения в Благородную истину о страдании и я,

и вы блуждали и скитались долгое время в сансаре. Из-за непостижения и

непроникновения в Благородную истину о возникновении страдания и я, и вы

блуждали и скитались долгое время в сансаре... в Благородную истину

о прекращении страдания... в Благородную истину о Пути, ведущем к прекращению страдания, и я, и вы блуждали и скитались долгое время в сансаре.

Благородная истина о страдании, бхиккху, была постигнута, проникновение в неё

было осуществлено. Благородная истина о возникновении страдания была

постигнута, проникновение в неё было осуществлено. Благородная истина

о прекращении страдания была постигнута, проникновение в неё было

осуществлено. Благородная истина о Пути, ведущем к прекращению страдания, была

постигнута, проникновение в неё было осуществлено. Жажда существования отсечена, русло бытия разрушено; нет больше возрождения».

Пока Благословенный пребывал в Котигаме, он часто наставлял монахов беседой о Дхамме так: «Такова добродетель; таково сосредоточение; такова мудрость. Великим становится плод, велика польза от сосредоточения, когда оно зиждется на добродетели; великим становится плод, велика польза от мудрости, когда она зиждется на сосредоточении; полностью развитый в мудрости ум освобождается от всех влечений к чувственным усладам, от влечения к становлению, и от влечения к неведению».

(ДН 16; Вин Мхвг 6:29)

Когда Благословенный пробыл в Котигаме так долго, сколько сам пожелал, он обратился к Ананде:

«Ананда, собирайся, давай отправимся в Наттику».

«Да, достопочтенный», – отвечал тот. И Благословенный отправился в Наттику с большой компанией монахов. В Натике он остановился в Каменной обители.

Ананда, выразив почтение Благословенному, стал задавать ему такие вопросы:

«Достопочтенный, скончался в Натике бхиккху по имени Салха; где возродится он, какова его участь? Скончалась в Натике бхиккхуни по имени Нанда; где возродится она, какова её участь? Скончался мирянин по имени Судатта, мирянка Суджате, миряне Куккута и Калимба, и Никате, и Катиссаха, и Туттха, и Сантуттха, и Бхадда, и Субхадда. Где возродились они, какова их участь?⁸⁵»

«Ананда, бхиккху Салха стал арахантом, чьи загрязнения сокрушены, кто прожил святую жизнь, совершил то, что было необходимо совершить, сбросил бремя, достиг своего предназначения, всецело разорвал все оковы существования, полностью освободившись посредством окончательного знания.

Бхиккхуни Нанда с разрушением пяти низших оков спонтанно переродилась в чистых обителях и там достигнет окончательной Ниббаны, никогда не возвращаясь из того мира.

Мирянин Судатта сбросил три низшие оковы и ослабил чувственное желание, ненависть и заблуждение, став однажды возвращающимся, — он вернётся в этот мир лишь один раз, дабы положить конец страданиям.

Мирянка Суджата сбросила три низшие оковы и стала вошедшей в поток, не привязанной более к низшим мирам; той, чья судьба определена, которая уже не свернёт с дороги, ведущей к конечной цели — Пробуждению.

⁸⁵ Комментарий говорит о том, что Джанавасабха сутта (ДН 18) была произнесена в это время.

Миряне Куккута и Калимба, и Никате, и Катиссаха, и Туттха, и Сантуттха, и Бхадда, и Субхадда и ещё пятьдесят мирских последователей стали невозвращающимися. Девяносто мирских последователей стали однажды возвращающимися. Более пяти сотен мирских последователей стали вошедшими в поток.

Стоит ли удивляться, Ананда, тому, что срок жизни людей подходит к концу и они умирают? Однако, если ты станешь вопрошать Татхагату о каждом умершем, это будет досаждать ему. Поэтому я дарю тебе наставление, которое можно назвать зеркалом Дхаммы, глядясь в которое, каждый будет способен сделать пророчество для самого себя: «С мирами скорби покончено, с дурными уделами покончено, с адами покончено; я – вступивший в поток, не привязанный более к низшим мирам; тот, чья судьба определена, который уже не свернёт с дороги, ведущей к конечной цели — Пробуждению!»

И что это за зеркало Дхаммы, Ананда?

Так, благородный ученик наделён подтверждённой верой в Будду: «Поистине, это Благословенный, Арахант, полностью Пробуждённый, совершенный в истинном знании и поведении, обретший благо, знаток мира, непревзойдённый вожак для существ, которых следует обуздать, Учитель богов и людей, Пробуждённый, Благословенный».

Он наделён подтверждённой верой в Дхамму: «Дхамма славно провозглашена Благословенным, видимая здесь и сейчас, не зависящая от времени, приглашающая прийти и увидеть, приводящая к цели, постигаемая мудрыми самостоятельно».

Он наделён подтверждённой верой в Сангху: «Сангха учеников Благословенного практикует хороший Путь, практикует прямой Путь, практикует истинный Путь, практикует правильный Путь; это четыре или восемь типов личностей⁸⁶ — Сангха учеников Благословенного достойна даров, достойна гостеприимства, достойна подношений, достойна почтительных восхвалений, несравненное поле заслуг для мира».

Он наделён добродетелями, которые дороги благородным, — нерушимыми, неразрывными, незапятнанными, не имеющими изъянов, освобождающими, восхваляемыми мудрыми, светлыми, ведущими к сосредоточению.

⁸⁶ Четыре или восемь типов личности подразделяются в зависимости от достижения Пути и его плода в случае каждой из четырёх стадий (путей) достижения. Утверждается, что плод следует сразу же после достижения любой из этих стадий (см. СН. 2:). Немедленность достижения плода раскрывает одно из значений фразы «не зависящая от времени», которая относится к Дхамме и приведена несколькими строками выше, в том смысле, что успешное достижение пути не требует ожидания какого-то времени, скажем, до наступления смерти, для его осуществления.

Ананда, благородный ученик, обладающий этими четырьмя качествами, может заявить о себе, словно заглянув в зеркало Дхаммы: «С мирами скорби покончено, с дурными уделами покончено, с адами покончено; я – вступивший в поток, не привязанный более к низшим мирам; тот, чья судьба определена, который уже не свернёт с дороги, ведущей к конечной цели — Пробуждению!»

Пока Благословенный пребывал в Натике, он часто наставлял монахов беседой о Дхамме так: «Такова добродетель; таково сосредоточение; такова мудрость. Великим становится плод, велика польза от сосредоточения, когда оно зиждется на добродетели; великим становится плод, велика польза от мудрости, когда она зиждется на сосредоточении; полностью развитый в мудрости ум освобождается от всех влечений к чувственным усладам, от влечения к становлению, и от влечения к неведению».

(ДН 16)

Когда Благословенный пробыл в Натике так долго, сколько сам пожелал, он обратился к Ананде:

«Ананда, собирайся, давай отправимся в Весали».

«Да, достопочтенный», – отвечал тот. И Благословенный отправился в Весали с большой компанией монахов. Он остановился там в роще Амбапали и обратился к монахам: «Бхиккху, вам следует жить, пребывая в памятовании и ясном постижении. Так, бхиккху пребывает, созерцая тело как тело, — пылкий, ясно постигающий и памятующий, отринувший чувственное желание и печаль по отношению к миру. Он пребывает, созерцая чувство как чувство, — пылкий, ясно постигающий и памятующий, отринувший чувственное желание и печаль по отношению к миру. Он пребывает, созерцая ум как ум, — пылкий, ясно постигающий и памятующий, отринувший чувственное желание и печаль по отношению к миру. Он пребывает, созерцая умственные образы как умственные образы, — пылкий, ясно постигающий и памятующий, отринувший чувственное желание и печаль по отношению к миру. И как бхиккху обладает ясным постижением? Он действует с ясным постижением, когда он идёт вперёд и возвращается назад; действует с ясным постижением, когда он глядит вперёд и по сторонам; действует с ясным постижением, когда он сгибает и разгибает свои конечности; действует с ясным постижением, когда он носит своё одеяние и держит верхнюю накидку и чашу; действует с ясным постижением, когда он ест, пьёт, жуёт, пробует вкус; действует с ясным постижением, когда он мочится и испражняется; действует с ясным постижением, когда он идёт, стоит, сидит, погружается в сон, просыпается ото сна, разговаривает и хранит молчание».

(ДН 16; ср ДН 22)

В то время куртизанка Амбапали услышала, что в Весали прибыл Благословенный и остановился в её Манговой (амба) роще. Она велела запрячь множество превосходных колесниц, села на одну из них, и в сопровождении остальных направилась к роще. Она проехала в колеснице, насколько позволяла дорога, после чего сошла и пешком отправилась к тому месту, где пребывал Благословенный. Приблизившись, она выразила ему почтение и села с одной стороны.

Благословенный наставлял, воодушевлял и пробуждал куртизанку Амбапали наставлением о Дхамме. Она, воодушевлённая и восхищённая его словами, обратилась к Благословенному: «Пусть Благословенный с Сангхой монахов примет от меня завтра дневную трапезу».

Благословенный ответил молчаливым согласием. Амбапали, видя, что Благословенный согласен, поднялась с места и, поклонившись, обошла его с правой стороны. В то время личчхави из Весали узнали, что в Весали прибыл Благословенный и остановился в Манговой роще Амбапали. Они запрягли множество превосходных колесниц и в сопровождении остальных направилась в Весали. Одни из них были в синих платьях и нарядах; другие – в жёлтых, красных и белых платьях и уборах. И вот Амбапали с ними встретилась ось к оси, колесо к колесу, дышло к дышлу, и личчхави сказали ей:

«Амбапали, что означает то, что мы с тобою встретились ось к оси, колесо к колесу, дышло к дышлу?»

«Господа, я только что пригласила Благословенного и Сангху монахов на трапезу завтра».

«Амбапали, уступи нам трапезу за сто тысяч монет».

«Даже если бы вы даровали мне весь Весали с его землями, я всё равно бы я не уступила вам этой трапезы».

Тогда личчхави возвели руки к небу: «Эта садовница обошла нас, эта хозяйка манговых рощ опередила нас!» – и продолжили путь в рощу Амбапали.

Благословенный при виде идущих личчхави обратился к монахам: «Бхиккху, пусть те из вас, кто никогда не видел богов небес Тридцати трёх, посмотрит внимательно на этих личчхави, присмотрится к ним, сравнит, ибо они совершенно подобны собранию богов небес Тридцати трёх».

Личчхави ехали в колеснице, насколько позволяла дорога, после чего сошли и пешком отправились к тому месту, где пребывал Благословенный. Приблизившись, они выразили ему почтение и сели с одной стороны. Благословенный наставлял, воодушевлял и пробуждал личчхави наставлением о Дхамме. Они, воодушевлённые и восхищённые его словами, обратились к Благословенному: «Пусть Благословенный с Сангхой монахов примет от нас завтра дневную трапезу».

«Я уже принял приглашение на дневную трапезу от куртизанки Амбапали, личчхави».

Личчхави возвели руки к небу: «Эта садовница обошла нас, эта хозяйка манговых рощ опередила нас!» Однако они были счастливы услышать наставление о Дхамме от Благословенного, и, поднявшись со своих мест, выразили ему почтение и удалились, обойдя его с правой стороны.

Куртизанка Амбапали всю ночь готовила вкуснейшие яства для Благословенного и Сангхи монахов. Она пришла в рощу и известила их о том, что кушанья готовы, а во время обеда служила им, стараясь предложить самое лучшее угощение. Когда Будда закончил трапезу и его чаша стала пустой, Амбапали заняла низкое сиденье и обратилась к Благословенному так: «Достопочтенный, я дарую эту Манговую рощу Благословенному и Сангхе монахов!»

Благословенный принял дар и вновь наставлял, вразумлял и вдохновлял её беседой о Дхамме, после чего поднялся с места и удалился.

Пока Благословенный пребывал в Весали, он часто наставлял монахов беседой о Дхамме так: «Такова добродетель; таково сосредоточение; такова мудрость. Великим становится плод, велика польза от сосредоточения, когда оно зиждется на добродетели; великим становится плод, велика польза от мудрости, когда она зиждется на сосредоточении; полностью развитый в мудрости ум освобождается от всех влечений к чувственным усладам, от влечения к становлению, и от влечения к неведению».

(ДН 16; Вин Мхвг 6:30)

Когда Благословенный пробыл в Весали так долго, сколько сам пожелал, он обратился к Ананде: «Ананда, собирайся, давай отправимся в Велувагаму».

«Да, достопочтенный», – отвечал тот. И Благословенный отправился в Велувагаму с большой компанией монахов. Он остановился там в роще Амбапали и обратился к монахам: «Бхиккху, ступайте, отыщите себе пристанище для дождливого сезона в Весали у друзей, товарищей или знакомых. Я проведу дождливый сезон здесь».

«Да, достопочтенный», – отвечали бхиккху и сделали так, как им было велено.

Когда Благословенный остался провести сезон дождей в Велувагаме, его одолел страшный недуг, предвестник смерти. Но он стойко сносил острые, мучительные ощущения, пребывая в памятовании и ясным постижении, не ропща и не сетуя. Ему пришла на ум такая мысль: «Дурно получится, если я оставлю Сангху, не дав ей последних наставлений и не простившись с нею. Приложу-ка я усилия, поборю этот недуг и, пробудив жизненную силу, останусь пока в мире, не уходя в окончательную Ниббану».

Он сделал так, как решил, и хворь оставила его. После того, как Благословенный одолел свой недуг и, пробудив жизненную силу, остался в мире, он покинул своё жилище и вышел, чтобы провести время на свежем воздухе. Достопочтенный Ананда, воздав ему почести, обратился к нему с такими словами: «Я знавал Благословенного в добром здравии, но сейчас вижу его пребывающим в болезни. Поистине, увидев Вас больным, я впал в состояние скорби, а тело моё безвольно обмякло. Я смог воспрянуть духом только после известия, что Учитель не оставит Сангху, не дав ей последних наставлений, не простившись с нею».

«Ананда, чего Сангха ожидает от меня? Дхамма, мной возвещённая, не сокрыта, в ней нет тайн; ни одного учения не было спрятано в кулаке Учителя. Если бы, Ананда, кто-то стал помышлять: «Я возглавлю Сангху», или: «Я поведу Сангху за собою», то это было бы пустыми размышлениями, потому что я не оставил никаких предписаний по этому поводу.

У меня нет даже мысли, что Сангху после меня кто-то должен возглавить или повести за собою. Какое же заявление Татхагата должен сделать для вас?

Ананда, я стар, согбен годами, прожил свою жизнь, подошёл к её краю; мне исполнилось восемьдесят лет. Словно ветхая колесница может ехать только медленно и осторожно, так же и тело моё едва передвигается. Ананда, лишь когда Татхагата, переставая уделять внимания любым образам, с прекращением ощущений входя в состояние собранности ума посредством отсутствия образов, тогда утихает телесная немощь Татхагаты.

Ананда, будьте сами себе островом⁸⁷, будьте сами себе прибежищем, не ища иного прибежища; сделайте Дхамму своим островом, своим прибежищем, не ища иного прибежища.

И как живёт бхиккху, который стал сам себе островом, сам себе прибежищем; который сделал Дхамму своим островом, своим прибежищем? Он пребывает, созерцая тело как тело, — пылкий, ясно постигающий и памятующий, отринувший чувственное желание и печаль по отношению к миру. Он пребывает, созерцая чувство как чувство... ум как ум... умственные образы как умственные образы, — пылкий, ясно постигающий и памятующий, отринувший чувственное желание и печаль по отношению к миру.

Так живёт бхиккху, который стал сам себе островом, сам себе прибежищем; который сделал Дхамму своим островом, своим прибежищем. Ананда, те бхиккху, что после ухода Татхагаты станут жить так – будут наивысшими среди моих учеников».

(ДН 16; СН 47:9)

⁸⁷ *Dīpa* на пали это и «остров», и «свет». Комментарий использует первое значение.

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Хотя это прямо не указано в Типитаке, Будда, по-видимому, посетил Саваттхи в последнюю веку своей жизни. Именно во время его пребывания там до него дошла весть о смерти двух главных учеников.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Благословенный пребывал в Саваттхи, в роще Джеты, парке Анатхапиндики. В это время достопочтенный Сарипутта жил в Налagamaке, в стране Магадхи: его сразил смертельный недуг, тяжелая хворь. Чунда, послушник, был его помощником. От этого недуга достопочтенный Сарипутта скончался, достигнув окончательной Ниббаны. Чунда взял чашу и одеяния достопочтенного Сарипутты; и отправился к достопочтенному Ананде в рощу Джеты. Он выразил ему почтение и молвил: «Достопочтенный, Сарипутта Тхера достиг окончательной Ниббаны. Вот его чаша и чивара».

«Друг Чунда, об этом следует рассказать Благословенному; мы должны найти его и рассказать о том, что случилось».

«Да, достопочтенный», – отвечал Чунда. Вдвоём они отправились к Благословенному и выразили ему почтение, сев с одной стороны. Достопочтенный Ананда произнёс:

«Учитель, послушник Чунда только что сказал мне, что Сарипутта скончался, достигнув окончательной Ниббаны. Вот его чаша и одеяния. Учитель, когда я услышал эту весть, моё тело ослабло, а разум помутился от скорби».

«Ананда, но разве Сарипутта, скончавшись, забрал с собою твою способность к сосредоточению, твою способность к постижению, твою способность к знанию и видению Освобождения?»

«Нет, Учитель. Однако Сарипутта был так полезен своим собратьям по святой жизни: он наставлял, воодушевлял и пробуждал нас беседами о Дхамме, будучи неутомимым в этом. Мы помним о том, сколько добра он сделал для нас, как помогал и обучал нас Дхамме».

«Разве не говорил я вам, Ананда, о том, что разлука, расставание, разделение с теми, кто любим и кто дорог – неизбежны? Как то, что было создано, рождено, обусловлено, обречено на гибель – может не погибнуть и не быть разрушенным? Это совершенно невозможно. Подобно тому, как с крепкого дерева, стоящего твёрдо и непоколебимо, падает одна ветвь, но дерево продолжает стоять, – так и после смерти Сарипутты Сангха монахов остаётся твёрдой и непоколебимой.

Как то, что было создано, рождено, обусловлено, обречено на крушение – может не потерпеть крушения? Это совершенно невозможно.

Поэтому, Ананда, будьте сами себе островом, будьте сами себе прибежищем, не ища иного прибежища; сделайте Дхамму своим островом, своим прибежищем, не ища иного прибежища».

(СН 47:13)

Однажды Благословенный пребывал в большой компании монахов в стране вадджиянов, в Уккачале, на берегу Ганги. Это было вскоре после ухода достопочтенных Сарипутты и Моггалланы в окончательную Ниббану. Благословенный восседал в окружении монахов и, обзрев их, хранящих полное молчание, промолвил:

«Сейчас собрание монахов представляется мне пустым. Оно не виделось мне пустым, когда были живы Сарипутта и Моггаллана. Сейчас же нельзя указать на какое-либо место и сказать, что они находятся там. Все Полностью и в совершенстве пробуждённые в прошлом имели двоих главных учеников, подобных Сарипутте и Моггаллане; и в будущем Полностью и в совершенстве пробуждённые будут также иметь двух главных учеников, им подобных.

Это чудесно, бхиккху, это поразительно, что главные ученики совершают так много добра для Сангхи монахов, живя в соответствии с наставлениями Учителя; и как они любимы, милы и любезны для своих братьев по святой жизни.

Это чудесно, бхиккху, это поразительно, что в Татхагате после ухода его главных учеников не возникает ни скорби, ни отчаяния.

Как то, что было создано, рождено, обусловлено, обречено на гибель – может не погибнуть и не быть разрушенным? Это совершенно невозможно».

(СН 47:14)

Одним утром Благословенный оделся и, взяв свою чашу и верхнее одеяние, отправился в Весали за подаянием; вернувшись, он воссел на приготовленное для него сидение. После принятия пищи он обратился к Ананде: «Ананда, возьми одеяло, я желаю провести день у надгробия Чапалы».

«Да, достопочтенный», – отвечал Ананда. Он взял одеяло и пошёл вслед за Благословенным.

Благословенный, прибыв к надгробью Чапалы, воссел на приготовленное для него одеяло, а достопочтенный Ананда сел подле. Благословенный заговорил: «Ананда, сколь восхитительно Весали; сколь восхитительны надгробья Удены, Готамаки, Саттамбы, Бахупутты, Сарандады и Чапалы. Ананда, тот, кто возвращивал, развивал, оттачивал, пестовал и довёл до совершенства четыре основы духовных сил, сделал их своей колесницей, сумел бы, если сам пожелал, продлить свою жизнь и остаться в мире на протяжении ещё одной каппы. Татхагата осуществил всё это, Ананда, и сумел бы, если сам пожелал, продлить свою жизнь и остаться в мире на протяжении ещё одной каппы».

Однако, несмотря на то что сделанный Благословенным намёк был так очевиден и ясен, – достопочтенный Ананда не смог уловить его, ибо Злой дух, Мара⁸⁸ захватил его разум. Он не стал просить и умолять Благословенного: «Достопочтенный, останьтесь во имя благополучия многих, во имя счастья многих, из сострадания к миру, для пользы, благополучия и счастья богов и людей! Продлите свою жизнь ещё на одну каппу!»

Во второй и в третий раз Благословенный повторил свои слова, однако достопочтенный Ананда хранил молчание. Тогда тот сказал: «Оставь меня, Ананда, займись своими делами».

«Да, достопочтенный», – отвечал Ананда, и, встав, поклонился Благословенному, а затем обошёл его с правой стороны и остался у подножия дерева, неподалёку.

Вскоре после его ухода Мара, Злой дух, приблизился к Благословенному и встал перед ним. Он произнёс: «Пусть Благословенный уйдёт в окончательную Ниббану; пусть Счастливый уйдёт в окончательную Ниббану. Пришло время для Благословенного! Ведь говорил же он: «Я до тех пор не уйду, Злой дух, пока монахи и монахини, пока миряне и мирянки, не станут моими преданными последователями: мудрыми, с обширными знаниями, постигнувшими Дхамму, живущими в соответствии с Дхаммой, верно соблюдающими все великие и малые предписания, следующими верной дорогой, которые, изучив слова Учителя, станут возвещать их другим, наставлять других, открывать, разъяснять другим Дхамму, дабы рассеять все искажённые учения, и не разнесут далеко по свету весть о дивной, уводящей за пределы мира, Дхамме!»

Но сейчас всё это сбылось, достопочтенный. Пусть Благословенный уйдёт в окончательную Ниббану; пусть Счастливый уйдёт в окончательную Ниббану. Пришло время для Благословенного!»

Когда это было сказано, Благословенный ответил: «Радуйся, Злой дух. Скоро случится окончательная Ниббана Татхагаты. Через три месяца Татхагата достигнет окончательной Ниббаны».

И у надгробья Чапалы Благословенный, пребывая в памятовании и ясном постижении, отказался от продолжения своего жизненного срока. После этого разразилось страшное землетрясение, от которого власа вздымаются дыбом, а небеса разверзаются от грома и молнии.

Осознав значимость момента, Возвышенный воскликнул:

От продолженья жизни отрёкся Мудрец,

⁸⁸ Интересно, что Будда принял решение обучать Дхамме людей и божеств по приглашению божества (см. Главу 2), и он отказался продлевать свой жизненный срок в отсутствие приглашения от своего помощника, который был смущён Марой (олицетворением смерти).

Отринув её начало и середину,
В счастье пребывая,
Он сбросил все улады жизни, как кольчугу.

Достопочтенный Ананда подумал: «Это чудесно, это поразительно! Разразилось страшное землетрясение, от которого власа вздымаются дыбом, и небеса разверзаются от грома и молнии. Какова же причина, каков источник столько страшного землетрясения?»

Благословенный сказал: «Есть восемь оснований, Ананда, восемь причин для страшного землетрясения. Каковы же те восемь причин?»

Эта великая земля покоится на воде, вода — на ветрах, ветры покоятся на пространстве. Ананда, когда возникают могучие ветры – вода колышется, и волнением вод сотрясается земля. Такова первая причина для страшного землетрясения.

Далее, отшельник или брахман, обладающий чудесными силами или божество, способны установить восприятие земли, отринув восприятие воды, и сотрясти земную твердь, заставив её трепетать и шататься. Это вторая причина.

Далее, когда Бодхисатта оставляет небеса Туситы и входит в лоно матери, в памятовании и ясном постижении, великая земля дрожит, трепещет, содрогается. Это третья причина.

Далее, когда Бодхисатта покидает лоно матери, в памятовании и ясном постижении, великая земля дрожит, трепещет, содрогается. Это четвёртая причина.

Далее, когда Бодхисатта достигает высшего и непревзойдённого Пробуждения, великая земля дрожит, трепещет, содрогается. Это пятая причина.

Далее, когда Татхагата приводит в движение колесо Дхаммы, великая земля дрожит, трепещет, содрогается. Это шестая причина.

Далее, когда Татхагата отказывается от продолжения жизни, великая земля дрожит, трепещет, содрогается. Это седьмая причина.

Наконец, когда Татхагата достигает окончательной Ниббаны, великая земля дрожит, трепещет, содрогается. Это восьмая причина для страшного землетрясения⁸⁹».

(ДН 16; АН 8:70; Уд 6:1)

Ананда, после достижения высшего и непревзойдённого Пробуждения я пребывал в Урувеле, под банановым деревом пастуха Нигродхи на берегу реки Неранджары. Там явился ко мне Мара, Злой дух и, встав рядом, обратился ко мне с такими

⁸⁹ Далее в сутте следует описание восьми видов собраний, восьми видов освобождений, которые не приводятся здесь из-за нехватки места.

словами: «Пусть Благословенный уйдёт в окончательную Ниббану; пусть Счастливый уйдёт в окончательную Ниббану. Пришло время для Благословенного!»

(Затем Будда рассказывает, что ответил Маре).

«Ананда, сегодня у надгробья Чапалы Благословенный, пребывая в памятовании и ясном постижении, отказался от продолжения своего жизненного срока».

Когда так было сказано, достопочтенный Ананда воскликнул: «Достопочтенный, останьтесь во имя благополучия многих, во имя счастья многих, из сострадания к миру, для пользы, благополучия и счастья богов и людей! Продлите свою жизнь ещё на одну каппу!»

«Довольно, Ананда, не проси Татхагату об этом больше. Упущено время для такой просьбы».

Во второй и в третий раз достопочтенный Ананда повторил свою мольбу.

Благословенный спросил его так: «Ананда, веришь ли ты в Пробуждение Татхагаты?»

«Да, достопочтенный».

«Отчего же ты продолжаешь просить Татхагату вновь, перечая его слову, три раза подряд?»

«Достопочтенный, я слышал из уст Благословенного: «Тот, кто возвращал, развивал, оттачивал, пестовал и довел до совершенства четыре основы духовных сил, сделав их своей колесницей, сумел бы, если сам пожелал, продлить свою жизнь и остаться в мире на протяжении ещё одной каппы. Татхагата осуществил всё это, Ананда, и сумел бы, если сам пожелал, продлить свою жизнь и остаться в мире на протяжении ещё одной каппы».

«Принял ли ты эти слова на веру, Ананда?»

«Да, достопочтенный».

«Такова твоя промашка, такова твоя провинность, Ананда, что, несмотря на то что сделанный Татхагатой намёк был так очевиден и так ясен, – ты не стал просить и умолять Благословенного: «Достопочтенный, останьтесь во имя благополучия многих, во имя счастья многих, из сострадания к миру, для пользы, благополучия и счастья богов и людей! Продлите свою жизнь ещё на одну каппу!»

Если бы стал просить и умолять Татхагату один раз, два раза, он бы отклонил твою просьбу, но на третий раз мог бы согласиться.

Такова твоя промашка, такова твоя провинность, Ананда.

Когда я пребывал, в Раджагахе, на Пике коршуна, я говорил тебе, Ананда: «Ананда, сколь восхитительна Раджагаха; сколь восхитителен Пик коршуна. Тот, кто возвращал, развивал, оттачивал, пестовал и довёл до совершенства четыре основы

духовных сил...Татхагата осуществил всё это, Ананда, и сумел бы, если сам пожелал, продлить свою жизнь и остаться в мире на протяжении ещё одной каппы».

Однако, несмотря на то что сделанный Татхагатой намёк был так очевиден и так ясен, – ты не смог уловить его и не стал просить и умолять Благословенного:

«Достопочтенный, останьтесь во имя благополучия многих, во имя счастья многих, из сострадания к миру, для пользы, благополучия и счастья богов и людей! Продлите свою жизнь ещё на одну каппу!»

Если бы стал просить и умолять Татхагату один раз, два раза, он бы отклонил твою просьбу, но на третий раз мог бы дать добро. Такова твоя промашка, такова твоя провинность, Ананда.

И также, в Раджагахе в парке Нигродхи, у Разбойничьего утёса, в Пещере Сагтапанни, на Горе Вебхары, у Чёрной скалы Исигили, у Змеиного пруда, в Прохладной роще, в Таповодной роще, в Бамбуковой роще, в Беличем заповеднике, в Манговой Роще Дживаки, В Маленькой Бухте и в Оленьей Роще, я говорил тебе, Ананда те же самые слова.

Однако, разве не увещевал я вас, Ананда, о том, что разлука, расставание, разделение с теми, кто любим и кто дорог – неизбежны? Как то, что было создано, рождено, обусловлено, обречено на гибель – может не погибнуть и не быть разрушенным? Это совершенно невозможно. И это было отринуто Татхагатой, отброшено и оставлено им. Он возвестил для всех: «Скоро случится окончательная Ниббана Татхагаты. Через три месяца Татхагата достигнет окончательной Ниббаны». И не может случиться такого, чтобы Татхагата изменил своему слову во имя возвращения к жизни.

Собирайся в путь, Ананда, мы идём в Великий лес, в зал с остроконечной крышей». «Да, достопочтенный», – отвечал Ананда.

И они отправились в Великий лес, в зал с остроконечной крышей. Там он велел собрать всех монахов, что живут неподалёку от Весали. Когда бхиккху собрались, Благословенный воссел на приготовленное для него сиденье и обратился к монахам: «О бхиккху, я обучил вас тем вещам, которые сам открыл высшим знанием; вам надобно исследовать их, взращивать, развивать и практиковать во имя того, чтобы жизнь святая пребывала во имя благополучия многих, во имя счастья многих, из сострадания к миру, для пользы, благополучия и счастья богов и людей.

Что это за вещи? Это четыре основы памятования, четыре основы духовных сил, пять духовных способностей, пять сил, семь факторов Пробуждения, Благородный восьмеричный путь. О бхиккху, я обучил вас тем вещам, которые я сам открыл высшим знанием.... из сострадания к миру, для пользы, благополучия и счастья богов и людей».

И Благословенный провозгласил: «О бхиккху, внимлите. Возвещаю вам: всё обусловленное подвержено разрушению; не будьте беспечны, устремитесь к своему Освобождению! Скоро случится окончательная Ниббана Татхагаты. Через три месяца Татхагата достигнет окончательной Ниббаны».

Так говорил Благословенный. Сказав это, Счастливым, добавил:

Подходят к концу годы мои, жизнь близится к завершению,
Ухожу я, оставляя вас,
Будьте же сами себе прибежищем!

Отриньте беспечность, возвращайте памятование,
Чистые в добродетели своей;
В мыслях собранные, сторожите разум свой!
Неутомимые в этой Дхамме и Винае, небеспечные,
Положите конец страданиям, оставив сансары круговерть.

Рано утром Благословенный оделся и, взяв свою чашу и верхнее одеяние, отправился в Весали за подаянием. После того, как он закончил трапезу, возвращаясь, он окинул Весали своим слоновьим взором и обратился к Ананде с такими словами:

«Ананда, это последний раз, когда Татхагата был в Весали. Идём теперь в Бандагаму, Ананда».

«Да, достопочтенный», – отвечал тот.

Благословенный с большой компанией монахов прибыли в Бандагаму. Там он обратился к ним так: «Бхиккху, из-за непостижения и непроникновения в четыре вещи и я, и вы, блуждали и скитались долгое время по сансаре.

Что это за четыре вещи? Это благородная добродетель, благородное сосредоточение, благородная мудрость и благородное Освобождение. Однако после того, как эти четыре вещи были постигнуты и возвращены, жажда существования отсечена, то, что вело к новым рождениям, оказалось разрушено; нет больше скитания по сансаре».

(ДН 16; АН 4:1)

Пока Благословенный пребывал в Бандагаме, он часто наставлял монахов беседой о Дхамме так: «Такова добродетель; таково сосредоточение; такова мудрость.

Великим становится плод, велика польза от сосредоточения, когда оно зиждется на добродетели; великим становится плод, велика польза от мудрости, когда она зиждется на сосредоточении; полностью развитый в мудрости ум освобождается от всех влечений к чувственным уладам, от влечения к становлению, и от влечения к неведению».

Когда Благословенный пробыл в Весали так долго, сколько сам пожелал, он обратился к Ананде:

«Ананда, собирайся, давай отправимся в Хаттхигаму».

«Да, достопочтенный», – отвечал тот. И Благословенный отправился в Хаттхигаму с большой компанией монахов. Аналогичным образом он посетил Амбугаму и Джамбугаму.

Когда Благословенный пробыл в Весали так долго, сколько сам пожелал, он обратился к почтенному Ананде:

«Ананда, собирайся, давай отправимся в Бхоганагару».

«Да, достопочтенный», – отвечал тот. И Благословенный отправился в Бхоганагару с большой компанией монахов. Там он обратился к ним так: «Бхиккху, я дам вам наставление по четырём великим отношениям. Слушайте, бхиккху, и внимайте с бдительностью. Я буду говорить».

«Да, достопочтенный», — отвечали бхиккху..

«Какой-то бхиккху может заявить так: "Из уст самого Благословенного я это услышал, от него это я выучил. Такова Дхамма, такова Виная, такого поучение нашего Наставника". Или он может заявить так: "В одном месте проживает Сангха, в которой есть старейшины и великие ученики. "Из уст самой Сангхи я это услышал, от него это я выучил. Такова Дхамма, такова Виная, такого поучение нашего Наставника". Или он может заявить так: "В таком-то месте проживает Сангха, в которой есть старейшины и великие ученики. Из уст самой Сангхи я это услышал, от него это я выучил. Такова Дхамма, такова Виная, такого поучение нашего Наставника". Или он может заявить так: "В таком-то месте проживают старейшины – бхиккху, знатоки Дхаммы и Винаи, с обширными познаниями. Из уст монахов-старейшин я это услышал, от него это я выучил. Такова Дхамма, такова Виная, такого поучение нашего Наставника". Или он может заявить так: "В таком-то месте проживает старейший монах, знаток Дхаммы и Винаи, с обширными познаниями. Из уст его я это услышал, от него это я выучил. Такова Дхамма, такова Виная, такого поучение нашего Наставника".

Когда вы слышите такое, не спешите ни восхвалять этого бхиккху, ни порицать или хулить его. Не восхваляя и не порицая, внимательно изучив каждое слово, которое он изрёк, – сличите, сверьте его с суттами, и с предписаниями Винаи. Если его слова не согласуются с суттами, и с предписаниями Винаи, вынесите такое решение: "Сказанное не является словом Благословенным; неверно оно было понято этим бхиккху".

Сделав так, отриньте то слово. Если же его слова согласуются с суттами и с предписаниями Винаи, вынесите такое решение: "Сказанное является словом

Благословенным; верно оно было понято этим бхиккху".

Таким образом, бхиккху, придерживайтесь этих четырёх великих отношений».

(ДН 16; АН 4:180)

Пока Благословенный пребывал в Бхоганагаре, он часто наставлял монахов беседой о Дхамме так: «Такова добродетель; таково сосредоточение; такова мудрость. Великим становится плод, велика польза от сосредоточения, когда оно зиждется на добродетели; великим становится плод, велика польза от мудрости, когда она зиждется на сосредоточении; полностью развитый в мудрости ум освобождается от всех влечений к чувственным уладам, от влечения к становлению, и от влечения к неведению».

Когда Благословенный пробыл в Бхоганагаре так долго, сколько сам пожелал, он обратился к Ананде:

«Ананда, собирайся, давай отправимся в Хаттхигаму».

«Да, достопочтенный», – отвечал тот. И Благословенный отправился в Хаттхигаму с большой компанией монахов. Там он остановился в Манговой Роще Чунды, сына ювелира.

Чунда, сын ювелира, узнал о том, что Благословенный находится в его роще. Он пришёл навестит его и, выразив ему почтение, сел с одной стороны. Благословенный наставлял, воодушевлял и пробуждал его наставлением о Дхамме. Он, воодушевлённый и восхищённый его словами, обратился к Благословенному:

«Пусть Благословенный с Сангхой монахов примет от меня завтра приглашение на дневную трапезу».

Благословенный ответил молчаливым согласием. Чунда, сын ювелира, поднявшись со своего места, выразил ему почтение и удалился, обойдя его с правой стороны. Всю ночь он готовил вкуснейшие яства для Благословенного и Сангхи монахов. Он пришёл в рощу и известил о том, что кушанье готово. Утром Благословенный оделся и, взяв свою чашу и верхнее одеяние, прибыл в дом Чунды, сына ювелира. Он воссел на приготовленное для него сиденье и обратился к Чунде: «Подай мне нежное кушанье из свинины⁹⁰, Чунда, но монахов угости другой едой».

⁹⁰ Определение, что такое *sūkara-maddava* вызывает бурные споры ещё с давних времён. В комментариях говорится, что это мясо свиньи (ни слишком старой, ни слишком молодой), которая уже была убита (см. Вин. Мхвг 6:31) и продавалась на рынке. Это было некое мягкое и одновременно сочное блюдо, то есть которое было приготовлено и тщательно прожарено. Однако другие исследователи утверждают, что *sūkara-maddava* – это название рецепта приготовления риса всмятку с пятью коровьими продуктами.

Другие говорят, что это своего рода эликсир, который входит в науку об эликсирах, и что Чунда приготовил его, думая: "Пусть Благословенный не достигнет окончательной Ниббаны", но божества четырёх континентов и их двух тысяч островов добавили в него некую питательную эссенцию." Кроме

«Да, достопочтенный», – отвечал тот и сделал так, как ему было велено.

После того, как Благословенный закончил трапезу, он сказал Чунде: «Что осталось от кушанья, Чунда, то зарой в землю. В не вижу никого в этом мире с его дэвами, Марой и Брахмой, с его отшельниками и брахманами, божествами и людьми, кроме Татхагаты, кто мог бы отведать и переварить остаток твоей трапезы».

«Да, достопочтенный», – отвечал Чунда, сын ювелира и то, что осталось от кушанья, зарыл в землю.

Благословенный вновь наставлял его беседой о Дхамме, после чего поднялся с места и удалился. После того, как Благословенный съел пищу, предоставленную Чундой, сыном ювелира, его одолела жестокая хворь, сопровождающаяся кровотечением и резкими, смертельными болями. Он переносил боль стойко, пребывая в памятовании и ясном постижении. Затем он сказал Ананде:

«Пойдём, Ананда, отправимся в Кусинару».

«Да, достопочтенный», – отвечал тот.

По дороге Благословенный сошёл с дороги и подошёл к корням дерева. Он сказал: «Ананда, сложи моё верхнее одеяние вчетверо и расстели его; я утомился и желаю отдохнуть».

Достопочтенный Ананда сделал так, как просил Благословенный. Тот воссел на приготовленное сиденье. Сделав это, он промолвил:

«Ананда, принеси мне немного воды. Мне нужно испить воды».

Достопочтенный Ананда отвечал Благословенному: «Учитель, через ручей, что рядом, только что проехало пять сотен повозок. Вода из-за этого стала грязной, мутной, взбаламученной. Но река Какудха, Учитель, не так далеко отсюда, и воды её чисты и приятны, а берега прелестны и упоительны. Пусть Благословенный изопьёт воды из этой реки и омоет в ней своё тело».

Во второй раз Благословенный повторил свою просьбу и получил тот же ответ. Он повторил в третий:

«Ананда, принеси мне немного воды. Мне нужно испить воды».

того, в комментарии к Удане говорится: "*Sūkara-maddava*, согласно Великому сингальскому комментарию (примечание: более не сохранившемуся), - это нежное сочное свиное мясо, которое продаётся на рынке. Некоторые, однако, говорят, что это не свиное мясо, но побеги бамбука, растоптанные свиньями. Другие – что это разновидность гриба, который растёт в местах, где его топчут свиньи. Ещё одно мнение: это эликсир, и что ювелир, услышав, что Благословенный должен был достичь окончательной Ниббаны в тот день, подумал: "Возможно, после его использования он останется дольше", и поэтому отдал его Учителю из желания продлить его жизнь" (из комм. к Уд. 8:5). В целом, принятие в пищу мяса было разрешено Буддой при соблюдении трёх условий: что никто не видел, не слышал и не подозревал, что животное было убито ради того, кто ест мясо (МН 55, Вин Мхвг. 6:31, ср. АН 4:44; также в Вин Чв. 7:4 цитируется в гл. 13, стр. 266). Вероятно, мы никогда не узнаем, что именно за пища была последней трапезой Будды. "Нежное кушанье из свинины" было выбран потому, что это ни к чему не обязывает и близко к оригиналу.

«Да, достопочтенный», – ответил тот и, взяв кувшин, зашёл в ручей. И внезапно ручей, взбаламученный колесницами, грязный и мутный, сделался ясным, прозрачным и чистым, словно слеза, когда достопочтенный Ананда подошёл к нему. Он был поражён чудесными силами Татхагаты. Набрав воды для питья, вернулся к Благословенному и рассказал, что произошло, добавив: «Пусть Благословенному изопьёт воды, пусть Счастливый изопьёт воды». И Благословенный выпил воду.

(ДН; Уд. 8:5)

В это время Пуккуса из рода маллов, ученик Алары Каламы, проходил мимо, возвращаясь из Кусинары в Паву. Он увидел Благословенного сидящим подле корней дерева. Он приблизился к Благословенному и, подойдя, выразил ему почтение и сел с одной стороны. И он обратился к Благословенному: «Как чудесно, как поразительно, достопочтенный, что отринувшие мир пребывают в таком умиротворении! Однажды Алара Калама совершал странствие и сошёл с дороги, чтобы провести день в созерцании у корней дерева. Затем пять сотен колесниц проехали совсем рядом с ним. После этого за ними последовал один человек, который приблизился к Алара Каламе и спросил:

«Господин, Вы видели, как мимо Вас поехали пять сотен колесниц?»

«Нет, друг».

«Но слышали ли Вы шум, господин?»

«Нет, друг?»

«Выходит, господин, Вы спали?»

«Я не спал, друг».

«Вы бодрствовали, господин?»

«Да, друг».

«Значит, господин, Вы бодрствовали, но не видели, как пять сотен колесниц проехали совсем близко, и не слышали их шума, хотя даже Ваша верхняя одежда забрызгана грязью?»

«Так точно, друг».

Тогда, этот человек подумал: «Это чудесно, это поразительно, что отринувшие мир пребывают в таком умиротворении! Будучи в сознании и бодрствуя, они не видят, как проезжают пять сотен колесниц и не слышат шума от них!»

Он выразил своё почтение Алара Каламе и удалился.

«Как ты думаешь, Пуккуса, что является более чудесным и поразительным: когда человек, будучи в сознании и бодрствуя, не видит, как проезжают пять сотен колесниц и не слышит шума от них, – или, когда человек, будучи в сознании и бодрствуя, не видит и не слышит, что льёт ливень, сверкают молнии и гремит гром?»

«Господин, какое значение имеют пять сотен колесниц или даже шесть, семь, восемь, девять сотен или даже тысяча? Гораздо более чудесным и поразительным является то, что человек, будучи в сознании и бодрствуя, не видит и не слышит, что льёт ливень, сверкают молнии и гремит гром?»

«Пуккуса, однажды я жил неподалёку от Атумы в молотильном амбаре. Разразился проливной дождь, небо озарялось молниями, грохотал гром, в результате чего два брата-пахаря и четыре вола были убиты. Из Атумы явилась целая толпа людей, которые направились к убитым братьям и волам. К тому времени я уже вышел из молотильного сарая и прогуливался взад и вперёд на открытом воздухе. Ко мне подошёл один человек и, выразив мне почтение, сел с одной стороны.

Пуккуса, я осведомился у этого человека, для чего здесь собралось так много народу.

Он ответил: «Достопочтенный, разразился проливной дождь, небо озарялось молниями, грохотал гром, в результате чего два брата-пахаря и четыре вола были убиты. Из Атумы явилась целая толпа людей, которые направились к убитым братьям и волам. Однако, достопочтенный, где же Вы были в то время?»

«Я был здесь, друг».

«Но видели ли Вы всё это, достопочтенный?»

«Нет, друг».

«Но слышали ли Вы всё это, достопочтенный?»

«Нет, друг».

«Может быть, Вы спали, достопочтенный?»

«Я не спал, друг».

«Были ли Вы в сознании, достопочтенный?»

«Я был в сознании, друг».

«Получается, достопочтенный, что Вы не спали и были в сознании во время того, как разразился проливной дождь, небо озарялось молниями, грохотал гром, но Вы не видели и не слышали ничего?»

«Получается так, друг».

«Как чудесно, как поразительно, что отринувшие мир пребывают в таком умиротворении, что они, будучи в сознании во время того, как идёт проливной дождь, небо озаряется молниями, грохочет гром, они не видят и не слышат ничего!» И, обретя глубокое доверие ко мне, он выразил мне почтение и удалился, обойдя меня с правой стороны.

«Господин, моё доверие к Алара Каламе улетучилось, оно развеяно по ветру и унесено течением! Великолепно, достопочтенный! Великолепно, достопочтенный!

Благословенный показал нам Дхамму многими путями, подобно тому как поднимают то, что было опрокинуто... Пусть Благословенный примет меня как

своего мирского последователя, принявшего прибежище с сегодняшнего дня и до последнего вдоха!»

Потом Пуккуса из рода маллов приказал: «Принесите мне два одеяния из парчи, вышитые золотом и пригодные для использования».

Когда ему принесли одеяния, он поднёс их Благословенному: «Пусть из сострадания примет Возвышенный от меня два одеяния из парчи, вышитые золотом и пригодные для ношения».

«Пуккуса, накинь одно одеяние на меня, а другое на Ананду».

«Да, достопочтенный», – отвечал Пуккуса и сделал, как ему было велено.

Благословенный наставлял, воодушевлял и пробуждал его наставлением о Дхамме.

Он, воодушевлённый и восхищённый его словами, поднялся со своего места и, выразив почтение Благословенному, удалился, обойдя его с правой стороны.

После ухода Пуккусы из рода маллов достопочтенный Ананда возложил оба одеяния из парчи, вышитые золотом, на Благословенного. Как только они оказались на его теле, они сразу утратили свой блеск. Ананда воскликнул: «Это чудесно, достопочтенный, это удивительно, какой золотистой и сияющей стала кожа Благословенного! Когда я надел эту пару одеяний из парчи, вышитых золотом и пригодных для ношения на тело Благословенного, они сразу утратили свой блеск».

«Так и есть, Ананда, так о и есть. Есть два случая, когда кожа полностью и в совершенстве Пробуждённого становится невероятно золотистой и сияющей.

Что это за два случая? В ту ночь, когда Татхагата становится полностью и в совершенстве Пробуждённым и достигает наивысшего Освобождения; и в ту ночь, в которую Татхагата уйдёт в окончательную Ниббану без остатка. Таковы два случая, Ананда, когда кожа Татхагаты становится невероятно золотистой и сияющей.

Ананда, сегодня, в третью стражу ночи, в Саловой роще маллов, поблизости от Кусинары, между двумя деревьями-близнецами сала, наступит окончательная Ниббана Татхагаты. В путь теперь, Ананда, идём к реке Какудхе».

«Да, достопочтенный», – отвечал тот.

Тогда Благословенный в большой компании монахов пришёл к реке Какудхе, где он погрузился в её воды и испил из них, а затем отправился в Манговую рощу. Там он обратился к достопочтенному Чундаке: «Чундака, сложи моё верхнее одеяние вчетверо и расстели его; я утомился и желаю отдохнуть».

Достопочтенный Чундака сделал так, как просил Благословенный. После этого Благословенный прилёг на правый бок, подобно льву, царю зверей с одной ногой, перекрещённой с другой, пребывая в памятовании и ясном постижении, заранее приняв решение о времени, когда следует проснуться.

Достопочтенный Чундака присел неподалёку от Благословенного.

(ДН 16)

Благословенный сказал, обращаясь к достопочтенному Ананде:

«Ананда, может случиться так, что люди будут попрекать Чунду, сына ювелира, вызывая в нём горечь и сожаления: «Друг Чунда, нет обретения у тебя, но лишь утрата из-за того, что Татхагата, отведав кушанья твоего, вскоре достиг окончательной Ниббаны!»»

Тебе следует низвергнуть эти порицания таким образом: «Друг Чунда, есть обретение у тебя, огромное обретение, что Татхагата, отведав кушанья твоего, вскоре достиг окончательной Ниббаны. Из уст самого Благословенного слышал я:

«Существует два вида подношения еды, которые приносят великий плод, великое благо, великое обретение. Какие два?

Это подношение еды Бодхисатте перед его достижением высшего и непревзойдённого Пробуждения, и подношение еды Благословенному перед его перед уходом в окончательную Ниббану без остатка. Совершив это подношение, Чунда, сын ювелира, накопил заслуги для долгой жизни, для высокого положения, для счастья, славы и для возрождения в небесных мирах».

Ананда, так следует тебе низвергнуть порицания в отношении Чунды».

Осознав значимость момента, Возвышенный воскликнул:

Дающий – умножает свои благие обретенья,

Сдержанный – укрощает всю вражду;

Взраставший добродетели, всё зло уничтожает,

Отринув вождельенье, ненависть и заблужденье,

Он успокоится в Ниббанае.

(ДН 16; У_А 8:5)

Благословенный обратился к достопочтенному Ананде:

«Ананда, собирайся, давай отправимся в Саловую рощу маллов, неподалёку от Кусинары, по ту сторону реки Хираньявати».

«Да, достопочтенный», – отвечал тот.

И Благословенный отправился с большой компанией монахов в Саловую рощу маллов, неподалёку от Кусинары, по ту сторону реки Хираньявати. Там он сказал Ананде:

«Ананда, приготовь для меня ложе головою к северу, между деревьями-близнецами; я утомился и желаю отдохнуть».

Тот сделал так, как просил Благословенный. После этого Благословенный прилёг на правый бок, подобно льву, царю зверей, с одной ногой, перекрещённой с другой, пребывая в памятовании и ясном постижении

В то время деревья-близнецы внезапно зацвели, хотя цвести им было не время. Эти цветы стали осыпаться на Татхагату, покрывая его тело и воздавая ему хвалу.

Небесные цветы мандарава и хлопья небесного сандала проливались с неба, осыпая, ниспадая на тело Татхагаты, покрывая его и воздавая ему хвалу. Разноголосый небесный хор и божественная музыка стали играть гимны в честь Татхагаты.

Благословенный обратился к достойному Ананде:

«Деревья-близнецы внезапно зацвели, хотя цвести им было не время. Эти цветы стали осыпаться на Татхагату, покрывая его тело и воздавая ему хвалу. Небесные цветы мандарава и хлопья небесного сандала проливались с неба, осыпая, ниспадая на тело Татхагаты, покрывая его и воздавая ему хвалу. Разноголосый небесный хор и божественная музыка стали играть гимны в честь Татхагаты. Однако, Ананда, не так следует воздавать хвалу Татхагате, не так стоит выражать ему почтение, не так стоит играть гимны в его честь. Когда монахи и монахини, миряне и мирянки следует Дхамме, идут по открытому Татхагатой Пути, живут праведной жизнью – тогда и воздаётся хвала Татхагате, тогда выражается почтение Татхагате, тогда играют гимны в честь Татхагаты.

Поэтому, Ананда, вам надобно воспитывать себя так: «Мы будем следовать Дхамме, мы будем идти по открытому Татхагатой пути, мы будем жить праведной жизнью».

В это время достойный Упавана, стоя перед Благословенным, обмахивал его от зноя. Благословенный промолвил: «Отойди, бхиккху, не стой передо мной».

Достойный Ананда подумал: «Бхиккху Упавана давно служил

Благословенному и заботился о нём. Однако в последние минуты Благословенный укорил его: «Отойди, бхиккху, не стой передо мной». В чем причина, что Благословенный недоволен и укорил бхиккху Упавану?»

И он обратился к Благословенному: «Достойный, бхиккху Упавана давно служил Благословенному и заботился о нём. Однако в последние минуты Благословенный укорил его: «Отойди, бхиккху, не стой передо мной». В чем причина, что Благословенный недоволен и укорил бхиккху Упавану?»

Благословенный отвечал: «Ананда, со всех десяти миров явились сюда божества, дабы узреть Татхагату. На расстоянии двенадцати йоджан от Саловой рощи маллов, в окрестности Кусинары, нет места даже размером с песчинку, не занятого могущественными божествами. И эти божества, Ананда, ропщут, восклицая: «Мы явились сюда издалека, дабы узреть Татхагату. Татхагаты, араханты, полностью в совершенстве пробуждённые, редко возникают в мире. Сегодня в последнюю ночную стражу Татхагата отойдёт в окончательную Ниббану, но бхиккху Упавана

стоит перед Татхагатой, загоразивая его, не позволяя нам узреть Татхагату в последний час его жизни!»

Ананда, так ропщут божества.

«О каких божествах говорит Благословенный?»

«Ананда, существуют божества, обитающие в небесах, но привязанные к земному; они рвут волосы на себе и причитают, они вздымают руки и рыдают; они падают ниц и катаются из стороны в сторону, восклицая: «Уже скоро, скоро окончательная Ниббана Благословенного! Слишком рано Счастливейший уходит в окончательную Ниббану! Око этого мира вскоре исчезнет!»

Ананда, существуют божества, обитающие на земле и привязанные к земному; они рвут волосы на себе и причитают, они вздымают руки и рыдают; они падают ниц и катаются из стороны в сторону, восклицая: «Уже скоро, скоро окончательная Ниббана Благословенного! Слишком рано Счастливейший уходит в окончательную Ниббану! Око этого мира вскоре исчезнет!»

Ананда, существуют и божества, отринувшие страсти, пребывающие в памятовании и ясном постижении, которые рассуждают так: «Как то, что было создано – может не погибнуть?»

Ананда, есть четыре места, которые следует посетить наделённому верой последователю во имя собственного вдохновения. Какие четыре?

Место рождения Татхагаты следует посетить наделённому верой последователю во имя вдохновения. Место достижения высшего и непревзойдённого Пробуждения Татхагатой следует посетить наделённому верой последователю во имя вдохновения. Место запуска колеса Дхаммы следует посетить наделённому верой последователю во имя вдохновения. Место ухода Татхагату в окончательную Ниббану без остатка следует посетить наделённому верой последователю во имя вдохновения.

Наделённые верой монахи и монахини, миряне и мирянки станут посещать эти четыре места, дарующие вдохновение, думая: «Здесь родился Татхагата», или: «Здесь Татхагата достиг высшего и непревзойдённого Пробуждения», или: «Здесь Татхагата запустил колесо Дхаммы», или: «Здесь Татхагата отошёл в окончательную Ниббану без остатка».

И те из них, кто скончаются, имея в уме веру, во время посещения этих четырёх мест, после смерти возродятся в счастливом уделе, в небесном мире».

«Достопочтенный, как нам следует вести себя с женщинами?»

«Не смотрите на них, Ананда».

«Но если мы уже увидели их, достопочтенный?»

«Не ведите бесед с ними, Ананда».

«Но если они сами начнут беседу, достопочтенный?»

«Тогда, Ананда, сохраняйте памятование».

«Достопочтенный, что следует сделать нам с останками тела Благословенного?»
«Не утруждайте себя, Ананда, воздаванием почестей останкам Благословенного, Ананда. Не будьте беспечны, устремитесь к своему Освобождению, живите, всегда охраняя себя. Найдутся достойные брахманы и домохозяева, которые воздадут почести останкам тела Татхагаты».

«Но, достопочтенный, как подобает воздавать почести останкам тела Татхагаты?»
«Так же, как воздают почести останкам Царя, вращающего колесо⁹¹, так следует поступить и с останками тела Татхагаты».

«Как же, достопочтенный, поступают с останками тела Царя, вращающего колесо?»
«Сначала их заворачивают в новую ткань, затем в хорошо взбитый хлопковый пух; затем снова в новую ткань. И вот так, слой за слоем, останки заворачивают в пятьсот двойных слоёв. Затем их кладут в железный сосуд для масла, который закрывают другим сосудом. После этого разводят погребальный костёр со всевозможными благовониями и сжигают останки.

Далее, Царю, вращающему колесо, возводят ступы во всех четырёх направлениях. Так обращаются с останками Царю, вращающего колесо; и с останками Татхагаты следует обойтись так же, и в четырёх направлениях надобно воздвигнуть ступы Татхагате. Людям, которые будут приносить к этим ступам цветы, благовония и дары, обретут умиротворение ума, что приведёт их к благоденствию и радости на долгое время.

Существуют, Ананда, четыре личности, достойных возведения ступы в свою честь. Какие четыре? Татхагата, полностью и в Совершенстве пробуждённый достоин ступы; Паччекабудда достоин ступы; ученик Татхагаты достоин ступы; Царь, вращающий колесо, достоин ступы. Почему, по какой причине эти четыре личности достойны возведения ступы?

Ананда, когда множество людей, наделённых верой, думают: «Это – ступа Татхагаты, полностью и в Совершенстве пробуждённого», «Это – ступа Паччекабудды», «Это – ступа ученика Татхагаты», «Это – ступа Царя, вращающего колесо», то их ум обретает умиротворение, и после смерти они возродятся в счастливом уделе, в небесном мире.

После этого достопочтенный Ананда вошёл в своё жилище и, прислонившись к двери, стал безутешно рыдать: «Увы, я всё ещё ученик, а Благословенный, столь благосклонный ко мне, уходит в окончательную Ниббану!»

В это время Благословенный осведомился у монаха: «Бхиккху, где сейчас Ананда?»

⁹¹ Палийское *cakkavatti* на санскрите звучит, как *cakravartin* и обозначает Вселенского царя, который поворачивает колесо праведности (из индийских легенд). История о таком царе содержится в ДН 25 и в МН 129.

«Достопочтенный, Ананда вошёл в своё жилище и, прислонившись двери, стал безутешно рыдать: «Увы, я всё ещё ученик, а Благословенный, столь благосклонный ко мне, уходит в Париниббану!»»

Тогда Благословенный промолвил: «Бхиккху, позови Ананду от моего имени. Передай ему, что Учитель зовёт его».

«Да, достопочтенный», – отвечал монах и, придя к Ананде, сказал ему: «Ананда, Учитель зовёт тебя».

«Да, друг».

Достопочтенный Ананда приблизился к Благословенному и, выразив ему почтение, встал с одной стороны. Благословенный заговорил:

«Ананда, не скорби, не изнуряй себя. Разве я не увещевал тебя, что разлука, расставание, разделение с теми, кто любим и кто дорог – неизбежны? Как то, что было создано, рождено, обусловлено, обречено на гибель – может не погибнуть и не быть разрушенным? Это совершенно невозможно. Долгое время, Ананда, ты был верен Татхагате, наделённый почтением и любовью в деяниях, словах и мыслях, искренне и великодушно. Великое благо ты обрёл, Ананда. Тебе следует проявить усердие, и вскоре все твои оковы падут».

После этого Благословенный обратился к монахам: «О бхиккху, все полностью и в совершенстве пробуждённые в прошлом имели помощника, подобного Ананде; и в будущем все полностью и в совершенстве пробуждённые будут также помощника, ему подобного.

Ананда мудр, Ананда проницателен. Он знает, когда можно посещать Татхагату монахам и монахиням, мирянам и мирянкам, царям и советникам, их учителям и ученикам».

(ДН 16)

«У Царя, вращающего колесо, есть четыре чудесных и поразительных качества.

Какие четыре?

Когда кхаттии или брахманы, отшельники или миряне приближаются к Царю, вращающему колесо – они ликуют, видя его; ликуют, когда он поучает их; и горюют, когда он замолкает.

Подобно этому, у Ананды есть четыре чудесных и поразительных качества. Каковы же те четыре? Когда монахи и монахини, миряне и мирянки приближаются к Ананде – они ликуют, видя его; ликуют, когда он поучает их; и горюют, когда он замолкает».

(ДН 16; АН 4:129-30)

Ананда обратился к Благословенному: «Достопочтенный, нельзя допустить, чтобы Благословенный ушёл в окончательную Ниббану в столь неприглядном месте, в

таком убогом городке посреди лесов, на отшибе страны. Есть славные города, достопочтенный, такие как: Чампа, Раджагаха, Саваттхи, Сакета, Косамби и Варанаси – пусть Благословенный закончит свои дни там! В таких местах живут множество последователей Татхагаты, влиятельных благородных людей, брахманов и домохозяев, которые смогут воздать должные почести останкам Татхагаты⁹²».

«Не говори так, Ананда, не говори! Не именууй Кусинар неприглядным местом, убогим городком посреди лесов, на отшибе страны. В далёкие времена жил один царь по имени Маха Судассана, справедливый, покоривший четыре стороны света, поддерживающий мир на земле, обладатель семи сокровищ. Ананда, главная резиденция царя Маха Судассаны располагалась в Кусинаре, который тогда назывался Кусавати и простирался на двенадцать йоджан с востока на запад и на семь с севера на юг.

Ананда, великой и процветающей была Кусавати, столица, густо населённая, часто посещаемая людьми. Как и главная резиденция богов, Алакаманда, такова была и царская столица Кусавати. Ананда, в Кусавати денно и ночью звучали такие звуки: рёв слонов, ржание лошадей, грохот колесниц, барабанный бой, музыка и песни, приветствия, хлопанье в ладоши, и крики: «Кушайте! Пейте! Веселитесь!»

(ДН 16, 17)

«Ананда, ступай в Кусинару и возвести местным маллам: «Сегодня, о васеттхи, в последнюю стражу ночи свершится окончательная Ниббана Татхагаты! Идите, дабы не жалеть потом и не кручиниться: «Полностью и в совершенстве пробуждённый скончался в нашем городе, а мы не знали и не видели его в последний час!»

«Да, достопочтенный», – отвечал тот. Взяв свою чашу и верхнее одеяние, он отправился в Кусинар вместе с другим монахом. В это время маллы собрались большой компанией в одном зале по какому-то делу. Достопочтенный Ананда, войдя в этот зал, возвестил им: «Сегодня, о васеттхи, в последнюю стражу ночи свершится окончательная Ниббана Татхагаты! Идите, дабы не жалеть потом и не кручиниться: «Полностью и в совершенстве пробуждённый скончался в нашем городе, а мы не знали и не видели его в последний час!»

Услышав весть эту, маллы со своими детьми, жёнами и родственниками почувствовали глубокую скорбь и печаль. Они стали рвать волосы на себе и причитать, они вздымали руки и рыдали; они падали ниц и катались из стороны в сторону, восклицая: «Уже скоро, скоро окончательная Ниббана Благословенного! Слишком рано Счастливейший уходит в окончательную Ниббану! Око этого мира вскоре исчезнет!»

⁹² Согласно комментарию, «Маха Судассана сутта» (ДН 17) была произнесена по этому поводу.

Преисполненные печали, малы со своими детьми, жёнами и родственниками явились в Саловую рощу. Достопочтенный Ананда подумал: «Если я позволю маллам прощаться с Благословенным по одному, то ночь закончится прежде, чем это прощание. Отчего бы мне не разделить маллов из Кусинары по семействам, чтобы они представляли пред Благословенным: «Учитель, малла такой-то с детьми, жёнами, свитой, друзьями смиренно склоняется к твоим стопам, достопочтенный!»» И он сделал так, как задумал сам, и маллы смогли проститься с Благословенным до наступления первой ночной стражи.

Однако в то же время странствующий отшельник по имени Субхадда был в Кусинаре. До него долетела весть: «Сегодня в последнюю стражу ночи свершится окончательная Ниббана Татхагаты». Он подумал: «Слышал я от уважаемых учителей и старейшин, что редко в мире появляются татхагаты, полностью и в совершенстве пробуждённые. Сегодня Татхагата отойдёт в окончательную Ниббану в последней страже ночи. Я ныне одолеваем сомнениями, но вдруг он сумеет наставить меня Дхамме, которая положит им конец?»

И отшельник Субхадда отправился в Саловую рощу, где встретил достопочтенного Ананду и поведал всё, что пришло ему на ум, добавив: «Господин, если бы только я смог повидать Благословенного».

Достопочтенный Ананда отвечал: «Довольно, друг, не тревожь Благословенного. Утомлён Благословенный».

Во второй и в третий раз тот повторил свою просьбу, но каждый раз получал отказ. Благословенный, который услышал этот разговор, обратился к достопочтенному Ананде: «Довольно, Ананда, не удерживай Субхадду. Допусти его к Татхагате. О чём бы ни спросил Субхадда Татхагату, он сделает это не с целью досаждать мне, но из желания узнать истину. Благодаря мне он сможет изгнать свои сомнения».

Тогда достопочтенный Ананда позволил отшельнику Субхадде войти.

Он приблизился к Благословенному и, выразив ему почтение, обменялся с ним любезными приветствиями, а затем сел с одной стороны. После этого отшельник Субхадда задал вопрос Благословенному: «Учитель Готама, отшельники и брахманы, возглавляющие большие общины учеников, имеющие много последователей, сведущие, основатели учений, почитаемые людьми – Пурана Кассапа, Маккхали Госала, Аджита Кесакамбала, Пакудха Каччаяна, Санчая Беллатхапутта и Нигантха Натапутта, – обладают ли они глубоким знанием, как заявляют о себе, или же вовсе не достигли знания? Или одни достигли, а другие нет?»

«Довольно, Субхадда. Что тебе до Пураны Кассапы, Маккхали Госалы, Аджиты Кесакамбалы, Пакудхи Каччаяны, Санчая Беллатхапутты и Нигантхы Натапутты, – обладают ли они глубоким знанием, как заявляют о себе, или же вовсе не достигли

знания, или одни достигли, а другие нет? Я наставлю тебе Дхамме. слушай, Субхадда, и внимай с бдительностью. Я буду говорить».

«Да, достопочтенный,» — отвечал отшельник.

«Субхадда, если в какой-либо Дхамме и Винае ты не отыщешь Благородного восьмеричного пути, то не отыскать тебе и ни одного отшельника, ни второго отшельника, ни третьего отшельника, ни четвертого отшельника⁹³. Если же, Субхадда, в какой-либо Дхамме и Винае ты отыщешь Благородный восьмеричный путь, то ты сможешь найти и одного отшельника, и второго отшельника, и третьего отшельника, и четвертого отшельника.

В этой Дхамме и Винае, Субхадда, существует Благородный восьмеричный путь, поэтому только здесь возможно отыскать и одного отшельника, и второго отшельника, и третьего отшельника, и четвертого отшельника. Пусты, Субхадда, от отшельников Дхамма и Виная других учителей. И, покуда бхиккху живут праведно, мир этот не опустеет от арахантов».

Двадцать девять лет мне было, Субхадда,
Когда я отрёкся от мира в исканиях благого;
Пятьдесят один год минул с моего отречения,
Пусты от отшельников Дхамма и Виная других учителей;
Не отыскать там отшельников!
Покуда бхиккху живут праведно,
Мир не лишится арахантов.

Тогда отшельник по имени Субхадда воскликнул: «Великолепно, достопочтенный! Великолепно, достопочтенный! Благословенный показал мне Дхамму многими путями, подобно тому как поднимают то, что было опрокинуто; как открывают и демонстрируют то, что было сокрыто, указывают путь заблудившемуся; как возжигают светильник, дабы имеющие очи могли увидеть. Я принимаю прибежище в Благословенном, в Дхамме и в Сангхе монахов! Пусть Благословенный позволит мне принять посвящение в Сангхе монахов отныне и навсегда».

«Субхадда, тот, кто прежде был последователем других учений, должен пробыть четыре месяца испытательного срока прежде чем он получит посвящение в Сангхе монахов. Если по истечению этих четырех месяцев, другие бхиккху остаются довольны новичком, он может получить посвящение и тоже стать бхиккху. Но возможны и личные исключения».

⁹³ Речь о сотапанне, сакадагамине, анагамине и араханте.

«Достопочтенный, коли так, тогда позвольте мне пройти испытательный срок даже в течение четырёх лет; пусть в конце четырёх лет, если другие бхиккху останутся довольны мной, я смогу получить посвящение и тоже стать бхиккху».

Однако Благословенный велел Ананде: «Ананда, позволь Субхадде принять посвящение».

«Да, достопочтенный,» — отвечал тот.

И отшельник Субхадда сказал достопочтенному Ананде: «Это великая заслуга для тебя, друг Ананда, это благословение, что в присутствии Учителя ты лично им был посвящён в ученики⁹⁴».

Вскоре после этого, пребывая в уединении, вдали от суеты, прилежный, пылкий, решительный, он, познав прямым знанием для самого себя, прямо здесь и сейчас, вошёл и стать пребывать в той наивысшей цели святой жизни, во имя которой члены клана по праву оставляют родные дома ради бездомного странствования. Он постиг: «Рождение разрушено, прожита святая жизнь, совершено то, что необходимо было совершить, больше нет для меня возврата ни в одно состояние бытия».

Так отшельник Субхадда стал одним из арахантов. Он был последним учеником, лично обращённым Благословенным.

Тогда Благословенный обратился к Ананде:

«Ананда, возможно, вы подумаете: «Умолкло слово Татхагаты, нет у нас Наставника больше!» Но вам не подобает так размышлять. Дхамма и Виная, возведённые мною и установленные мною, станут вашими наставниками после моего ухода. О бхиккху, прежде вы обращались друг к другу словом «друг», но после моего ухода вам следует поступать иначе. Пусть старшие бхиккху обращаются к младшим «друг» или по имени, или по роду, а младшие бхиккху пусть обращаются к старшим, используя слово «достопочтенный».

После того, как меня не станет, Сангха монахов вправе отменять малые, незначительные предписания. На бхиккху Чанну⁹⁵ необходимо наложить самое высшее наказание».

⁹⁴ Согласно Комментарию, эта малопонятная фраза объясняется тем, что Субхадда имел заблуждение о том, что Будда, подобно другим духовным учителям, перед смертью назначает своего «преемника» для Сангхи.

⁹⁵ История о том, как принц Готама покинул свой дворец в ночи вместе с конюхом Чанной и его лошадью Кантхакой, отсутствует в Типитаке, однако в комментариях есть ссылка на Кантаку Виманаваттху (ст. 7:7). Эта история полностью приведена в книге Ачарии Буддагосы, в его «Введении к комментарию Джатаки».

Монах Чанна (отождествляемый с этим конюхом) появляется в Винае (параграф 4; Сангх. 12 и т.д.) как гордый, упрямый и не исправляющий ошибок человек. В суттах рассказывается, как он раскаялся после смерти Будды и попросил помощи у достопочтенного Ананды, и в итоге стал арахантом (СН 22:90).

«Что есть высшее наказание, достопочтенный?»

«Бхиккху, Чанна может говорить всё, что ему вздумается, но никто из других бхиккху не должен ни отвечать ему, ни советовать ему, ни увещевать его».

(ДН 16)

Сказав это, Благословенный окинул взором своих учеников:

«О бхиккху, быть может, у кого-то из вас есть сомнения в Будде, в Дхамме или Сангхе, в Благородном пути или практике. Вопросайте, о бхиккху! Вопросайте, дабы не сожалеть потом, раздумывая: «Учитель был с нами, но мы не решились спросить его, будучи с ним лицом к лицу!»

Однако бхиккху хранили молчание.

Во второй и в третий раз Благословенный повторил свои слова, но бхиккху оставались молчаливы. Тогда Благословенный промолвил:

«Может быть, бхиккху, вы не задаёте вопрос из-за почтения к Учителю. Обратитесь тогда к своим братьям». Однако бхиккху хранили молчание.

Достопочтенный Ананда воскликнул: «Воистину, это чудесно, это поразительно! Я вижу, что среди всей Сангхи нет ни одного бхиккху, который бы имел сомнения в Будде, в Дхамме или Сангхе, в Благородном пути или практике».

«Ананда, ты говоришь так, потому что наделён верой. Однако Татхагата наделён прямым знанием о том, что в этой Сангхе нет ни одного бхиккху, который бы имел сомнения в Будде, в Дхамме или Сангхе, в Благородном пути или практике. Из пяти сотен бхиккху даже самый слабый является вступившим в поток, не привязанным более к низшим мирам; тем, чья судьба определена, который уже не свернёт с дороги, ведущей к конечной цели — Пробуждению!»

И Благословенный провозгласил: «О бхиккху, внимайте! Возвещаю вам: всё обусловленное подвержено разрушению; не будьте беспечны, устремитесь к своему Освобождению⁹⁶!»

(ДН 16; АН 4:76)

Это было последнее слово Татхагаты.

Тогда Благословенный вошёл в первую джхану, и, выйдя из первой джханы, достиг второй джханы; выйдя из второй джханы, достиг третьей джханы; выйдя из третьей джханы, он достиг четвёртой джханы. Выйдя из четвёртой джханы, Благословенный вошёл в сферу безграничного пространства; с полным преодолением сферы безграничного пространства он вошёл в сферу безграничного сознания; с полным

⁹⁶ *Handa dāni, bhikkhave, āmantayāmi vo, vāyadhammā saṅkhārā appamādena sampādetthā”ti.*

преодолением сферы безграничного сознания он вошёл в сферу отсутствия всего; с полным преодолением сферы отсутствия всего он вошёл в сферу ни-восприятия-ни-невосприятия; с полным преодолением сферы ни-восприятия-ни-невосприятия он вошёл в сферу прекращения восприятия и чувствования.

Тогда достопочтенный Ананда сказал достопочтенному Ануруддхе:

«Достиг окончательной Ниббаны Благословенный!»

«Нет, друг Ананда, ещё не достиг окончательной Ниббаны Благословенный. Он лишь вошёл в сферу прекращения восприятия и чувствования».

Тогда Благословенный из сферы прекращения восприятия и чувствования вошёл в сферу ни-восприятия-ни-невосприятия, после чего – в сферу отсутствия всего, после чего – в сферу безграничного сознания, затем – в сферу безграничного пространства, затем – в четвёртую, третью, вторую, первую джханы. После этого он вновь стал восходить из первой джханы – во вторую джхану, из второй джханы – в третью джхану, и, достигнув четвёртой джханы, Татхагата достиг окончательной Ниббаны. После этого разразилось страшное землетрясение, от которого власа вздымаются дыбом, и небеса разверзлись от грома и молнии.

Брахма Сахампати воскликнул:

Всем суждено погибнуть,

Никто в мире этом не остаётся навсегда,

Даже Татхагата, высший средь существ,

Несравненный в мудрости, отошёл в Париниббану.

Сакка, повелитель дэвов, воскликнул:

Воистину, непостоянно всё составное:

Его природа — возникать и разрушаться,

Появившись, вещи распадаются;

Привести их к покою есть высшее счастье.

Достопочтенный Ануруддха воскликнул:

Умиротворённый, сокрушивший все желанья,

Закончил Муни свои дни;

С недрогнувшим умом все ощущения снёс,

Освободился его ум — угасает лампада так.

Достопочтенный Ананда воскликнул:

Как страшно, страшно,

От этого власа поднимаются дыбом!

Одарённый всеми добродетелями, в совершенстве Пробудившийся
Достиг окончательной Ниббаны!

(ДН 16; СН 6:15)

Когда Благословенный отошёл в окончательную Ниббану, те из монахов, которые не были свободны от страстей, стали рвать волосы на себе и причитать, вздымать руки и рыдать; они падали ниц и катались из стороны в сторону, восклицая: «Слишком рано Благословенный отошёл в Париниббану! Слишком рано Счастливый отошёл в Париниббану! Слишком рано Око этого мира исчезло!»

Однако бхиккху, отринувшие страсти, пребывающие в памятовании и ясном постижении, рассудили так: «Как то, что было создано – могло не погибнуть?» Достопочтенный Ануруддха воззвал ко всем: «Довольно, друзья, не нужно скорбеть, не нужно печалиться. Разве не увещевал нас Благословенный о том, что разлука, расставание, разделение с теми, кто любим и кто дорог – неизбежны? Как то, что было создано, рождено, обусловлено, обречено на гибель – может не погибнуть и не быть разрушенным? Это совершенно невозможно. И божества также недовольны, друзья».

«Достопочтенный Ануруддха, о каких божествах ты говоришь?»

«Друзья, существуют божества, обитающие на земле, и привязанные к земному; они рвут волосы на себе и причитают, они вздымают руки и рыдают; они падают ниц и катаются из стороны в сторону, восклицая: «Уже скоро, скоро окончательная Ниббана Благословенного! Слишком рано Счастливейший уходит! Око этого мира вскоре исчезнет!»

Друзья, существуют и божества, отринувшие страсти, пребывающие в памятовании и ясном постижении, которые рассуждают так: «Как то, что было создано – может не погибнуть?»

Достопочтенные Ануруддха и Ананда провели остаток ночи в беседах о Дхамме. Ануруддха сказал Ананде: «Друг Ананда, ступай и извести маллов из Кусинары так: «О вассетхи! Благословенный отошёл в окончательную Ниббану, поступите как подобает вам теперь».

«Да, достопочтенный!» – отвечал Ананда.

И рано утром, одевшись и взяв свою чашу, он с другим монахом отправился в Кусинару. В это время маллы собрались большой компанией в одном зале по какому-то делу. Достопочтенный Ананда, войдя в этот зал, возвестил им: «О вассетхи! Благословенный отошёл в окончательную Ниббану, поступите как подобает вам теперь».

Услышав весть эту, маллы со своими детьми, жёнами и родственниками почувствовали глубокую скорбь и печаль. Они стали рвать волосы на себе и

причитать, они вздымали руки и рыдали; они падали ниц и катались из стороны в сторону, восклицая: «Слишком рано Благословенный отошёл в окончательную Ниббану! Слишком рано Счастливым отошёл в окончательную Ниббану! Слишком рано око этого мира исчезло!»

И тогда маллы из Кусинары решили: «Давайте соберём благовонные масла и цветочные венки, созовём всех музыкантов в Кусинаре». И они взяли благовонные масла и цветочные венки, музыкантов, и пят сотен одеяний, отправились в Упаватану, в Саловую рощу, где приблизились к телу Благословенного. Они остались в роще на весь день, воздавая почести телу Благословенного распеванием гимнов, танцами, цветами, благовониями, музыкой; также они сделали саван из одеяний и развесили украшения.

Тогда подумали маллы из Кусинары: «Не настало ещё время предавать огню тело Благословенного». И вновь они стали воздавать почести телу Благословенного распеванием гимнов, танцами, цветами, благовониями, музыкой, и так провели весь следующий день, и третий, и четвёртый, и пятый, и шестой.

Наконец, на седьмой день маллы из Кусинары решили так: «Мы воздали почести телу Благословенного распеванием гимнов, танцами, цветами, благовониями, музыкой. Теперь давайте водрузим тело Благословенного на повозку, отнесём на южную часть города, и там, с южной стороны, за городом, предадим торжественно тело Благословенного огню».

Решив так, восемь старейшин маллов омыли головы, надели новые одеяния и приготовились водрузить тело Благословенного. Однако им не удалось поднять его. И тогда маллы из Кусинары задали вопрос достопочтенному Ануруддхе:

«Что за причина, достопочтенный Ануруддха, что восемь старейшин маллов омыли головы, надели новые одеяния и приготовились водрузить тело Благословенного, однако им не удалось поднять его?»

«Вассетхи, это произошло из-за того, что у вас одно устремление, а у божеств – иное».

«Какое же, достопочтенный, устремление у божеств?»

«Вассетхи, ваше устремление таково: «Мы воздали почести телу Благословенного распеванием гимнов, танцами, цветами, благовониями, музыкой. Теперь давайте водрузим тело Благословенного на повозку, отнесём на южную часть города, и там, с южной стороны, за городом, предадим торжественно тело Благословенного огню».

Однако у божеств устремление иное: «Мы воздали почести телу Благословенного распеванием гимнов, танцами, цветами, благовониями, музыкой. Теперь давайте водрузим тело Благословенного на повозку, отнесём на северную часть города, и войдя в город северными воротами, минуем центр города, и выйдя через восточные

врата, понесём тело к надгробью маллов, именуемой Макутабандхана, и там предадим торжественно тело Благословенного огню».

«Достопочтенный, мы сделаем так, как того желают божества».

И всё пространство было усыпано небесными цветами мандаравы, вплоть до самых неприглядных мест. Божества с маллами из Кусинары воздали почести телу Благословенного распеванием гимнов, танцами, цветами, благовониями, музыкой. Затем они водрузили тело Благословенного на повозку, отнесли на северную часть города, и войдя в город северными вратами, миновали центр города, и выйдя через восточные врата, понесли тело к надгробью маллов, именуемой Макутабандхана, и там предали торжественно тело Благословенного огню»

Маллы спросили достопочтенного Ананду: «Достопочтенный, что сделать нам с останками тела Благословенного?»

«Так же, как воздают почести останкам Царя, вращающего колесо, так следует поступить и с останками тела Татхагаты».

«Как же поступают с останками тела Царя, вращающего колесо?»

«Сначала их заворачивают в новую ткань, затем в хорошо взбитый хлопковый пух; затем вновь в новую ткань. И вот так, слой за слоем, останки заворачивают в пятьсот двойных слоёв. Затем их кладут в железный сосуд для масла, который закрывают другим сосудом. После этого разводят погребальный костёр со всевозможными благовониями и сжигают останки.

Далее, Царю, вращающему колесо, возводят ступы в четырёх направлениях. Вот как обращаются с останками Царя, вращающему колесо; и с останками Татхагаты следует обойтись так же, и в четырёх направлениях надобно также воздвигнуть ступы Татхагате. Людям, которые будут приносить к этим ступам цветы, благовония и дары, обретут умиротворение ума, что приведёт их к благоденствию и радости на долгое время».

Услышав это, маллы из Кусинары дали распоряжение найти и собрать весь взбитый хлопковый пух и стали заворачивать тело Благословенного в новую ткань. И вот так, слой за слоем, останки завернули в пятьсот двойных слоёв. Затем они положили их в железный сосуд для масла, который закрыли другим сосудом. Затем они положили тело на повозку с дровами, умащённую всевозможными благовониями.

(ДН 16)

В это время достопочтенный Махакассапа путешествовал по большой дороге из Павы в Кусинару в большой компании монахов, с пятью сотнями монахов. Затем он свернул с дороги и сел отдохнуть у корней деревьев. По той же дороге странствовал нагой отшельник, в руке которого были цветы мандаравы из Кусинары.

Увидев идущего отшельника, достопочтенный Махакассапа спросил его:

«Ты знаешь нашего Учителя, друг?»

«Да, друг, я знаю его. Отшельник Готама достиг окончательной Ниббаны семь дней назад. Вот откуда у меня в руках цветы мандаравы».

Услышав эту весть, те из монахов, которые не были свободны от страстей, стали рвать волосы на себе и причитать, вздымать руки и рыдать; они падали ниц и катались из стороны в сторону, восклицая: «Слишком рано Благословенный отошёл в окончательную Ниббану! Слишком рано Счастливым оставил мир! Слишком рано око этого мира исчезло!»

Однако монахи, отринувшие страсти, пребывающие в памятовании и ясном постижении, рассудили так: «Как то, что было создано – могло не погибнуть?»

Однако в это время монах по имени Субхадда, который принял посвящение уже в старости, находился среди монахов. И он обратился к ним с такими словами:

«Довольно, друзья! Не скорбите, не изнуряйте себя. Нам повезло избавиться от этого великого подвижника. Долго, долго он угнетал нас своими наставлениями:

«Вам это пристало, вам это не пристало, – а теперь мы вольны делать то, что пожелаем, и то что мы не пожелаем, того мы не будем делать».

Достопочтенный Махакассапа, меж тем, воззвал к монахам: «Довольно, друзья, не нужно скорбеть, не нужно печалиться. Разве не увещевал нас Благословенный о том, что разлука, расставание, разделение с теми, кто любим и кто дорог – неизбежны? Как то, что было создано, рождено, обусловлено, обречено на гибель – может не погибнуть и не быть разрушенным? Это совершенно невозможно».

(ДН 16; Вин Члвг. 11:1)

Тем временем, четыре старейшины маллов, омывшись и нарядившись в праздничные одеяния, попробовали возжечь костёр с телом Благословенного.

Однако им не удалось этого сделать, и они спросили достопочтенного Ануруддху, почему они не могут возжечь костёр.

«Васеттхи, у божеств иное устремление, чем у вас».

«Какое же устремление у божеств, достопочтенный Ануруддха?»

«Устремление божеств, вассеттхи, таково: «Достопочтенный Махакассапа шествует из Павы в Кусинару в большой компании монахов, с пятью сотнями монахов. Пусть костёр с останками тела Благословенного не будет возожжён, покуда достопочтенный Махакассапа не воздаст почести останкам тела Благословенного».

«Достопочтенный, пусть будет так, как желают божества».

Тогда достопочтенный Махакассапа прибыл к Макута-бандхане в Кусинаре, где находилось тело Благословенного. Он набросил свою чивару на одно плечо, и со сложенными в анджали руками трижды обошёл вокруг тела и пал ниц пред стопами Благословенного. И пять сотен монахов также набросили свои чивары на одно плечо, и со сложенными в анджали руками трижды обошли вокруг тела и пали ниц пред стопами Благословенного. После того, как Махакассапа и пять сотен монахов воздали должные почести, погребальный костёр Благословенного вспыхнул сам по себе.

После того, как тело Благословенного сгорело, то от кожи, от внутренних органов, от суставов не осталось ни пепла, ни сажи, но только кости. Подобно тому, как от сгоревшего масла не остаётся ни пепла, ни сажи, так и от тела Благословенного не осталось ничего, кроме костей. И из пяти сотен слоёв одеяний не сгорели в огне лишь два – внешний и внутренний. После того, как тело Благословенного было поглощено огнём, небеса стали изливать потоки вод, которые погасили погребальный костёр, а маллы из Кусинара принесли воды, напитанной всеми благовониями, которая полностью погасила погребальный костёр.

После этого они возложили останки Благословенного в зале для собраний и окружили кости Благословенного решёткой из копий и валом из луков; и семь дней подряд воздавали почести, славу, хвалу и поклонение им песнями, плясками, гирляндами и благовониями.

Меж тем, царь Магадхи Аджатакатту, сын царицы из рода Видехи, услышал весть, что Благословенный скончался в Кусинаре. Он послал вестников к маллам со словами: «Благословенный был из рода кхаттиев, и я из рода кхаттиев. Я заслуживаю того, чтобы получить частицу священных останков Благословенного. Над останками я воздвигну ступу и устрою торжество в честь них».

Личчхави из Весали услышали, что Благословенный скончался в Кусинаре, и послали вестников к маллам со словами: «Благословенный был из рода кхаттиев, и мы из рода кхаттиев. Мы заслуживаем того, чтобы получить частицу святых останков Благословенного. Над останками мы воздвигнем ступу и устроим торжество в честь них».

Сакьи из Капилаватту услышали, что Благословенный скончался в Кусинаре. Они послали вестников к маллам со словами: «Благословенный был величайшим сыном нашего рода. Мы заслуживаем того, чтобы получить частицу святых останков Благословенного. Над останками мы воздвигнем ступу и устроим торжество в честь них».

Буллы из Алакаппы услышали, что Благословенный скончался в Кусинаре, и послали вестников к маллам со словами: «Благословенный был из рода кхаттиев, и мы из рода кхаттиев. Мы заслуживаем того, чтобы получить частицу святых останков

Благословенного. Над останками мы воздвигнем ступу и устроим торжество в честь них».

Колии из Рамагамы услышали, что Благословенный скончался в Кусинаре, и послали вестников к маллам со словами: «Благословенный был из рода кхаттиев, и мы из рода кхаттиев. Мы заслуживаем того, чтобы получить частицу святых останков Благословенного. Над останками мы воздвигнем ступу и устроим торжество в честь них».

Брахман Веттхадипако услышал, что Благословенный скончался в Кусинаре, и послал вестников к маллам со словами: «Благословенный был из рода кхаттиев, и я из рода кхаттиев. Я заслуживаю того, чтобы получить частицу святых останков Благословенного. Над останками я воздвигну ступу и устрою торжество в честь них».

Маллы из Павы услышали, что Благословенный скончался в Кусинаре, и послали вестников к маллам со словами: «Благословенный был из рода кхаттиев, и мы из рода кхаттиев. Мы заслуживаем того, чтобы получить частицу святых останков Благословенного. Над останками мы воздвигнем ступу и устроим торжество в честь них».

Когда всё это было сказано, маллы из Кусинары заявили: «Благословенный отошёл в окончательную Ниббану на нашей земле, и мы не собираемся даровать ни одной частицы его священных останков!»

Тогда брахман Дона такие слова произнёс всему собранию:

Взываю к вам, любезные,

Припомните, как Благословенный терпению обучал нас;

Не подобает нам погрязнуть в склоках и раздорах,

Когда мы делим священные останки того,

Кто высший среди существ!

Давайте в единении и согласии

На восемь частей разделим их,

И в восьми направленьях света воздвигнем ступы,

Благодаря чего в людях воссияет вера!

«Брахман, раздели же останки Благословенного на восемь равных частей».

«Да, любезные», – отвечал брахман и сделал это. Затем он промолвил: «Любезные, отдайте мне этот сосуд, и я воздвигну ступу и устрою торжество». И они отдали ему этот сосуд.

В это время мории из Пиппаливании явились и стали говорить: «Благословенный был из рода кхаттиев, и мы из рода кхаттиев. Мы заслуживаем того, чтобы получить частицу святых останков Благословенного. Над останками мы воздвигнем ступу, и устроим торжество в честь них». Однако в ответ они услышали, что больше нет останков Благословенного для разделения, и им пришлось довольствоваться золой из поминального костра.

Царь Магадхи Аджатасатту Ведихипутта возвёл ступу над останками тела Благословенного и устроил торжество. Так поступили и все остальные.

Так получилось восемь ступ в честь Благословенного, и ещё две – с сосудами с золой от поминального костра. Вот как всё это произошло.

(ДН 16)

16. ПЕРВЫЙ СОБОР

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. После достижения Буддой окончательной Ниббаны бхиккху разбрелись из Кусинары по разным местам. Самой влиятельной фигурой в Сангхе стал Махакассапа.

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Сам Будда, перечисляя имена своих наиболее выдающихся учеников, называл Махакассапу четвёртым в этом перечне. Первым был упомянут Конданья (первый из учеников, который обрёл благородный плод), затем Сарипутта и Могаллана – главные ученики, которые скончались раньше Будды. О Махакассапе в Палийском каноне существует немало историй, в которых он предстаёт как строгий и даже суровый аскет, бескомпромиссный в своём устремлении к жизни отшельника. Он неоднократно упрекал Ананду в том, что тот слишком предан заботе о других в ущерб заботе о собственном благе, что мешало ему достичь состояния арахантства, уже обретенное Махакассапой.

Вот случай, относящийся к этому промежуточному периоду, который хорошо показывает его характер.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Так я слышал. Однажды достопочтенный Махакассапа жил в Раджагахе в Бамбуковой роще, в Беличьем заповеднике. В то время достопочтенный Ананда странствовал по направлению к Южным холмам в большой компании монахов. Именно тогда тридцать учеников оставили монашество, вернувшись к тому, от чего когда-то отказались. Большинство из них были молодыми людьми. Когда достопочтенный Ананда странствовал по Южным холмам так долго, сколько сам пожелал, он навестил почтенного Махакассапу в Бамбуковой роще в Раджагахе. Выразив ему почтение, он сел в стороне. Достопочтенный Махакассапа спросил его:

«Друг Ананда, во имя чего Благословенный установил предписание, согласно которому не более трёх монахов вместе должны принимать еду в семьях?»

«Достопочтенный Кассапа, Благословенный сделал это во имя трёх благ: для обуздания заблудших людей и спокойствия уже укрощённых людей, ради недопущения раздора внутри Сангхи и ради благоденствия семей».

«Отчего же, друг Ананда, ты отправляешься странствовать в компании с этими молодыми монахами, которые не охраняют свои двери чувств, которые не знают умеренности в еде и не предаются бодрствованию? Кто-то может подумать, что вы странствуете, чтобы растоптать чужой урожай. Кто-то может подумать, что ваша цель – это разрушение семей. И так твои ученики терпят урон, а новообращённые бхиккху возвращаются к домохозяйской жизни. И всё равно этот мальчик не знает меры!»

«Достопочтенный Кассапа, на моей голове растут седые волосы, а ты назвал меня мальчиком!»

«Ты и есть мальчик, друг Ананда, если отправляешься странствовать в компании с этими молодыми монахами, которые не охраняют свои двери чувств, которые не знают умеренности в еде и не предаются бодрствованию. Кто-то может подумать, что вы странствуете, чтобы растоптать чужой урожай. Кто-то может подумать, что ваша цель – это разрушение семей. И так твои ученики терпят урон, а новообращённые бхиккху возвращаются к домохозяйской жизни. И всё равно этот мальчик не знает меры!»»

Эту беседу услышала бхиккхуни Тхуллананда⁹⁷. Она подумала: «Похоже, что достопочтенный Кассапа недоволен достопочтенным Анандой!» Она почувствовала обиду и воскликнула: «Достопочтенный Кассапа, который вообще-то был иноверцем, оскорбил достопочтенного Ананду, назвав его мальчиком!»

Достопочтенный Махакассапа услышал эти слова. Затем он произнёс, обращаясь к достопочтенному Ананде: «Друг Ананда, бхиккхуни Тхуллананда сказала свои слова, не обдумав их. С тех пор, как я обрил свои волосы и облачился в жёлтое одеяние, покинув родной дом во имя бездомного странствования, я ни разу не принимал учение никакого иного наставника, помимо Благословенного, полностью и в совершенстве Пробуждённого. Будучи мирянином, я подумал: «Жизнь домохозяйина пыльная и тесная, а отшельническая — как бескрайние просторы. Нелегко, оставаясь дома, вести святую жизнь, полностью совершенную, полностью чистую, как отшлифованная раковина. Что, если я обрею свои волосы и бороду, облачусь в жёлтое одеяние и покину родной дом ради бездомного скитания?» И я сделал себе одеяние из кусков выброшенных тряпок. Я обрил свои волосы и

⁹⁷ Бхиккхуни Тхуллананда часто появляется на страницах Винаи в качестве умной, самонадеянной и шутиливой женщины, из-за поступков которой был установлен ряд предписаний нравственности.

облачился в жёлтое одеяние, покинув родные пенаты во имя бездомного странствования, желая найти в этом мире тех, кто является арахантами.

Уйдя, я стал странствовать и по дороге встретил Благословенного между Раджагахой и Наландой, сидящего неподалёку от надгробия Бахупутты. Увидев его, я зародил в своём уме такое устремление: «Если я признаю кого-то в качестве своего наставника, пусть это будет только Благословенный. Если я признаю кого-то в качестве Пробуждённого, пусть это будет только Благословенный. Если я признаю кого-то в качестве Возвышенного, пусть это будет только Благословенный».

И я упал ниц к его стопам со словами: «Достопочтенный, Благословенный – мой Учитель, я – его ученик; Благословенный – мой Учитель, я – его ученик».

Когда я сказал так, Благословенный ответил мне: «Кассапа, если кто-либо, кто не знает и не видит, сказал бы такому честному ученику, как ты: «Я знаю, я вижу», то его голова раскололась бы. Но я, Кассапа, зная, заявляю: «Я знаю»; видя, я заявляю: «Я вижу».

И вот, Кассапа, как следует тебе воспитывать себя: «Я буду возвращать чувство стыда и боязни совершить проступок по отношению к старейшим монахам, к новичкам и тем, кто между ними».

Далее, Кассапа, как следует тебе воспитывать себя: «Слушая Дхамму, связанную с достижением благого, я буду внимать ей с бдительностью, склоняя к ней ухо, направляя своё внимание всецело».

Далее, Кассапа, как следует тебе воспитывать себя: «Я никогда не оставляю памятования по отношению к телу, связанного с радостью». Кассапа, так следует тебе воспитывать себя».

Наставив меня таким образом, Благословенный встал со своего сиденья и удалился. В течение семи дней, друг Ананда, я питался пищей с подаяния, как должник. Но на восьмой день во мне воссияло высшее знание.

Благословенный после этого сошёл с дороги, чтобы отдохнуть у корней деревьев. Я сложил вчетверо своё верхнее одеяние из выброшенных кусков ткани и сказал ему: «Достопочтенный, пусть Благословенный воссядет здесь. Это приведёт к моему благоденствию и счастью на долгое время». Благословенный воссел на подготовленное сиденье и произнёс: «Твоё верхнее одеяние из кусков ткани очень мягкое, Кассапа».

«Достопочтенный, пусть Благословенный из сострадания согласится принять моё верхнее одеяние из кусков ткани».

«Кассапа, но станешь ли ты носить мою изношенную одежду из лоскутов?»

«Да, достопочтенный».

Так я предложил принять Благословенному моё верхнее одеяние из кусков ткани и получил от него его изношенную одежду из лоскутов. Если кто-либо правдиво

заявлял бы о ком-либо так: «Он – сын Благословенного, рождённый из его груди, рождённый из его уст, рождённый Дхаммой, наследник Дхаммы, отшельник, который носит изношенные одеянья из лоскутов», то он говорил бы так обо мне».

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Далее Махакассапа рассказывает о том, что по своему желанию он без труда достигает четырёх джхан, а также нематериальных джхан, включая сферу прекращения восприятия и чувствования; обладает чудесными силами, божественным оком, божественным ухом, знанием прошлых жизней, умением читать чужие умы.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. «Когда я пожелаю, я пребываю, наделённый памятованием и ясным постижением, с безграничным умом, постигая Освобождение посредством мудрости от всех неблагих, пагубных состояний ума и достигнув состояния, где они прекращаются без остатка.

Друг Ананда, подобно тому, как огромного слона высотой в семь или в семь с половиной локтей невозможно скрыть за пальмовым листом, точно также невозможно считать, что мои шесть прямых знаний могут быть сокрыты».

Бхиккхуни Тхуллананда, тем временем, отпала от святой жизни.

(СН 16:11)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Всё это происходило всего лишь через несколько недель после ухода Будды.

ТРЕТИЙ ГОЛОС. Достопочтенный Махакассапа сказал:

«Друзья, давайте повторим Дхамму и Винаю, возвещённые Благословенным. Уже прорастают ложные Дхамма и Виная, а истинные – попираются. Уже случилось, что сторонники ложных Дхаммы и Винаи сильны, а сторонники истинных – слабы».

«Пусть достопочтенный созовёт собрание монахов».

И достопочтенный Махакассапа созвал собрание, в котором одного араханта не хватало, чтобы насчитать пять сотен. Монахи сказали ему: «Пусть пятисотым монахом будет достопочтенный Ананда. Хотя он все еще только ученик, всё же он не способен отправиться в низшие миры из-за жажды, враждебности, заблуждения или страха. Он запомнил огромное разнообразие наставлений из Дхаммы и Винаи в присутствии самого Благословенного. Пусть достопочтенный Махакассапа призовет достопочтенного Ананду».

Тот согласился. Затем Ананда задал вопрос монахам:

«Друзья, где мы проведём декламацию Первого собора?»

Старшие бхиккху подумали: «Раджагаха велика и имеет множество вариантов для проживания. Отчего бы нам не направиться туда до сезона дождей?»

После этого Махакассапа промолвил: «Друзья, пусть Сангха услышит меня. Если Сангха сочтёт уместным, то пусть она подтвердит такое решение: присутствующие здесь пять сотен монахов остаются в Раджагахе для декламации Дхаммы и Винаи, и никто более из монахов не должен в это время находиться здесь. Таково решение. Пусть Сангха услышит меня. Если Сангха сочтёт уместным, то пусть она подтвердит такое решение: присутствующие здесь пять сотен монахов остаются в Раджагахе для декламации Дхаммы и Винаи, и никто более из монахов не должен в это время находиться здесь. Пусть тот, кто согласен, хранит молчание, а тот, кто против, выскажется».

Итак, Сангха хранит молчание. Это означает, что решение принято и Сангха с ним согласилась. Я записываю это».

И старейшины собрались в Раджагахе ради декламации. Они постановили:

«Восстановление разрушенного было рекомендовано самим Благословенным.

Друзья, давайте посмотрим на обстановку в течение первого месяца. Во время второго месяца мы соберёмся все вместе ради декламации Дхаммы и Винаи».

В это время достопочтенному Ананде пришло на ум такое рассуждение: «Собрание состоится уже завтра. Не пристало мне принимать в нём участие, будучи всего лишь учеником».

Он провёл большую часть ночи, взращивая памятование о теле. Когда ночь стала клониться к концу, он решил прилечь, сохраняя при этом памятование. И, в промежутке между тем, как его голова коснулась подушки, а ноги оторвались от пола, – разум его освободился от всех омрачений посредством нецепляния. Так достопочтенный Ананда стал одним из арахантов до наступления Собора.

На Соборе достопочтенный Махакассапа обратился к Сангхе таким образом:

«Друзья, пусть Сангха услышит меня. С позволения Сангхи я буду вопрошать друга Упали о предписаниях Винаи».

Достопочтенный Упали, в свою очередь, обратился к Сангхе:

«Друзья, пусть Сангха услышит меня. С позволения Сангхи я буду вопрошаемым о предписаниях Винаи».

Затем достопочтенный Махакассапа задал вопрос достопочтенному Упали так:

«Друг Упали, где произошло объявление о первом нарушении?»

«В Весали, достопочтенный».

«В отношении кого?»

«В отношении Судинны Каландапутты».

«Что явилось причиной?»

«Сексуальное соитие».

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Затем достопочтенный Махакассапа расспросил достопочтенного Упали о подробностях первого нарушения, его источнике, личностях, заявлениях, изменениях, проступке или отсутствии проступка. После этого он аналогичным образом расспросил его о трёх других нарушениях, влекущих немедленное исключение из Сангхи — воровстве, убийстве людей и заведомо ложных заявлениях о своих духовных достижениях.

Подобным образом достопочтенный Махакассапа расспросил достопочтенного Упали о двух кодексах, а именно: о Патимоккхе монахов (Кодексе монашеских правил), и о Патимоккхе монахинь, а также обо всех других установленных правилах. Тот ответил на каждый вопрос.

ТРЕТИЙ ГОЛОС. Далее достопочтенный Махакассапа обратился к Сангхе таким образом: «Друзья, пусть Сангха услышит меня. С позволения Сангхи я буду вопрошать друга Ананда о Дхамме».

Тот, в свою очередь, тоже обратился к Сангхе: «Друзья, пусть Сангха услышит меня. Если Сангха даст своё позволение, я буду вопрошаемым о Дхамме».

Затем ему был задан вопрос: «Друг Ананда, где была провозглашена «Брахмаджала сутта»?»

«Между Раджагахой и Наландой, достопочтенный, в царском доме отдыха в Амбалатхике».

«По какому поводу?»

«Из-за странника Суппии и ученика-брахмана Брахмадатты».

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Затем достопочтенный Махакассапа расспросил его об источнике «Брахмаджала сутты», первой в сборнике «Дигха-Никаи», и о том, кто сыграл ведущую роль в этой истории.

После этого он таким же образом расспросил его о «Саманнапхала сутте». В итоге, достопочтенный Ананда был спрошен обо всех беседах во всех четырех основных разделах Сутта-Питаки.

ТРЕТИЙ ГОЛОС. После окончания вопрошания о суттах достопочтенный Ананда сказал: «Друзья, перед достижением окончательной Ниббаны Благословенный обратился ко мне так: «После того, как меня не станет, Сангха монахов вправе отменять малые, незначительные предписания».

«Но, друг Ананда, задал ли ты вопрос Благословенному, какие именно малые, незначительные предписания он имеет в виду?»

«Нет, друзья».

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. Далее монахи стали обсуждать, какие же предписания, помимо четырёх поражений, следует отнести к малым и незначительным. Тогда достопочтенный Махакассапа обратился к Сангхе так.

ТРЕТИЙ ГОЛОС. «Пусть Сангха услышит меня, друзья! Некоторые из предписаний Винаи напрямую затрагивают мирян, и по ним миряне знают, что позволено сынам сакьев, а что – нет. Если сейчас мы отменим малые и незначительные предписания, найдутся миряне, которые скажут: «Предписания Винаи, установленные отшельником Готамой во имя благоденствия Сангхи, смогли просуществовать лишь до кремации тела Учителя! Его последователи смогли следовать предписаниям лишь покуда их Учитель был жив, но как только он скончался, они тут же отринули их!»

Если Сангха согласится со мной, то пусть все предписания, что были установлены – соблюдаются; а которые не были установлены – не соблюдаются. Пусть Сангха следует всем предписаниям, что были возвещены Благословенным».

Это предложение было принято Сангхой. Тогда бхиккху обратились к достопочтенному Ананде так:

«Друг Ананда, ты не спросил Благословенного, какие именно предписания являются мелкими и незначительными, и это является твоим проступком. Признай свой проступок».

«Друзья, из-за недостатка внимательности я не спросил Благословенного о том, какие предписания являются мелкими и незначительными. Я не вижу в этом проступка. Однако, если почтенные считают это проступком, из-за моего доверия к почтенным я признаю это проступком».

«Друг Ананда, однажды во время зашивания чивары Благословенного для сезона дождей ты наступил на неё. Признай свой проступок».

«Почтенные, я сделал это не из-за недостатка почтения к Благословенному. Я не вижу в этом проступка. Однако, если почтенные считают это проступком, из-за моего доверия к почтенным, я признаю это проступком».

«Друг Ананда, ты позволил женщинам первым воздать почести останкам Благословенного. Они рыдали и причитали, таким образом, затронув останки Благословенного этими слезами. Признай свой проступок».

«Почтенные, я позволил женщинам воздать почести останкам Благословенного первыми, потому что иное время было бы неподходящим для них. Я не вижу в этом проступка. Однако, если почтенные считают это проступком, из-за моего доверия к почтенным я признаю это проступком».

«Друг Ананда, несмотря на то что сделанный Татхагатой намёк был так очевиден и так ясен, – ты не стал просить и умолять Благословенного: «Достопочтенный,

останьтесь во имя благополучия многих, во имя счастья многих, из сострадания к миру, для пользы, благополучия и счастья богов и людей! Продлите свою жизнь ещё на одну каппу!» Признай свой проступок».

«Почтенные, я сделал это потому, что Мара, Злой дух, завладел моим разумом. Я не вижу в этом проступка. Однако, если почтенные считают это проступком, из-за моего доверия к почтенным, я признаю это проступком».

«Друг Ананда, ты был починателем того, чтобы позволить женщинам становиться монахинями в этой Дхамме и Винае, провозглашёнными Благословенным. Признай свой проступок».

«Почтенные, я сделал это, поскольку Махападжапати Готами была исключительно заботлива по отношению к Благословенному, будучи родной сестрой его матери, и она вскормила его своим молоком после смерти настоящей матери и заменила её для него. Я решил, что было бы хорошо, если бы женщины могли получать посвящение. Я не вижу в этом проступка. Однако, если почтенные считают это проступком, из-за моего доверия к почтенным, я признаю это проступком».

(Вин Члвг. 11:1-10)

В это время достопочтенный Пурана странствовал в Южных холмах в большой компании монахов, с пятью сотнями монахов. После того, как Дхамма и Виная были продекламированы старейшинами, и после того, как достопочтенный Пурана пробыл в Южных холмах так долго, как сам пожелал, он пришёл навестить старейшин в Бамбуковой роще в Раджагахе. Они обратились к нему:

«Друг Пурана, Дхамма и Виная были продекламированы старейшинами. Поддерживаешь ли ты эту декламацию?»

«Друзья, Дхамма и Виная были славно продекламированы старейшинами. Однако я запомню их в таком виде, в котором услышал их из уст Благословенного».

(Вин Члвг 11:11)

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. Приведём одну историю, которая доказывает, каким образом молодая Сангха, потерявшая своего создателя, сумела утвердиться как жизнеспособная структура, которая существовала и продолжает существовать уже в течение более двух с половиной тысячелетий.

ТРЕТИЙ ГОЛОС. Так я слышал. Однажды достопочтенный Ананда пребывал в Бамбуковой роще, в Беличьем заповеднике – это было вскоре после смерти Благословенного. Царь Магадхи Аджатасатту Ведехипутта укреплял тогда крепости в Раджагахе, потому что не доверял царю Паджоте из Аванти.

Рано утром достопочтенный Ананда, одевшись и взяв свою чашу и верхнее одеяние, направился в Раджагаху за подаянием. Вдруг он подумал: «Пожалуй, ещё сильно рано, чтобы идти за подаянием. Отчего бы мне навестить руководителя крепости брахмана Моггаллану и не посмотреть, как проходит его работа?»

И он сделал так. Брахман увидел его идущим. Он произнёс: «Добро пожаловать, достопочтенный. Пусть достопочтенный Ананда присядет, ибо долог был его путь. Вот сиденье, подготовленное для Вас».

Достопочтенный Ананда сел на подготовленное для него сиденье, а брахман занял низкое место и сел с одной стороны. Он задал такой вопрос: «Достопочтенный Ананда, существует ли хотя бы один монах, который был равен бы во всех отношениях Благословенному в своих качествах?»

«Нет, брахман. Ибо Благословенный являлся создателем Благородного пути, который не был известен миру. Он являлся глашатаем Пути, который не был известен, и он знал и видел этот Путь, будучи непревзойдённым учителем. Сейчас его последователи живут, следуя открытому Благословенным пути, овладевают им вслед за ним».

Однако их беседа здесь не была закончена, поскольку брахман Вассакара, министр из Магадхи, который следил за работами в Раджагахе, пришёл туда, где находился достопочтенный Ананда, и где шла работа руководителя крепости Моггалланы. Они обменялись приветствиями, и когда эта любезный разговор был завершён, он сел в стороне и спросил:

«Для какого разговора вы собрались здесь сейчас? И что же из вашего выступления тем временем осталось незаконченным?»

Достопочтенный Ананда рассказал ему о только что состоявшейся беседе, добавив, что она не была закончена из-за его прихода.

«Достопочтенный, есть ли какой-либо бхиккху, про которого Благословенный заявлял: «Этот бхиккху станет вашим прибежищем, когда меня не станет?»

«Нет такого бхиккху, про которого Благословенный, полностью и в совершенстве Пробуждённый, заявлял бы так».

«Тогда, достопочтенный, есть ли какой-либо бхиккху, который был бы избран Сангхой, старейшими монахами, про которого они бы заявили: «Этот бхиккху станет вашим прибежищем, когда не станет Благословенного?»

«Такого бхиккху нет, брахман».

«Если вы лишены прибежища, какой же тогда смысл вашего пребывания вместе?»

«Мы не лишены прибежища, брахман. У нас есть прибежище. Дхамма является нашим прибежищем».

«Как следует понимать это утверждение, достопочтенный?»

«Благословенный, который знает и видит, полностью и в совершенстве Пробуждённый, оставил нам предписания нравственности и установил монашескую Патимоккху. В день Упосатхи бхиккху, живущие в пределах одного поселения, собираются вместе и, собравшись, просят того бхиккху, который знает Патимоккху, продекламировать её. Если какой-либо бхиккху слышит перечень нарушений и проступков и вспоминает, что совершил их, он признаётся в этом, когда Патимоккха декламируется, а мы подвигаем его поступить в соответствии с Дхаммой и предписаниями. Однако это не отдельный бхиккху, а сама Дхамма побуждает нас поступать так».

«Достопочтенный Ананда, есть ли какой-то бхиккху, которого вы почитаете, высоко ставите и цените, в зависимости от которого вы живёте, воздавая ему почтение?»

«Такой бхиккху есть, брахман».

«Но, достопочтенный Ананда, будучи вопрошаемым: «Есть ли какой-либо бхиккху, про которого Благословенный заявлял: «Этот бхиккху станет вашим прибежищем, когда меня не станет?»», Вы ответили, что такого бхиккху нет. Будучи вопрошаемым: «Есть ли какой-либо бхиккху, который был бы избран Сангхой, старейшими монахами, про которого они бы заявили: «Этот бхиккху станет вашим прибежищем, когда не станет Благословенного?»», Вы тоже ответили, что такого бхиккху нет. Однако, будучи вопрошаемым: «Есть ли какой-то бхиккху, которого вы почитаете, высоко ставите и цените, в зависимости от которого вы живёте, воздавая ему почтение?»», Вы ответили, что такой бхиккху есть. Как следует понимать ваши слова?»

«Брахман, Благословенный, который знает и видит, полностью и в совершенстве Пробуждённый, провозгласил десять качеств бхиккху, которые внушают доверие остальным. Если какой-либо бхиккху наделён этими десятью качествами, то мы почитаем его, высоко ставим и ценим, и в зависимости от него живём, воздавая ему почтение. Что это за десять качеств?

Он добродетелен, он обуздан посредством соблюдения Патимоккхи, безупречный в поведении и средствах, видящий опасность в мельчайших нарушениях. Приняв правила обучения, он посвящает себя их соблюдению.

Он — тот, кто многое выучил, запомнил и закрепил в уме выученное. Эти учения, которые прекрасны в начале, прекрасны в середине и прекрасны в конце, с истинным смыслом и выражениями; учения, что провозглашают святую жизнь: всецело завершённую и чистую, — их он выучил, запомнил, исследовал своим умом и постиг посредством воззрений.

Он доволен «четырьмя монашескими необходимостями» (чиварой, едой с подаяния, жилищем и лекарствами).

Он легко и по своему желанию достигает всех четырёх джхан — безмятежного состояния, лишённого умственных помех и представляющих собой приятное пребывание здесь и сейчас.

Он овладел различными видами духовных сил: будучи одним, он может становиться многими; будучи многими, он может становиться одним; он может возникать и исчезать, беспрепятственно проходить сквозь стены, сквозь крепостные валы, сквозь горы, словно через пустое пространство; погружаться в землю и выныривать из неё, словно из воды; ходить по воде и не погружаться в неё, словно по земле; скрестив ноги, парить в небесах, как быстрокрылая птица; дотрагиваться рукой до луны и солнца, этих могучих светил; овладеть своим телом так, чтобы в один миг достигать любого места, даже обители Брахмы, — он способен реализовать это состояния посредством прямого знания, когда это необходимо.

Если он пожелает: «Пусть своим божественным слухом, очищенным и превосходящим человеческий, я могу слышать как людские, так и небесные звуки; слышать далёкие звуки так, словно они совсем близко», — он способен реализовать это состояние посредством прямого знания, когда это необходимо».

Если он пожелает: «Пусть я стану постигать умы других существ, других личностей, охватив их своим собственным умом. Пусть я стану постигать ум с чувственным желанием — как ум с чувственным желанием, а ум, лишённый вожделения — как ум, лишённый вожделения... [См. главу 12], а неосвобождённый ум — как неосвобождённый ум.

Если он пожелает: «Пусть я вспомню свои прошлые жизни ... [См. главу 2] ... во всех деталях и подробностях», — он способен реализовать это состояние посредством прямого знания, когда это необходимо».

Если он пожелает: «Пусть своим божественным оком, превосходящим человеческое, я увижу, как умирают и вновь рождаются существа, высшие и низшие, красивые и уродливые, удачливые и невезучие ... [см. главу 2], он видит, как умирают и вновь рождаются существа, высшие и низшие, красивые и уродливые, удачливые и невезучие, и как они пожинают плоды своих деяний», — он способен реализовать это состояние посредством прямого знания, когда это необходимо».

Если он пожелает: «Пусть с разрушением всех оков в этой самой жизни я войду и стану пребывать в неомрачённом освобождении ума, Освобождении посредством мудрости, постигнув это сам для себя посредством прямого знания», — он способен реализовать это состояние посредством прямого знания, когда это необходимо.

Когда так было сказано, брахман Вассакара обратился к военачальнику Упананде: «Что ты думаешь, военачальник? Разве неверно почитать, высоко ставить и ценить того, в зависимости от которого живёшь, воздавая ему почтение? И что бы случилось, если бы бхиккху не делали этого?»

Затем брахман Вассакара задал вопрос достойному Ананде: «Где сейчас проживает достойный?»

«Я проживаю в Бамбуковой роще, брахман».

«Я надеюсь, достойный, что Бамбуковая роща приятна, исполнена умиротворения, лишена шума, создающая условия для созерцания, отдалённая от людей, подходящая для уединения».

«В самом деле, брахман, Бамбуковая Роща такова благодаря таким заботливым охранителям как ты».

«Воистину, достойный Ананда, Бамбуковая роща обладает всеми этими прекрасными качествами благодаря отшельникам, которые занимаются созерцанием, находясь в ней. Однажды отшельник Готама пребывал в Весали, в зале с остроконечной крышей в Великом лесу. Там я навестил его. Он объяснял мне многими способами, что такое созерцание. Нет сомнений, отшельник Готама был искусен в созерцании и умело практиковал его. Он восхвалял любое созерцание».

«Брахман, Благословенный не восхвалял любое созерцание и также он не порицал любое созерцание. И что за созерцание, которое не восхвалял Благословенный? Так, человек, не свободный от вожделения, одержимый чувственным желанием, не знающий исхода из этого вожделения, лелеющий чувственное желание, занимается созерцанием: он созерцает избыточно, либо он созерцает недостаточно, вновь пытаясь заниматься созерцанием. Он не свободен от враждебности, от лени и сонливости, от неугомонности и беспокойства, от сомнений. Благословенный не восхвалял такое созерцание.

И какое же созерцание Благословенный восхвалял? Так, отстранившись от чувственных усад, отстранившись от неблагих состояний, человек входит и начинает пребывать в первой джхане, которая сопровождается размышлением и изучением, наполненный восторгом и счастьем, рождёнными уединением.... Входит и начинает пребывать во второй...третьей...четвёртой джхане... Такое созерцание Благословенный поистине восхвалял».

«Достойный Ананда, похоже, что Благословенный восхвалял то созерцание, которое следует восхвалять, и порицал то созерцание, которое следует порицать. А сейчас нам пора идти, у нас много дел».

«Брахман, поступай так, как считаешь нужным».

И брахман Вассакара, обрадованный и ободрённый словами достойного Ананды, поднялся со своего сиденья и удалился. Вскоре после его ухода брахман Гопака Моггаллана сказал: «Достойный Ананда ещё не ответил на вопрос, который ему задали».

«Разве мы не ответили тебе, брахман, что не существует ни одного монаха, который был бы во всех отношениях равен Благословенному в своих качествах?»

Благословенный был создателем Пути, который не был известен прежде. Он был глашатаем Пути, который не был известен прежде, и он знал и видел этот Путь, будучи непревзойдённым учителем. Сейчас его последователи живут, следуя открытому Благословенным пути, овладевают им, и делают это вслед за ним».

(МН 108)

ВТОРОЙ РАССКАЗЧИК. В это время царь Аджасатту задумал полностью уничтожить своего могущественного соседа — вадджей, жителей самой крупной и наиболее организованной из племенных республик, чья столица Весали располагалась к северо-востоку от Ганги. Чтобы помочь ему достичь этой цели, Вассакара выдал себя за заговорщика против него, но сам был объявлен предателем и бежал в Весали в поисках убежища.

Следующие три года были потрачены им на разжигание смуты и искусное распространение недоверия. В обществе воцарилась атмосфера взаимной подозрительности. Когда Вассакара счёл, что время пришло, он тайно сообщил царю Аджасатту, что правители Весали теперь слишком разобщены, чтобы защищать свои земли. Благодаря этой весте Аджасатту вскоре смог завершить успешное вторжение кровавой расправой с населением. Это был конец независимости вадджей. Царь Косалы Видудабха быстро последовал примеру своего двоюродного брата, захватив территорию сакьев и колиев на своей северо-восточной границе, поступив с тамошними жителями таким же образом.

ПЕРВЫЙ РАССКАЗЧИК. На этом заканчивается первая сцена в индийской истории. В течение следующих полутора столетий, вплоть до возвышения империи маурьев с её новой династией, в хрониках ничего не записано, кроме имён царей Магадхи и отчёта о Втором соборе монахов-арахантов через сто лет после смерти Будды.

К тому времени великое северное царство Косала уже исчезло (каким именно образом, мы не знаем). Чандрагупта Маурья ("Сандракоттос" на греческом), как наследник старой Магадхи, командовал всем в долине Ганга со столицей в Патне (Паталипутта).

Отчёт о Втором буддийском соборе был добавлен в Виная-Питаку, очевидно, во время этого собора. Палийский канон был продекламирован снова, и именно тогда (как можно предположить) несколько сутт, относящихся к периоду после Первого собора, были включены в Сутта-Питаку. На третьем совете, состоявшемся во время правления императора Асоки (внук Чандрагупты), Абхидхамма-Питака была дополнена книгой о «ересях», и Типитака оказалась оформленной окончательно.

К этому времени существовало уже восемнадцать буддийских школ, доминирующей среди которых во времена царя Асоки стала Тхеравада (Школа старейшин). Сам Асока принял буддизм, а его сын-арахант Махинда (или, согласно некоторым источникам, племянник) привёз палийскую Типитаку вместе с комментариями на остров Цейлон (сейчас – Шри-Ланка). Другие старшие бхиккху отправились с миссией в другие страны во имя распространения там учения Будды. Именно эта палийская Типитака сохранилась до наших дней на Цейлоне, а также в Бирме, Таиланде и Камбодже, где Тхеравада процветает и в наши дни. Если мы примем наблюдения китайского путешественника И Цзина, который прибыл в Индию (но не на Цейлон) в конце седьмого века, Тхеравада была главенствующей школой во всей южной половине Индии, в то время как Сарвастивада (чей Канон на санскрите считается менее древним, чем палийский) больше был популярен в северной половине, хотя другие школы были широко распространены во многих частях. Канон Сарвастивады распространился на север и восток, а Палийский канон – на юг и восток. Махаяна, которая, как полагает И Цзин (сам сарвастивадин), имела корни в его время во всех или большинстве школ. Считается, что Махаяна возникла на основе одной из школ, а именно Махасангхики.

Махаяне удавалось порой добиться определённого влияния на Цейлоне и в Бирме, но она не смогла победить Тхераваду, своего старого противника в этих странах. Что касается родины буддизма – Индии, то он во всех формах полностью исчез в ней примерно к XV веку.

ОБ АВТОРЕ

Осберт Мур (так звали Ньянамоли Бхиккху в мирской жизни) родился 25 июня 1905 года в Англии. Он окончил Эксетерский колледж в Оксфорде, а во времена Второй мировой войны служил в армии в должности штабного офицера в Италии. Именно в то время, прочитав итальянскую книгу об Учении Будды, он заинтересовался Дхаммой. Та книга имела название «Доктрина Пробуждения» авторства Юлиуса Эвола, которая позже была переведена другом и товарищем-офицером Гарольдом Массоном (в будущем - дост. *Ñāṇavīra Thera*), в 1948 году сопровождавшим Осберта Мура на остров Цейлон.

В 1949 году оба получили посвящение в буддийские монахи в Островной обители, Додандуве; а в 1950 году приняли высшее монашеское посвящение в Ваджирараме в монастыре Коломбо. Осберт Мур получил монашеское имя Ньянамоли, а его друг — Ньянавира. Оба вернулись вскоре в Островную обитель (островной монастырь,

расположенный в лагуне), где достопочтенный Ньянамоли провёл одиннадцать лет. Он очень редко покидал этот умиротворённый остров, и в один из таких случаев, во время пешеходной прогулки со старшим монахом Обители внезапно скончался от сердечной недостаточности. Это случилось 8 марта 1960 года в деревне Вехерагама рядом с Махо.

Помимо настоящего произведения, достопочтенный Ньянамоли Бхиккху перевёл с палийского на английский язык некоторые из самых сложных текстов школы Тхеравады. Все эти переводы были выдающимися по своему качеству и количеству, демонстрируя высочайший стандарт тщательной и критической учёности, а также острое и тонкое понимание Учения Будды. Его работа в этой области является прочным вкладом в изучение буддизма.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ

Дата события (приблизительно)

Рождение Будды 563 г. до н.э.

Отречение 534 г.* до н.э.

Пробуждение 528 г.* до н.э.

Уход в окончательную Ниббану 483 г.* до н.э.

Первый Собор 483 г.* до н.э.

Второй Собор 383 г.* до н.э.

Чандрагупта (Сандрокоттос) 313 г. до н.э.

Асока (начало правления) 274 г. до н.э.

Третий собор (в Патне) 253 г. до н.э.

Прибытие на Цейлон араханга Махинды 243 г. до н.э.

Смерть Асоки 237 г. до н.э.

Написание Типитаки на Цейлоне 80 г. до н.э.

Завершение Цейлонских хроник (Дипавамса) 330 г. н.э.

Завершение Цейлонских хроник (Махавамса) 330 г. н.э.

Ачария Буддхагоса 430 г. н.э.

*Даты, отмеченные звёздочками, даны согласно исчислению европейских учёных; по сингальскому исчислению, ими около шестидесяти одного года позднее.

Бхиккху Ньянамоли
Библиография

Издано «Буддийским издательским обществом» (Buddhist Publication Society):

«Путь к очищению» (*Висуддхимагга*), Ачарии Буддхагосы. Перевод в 1956, редакция в 1991 г.

«Практика доброжелательности». Текст составлен на основе палийских источников. 1958 г.

«Три важнейших наставления Будды», 1960 г.

«Пути буддийской мысли. Очерки», 1963 г.

«Памятование о дыхании» (*āpāraṇasati*). Текст составлен на основе палийских источников.

«Блокнот мыслителя. Посмертные записки», 1972 г.

Издано «Обществом палийских текстов» (Pali Text Society):

«Небольшие чтения и иллюстрации». Перевод Кхуддакапатхи и классических комментариев, 1960 г.

«Руководство». Перевод Неттикараны, 1962 г.

«Открывая Питаку». Перевод Петакопадесы, 1964 г.

«Путь распознавания». Перевод Патисамбхидамагга, 1982 г.

«Разрушитель иллюзий». Перевод Саммохавинодани, 1987, 1991 гг.

Издано «Публикациями мудрости» (Wisdom Publications):

«Беседы Будды «средние по величине». Перевод Мадджхемы Никаи».